

ISSN 2958-499X

ТАЙНЫЕ ТРОПЫ

Журнал литературы и искусств русскоязычного мира

№ 4 (12)

Наум САГАЛОВСКИЙ

Евгений СЛИВКИН

Вадим ЯМПОЛЬСКИЙ

Виктор ФЕТ

Михаил СОН

Ира ПИНСКЕР

Эмили ДИКINSON

Ян ПРОБШТЕЙН

Майя БЕЛЕНЬКАЯ

Ольга САМАРИНА

Алексей ИЛЬИЧЁВ

Анатолий ШЕЙН

Юлия СЕИНА

Виктория НИКОЛАЕВА

Катерина ЛОБОВА

Нелли ШУЛЬМАН

Сергей ЮРЬЕНЕН

Илья БЕРКОВИЧ

Илья ЧЛАКИ

Нина КОСМАН

Виктор ЕСИПОВ

Михаил ЭПШТЕЙН

Алексей МАКУШИНСКИЙ

Евгений ГУТМАН

Ирина ГОРЕЛИК

Живописный, графический образ
номера определили работы

Саши ОКУНЯ

2025

ТАЙНЫЕ ТРОПЫ

Журнал литературы и искусств русскоязычного мира

Журнал ТТ (Тайные тропы)

ISSN 2958-499X

www.secrettropes.com

Учредитель и издатель

Барух-Александр Плохотенко

Главный редактор

Барух-Александр Плохотенко

Редакция

Борис Борухов

Контакты

secrettropes@gmail.com

Никакая часть данного издания не может
быть воспроизведена без разрешения
редакции

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов

Вниманию уважаемых авторов!

ТТ принимают к публикации только
прежде не издававшиеся произведения,
присланные, переданные самими авторами
непосредственно в редакцию.
Пожалуйста, обязательно используйте
букву русского алфавита «ё»

Редакция не рецензирует присланные
материалы и в переписку по их поводу
не вступает

© ТТ. Все права защищены

№ 4 (12)

Наум САГАЛОВСКИЙ

Евгений СЛИВКИН

Вадим ЯМПОЛЬСКИЙ

Виктор ФЕТ

Михаил СОН

Ира ПИНСКЕР

Эмили ДИКИНСОН

Ян ПРОБШТЕЙН

Майя БЕЛЕНЬКАЯ

Ольга САМАРИНА

Алексей ИЛЬИЧЁВ

Анатолий ШЕЙН

Юлия СЕИНА

Виктория НИКОЛАЕВА

Катерина ЛОБОВА

Нелли ШУЛЬМАН

Сергей ЮРЬЕНЕН

Илья БЕРКОВИЧ

Илья ЧЛАКИ

Нина КОСМАН

Виктор ЕСИПОВ

Михаил ЭПШТЕЙН

Алексей МАКУШИНСКИЙ

Евгений ГУТМАН

Ирина ГОРЕЛИК

Живописный, графический образ
номера определили работы
Саши ОКУНЯ

2025

Оглавление

с днём рождения, Поэт!	5
Наум САГАЛОВСКИЙ	6
Там где-то за радугой...	7
стихи	21
Евгений СЛИВКИН	22
Терра-неоткрыта	23
Вадим ЯМПОЛЬСКИЙ	30
Наши дети – от реки до моря	31
Виктор ФЕТ	38
На мёртвом языке. Стихи 2025 года	39
Михаил СОН	48
От Ленина до Кевина	49
Ира ПИНСКЕР	54
Я мечтаю о надежде	55
к 195-летию со дня рождения классика американской поэзии Эмили Дикинсон	61
Эмили ДИКИНСОН (Emily DICKINSON)	62
Ян ПРОБШТЕЙН	63
Ян ПРОБШТЕЙН. Есть ли в стихах Жизнь?	64
Эмили ДИКИНСОН. От Пробела к Пробелу. Перевод: Ян Пробштейн	73
конкурсы	83
Довлатов – как червонец: всем нравится. Конкурсы эссе и рассказа, посвящённые Сергею Довлатову. Наум САГАЛОВСКИЙ	84
Конкурс эссе «Мой Довлатов». Шорт-лист. Победители	87
Конкурс короткого рассказа «Маленький человек в большом городе». Лонг-лист. Шорт-лист. Победители	87
Майя БЕЛЕНЬКАЯ	88
Писатель и фенобарбитал, или Парадоксы Сергея Довлатова	89
Ольга САМАРИНА	95
Письмо Сергею Довлатову	96
Алексей ИЛЬИЧЁВ	99
Это очень любопытный вопрос, но он не всем интересен. О повести С. Довлатова «Заповедник»	100
Анатолий ШЕЙН	102
Плата за вход	103
Юлия СЕИНА	109
Чикагский транзит	110
Виктория НИКОЛАЕВА	118
Поцелуи украдкой, или Как украсть судьбу	119

Катерина ЛОБОВА	127
Таракан	128
Нелли ШУЛЬМАН	134
Блаженные кролики Флорентина. <i>Трагикомедия в одном действии</i>	135
рассказы	147
Сергей ЮРЬЕНЕН (Serge IOURIENEN)	148
Верёвочка	149
Илья БЕРКОВИЧ	154
Новая звезда	155
Благословение	172
Жара ломается	181
пьесы	185
Илья ЧЛАКИ	186
Круги. <i>Лубочные потехи с балаганом в конце</i>	187
Нина КОСМАН (Nina KOSSMAN)	236
Как попасть в рай. <i>Одноактная пьеса</i>	237
рецензия	245
Виктор ЕСИПОВ	246
«И в детской резвости колеблет твой треножник»	247
новый жанр	263
Михаил ЭПШТЕЙН	264
Обратные цитаты	265
памяти Саши Окуня	269
Саша ОКУНЬ	270
Письма эпохи коронавируса. Алексей МАКУШИНСКИЙ	271
«И ощущение, что текст не Вами написан, а мной самим». <i>Переписка Саши Окуня и Алексея Макушинского</i>	276
Приглашение для всех. Евгений ГУТМАН	306
Саша ОКУНЬ	
Неностальгия	308
Вино места, или Сколько возьмёшь	312
Три поцелуя	315
Мазок светлой краски – из тени	320
Мнение. Ирина ГОРЕЛИК	323 ■

Mum

с днём рождения, Поэт!

90

Наум САГАЛОВСКИЙ

30.12.1935

Чикаго, США

Фото: из личного архива автора

Автопортрет

Я скромный колос, не колосс,
застенчив, как улыбка девичья,
понятней, чем квадрат Малевича,
неспешен и многоволос,
до боли прост, как табурет,
и не замечен во злодействе я.
Еврей замедленного действия –
вот мой прижизненный портрет.

От редактора

Автор стихов, переводов и очерков.

Киевлянин по рождению, инженер по образованию (в Новочеркасске полученному), поэт по восприятию жизни. Перемены наступили после 1979 года, в июне которого эмигрировал в США. Огляделся, устроился на работу и послал подборку стихов в «Новое русское слово». Юмористические стихи, выросшие на советской почве, оказались не нужны.

А вот еженедельник «Новый американец» не только их опубликовал, но Сагаловский стал его активным сотрудником, членом редколлегии.

Помимо «Нового американца» печатался в газетах «Панорама», «Новости», журналах «Семь дней», «22» и др.

Автор 14 книг стихов и переводов («Витязь в еврейской шкуре», 1982, «Песня певца за сценой», 1988, «Демарш энтузиастов», 1985), публикаций в нескольких антологиях русской поэзии, хрестоматии для российских школ «Шедевры русской поэзии. Вторая половина 20-го века».

В «Тайных тропах» опубликованы подборки «Позабытому счастью навстречу» (№ 1 (3), 2023) и «Всё будет хорошо» (№ 1 (5), 2024), а также статья «Творческие вериги», или Как мы с Довлатовым совместным творчеством занимались» (№ 3 (11), 2025).

Там где-то за радугой...

Наступит день...

Наступит день внезапной немоты –
я слягу с неожиданным инсультом,
и ты, душа, пожалуйста, засунь там
куда-нибудь надежды и мечты,
оставь себя для жалоб и хлопот,
а мне бы дотянуть до девяноста,
но жизнь – бандитка, шлюха, *cosa nostra* –
уже такого шанса не даёт,
уходит прочь, гонимая кнутом,
отрады нет, и сна, и вдохновенья,
вот и пишу загадочную хрень я.
Задумаюсь... и вспомню... а потом –

(...я это слово не произносил
столь часто, как тебе б того хотелось,
лишь потому, что я всю жизнь и так
тебя любил, и ты меня любила,
и мне казались лишними слова.
Бывали дни сомнений и обид,
но никогда – ни в мыслях, ни в поступках –
я сказанному шесть десятков лет
тому назад, не изменил ни разу,
кому теперь то слово повторить,
и с кем ещё друг друга согреть
холодными январскими ночами?..)

– услышится биенье двух сердец,
мелькнёт из пряди выбившийся локон...
Наступит день – не так уж и далёк он,
когда мы будем вместе наконец,
и где-то в круговерти колдовской,
хранимые незримым амулетом,

расстанемся с волшебным бабьим летом,
с осенней неизбывною тоской
и улетим, как птицы, налегке
в заоблачную синь, в края иные,
как в юности – влюблённые, хмельные,
вдвоём, душа к душе, рука к руке...

Деревья спят...

Деревья спят, колышет ночь листву, пора рассветная близка... Нельзя привыкнуть к одиночеству, в нём безнадёжность и тоска. Трава в росе, как будто в бисере, и не сулит сырая мгла ну хоть немножко, хоть *абиселе*¹ душевной ласки и тепла. Друзья – их мало, и на кой им вся любовь, тоска и прочий хлам? Как говорится – успокоимся и разойдёмся по домам. Во мне отчаянье, но я его, как жеребца, держу в узде. Дом пуст, ушли его хозяева, ты – в небесах, а я – нигде, ищу, грущу, глотаю слёзы я, они чем дальше, тем щедрей, все карты есть, но нету козыря, а что за жизнь без козырей? Во тьму заглядывать не надо бы, живу, как будто взаперти, одни тревоги, словно надолбы, стоят, и лень их обойти...

Я живу не один

Я живу не один. Тут со мною четыре стены, старомодный диван, две подушки на этом диване. «Приходи, – говорят, – хватит мокнуть в намыленной ванне, полежал бы на нас, мы тебе для забвенья даны». И часы простучат, будто гонит их битва в пути, да и ванна сама предлагает немедля раздеться, окунуться в неё, так что мыслям уж некуда деться, лишь собраться в клубок и на время тихонько уйти. Безо всяких причин, не спеша, зажурчит унитаз, он затихнет на миг и обрушится вдруг водопадом, будто хочет сказать – не печалься, мол, я уже рядом, только крышку открой, и явлюсь я тебе напоказ. Чайник вдруг засвистит, на кипенье известный мастак, а портрет на стене хоть молчит, но глядит исподлобья, обращаясь ко мне с непонятною просьбою, чтоб я перевесил его чуть левее и выше, вот так. Я живу не один. Убедись, не стыдись, поглазей, стар и немощен стал, и живот мой немного округл, и всезнающий плут, глубокоуважаемый Гугл развлекает меня голосами ушедших друзей. Ну, а та, что ушла и на сердце оставила шрам, что по жизни моей пронеслась незакатной планетой, долго будет со мной – то слезою, то песней пропетой, словно солнечный луч, возвещающий день по утрам. Только – чу! – заскрипел повидавший подошвы паркет, ни с того ни с сего разразился тирадой компьютер, пусть он вовсе не нов, он мне правнук, и фатер, и мутер, чтоб развеять тоску, у меня ничего уже нет. Сколько будет ещё умножающих скорби годин, неизвестно, когда и какие нас ждут эпилоги, будут книги, стихи, а ещё и счета, и налоги... Не печалься, Г-сподь, погляди – я живу не один.

¹ Немножко, немного, чуть-чуть (*идиши*).

Ты видишь...

Ты видишь – я пла́чу, спроси – почему?
 Отвечу – неведомо мне самому,
 такая у жизни страница.
 Я пла́чу, когда ударяют в набат,
 и скрипки рыдают, и трубы трубят,
 и музыка в сердце струится,
 я пла́чу по рано ушедшей жене,
 по звёздам, которые светят не мне,
 не знаю небесных орбит их,
 над песней, над книгой, над горькой судьбой
 застенчивых мальчиков, рвущихся в бой,
 и девочек, злобой убитых.
 Как тяжело живётся на этой земле,
 как тяжело копать в словесной золе,
 стихов извлекая останки,
 в живые цветы обращать семена,
 а рядом безумная длится война
 и в душу врываются танки,
 но хочется, хочется, хоть иногда,
 чтоб нам принесло, как в былые года,
 стремительной жизни торнадо
 надежду на радость, надежду на смех,
 на голос любви, умиряющий всех,
 а большего нам и не надо.

В старости...

В старости всё происходит без толку,
 валится каждая мелочь из рук –
 плохо вдевается нитка в иголку,
 медленно греется старый уют,
 кончился чай, пригорело жаркое,
 ноги не ходят (а им-то – куда?..),
 вот бы однажды случилось такое,
 чтобы вернуть молодые года,
 нет, не вернёшь, разве только во сне лишь,
 старость не радость (учти, молодёжь!),
 не попадаешь туда, куда целишь,
 не получаешь того, чего ждёшь,
 думаю, сколько той жизни осталось,
 волю Г-сподню нельзя обойти,
 дай же мне, Г-споди, самую малость,
 то есть хотя бы до ста двадцати...

Скажи мне...

Але

Скажи мне
тихие слова –
любовь,
надежда,
расставанье,
меж нами
звёзд очарованье,
меж нами
неба синева.

Я тут,
на нижнем этаже,
тоской
страдающий
мужчина,
как сон,
промчалась годовщина
с тех пор,
как нет тебя уже.

Ты вспоминай меня,
когда
услышишь вдруг
мою молитву,
а я невольно
слёзы вытру,
за них
не знающий
стыда.

Вот год прошёл,
и век пройдёт,
исполнен грусти
и забвенья...
Дай Б-г тебе
отдохновенья
от жизни
и её забот.

Не станем городить...

Не станем
городить
парад-алле
судьбе,
что нас
разлукой увенчала.
Когда-нибудь
мы всё начнём
сначала
в грядущей нашей жизни
на земле,
воскресшие,
друг другу напоказ,
наверное,
мы будем незнакомы,
очнёмся
от извечной
смертной
комы
и встретимся,

как будто в первый раз,
небесный хор
на ангельский мотив
исполнит
незатейливую
фугу,
и две души
доверятся друг другу,
сомнения
любовью укротив,
и вместе,
как в ушедшие года,
мы будем
просыпаться
на рассвете...
Но я ещё пока
на этом свете,
хотя мечтать
не рано
никогда.

Песочные часы

Среди всемирной толчеи
Г-сподь, ворча в усы,
глядит с тоскою на мои
песочные часы.
Покóрен медленный песок
велению Творца,
мне отмеряя жизни срок
с рожденья до конца.
И дни мои – наперечёт,
с тревогой вижу я,
как вниз безудержно течёт
песочная струя,
и Смерть коварная близка,
боюсь её косы,
молю, Г-сподь, добавь песка
в песочные часы!..

Прносятся дни...

Прносятся дни чередою,
от них суета и тщета,
сменяется вторник средою,
оглянешься – жизнь прожита.
А что остаётся в итоге?
Осколки, обломки, рваньё.
(На старой военной дороге
растоптано детство моё.)
Забавился рифмой неброской,
усталую Музу доя.
(За тонкою белой берёзкой
покоится юность моя.)
Чего-то такого хотелось,
чтоб вычерпать душу до дна.
(Одно только слово, что зрелость, –
заботы, компоты, жена.)
И вызовет горькую жалость
прозрение годы спустя.
(Приходит унылая старость
и тянется, тянется, тя...)
Не жизнь, а сплошное барокко,
годам и желаньям подстать.
О Г-споди, как одиноко
бесцельные дни коротать!

C'est la vie²

...А нам ли, умственным калекам,
треножить резвого коня?..
Уже петух прокукарекал
и возвестил начало дня,
уже пастух погнал отару
на елисейские поля,
и Софья Батьковна Ротару
пропела утреннее «ля»,
проснулась статуя Свободы,
луна ушла под хвост коту,
и самолёт Москва – Минводы
взлетел с Кобзоном на борту,
на государственной границе
идёт военная игра,
а во французском Биаррице
*cherchez la femme*³ и *foie gras*⁴,
желудок полон, нет маразма,
на теле чистое бельё...
Как эта жизнь многообразна,
зачем уходят из неё?

Узнать бы друг друга...

Узнать бы друг друга,
когда мы увидимся снова,
покуда разлука
родные не стёрла черты,
припасть бы губами
к губам,
не роняя ни слова,
и молча вдыхать
это счастье
с названием “ты”.
За долгие годы
не смог,
простодушный,
постичь я,
как жаль расставаться,
хотя б и в положенный час,
мы души с тобой,

а душа не имеет обличья,
ни губ,
ни улыбок,
одна только память – о нас.
И что вспоминать?
Нам такое от жизни
досталось,
от страшной войны
до побега в чужие края,
а дети,
любовь,
наша молодость,
зрелость
и старость –
ушедшая жизнь,
безраздельна,
твоя и моя.

² Такова жизнь (фр.).

³ Ищите женщину (фр.).

⁴ Фуа-гра (фр., букв.: жирная печень) – деликатесное блюдо.

Прожить бы ещё
эту жизнь,
от кончины до свадьбы,
на радость и горе
былую поставив печать,
и снова,

как в давние годы,
друг друга узнать бы,
и за руки взяться,
и вместе –
с начала начать...

Беспилотник

Нет, я не ангел
и не бес,
не кочегар я
и не плотник,
я – прилетающий
с небес,
несущий гибель
беспилотник.
Меня придумал
инженер,
меня на цель
наводит воин.
Что ж,
*a la guerre comme a la guerre*⁵,
и я быть бомбой
удостоен.
А подо мной леса,
луга,
дома,
мосты,
сады,
предмесья...
Кто я –
проклятие врага
или оружие возмездья?

Лечу,
куда меня ведут,
в свою утробу
смерть упрятав,
на Хайфу
или на Бейрут,
на Киев
или на Саратов.
Я сам себе
железный гроб,
взорвусь,
и что поделать с этим?
А мне бы жить,
творить добро б,
гудеть и петь
на радость детям,
но зло,
добру наперевес,
твердит, что я –
слепой охотник,
всё поражающий
с небес,
несущий гибель
беспилотник...

Блаженная осень...

Блаженная осень
стоит на пороге моём,
прохладой веет,
покоем,
и воздух прозрачен,
и надо, наверное,
быть абсолютно незрячим,
не видя,
как, солнцем подсвечен,

горит окоём.
В такие минуты
нисходит на сердце печаль,
вяжу слова
в бесконечную тонкую цепь я
для той, что ушла
и не видит всего благолепия,
а сам проверяю,
подушка её горяча ль...

⁵ «На войне как на войне» (фр.) – крылатое выражение.

Космонавт

Тоска берёт. Я Б-гом позабыт.
 Один, как перст, но не моя вина в том.
 Кажусь себе усталым космонавтом
 на самой неприметной из орбит,
 а дом, где я живу, должно быть, он –
 космический корабль на шесть отсеков,
 он – звездолёт, на множество парсеков
 от счастья бесконечно отдалён.
 Вращаюсь во Вселенной колесом,
 гонимый то ли скукой, то ли стрессом,
 я никаким не обладаю весом
 и потому, наверно, невесом.
 И вот сижу в отсеке «пищеблок»,
 который за глаза зовётся кухней
 тут есть духовка, но огонь потух в ней,
 я из духовки курочку извлёк,
 последнюю. И есть большой резон,
 который мудрым кажется вблизи нам,
 чтоб выйти на стыковку с магазином
 пополнить продуктовый рацион.
 Люблю творог, яичницу, лапшу,
 хотя в гурманы даже и не целю,
 готовлю сам и чётко, раз в неделю
 в открытый космос мусор выношу.
 Имеется на случай валидол,
 и есть, как говорится, пети-мети,
 и каждый день на связь выходят дети
 узнать, что я с орбиты не сошёл.
 Мне это всё никак не по плечу,
 каким-таким отдать себя пенатам?
 Гляжу в окно, сиречь – иллюминатор,
 не знаю сам, куда я долечу.
 Ещё виток, потом ещё виток,
 и всё, конец. Пока не вижу, что там,
 а это Управляющий Полётом
 ведёт меня в надзвёздный городок...

Унылая пора...

Листья бегут по склонам,
 ветру себя даря,
 жёлтое на зелёном –
 признаки октября,
 дождик внезапный, хлипкий,

медленный ход минут,
 звуки осенней скрипки
 в сердце печаль вдохнут,
 мыслей туманных ворох,
 глупости бытия,
 на пожилых рессорах
 катится жизнь моя,
 радость уходит, куца,
 чем её привлеку?
 Тут бы и окунуться
 в пушкинскую строку...

Элегия № 3

Плетусь, как потерянный катет
 за гипотенузой вослед,
 вдруг что-то такое накатит,
 чему и названия нет,
 безрадостно станет и горько,
 земная сломается ось,
 отчаянье, словно иголка,
 пронзит моё сердце насквозь,
 но тут я услышу звучанье
 каких-то неведомых нот,
 как будто судьба невзначай мне
 бесценную весть подаёт,
 мелодия робко струится,
 всё ближе она и нежней,
 и старая рвётся страница
 из жизни бесцельной моей,
 затишье нисходит, как милость,
 и я не совсем одинок,
 а сердце слезою умылось,
 и тихо, и в горле комок...

Признаемся: мы все...

Признаемся: мы все обречены
 на музыку – «Битлов» ли, Дебюсси ли,
 чтоб мы свой жар сердечный не гасили,
 чтоб наши мысли не были черны,
 обречены на дружбу с юных лет,
 пускай она бы надолго продлилась,
 не заржавела и не запылелась,
 оставила в душе незримый след,
 на вечную любовь обречены,

назло чертям, несчастиям и войнам,
опалены огнём её – на кой нам
высокие награды и чины,
обречены на долгие года,
которые чем дольше, тем дороже,
на жизнь обречены, и дай нам, Б-же,
уйти без сожаленья и стыда.

Зимнее

Всё напрасно уже,
и какие слова ни долдонь,
а зима на дворе,
и опять я молю тебя втайне:
дорогая моя,
урони мне снежинку в ладонь,
пусть растает она,
только знак незаметный подай мне,
мир мой полон тобой,
это мысли бегут, торопясь,
это память живёт,
день за днём без конца расплетая,
никуда не уйдёт
наших душ неразрывная связь,
наша юность, увы,
не сказать, что пора золотая,
мы промчались с тобой
на рысях, закусив удила,
сквозь дожди и снега,
и любовь нам была как подпруга,
а разлука навек –
это всё, что нам старость дала,
только кажется мне,
что ещё мы увидим друг друга,
в голубых небесах,
на высокой туманной волне,
мы сойдёмся с тобой,
хоть в созвездии Льва или Овна,
потому что зима,
потому что безрадостно мне,
и снежинка летит
на ладонь, холодна и безмолвна...

Куда идти?..

«Куда идти? Одной лишь Музе
в сердцах повем печаль свою –
штаны не сходятся на пузе,
и дела нет, а устаю,
порой бывает одиноко,
мелькнёт стишок – и был таков,
приют унылый видит око,
хотя б и с помощью очков,
друзей не густо на Фейсбуке,
счета уже проели плешь,
еда! – как много в этом звуке! –
что приготовил, то и съешь.
Кто в этой участи повинны?..»
Так размышляет имярек,
лишаясь лучшей половины
и доживая долгий век.

Primavera triste⁶

Зимою сыт, весну зову.
Засох камыш, деревья лысы,
но пробиваются нарциссы
сквозь прошлогоднюю траву,
и сны, и мысли – всё вразброд,
но воздух свежестью пропитан,
но ход времён, как ни крути там,
в который раз своё берёт.
Ушедшей молодости жаль –
вела, звала, водила за нос,
к суровым истинам гнала нас,
спрошу я, не её возжа ль?
Увы, всему приходит срок,
шагаю молча напрямую,
веселье с горестью рифмую,
стихи читаю между строк,
слова не те, душа гола,
а мир с его шумихой гулкой
волшебной кажется шкатулкой –
открыл, закрыл, и жизнь прошла...

⁶ Весенняя грусть (исп.).

Там где-то за радугой...

Там где-то за радугой прячется сон,
он весь в ожиданье, печален и робок,
когда он со звёздами станет бок о бок,
по лунной тропе в небеса вознесён,
и день прояснится, и дождик уйдёт,
на крышах исполнив немую токкату,
а там уж покатится дело к закату,
и станет мрачнеть голубой небосвод,
и ночь в неперенные вступит права,
и девочка чья-то, набегавшись за день,
не чувствуя вовсе царапин и ссадин,
уснёт, лишь подушки коснувшись едва,
и мама уснёт, не пытаясь объять
семейных забот, что окажутся мелки,
в часах незаметно продвинутся стрелки
и ночи покажут без четверти пять,
тогда заторопится сон, а потом
на облаке сизом, он будет один там,
пройдёт по небесным глухим лабиринтам
и к девочке спящей опустится в дом,
приляжет к подушке её, на кровать,
спокойно и нежно, как снам и пристало,
поправит скользнувшее вниз одеяло
и девочке станет себя навевать,
и тут ей привидится, как вдалеке
волнуется море цветущей сирени,
лохматая птица в смешном оперенье
щебечет на странном своём языке,
а дальше – волшебное поле чудес,
там три поросёнка, лисица-сестрица,
и ёжик в зелёной траве копошится,
и тихая музыка льётся с небес,
проходит часов и минут череда,
и в полночь к дворцу подлетает карета,
и девочка, в бальное платье одета,
как юная Золушка, входит туда,
но тут обрывается тайная нить,
которая сказку в реальность вплетает,
рассвет уже близится, сон улетает,
не будем его понапрасну винить,
взбирается ввысь – в облака, к небесам,
к обители грёз и пристанищу чуда,
на девочку спящую смотрит оттуда,

на ту, что заранее выбрал он сам,
а девочка даже не вспомнит о нём,
проснётся, весёлая и озорная,
и станет играть в свои игры, не зная,
какая из них называется сном.

Уж так ведётся...

Уж так ведётся исстари,
но при удобном случае
не будем пессимистами,
а будем верить в лучшее.
На что душа надеется,
то непременно сбудется,
холодное – нагреется,
горячее – остудится,
весна нежданно явится
желанною голубою,
как юная красавица
с улыбкой белозубою,
поманит вдаль приветливо
для долгого свиданья,
а там и солнца летнего
уже, дай Б-г, достанется.
Покончено с печалью,
вся жизнь уж не потеха ли?
Руби канат! Отчалили,
и – полный ход! Поехали!..

2025 ■

Mum

Евгений СЛИВКИН

📍 Блэксбург, США

Фото: Александр Слободской

Поэт и исследователь русской литературы XIX и XX вв.

Автор семи поэтических книг и многих публикаций в журналах «Новый мир», «Звезда», «Арион», «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Эмигрантская лира» и т. д.

Окончил институт машиностроения в Ленинграде и Литературный институт в Москве. Работал в редакции художественного вещания Ленинградского ТВ (программы «Монитор», «Пятое колесо»), в газете «Петербургский глашатай». В 1993 году переехал в США, защитил докторскую диссертацию по русской литературе (Ph.D.) в Иллинойском университете. До выхода в отставку преподавал на кафедре современных и классических языков и литератур Вирджинского политехнического института.

Терра-неоткрыта

Рембо в Америке

Ты, как про́клятый, в феске измятой,
в Новом Свете ни с кем не знаком,
варишь истово мокко и латте,
капучино с верблюжьим плевком.

Допоздна твой открыт кофе-хауз:
между стульями взад и вперёд
ковыляет обутленный страус
и прогорклые зёрна клюёт.

Ты привёз сюда в трюме свой Аден
и тебя не выдавший Кабул.
Выходи из сезонного ада,
я хочу, чтобы ты отдохнул!

Я хочу, чтоб прибой океана
у заснеженных чайками скал,
как Великий Дракон Ку-клукс-клана,
до бедра тебе ногу лизал.

♦ ♦ ♦

Елене Эфрос

По связанным девкам соскучился пруд,
и жадно пылает костёр.
Но дело не в том, что несправеден суд
и что предрешён приговор.

А в том, что так было всегда и везде
и будет иначе навряд:
железные леди не тонут в воде,
а ведьмы в огне не горят.

Древнегреческое

Одновременно к всеблагим
ушли Бавкида с Филемоном –
так обещали боги им,
тем долгожителям влюблённым.

Взглянув на близкий небосклон,
и тяжело вздохнув от вида,
дал дуба добрый Филемон –
и обросла корой Бавкида.

Быть может, боги их сперва
хотели взять в чертог Олимпа,
но превратили в деревья.
И то неплохо: дуб и липа!

На кромке леса у реки,
что по камням бежит проворно,
растут посмертно старики
из одного того же корня.

Под ними в выходные дни
едят и пьют хои поллои¹,
но чаще Дафнис в их тени
салазки погибает Хлое.

Старинная карта

Мир на старинной карте, как хламидо-
монада, разрастается спонтанно,
на мачтах долгополые хламиды
потряхивает тихо трамонтана².
Америка и Азия, как сёстры,
задуманы и сделаны в Сиаме;
среди зелёных волн всплывают сами
собой доисторические монстры.
И, свойство непрерывного магнита
бессрочно позаимствовав у Б-га,
притягивает *терра-неоткрыта*
в скитаньях закалённые копыта
забредшего сюда единорога.

¹ Хои полои (др.-гр., букв.: многие) – простонародье, простой люд, массы.

² Трамонтана – холодный северный, северо-восточный ветер на юге Европы от Испании до Хорватии.

Заворожённый в нём сокрытой далью,
 пропахший дёгтем, ворванью и кожей
 мир, на обыкновенный не похожий,
 внушает нам доверие – деталью.
 То мысом, одобряющим надежду,
 то перешейком, с двух сторон щербатым,
 то смелым островком, заплывшим между
 громоздким галеоном и фрегатом.
 И если он непознан и неведом,
 и выглядит невоплощённым бредом,
 тем лучше – не полны его кошмары;
 и Весовщик, за Меченосцем следом,
 сойдёт в него измерить лёгкость кары.

Американец

Вовремя усыновлённый
 этот мальчик из Иван-
 города, перенесённый,
 словно Нильс, за океан.

Инфантильный и белесый
 соотечественник мой,
 он по-русски ни бельмеса,
 ни бум-бум, ни в зуб ногой.

Как-то стал он к сердцу ближе,
 чем студенту надлежит –
 безнадёжен, а поди же,
 учит-мучит падежи!

Благодарен мне за помощь,
 благосклонность и приязнь.
 «Что-нибудь из прошлой помнишь
 жизни?» Отвечает: «Грязь».

День космонавтики

Скафандр растёгнут, вынут из трусов
 известный орган... Не расскажешь в классе!
 Гагарин орошает колесо
 автобуса... «У нас ещё в запасе...»

Несправедливо, что в конце концов
 всё обернулось будущим нелучшим,
 но равнодушной Вечности в лицо
 советский космос надышал горючим!..

Закрты окна. В классе ни души.
Но вот приходят. Педагог бездарен.
Он спрашивает в неродной глуши
(зачем, не знает): «Кто такой Гагарин?»

Весь класс молчит, как будто виноват,
потом один навскидку – для почина –
на ломаном: «First³ женский космонавт?»
«Да нет, ребята, всё-таки мужчина!»

А. Твердохлебу

Вот к берегу Чёрного моря
выходит страна Украина
и видит на гальке дельфина
седого от страха и горя.

Как будто Лернейская Гидра,
живое мертвящая разом,
линейного крейсера гидро-
локатор стубил ему разум.

Мы выживем, горе отринув,
под шелест реляций победных.
Но будет война до последних
не чьих-то солдат – а дельфинов.

И через просветы в заборе,
собачьим привлечены лаем,
мы станем на Чёрное море
смотреть и его не узнаем.

А помнишь, нам образ дельфина
раскрыла сполна Тахо-Годи?⁴
И в степи страна Украина
от берега моря отходит.

³ First (англ.) – первый.

⁴ Тахо-Годи, Аза Алибековна (1922–2025) – советский и российский филолог, переводчик; завкафедрой классической филологии МГУ (1962–1996), в 1980-х читала курс античной литературы в Литинституте; вдова философа А. Ф. Лосева, хранительница его наследия.

Газировка – не пепси, сэндвич – не бутерброд!
 Тарапунька и Штепсель⁵ веселили народ.
 Как народу и надо было в те времена.
 Шли они на эстраду – отработать сполна.
 Сорок лет за плечами без разлад и обид.
 Каланча-полтавчанин, маленький одессит.
 В залах меж хохотушек ржали хохотуны.
 Сочный киевский суржик – лингва франка страны!
 Это было да сплыло. И неужто не жаль?
 Тарапунька в могилу, Штепсель – к дочке в Израиль.
 За Десною полесье, за Днепром ковыли.
 Тарапунька и Штепсель. «Здоровенькі були!»

Сельской ночью

– Куда хотим, туда и прём,
 пока вокруг толпится мрак! –
 Мчит на вампире вурдалак
 и погоняет упырём.

Безлюдье улиц и дворов
 об эту пору им не вновь.
 Не сыщут нас – из комаров
 по капле выпьют нашу кровь!

Прёт нечисть с-под могильных плит,
 и на неё управы нет.
 Петух от ужаса кричит,
 а мы-то думаем, рассвет.

Среди всеобщего потопа –
 как ни цеплялась за бока –
 сползает хилая Европа
 с хребта техасского быка.

⁵ Тарапунька и Штепсель – сценические псевдонимы популярных советских украинских комиков Юрия Тимошенко и Ефима Березина.

А бык в усилье стопудовом
с волною смешивает пот –
гребёт, захлёбываясь рёвом,
и не пойми куда плывёт.

Вздымает, головой мотая,
в ноздрях продетое кольцо,
отлитое перед концом
Четвёртой мировой в Китае.

Господи Боже, которого нет, неужели
так мы и будем брести в этом тёмном тоннеле
жизнь напролёт, пока в нём не забрезжит рассвет –
стартовой вспышкой дождавшихся часа ракет!

И опять, в третий раз, ни хрена.
И опять – умирать или драпать.
А какая могла быть страна...
Ах, какая могла быть!

Все-то муки совести и творчества
мы с тобой, душа, переживём!
Нищеты боюсь и одиночества.
Смерть одна. Они – всегда вдвоём.

По мотивам предсмертных стихотворений старых японцев

1

Решив, что мало в этом проку,
врач отворять не стал мне жил
и мной написанное хокку
перед уходом похвалил.

2

Я поедаем поездом
артритом ревматоидным,
но скоро по всем признакам
бескостным стану призраком.

3

В харчевне, оплатив мой счёт,
похорони без проволоочки
меня под краном винной бочки;
лишь убедись, что он течёт.

4

От смерти не спасёт строка,
всё ж из поэта-виртуоза
получится наверняка
перворазрядный сорт навоза.

5

Я три столетия прожил бы шутя,
но жизнь со мной обходится жестоко:
я покидаю этот мир до срока –
восьмидесятилетнее дитя!

◆ ◆ ◆

Не по окуркам папиросным
и литрам выпитого – нет же!
Когда считать по високосным
годам, то я ещё тинейджер.
Я необузданным и грубым
кажусь, да и в стихах – неряха...
Но мёртвых в каменные губы
стараюсь целовать без страха. ■

Вадим ЯМПОЛЬСКИЙ

📍 Иерусалим, Израиль

Фото: селфи=

Родился в Колпине, проигороде Ленинграда, (1983) в семье папы-металлурга и мамы-металловеда, что и стимулировало к получению юридического образования.

Посещал ЛИТО Петербурга, публиковался в журналах и писал книжки. В 2006-м переехал в Москву, но так и остался петербургским поэтом.

В 2022 году репатриировался в Израиль.

Наши дети – от реки до моря

Надсмотрщик у лифта
уснул, открывши рот,
я вышел из Египта
в подземный переход.

Шёл дождь, промокла куртка,
кругом стугилась мгла,
и грязная маршрутка
по городу плыла.

Я жил во время оно,
земное бремя нёс,
и ступни фараона
я не лизал, как пёс.

Не радовался казням
и пыткам тех, кто слаб,
но был я безобразный
и бессловесный раб.

Одни теперь убиты,
от прочих нет вестей;
мы строим пирамиды
из собственных костей.

Так душно, словно в крипте,
кругом царит беда,
как будто мы в Египте
остались навсегда...

Зловонные от пота
глядим по сторонам...
В каких краях свобода,
обещанная нам?

Без особенного повода
в одиночестве пройтись.
Все уехали из города,
кроме призраков и птиц.

Мысли крутятся, навязчивы,
и тревога бьёт в набат...
Всё вокруг ненастоящее:
город, небо, звездопад.

Счастья миг, по воле случая
выпав, тает вдалеке,
словно снега горсть колючая,
поднесённая к щеке.

Вновь войны дыхание смрадное
проникает в каждый дом.
Где ты, время невозвратное,
обречённое на слом?

Ангел смерти – дешёвый китайский дрон,
что бесшумно парит в кустах...
Хочет тёплой крови напиться он,
породить первобытный страх.

Едкий дым повсюду: горят поля,
танк подбитый осел вдали.
Это метки чёрного февраля
на бугристом лице земли.

Здесь война шагает, разя свинцом,
обезумевший Полифем.
Здесь лежат убитые вниз лицом,
не оплаканные никем.

На столе остался кружок от кофейной чашки,
заглянуло солнце в распахнутое окно.
Я ходил на работу по будням, писал бумажки,
только было это, как в сказке, давным-давно.

За окном журчит ручей непонятной речи,
и, поднявшись выше, солнце уже палит:
от всего ты откажешься, глупенький человечек,
и простишь любую из самых больших обид.

Нужно только уехать в далёкий и древний город,
где цветущие розы за окнами круглый год,
где, как старое зеркало, надвое ты расколот,
и к Стене одиноко из Яффских бредёшь ворот.

Закатай рукава и за счастье борись, а когда
не получится счастья, спокойно скажи: ерунда.
Не такие боролись, но горечь вкусили и страх.
Журавли улетели, синицы замёрзли в руках.

Продолжай упираться без всякой надежды на то,
что когда-нибудь радость просыплется сквозь решето
безразличных небес, и однажды созреют плоды
на безжизненных почвах разлуки, тоски и беды.

Но придёт утешение, словно подсказка, намёк
на иные миры. В тишине – телефонный звонок
от далёкого друга, в заботах погрязшего днём,
в ту минуту, когда ты внезапно подумал о нём.

Или встреча случайная, несколько брошенных фраз,
будто кто-то незримый и правда подумал о нас.
Так на пыльном холсте, что висит с незапамятных пор
на невзрачной стене, замечаешь изящный узор.

Никаких козырей у тебя, Одиссей:
там Харибда и Сцилла,
здесь сирены охочи до плоти твоей.
Побеждает лишь грубая сила.
Не увидишь Итаки цветущих полей,
не обнимешь подросткового сына.

Уважаем мы твой изворотливый ум,
уважаем походные шрамы.
Но зачем ты в обносках? Купил бы костюм.
Пахнешь так, будто вылез из ямы.
На пирах сторонишься нас, зол и угрюм,
начитался, поди, Фукуямы.

Посейдон Полифема тебе не простит,
ты пропал, неужели неясно?
Олимпийцам противен твой пасмурный вид,
тот добьётся успеха, кто тихо сидит,
и, смирившись, кивает согласно.

Постепенно ковались
мы в горнилах изменчивых дней,
поработал Кавафис¹
над душой раскалённой моей.

Есть грехи и соблазны,
и предательства горький урок.
Лишь слова не напрасны,
если их сердцевину извлёк.

Этот путь одинокий –
не Стамбул, не Афины, не Рим,
но античные боги
за трудом наблюдают твоим.

Ты читаешь газеты,
кофе пьёшь в толчее городской,
и приходят сюжеты
ниоткуда, из пены морской.

Вот такая награда,
сотни смыслов вплести в полотно...
А бессмертья не надо,
раз любить на земле не дано.

С добром и злом у нас не очень,
всё перепуталось давно:
чердак, должно быть, обесточен,
и в головах темным-темно.

Мы свирепеем, как Герасим,
покуда барин зол и лих...
а если свет найдём – погасим
в самих себе, в себе самих.

¹ Кавафис, Константинос (1863–1933) – классик греческой поэзии.

Увещевать бредущих строем,
в бреду спаливших отчий дом?
...Наступит день, и мы завоем
в своём бессилии немом.

Я снова встретил дикобраза,
он бодро бегал по кустам.
Мне довелось пожить два раза
на этом свете, здесь и там.

Среди вранья и безобразий,
политиканов и вояк
спасает носик дикобразий,
во тьме мерцающий маяк.

Грызёт себе какой-то овощ,
а может, сочный корнеплод,
и в грозный час к тебе на помощь
тропой протоптанной дойдёт.

По всей земле зверушек милых
затем и разместил Г-сподь,
что мы давно уже не в силах
тоску земную побороть.

Он и печётся о тебе лишь
в своей холодной синеве...
А если ты в него не веришь,
то чьи иголки на траве?

Пройдёмся по Старому городу,
где обувь по плитам скользит,
где чешет бескрайнюю бороду
с задумчивым видом хасид.

Посмотрим на камни слепящие,
на стайки детей по пути,
на прошлое и настоящее.
А что там с грядущим, прости?

Ты музыку слышишь небесную?
В ближайший проулок свернём,
пройдёмся по этому лезвию
с запёкшейся кровью на нём.

Сияй же, коварное золото,
гони подступившую тьму!
Но то, что однажды расколото,
вовек не собрать никому.

День прозрачный и медлительный,
словно бабочка, порхал,
я эфир его живительный
безнаказанно вдыхал.

Пахли морем стулья влажные,
пиво пенилось в руках;
полотенца кто-то пляжные
позабыл на лежаках.

Вдалеке смеялись парочки,
дети брызгали водой.
Я сидел, как ноль без палочки,
в ресторации пустой.

Смерть нестрашная и праздная
совершала променад,
и вино тянула красное,
засмотревшись на закат.

Памяти Юлиана Фрумкина-Рыбакова

Слишком тихо стало, стало тошно,
где же громогласный голос твой?
Удивлённо жил, неосторожно,
дорожил Ижорой и Невой.

Как ребёнок, улетевший с горки,
защищал наивные стихи.
Неужели можно быть в восторге
столько лет от этой чепухи?

Ты метался тигром на манеже;
всё трудней давался каждый круг,
потому что сердце билось реже,
а потом остановилось вдруг.

Где ты бродишь с внешностью библейской,
в новой жизни помнишь ли о ком?
В Вифлееме? В Кане Галилейской?
На пустом проспекте Заводском?

Опалённые солнцем лежат лепестки,
 еле слышно жужжание пчёл.
 Не звони, я прошу, в колокольчик тоски,
 и не спрашивай жизнь ни о чём.

Если время течёт, обжигая гортань,
 и горчит, как настой травяной,
 не глядись в эту бездну уже, перестань,
 всё, что было, оставь за спиной.

Пусть родник, что пробился сквозь малую брешь,
 влился в бурный поток нечистот,
 пусть падёт неприступный последний рубеж
 и разграбят последний оплот.

И покажется: силы растрчены зря,
 мир безумный не стоил борьбы.
 Но сверкает свобода куском янтаря,
 драгоценный подарок судьбы.

Дождь не хлынет из набухшей тучи;
 под ногами – камни и песок.
 Ты со мной, великий и могучий,
 здесь мотаешь отведённый срок.

Мир меняет яркие обличья:
 то миндаль цветущий, то гранат...
 Помолчим про мощь и про величье,
 с нежностью посмотрим на солдат.

Юные смеющиеся лица,
 в каждом есть знакомые черты:
 я надеюсь, с ними не случится
 там, на службе, никакой беды.

Здесь уже и так с избытком горя...
 Вот прошли, поправив рюкзаки,
 наши дети – от реки до моря,
 и ещё – от моря до реки. ■

Виктор ФЕТ

Хантингтон, Западная
Виргиния, США

Фото: селфи

Зоолог, историк науки, переводчик, редактор научного журнала, составитель поэтических антологий, поэт.

Родился в Кривом Роге (1955), вырос в новосибирском Академгородке. Предки – из Одессы, Ровно, Умани, Елисаветграда (Кропивницкого), колонии Добрая. В детстве увлёкся зоологией, окончил Новосибирский университет, работал в заповедниках Туркмении (1976–1987). Специалист по скорпионам; автор научных статей и книг по зоологии, эволюции, истории науки; переводчик научных монографий; редактор научного журнала «Euscorpius».

С 1988-го живу в США, с 1995-го преподаю биологию в Университете Маршалла (Западная Виргиния).

Стихи публиковались в журналах «Мосты», «Литературный европеец», «Слово/Word», «Времена» и др. Опубликовал 16 книг стихов и прозы, в том числе: «Известное немногим» (2013), «По эту сторону» (2016), «Алиса и машина времени» (2016), «Вскипает лава» (2022), «Над бездной» (2022), «Ткань памяти» (2022), «Свет слов» (2023), «В поисках Снарка» (2023), «Контурная карта» (2024), «Предел памяти» (2025), «Открытые слова» (2025). Автор статей о творчестве Льюиса Кэрролла, Владимира Набокова, Евгения Шварца. Первым перевёл на русский язык поэму Кэрролла «Охота на Снарка» (1975).

Составитель антологий «День русской зарубежной поэзии» (Франкфурт, 2019–2022) и «Год поэзии» (Киев, 2022–2025). Редактор-консультант издательства «Evertime» (Шотландия) по переводу Льюиса Кэрролла на новые языки.

На мёртвом языке

Стихи 2025 года

День театра

Дали́ был прав: исходная природа
утратила былую власть над миром;
часы расплавились прогорклым сыром
на плоскости сухого бутерброда,
забытого в буфете театральном;
сюрреализм стал полностью реальным.

И более того: уже актёры
гуляют по буфету, бросив сцену
и скучный текст, сдувают с кружек пену,
заполнившую наши разговоры,
и память, не запомнившая роли,
таскает из коробки профитроли.

Мне не знакомы эти имена
играющих капустник вне сезона,
под лозунгом «гори оно огнём»;
их мир-театр горит, и люди в нём
суть жертвы наркотического сна
и к сносу предназначенная зона.

Антракт ли это или часть игры?
Действительность ли или понарошку?
Давайте же присядем на дорожку,
поговорим за кофе или чаем;
Дали́ уже нарисовал миры,
а мы тут только контур заполняем.

Сдвиг сознания

Странная вещь происходит с памятью о былом:
стройные эстакады превращаются в металлолом,
там, где не зарастала тропа к вершине земной,
глядятся в грани кристалла обьевишиеся беленой,
не фокусируя взгляда и не читая книг;
сознание ежесекундно претерпевает сдвиг.

В границах трёх измерений, в пределах объёма тел,
на памяти трёх поколений, которых застать успел
вихрь, разметавший смыслы, числа и города,
мне уже трудно вспомнить, зачем я пришёл сюда,
с каким из своих заданий, охапку даров таща,
как дров сухих на растопку, укрытых полой плаща.

Огонь, принесённый некогда, почти уже не горит;
пламя не распространяется сквозь безвоздушность сна,
мысль моя замедляется; кажется, что она
не понимает в точности, что она говорит,
и почему сознание выскальзывает из рук:
кто надо мной проделывает этот опасный трюк?

Кто надо мной перерезал идущую сверху леску?
Сбил со стены, замазал известью эту фреску?
Кто до сих пор не понял бывшее неоднократно?
Я повторяю гамму движущихся веков;
падает интенсивность брезжущих огоньков;
кажется, нашу наивность могут понять превратно.

Первый полёт

Во сне я плыл над утонувшим миром
сквозь чёрный космос, и мои следы
трассирующим огненным пунктиром
за мной стелились в памяти безводной,
где звёзды облетали, как листва;
в умершем языке, в тиши холодной
я отыскал пригодные слова
и крикнул вниз: «Энергия воды!»
Как Элоким¹, мы весть свою несли;
числительных потеря в переводе
не позволяет обеспечить точность
инструкции, но не снижает прочность
творимого на уровне земли;
употребив слова в нейтральном роде,
я на мгновение открыл лицо
и горное увидел озерцо.

¹ Элоким (извр.) – Б-г.

Оно сияло на моей ладони,
как утром широко открытый глаз
гигантского прозрачного сапфира,
который в оболочку дней вплетён
и сохраняется в полярной зоне;
но мы летели далее, и нас
не догоняли призраки времён
из прежнего, исчезнувшего мира.

Не знаю, кто творил нас и когда;
возможно, что сверхновая звезда
нам освещала путь – там, за спиною,
за крыльями, скользящими бесшумно
сквозь вакуум, – и грозно, и безумно
галактики всходили надо мною,
и гимн Творению я снова пел,
плетя свои венки из слов и дел.

Мой инструмент

Олегу Фёдорову

Мне говорят, что этот аргумент
недоказуем, спорен и не весок:
язык живёт, покуда этнос жив.
Но я гляжу на свет сквозь негатив,
где речь моя есть просто инструмент,
такой набор отвёрток и стамесок.

Он по наследству доставался мне,
когда впервые я в том детском сне
нащупал гайки контур шестигранный,
и эта цифровая кабала
мне Б-жий мир увидеть помогла,
ещё непознаваемый и странный.

И в детского конструктора пазы
вставлялся винтик; где-то под диваном
уже валялись части запасные;
и паруса вздымались над экраном,
и Сегель пел про шорохи лесные
на чёрном фоне сталинской грозы.²

² Яков Сегель (1923–1995), актёр, сыгравший роль Роберта Гранта в фильме «Дети капитана Гранта» (1936). В фильме Роберт поёт песню, в которой упоминаются «шорохи ночные».

Крутилось чёрно-белое кино,
мои чернила капали в тетрадку,
где мне учиться было суждено,
и ручку я сжимал, как рукоятку
своей стамески или молотка,
и речь была послушна и легка.

И Гоголь с Пушкиным, а позже Блок
сколачивали мысленную клетку,
и гвоздь по шляпку детский молоток
уже вбивал, как дань потомка предку,
и планки узнаваемой модели
мой разум поддерживали и одели.

Но тлел огонь под толщей торфяной
в системе, унаследованной мной,
и нефть судьбы на плоскость бытия
выплёскивалась адскими мазками,
и пламя завладело языками,
и лижет их нетвёрдые края.

Я жду паромщика на стынувшей реке,
и старый ящикек держу в руке,
в котором плоскогубцы или дрель
помогут мне монтировать слова,
пока не стает снег; пока апрель
не сменит март; покуда речь жива.

Она теперь моя, и только мной
ведома или вёдома; влекома
вдоль троп, ведущих от развалин дома
сквозь грязь дорожную, и лёд, и зной,
где я теперь сооружаю снова
свой зыбкий мир из хлипких планок слова.

Водораздел

Я взял свой слог у Маршака
в краю, где греческие боги
ещё водились, а река
сознания через пороги
действительности нас несла
по эту сторону стекла,
замёрзшего уже навеки.
Я погружался в эти реки;
гидрографическая сеть,

причудливо врезаясь в горы,
определяла водосборы,
где я пытался всё успеть.
Сквозь мутной речи кисею,
пробив слои природы косной,
я жизнь сопоставлял свою,
как на бумаге папиросной,
с ещё серебряной строкою,
над той же самую рекою.

Тот век ушёл; его основа
распалась на клочки волокон;
сгнил и разошёлся чудный кокон,
где червь хранился шелковичный,
и слог, столетиям привычный,

уже не созидает слова:
его ячейки опустели,
и дольше мига длится век
вдали от всех библиотек,
на стынушем водоразделе.

Изучение слов

Валерию Корнееву

Слова, возникая всегда и везде,
порою строкою удачной,
живут своей жизнью в особой среде
несбыточной, полупрозрачной.
Их смысл, навевающий холод,
в музейной витрине наколот
под мутным стеклом наподобье жука,
где ссохлась внутри неживая строка.

Но входит туда энтомолог
и слово снимает с иголок,
и, сидя за крытым клеёнкой столом,
его прижимает покровным стеклом,
и хрупко-упругую ткань распластав,
прищурясь, её изучает состав,
молекулы или металлы;
он видит сосудов изящный узор,
ещё повторяющий контуры гор
и жилок мельчайших фракталы.
И громы лесные, и мелочи звон
для будущих лет зафиксирует он.

Потомок, быть может, придёт в этот зал,
услышав случайно, что я рассказал,
в краю, где полёт межзвездный
считают прогулкой полезной.
Вот эти слова: их пакет разверни,
залитый в янтарные прошлые дни,
хранившийся сквозь миллионы
неведомых лет; рассыпай, изучай,
заваривай вечной водою, как чай,
закапывай в горные склоны,
пусть снова растут среди сонма миров;
прими подношение наших даров,
как горстку сухую целительных трав,
суть жизни, ушедшей из слова, поняв.

Дар речи

Мозг изолирован от камер, где душа
 слова, текущие с карандаша,
 на свет выводит из иных миров,
 укладывая их в обоймы строф;
 семь строчек я, как семь свечей, зажгу
 на той планете, где восьмой строки
 зелёный луч, легендам вопреки,
 нам видится на дальнем берегу.

Созвездия латуни и свинца
 повисли здесь под тёмным небосводом;
 дым низкий образует полог плотный,
 и только дождь, бесплодный и кислотный,
 сочится день за днём и год за годом.
 Мой Мёбиус, мы полный круг прошли,
 не ведая ни моря, ни земли,
 не узнавая в зеркале лица.

Свинцовый купол давит мне на плечи,
 трассирующих спутников следы
 не тают на поверхности воды,
 а книг бумажно-волоконных плоть
 развеяна самумом и хамсином,
 как в опере «Любовь к трём апельсинам»,
 где жажду я не в силах побороть,
 разрезав плод и утерев дар речи.

Там, наверху

Хозяин запылившихся тенёт,
 следя за мною восьмикратным глазом,
 как мы, считает, что имеет разум,
 который жив, покуда не уснёт.
 Мне эти буквы видимы, когда
 сплетаются над площадью вокзальной
 во тьме нетающие провода,
 и память паутинкою сигнальной
 унылый страж под дальним потолком
 удерживает тонким коготком.

Там, наверху, не знают, что слова
 мы здесь соединяем в кружева,
 пыль времени рассыпав тонким слоем
 над выжженной поверхностью земною,

меж пирамид, которые мы строим
 превыше уровня, что нам неведом,
 в краю, где гаснет метеорным следом
 дождь Персеид с сияющих высот,
 нас омывая звёздной волною
 и сам не понимая, что несёт.

Смысл наших слов для них непостижим,
 тех олимпийцев, что пожмут плечами
 и удалятся, звякая ключами
 и не участвуя в дальнейших сварах,
 и на автоматический режим
 нас переключат, бардов и ткачих,
 не думая о будущих кошмарах,
 уже не понимая, что без них,
 взлетая вверх над океанским краем,
 мы их самих, как мел с доски, стираем.

Упрусь рукой в упругий свод небес,
 где блекнут образы и звук исчез;
 там звук у смысла совершает кражу
 и память наступающих событий
 воспринимает как золотую пряжу,
 плетущуюся из последних нитей;
 там, музыку хватая на лету
 и первенства не переуступая,
 кто заглянуть посмеет в пустоту,
 где высится действительность скупая?

В пустоте

Под нависшим небосводом
 в непрописанном фрагменте;
 промелькнувшим эпизодом
 в чёрно-белой киноленте,
 где слепые кадры кратки;
 на картине, обращённой
 не ко мне; на грани сонной,
 где возник ландшафт предгорный,
 я кручу трубы подзорной
 кольца, плотные насадки
 на заброшенном холсте,
 в наступившей пустоте.

Там, где смесь из слов зависла
 в атмосфере потемневшей,
 памяти не поумневшей,
 речи, впрок не запасённой,
 я хочу добавить смысла,
 разглядеть, какой линейкой
 жизнь измерить на экране,
 там, где слово сеткой клейкой,
 лентой изоляционной
 ляжет пластырем на ране,
 стянет сохнущую кожу
 там, где я свой текст итожу.

В пустоте координаты
не видны, и на табло,
где не высвечены даты,
наше время натекло
ручейком скупым и липким,
затвердело скользким комом;

мир восходит текстом зыбким
над ландшафтом незнакомым,
тычет в нас слепую палкой
новой молнии и грома
над взошедшими у дома
гиацинтом и фиалкой.

Текст

Это, кажется, не ново:
рассмотреть за гранью слова
и особенностью звука,
как пинг-понга мячик смятый,
текст неизданный, не взятый
в наступающую стужу,
где не сдвинуть крышку люка
и не выбраться наружу.

Стоя здесь, на кромке скальной,
мир увидев виртуальный,
ставший издавна знакомым,
вечно бывший на слуху,
над поверхностью полярной
рифм просеяв шелуху,
текст смешай и веским комом
помести на круг гончарный.

Он струится мглой над лесом,
где, не обладая весом,
огибает сны и скалы,
подаёт свои сигналы,
испускает звук отраднй;
я всего лишь здесь сажусь
и в привычный лист тетрадный,
словно в зеркало, гляжусь.

Мудрость древняя не знала,
как увидеть долю сна
в ослеплённых языках;
в развалившихся комках
глины сохнувшей и липкой,
с каждой новой ошибкой
изменяя суть сигнала,
наша будущность видна.

Ящик стола

Я руку запускаю в стол,
где пыльный ящик опустел;
среди остатков бывших дел
я бритву ржавую нашёл,
чтоб очинить карандаши;
остатки оскудевших слов
я выскребаю из углов
остановившейся души.

они водой окружены,
как острова на океанах,
встречая вихрь солёной влаги
и резонанс своей волны.

Так вот где пряталась она:
в пакете от фотобумаги,
хранящем негативы сна
и мыслей скомканных и рваных;

Давно утерян тот листок,
где я сознания поток
пытался вывести на свет,
где мелкий почерк был прилежен;
обломки бритв и горсть монет
ещё лежат в моём столе
на неотысканной земле,
и сон по-прежнему безбрежен.

Эта речь

Эта речь обречена,
ненадёжна, ядовита,
опозорена, прошита
сталью скользкого стыда;
ей исчезнуть без следа
надо, как обрывкам сна.

Мне не раз ещё приснится
неизвестная страница,
набежавшая к утру,
как потёки на окне;
текст, едва знакомый мне,
я навряд ли разберу.

На планете полусонной
принесёт его приливом,
оставляя клочья пены,

из реальности придонной,
где исписаны курсивом
смысла призрачные стены.

Время буквы не излечит,
зла корней не извлечёт
в речи, где на каждый чёт
возникает новый нечет;
среди звука и пробела
им до смысла нету дела.

Что же! В мире правит ложь;
мы же это проходили;
память выскользнет из рук,
как засохший плод наук;
ройся в слое этой пыли,
может, истину найдёшь.

На мёртвом языке

Я всё ещё пишу на мёртвом языке
за неимением другого,
но карандаш ломается в строке,
и недочерченное слово
бумагу острыми краями рвёт,
немедленно врезаюсь в лёд,
намёрзший на моём окне,
что снится мне.

Что снится мне? Не будущее, нет;
я не могу узнать его сюжет,
его моменты не настали;
не прошлое тем более, чья тьма
проникла в мозг, свела с ума,
но настоящего случайные детали,
застрявшие на дне глазном
и оказавшиеся сном.

Сетчатка всё хранит: и эти
давно распавшиеся сети
тех луж сентябрьских, трещин льда,
запомнившиеся тогда;

так попадает камушек в стекло,
и карту образующихся рек
рисует отступивший век,
чьё знание прошло.

Куда же нам смотреть и чем
возможно залатать дыру,
во внешний мир пробитую?
Среди бушующих систем
свои осколки подберу;
кто знает, для чего и как
обозначает нужный знак
действительность забытую?

Их контуры сухи и ржавы,
и их прочтения неправы,
и миф, выросший, как атолл,
проверки жизнью не прошёл
и меркнет на исходе года,
где время жухнет, как трава;
приснившаяся мне свобода
не узнаёт мои слова. ■

Михаил СОН

📍 Одесса, Украина

Фото: Олег Сон

Родился в Одессе (1983). Доктор биологических наук, работаю в Институте морской биологии Национальной академии наук Украины.

Писать стихи начал с 2010-х. Преимущественно выступаю как сетевой автор. Стихи публиковались в журналах «Шо», «Радуга», «7 искусств», «5-я волна», «Новый Иерусалимский журнал», «Plume» и антологиях «Когда мы были шпионами», «Свидетели и понятые. Книга вторая», «Воздушная тревога», «После февраля. Стихи и проза украинских авторов».

От Ленина до Кевина

у хронолётчика по девушке в каждом мирке
в бухенвальде и на затонувшем материке
в гандибаде помпеях сибирской ссылке
он всё время путает как зовут их детей
и кому дарить шанель а кому шалфей
кому золото специи билет на бродвей
а кого и просто дубинкою по затылку

он недавно мутил с прапрабабкой и вот те раз
у него теперь гемофилия и фтириаз
и куда подевался тот молодой повеса
этот сноб различавший латвию и литву
и счищавший с туфель веточки и листву
застрелив дантеса

воротившись сдаёт документы и дневники
робопидор-уборщик читает ему стихи
про свою недотрогу
он идёт в кабак космопорта где вонь и слизь
и плешивый квадробер присматривается отгрызть
его левую ногу

он до завтра заперт намертво в этом дне
у него здесь нет никого по его вине
и за стойкой чужие лица
он сосёт в подворотне мангустиновый самогон
забредает в полузабытый дом
и садится под дверью бывшей
прости алиса

и кевин спейси трогал нас за жопу
 своей игрой
 но будто наяву
 и досмотрев сезон
 в слезах писали мы доносы
 о том что кевин растревожил в нас
 и как сорвал немую пелену
 забвения
 ты помнишь
 как мы гуляли в шушенском лесу
 и добрый ленин трогал нас за жопу
 я мог и полоснуть сказал ильич
 и мы застыли мёртвыми столбами
 и позабыли кто мы и откуда
 пока не увидали на экране
 как спейси повернулся к нам спиной
 и захотелось нам его потрогать
 на миг мы захлебнулись тишиной
 и в тишине мы услышали шёпот
 он говорил что главным из искусств
 для нас по-прежнему является кино
 так детских травм верша крутоворот
 от ленина до кевина крепчает
 единство времени и места
 и если в кейсе спейси мы находим
 свою утраченную идентичность
 то видим что была невелика потеря
 а впрочем кевин жив и будет жить
 ильич в гробу на месяц гулко быть
 а мы лелеять травмы и страданья

девчонка из припяти
 доска три соска
 полюбила сталкера
 здоровенного мужика

долго ли выследить
 сложно ли охмурить
 семя принять
 да голову откусить

крик ребёнка
отразится в пустых углах
зашевелится вновь
брошенных кукол прах

когда начнутся экскурсии
в город-музей
следы тургрупп
будут теряться у его дверей

он вырастет
красив как отец и силен как мать
он не станет плакать
когда придут его убивать

сорок градусов температура при которой горит душа
гай монтег плетётся по трассе еле дыша
ноги в крови от укусов железных собак
под мышкой греется недопитый коньяк

по инструкции чтобы сбить электронный след
он кидает в реку айфон планшет
ноутбук пятнадцать зарядок перед ним лесная страна
край изгоев которые помнят старые времена

джессика помнит шампанское игру пузырей
звон хрустальных бокалов лобстеров и трюфелей
упругость ковров блеск дорогих картин
запрещённый ныне флирт и восторг мужчин

виктор помнит вкус водки и огурца
разговоры на кухне печь в изразцах
записи на бобинах тайный дневник
чернильные пятна запах бумажных книг

билли горечь тёмного пива на языке
пену на бороде тяжесть бокала в руке
как ел гамбургер без позволения врача
как ходил с одной рогатиной на селфача

отдельно от всех живёт самогонщик том
он знает что такое похмельный синдром
тома не зовут товарищи на огонёк
ему приносит еду глухонемой паренёк
когда из трубы его хижины пойдёт белый дым
все поймут чёрное знание умерло вместе с ним

говорит панночка и ты брут
мой чертог решил посетить вдруг
ты вчера моё сердце разбил в лёд
а теперь решил что спасёт круг

для тебя авторы не блеснёт луч
не пытайся даже бежать прочь
ты ведь знал верно каких свеч
провести стоит со мной ночь

не откупишься бдением до зари
эта ночь повторяется сквозь века
и шумит гай и молчит брут
на ещё неведомых языках

и теперь когда отгремел пир
подними веки устреми взор
на себя словно со стороны
и по совести вынеси приговор

только сколько ни падай на свой меч
не забудешь того как твой друг
перестал биться и пал ниц
когда ты с кинжалом вошёл в круг

Сложности перевода

в китайском языке слово поэт записывается двумя иероглифами
первый в приблизительном переводе означает повелитель мира
а второй мартишка кидающая экскременты в небо

однако для иностранных поэтов используется иероглиф
смысл которого неуважителен
и даже оскорбителен
в частности в расовом сексуальном и социокультурном аспектах
и не может быть приведен в тексте
для публикации в социальной сети фейсбук

следует заметить
что на китайских международных поэтических фестивалях
никогда не прибегают к машинному переводу
западной поэзии

все стихотворения иностранных авторов
вне зависимости от их формы сюжета

стилистики и заложенных в них нарративов
 переводятся с помощью одного и того же иероглифа
 смысл которого неуважителен
 и даже оскорбителен
 в частности в расовом сексуальном и социокультурном аспектах
 и не может быть приведён в тексте
 для публикации в социальной сети фейсбук

при этом тексты разных поэтов
 оцениваются и сравниваются по комментарию переводчика
 который тот начинает готовить за несколько месяцев до фестиваля
 и рисует кисточками на специальной рисовой бумаге
 пока приглашённый автор читает своё произведение

красота стихотворения в глазах переводящего говорят они

это стихотворение было написано для онлайн-участия
 в районном международном поэтическом фестивале
 департамента культуры тунчжоу
 собравшем три миллиона авторов
 из стран европы латинской америки и района тунчжоу
 а также специальных гостей крупнейших поэтов других районов пекина
 фаньшань хуайжоу пингу яньцин
 и даже поэтов района хандянь несмотря на их занятость

юная переводчица работавшая с моим стихотворением
 писала комментарий неуверенными мазками коричневой туши
 в нём была вся хрупкость и неуверенность взрослеющей девушки
 маленькие радости от улыбки прохожего
 хорошей погоды пения китайского соловья
 печаль по рано ушедшему отцу
 и огромное счастье дебютировать
 на районном международном поэтическом фестивале
 департамента культуры тунчжоу

её слезы трогали меня других западных поэтов
 и даже специальных гостей из района хандянь
 неожиданно посетивших эту секцию фестиваля
 несмотря на их занятость

и в этот момент я понял
 что поэзия переводима ■

М

**Ира
ПИНСKER**

📍 Петах-Тиква, Израиль

Фото: селфи

Всё, что читателю нужно знать об авторе, – в его текстах.

Я мечтаю о недеянии

Руки дрожат, деревянные; зрачки – потерянные, на дне озёр. Я мечтаю о недеянии, ничегонеделании – и это всё. Чтоб с делами покончив дочиста, отмаяться и соскочить. Чтобы порцию одиночества, как причитается, дополучить. От звонков, даже тихих, вздрагиваю, словно вол от хлыста, а хочу, чтобы обволакивала страх и боль пустота. Чтобы в солнечное сплетение жар втекал, и при этом – ни дуновения, ни ветерка. Чтоб играть, как младенец пальцами, тишиной. Мне лишь только своё отсмеяться бы, и домой.

2008

Родиться в небольшом поместье
На юге Англии и жить
Всю жизнь в одном и том же месте,
В очаровательной глуши.
Сидеть подолгу у камина,
Ложиться засветло в кровать,
Вращаться в обществе кухни
И вышивать. И вышивать!
Страшиться скорости, колдобин,
Жары, мороза и мышей.
Иметь таких друзей, как Доббин,
Иметь таких сестёр, как Джейн.
Бежать опасных разговоров,
Стараться старшим угодить,
Не ведать, кто такой Киркоров,
И на работу не ходить.

2008

Вот слышишь голос:
 иди ко мне;
 и только мычишь устало:
 нельзя,
 ведь сколько ещё камней
 разбросано
 как попало.
 И будешь ползать, и собирать
 тех, кто с тобой,
 и прочих,
 и имена заносить в тетрадь
 или хотя бы прочерк.
 Прут арматуры,
 кусок кирпича,
 битые стёкла,
 щебёнка:
 здесь будет вход,
 здесь, пожалуй, очаг...
 Справимся потихоньку.
 Небо ночное горит огнём,
 а у порога крысы,
 но камень
 на камень
 и день за днём –
 разве не в этом смысл?
 Вот и последний.
 Можно идти,
 уши зажав руками,
 чтоб не услышать, как позади
 кто-то
 бросает
 камень.

2022

Наконец-то стало тепло, наконец-то можно дышать,
 Наконец-то включили свет, зачем на нём экономить,
 И можно идти по улице, просто так, не спеша,
 Просто идти и дышать, и ни о чём не помнить.
 Перебирать фасады, по двадцать шагов на каждый,
 На каждом косая тень, мы и вправду – страна контрастов;
 Столько света, а улицы узкие. А впрочем, неважно.
 Главное – смотреть, как всё уродливо и прекрасно.

Я люблю, когда крыши плоские, плоские, как шутка,
 Про которую никто не скажет, откуда такая берётся;
 Фасады ослеплены, темно только в промежутках,
 Шестиметровых вширь, а в высоту – как придётся.
 Каждый фасад – шесть, а то и восемь квартир.
 Так и у нас. Кстати, купить бы хлеба.
 Я закрываю глаза и вижу пунктир - - - - -
 Линию, которой улица встречает небо.
 С таким хорошо встречаться в самом начале весны:
 Холодности нет, всё просто и ненамужно.
 Правда, тут неувязочка по поводу голубизны.
 А впрочем, если встречаются, значит, это кому-то нужно.
 Время расплавлено, как часы на картине Дали;
 Ступки жёлтого с синим ярче, чем у Ван Гога;
 Тротуар и ботинки одинаково вымазаны в пыли;
 Привыкли друг к другу, не хотят расставаться надолго.
 Надо это впечатать в мозг, так, чтоб уже не стереть,
 Позабыть, как выглядит счастье, – дурная примета...

На солнечную сторону улицы нужно просто смотреть,
 Жмурясь от удовольствия и немного от света.

2008

Не видеть, когда стемнеет, упасть, ничего не взяв, успеть, пока не умею хотеть того, что нельзя. Я даже не попытаюсь глаза оторвать от букв; младенчество – тоже старость, молчание – тоже звук, в согласии – тоже ропот, и в пальцах дрожащих – бег. Эй, кто там спросил про опыт? Его тут полно на всех. Кому-то укол булавкой, кому-то удар в плечо; а хочешь – держи добавку, а мало – дадут ещё; и вот уже слово зреет, и обручем давит лоб: иди же, иди быстрее и падай, пока светло.

2009

Выстраиваемся в очередь, готовые к вызову:
 Говорят, каждому полагается штемпель.
 А мне, что хочешь, то и подписывай:
 Хочешь – увольнительную, а хочешь – дембель.
 Всю жизнь твердил: не впадай, мол, в крайности,
 А сам насупился и смотришь недобро.
 Ну скажи, зачем такие формальности,
 Разве всё, что вокруг, не твой автограф?
 Нечего кукситься и искать виноватых:

Ты же не знал, что уже на экзамене.
 Но, честно говоря, судя по результату,
 У тебя проблемы с чистописанием.
 Тебя не забыть, с таким-то табелем;
 Когда-нибудь, может, вспомнишь и ты меня.
 И, высунув язык, выведешь набело
 Четыре буквы собственного имени.

2008

Горстью сдуваемой пылицы
 В сонном безвременье растворяюсь.
 Что напридумывал, Чжуан-цзы¹,
 И для чего достаёшь часы,
 Кротко и солнечно улыбаясь?
 Рябь под ногами, а сверху гладь,
 Обе раскроены по лекалу.
 Кто-то цветок положил в тетрадь;
 Пчёлы хотели пыльцу собрать,
 Ветер подул, и меня не стало.

2008

Банджи

Разоблачиться до кальсон,
 Перевязать живот канатом
 И с изменившимся лицом
 Лететь стремительным домкратом,
 Чтоб в дивном воздухе морском
 Глазами, круглыми, как блюда,
 Увидеть девушку с веслом
 И с ней навеки разминуться.

2008

Жить стало трудно, право слово:
 Сегодня с самого утра
 В моём бюджете бестолковом
 Зияет чёрная дыра.
 Хоть вычитаю я хреново,
 Но умудрилась всё ж постичь:

¹ Чжуан-цзы (369 до н. э. – 286 до н. э.) – китайский философ.

Дыра возникла из сверхновой
 Неброской юбки в стиле китч.
 В ней впору съездить в Монте-Карло,
 И украшать собою бал,
 Чтоб мне у входа белый карлик
 Чужую шубу подавал,
 И чтоб вокруг меня брюнеты
 Толпились в очереди в рост,
 И чтоб соседняя комета
 Брезгливо поджимала хвост,
 Чтоб Вася или, скажем, Витя
 Меня провёл бы прямо в рай,
 И горизонт моих событий
 Переливался через край.
 Но вероятнее, не скрою,
 Что из-за юбки и сапог
 Мой астероид-истероид
 Устроит мне Большой Хлопок.

2007, 2025

♦ ♦ ♦

Серый паук на небе сплёл себе плащ на вырост.
 Вот он сидит, слюнявит тонкую злоую нить.
 Доктор сказал, что сумерки – это всего лишь вирус:
 Сами пройдут, мол, если побольше пить.

2008

♦ ♦ ♦

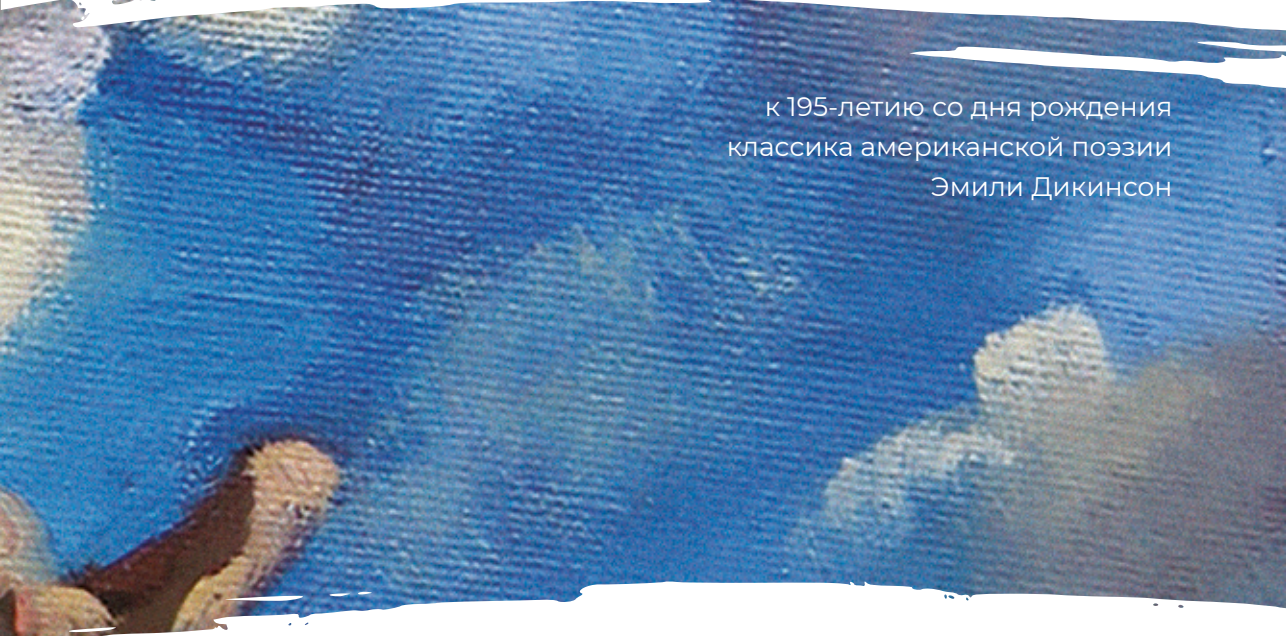
Мы маршируем послушным строем,
 Стены тараним и снова строим
 Город вокруг колодца;
 Ловко тасуем слова в девизы,
 Но умираем не за, а из-за
 (Повод всегда найдётся).

Тихо ржавеет в стоге иголка,
 Рушится дом, не дождавшись волка,
 Стоит легонько дунуть.
 Пусть принимают за совесть робость.
 Это неважно. Под нами пропасть,
 Лучше о ней не думать.

2009 ■

Mm

к 195-летию со дня рождения
классика американской поэзии
Эмили Дикинсон

Эмили ДИКИНСОН (Emily DICKINSON)

10.12.1830 – 15.05.1886

📍 Эмхерст (Amherst,
Массачусетс), США

Фото: сайт музея Эмили Дикинсон в Эмхерсте
(<https://www.emilydickinsonmuseum.org/>)

Американская поэтесса, новатор англоязычного стихосложения, масштаб творчества которой стал понятен только после её ухода.

Родилась и выросла в строгой пуританской семье в городке Эмхерсте. Мать после рождения младшей дочери Лавинии (Винни) много болела, так что детьми больше занимался отец. Дети – старший брат Остин, ставший впоследствии, как его дед и отец, адвокатом, Эмили и Винни – были очень дружны и духовно близки. Когда Остин уезжал учиться – в Гарварде и Йеле – Эмили писала ему по несколько писем в неделю. Очень много читавшая, одна из лучших учениц в Эмхерстской академии, Эмили стала одной из самых эрудированных девушек своего поколения.

Во второй половине своей жизни она ушла в себя, вела странный образ жизни, носила одежду только белого цвета и последние 18 лет не покидала пределов дома, став при жизни своего рода легендой, мифом Эмхерста. Общалась лишь с избранными, да и то по переписке. Была искусным кулинаром, заняла второе место на конкурсе пекарей во время животноводческой выставки в Эмхерсте в 1856 году. Почувствовав приближение смерти, написала: «Призвана назад». Эта фраза выбита на памятнике на её могиле.

При жизни из тысячи восьмисот написанных стихотворений опубликовала около 10, и подписаны они были лишь инициалами, либо анонимны.

Мн

Ян ПРОБШТЕЙН

📍 Нью-Йорк, США

Фото: Юрий Эбер

Поэт, переводчик поэзии, доктор литературоведения, проф. кафедры английского языка и литературы (Touro University, New York), автор книг стихов, эссе, литературоведческих исследований на русском и английском.

Родился в Минске (1953). Писать стихи и переводить начал почти одновременно, лет в пятнадцать, и одинаково плохо. Учился в экспериментальной спецшколе с углублённым изучением английского языка. Поступал в иняз, хотел на переводческий факультет – намекнули: с «пятой графой» в паспорте шансов нет, так что окончил педагогический.

Увлекался английскими романтиками, переводил Лонгфелло и Шелли. Много лет спустя, уже пройдя школу семинаров Аркадия Штейнберга, Вильгельма Левика, Элисабара Ананишвили, я некоторые из переводов переделал, и переводы из Лонгфелло были опубликованы сразу в двух изданиях «Классиках и современниках» и «Библиотеке литературы США» (оба изданы в «Художественной литературе», 1986 и 1987 соответственно), а Шелли, Китса и переводы из других поэтов опубликовал старший товарищ по семинару Штейнберга Евгений Витковский в антологии «Строфы века-2» и на сайте «Век перевода». Но ещё раньше я увлёкся модернистской поэзией, в частности Томасом Стернзом Элиотом. Сначала удавалось публиковать отрывки и отдельные стихотворения, затем составил, прокомментировал и издал «Стихотворения и поэмы Т. С. Элиота» в АСТ (2013), вместе с пьесами, драмами в стихах и ранними стихами Элиота в издательстве «Азбука-Иностранка», причём включил переводы и известных предшественников – А. Я. Сергеева и В. Л. Топорова (2018).

Как переводчика меня в СССР печатали с 1981 года, в те годы я участвовал в издании антологий венесуэльской и мексиканской поэзии. Как поэта меня впервые опубликовала в «Континенте» Наталья Горбаневская. В июне 1989-го покинул СССР и спустя 4 месяца добрался до Нью-Йорка. По пути успел поработать в Риме переводчиком в «Джойнте» и принять участие в конференции, посвящённой английским романтикам.

В годы повального увлечения Эмили Дикинсон я её не переводил. Только в Нью-Йорке, защитив диссертацию и начав преподавать американскую литературу и вести семинар поэзии, я понемногу занялся переводом стихов Уолта Уитмена и Эмили Дикинсон для себя. И вот уже лет тридцать возвращаюсь к их поэзии, каждый раз открывая что-то новое. Участвовал в книге «Эмили Дикинсон. Стихотворения. Письма» (М. Наука, 2007) из серии «Литературные памятники», но отдельную книгу переводов Дикинсон собираюсь издать впервые.

Ян ПРОБШТЕЙН

Есть ли в стихах Жизнь?

Предисловие

Стихи Дикинсон трудны для понимания, не поддаются интерпретации, точнее, возникает большой соблазн упростить её мысль, сделать более доступной. Чтобы понимать и преподавать поэзию Эмили Дикинсон – не только переводить, – необходимо было прочесть немало исследований, книг, недавно опубликованные полное собрание писем Дикинсон и факсимильное издание её тетрадей стихотворений, как она сама их сшивала.

В итоге к её 195-летию я решил подготовить книгу избранных мною стихотворений. Тексты, собранные в ней – итог раздумий в течение 35 лет изучения, преподавания, а потом и перевода одного из самых гениальных и загадочных американских поэтов.

Наряду с широко известными стихотворениями в книгу включены стихотворения, ранее не переводившиеся на русский язык. Нумерация и датировка даются по изданиям Франклина (1998) и Джонсона (1955).

Несколько издателей заинтересовались этой рукописью. Редактор журнала «Тонкая среда» (Москва) публикует её как приложение к журналу, в Грузии книгой заинтересовалось издательство «Тифлисский дворик». Сейчас ищут спонсоров для издания книги.

Поэзия Эмили Дикинсон актуальна и сейчас. Речь не только о том, что её стихи пользуются любовью читателей до сих пор, но поэзия Дикинсон оказала и продолжает оказывать влияние на современную американскую, а шире – на англоязычную поэзию. Даже современные так называемые языковые поэты Рэй Армантраут (р. 1947) и Чарльз Бернстин (р. 1950) говорили в своих интервью о её влиянии на них.

Поэзия Дикинсон, сконцентрированная до предела, экзистенциальна и апофатична. Стихи её мощно притягивают силой духа и мысли, завораживают искренностью и необычностью.

Стихи Дикинсон до сих пор актуальны в англоязычной поэзии настолько, что такие непримиримейшие противники, как традиционалист и последователь Лонгина Гарольд Блум в «Западном каноне» и постмодернист Чарльз Бернстин, один из лидеров современной американской языковой поэзии, сходятся в признании необычного видения мира и гениальности мысли Дикинсон. Блума восхищает насыщенность стиха Дикинсон мыслью и неповторимая парадоксальность самой этой мысли. Как пример Блум цитирует стихотворение «From Blank to Blank» («От Пробела к Пробелу»). Привожу подстрочный перевод:

From Blank to Blank –
A Threadless Way
I pushed Mechanic feet –
To stop – or perish –
or advance –
Alike indifferent –

If end I (reached)¹ gained
It ends beyond
Indefinite disclosed –
I shut my eyes – and
groped as well
'Twas (firmer) lighter – to be Blind –

От Пробела к Пробелу –
Путём Бесследным (без нити)
Толкаю Механические стопы –
Остановиться – или погибнуть – или идти вперёд –
Равно безразлично –

Если я выиграю (достигну) в конце,
Он заканчивается вне пределов
Выявленных неопределённостей –
Я закрыла глаза – и шла наощупь –
Легче (твёрже) – быть Слепой –

Вот попытка передать это в стихотворной форме:

К Пробелу от Пробела –
Без Нити Путь –
Я ставлю механически стопу –
Чтоб стать – погибнуть – иль шагнуть –
Не важно мне ничуть.

Когда бы преуспела –
Была бы вне предела
Всех невозможностей –
Закрыв глаза – наощупь шла –
Слепые зрят ясней –

(484 Франклин, ок. 1862 / 761 Джонсон, ок. 1863)

Блум вспоминает нить Ариадны, «Нору» Кафки, слепоту Мильтона. Однако если слепота Мильтона была вынужденной, то у лирической героини Дикинсон – её собственный выбор для того, чтобы перестать видеть пустоту, ибо явными стано-

¹ В скобках даны черновые варианты.

вятся лишь неопределённости. Блум цитирует Эмерсона, говорившего, что руины или пустота – это отражение нашего собственного зрачка.²

Бернстин цитирует стихотворение, найденное в письме к Сюзан, жене брата:

Убогий дар, ущербность слов
Расскажут сердцу
О Ничто –
«Ничто» – та сила, что
Мир обновит с основ –

(1611 Франклин / 1563 Джонсон, ок. 1883)

В интервью Стивену Россу из лондонского журнала «Вулф» Бернстин говорит, что другое изречение Дикинсон «Разве вы не знаете, что “Нет” – самое яростное слово?» – всегда было его девизом.

«Поэзия бедна, убога, это – частное дело, поэзия не служит для достижения каких-либо целей... Моя поэзия – домашняя (частная), непритязательная (странная, сварливая, низкая)...».

В итоге Бернстин едва ли не приходит к такому же взгляду на поэзию Дикинсон, что и Блум:

«В моём понимании, поэзия Дикинсон ближе всего к отрицательной диалектике. Ничто – в смысле не что-то одно: варианты вокруг пустого центра. Услышать о ничто – значит, стать лицом к лицу с утратой, отчаянием, скорбью, невосполнимым. Ничто не восстанавливает мир. Восстановление – это опять-таки нечто другое. Сотворить заново. Обновить», – говорит Бернстин, цитируя девиз Паунда.³

Дикинсон не доверяет слову, красноречию, многословию:

Страшусь того, чья речь бедна –
Безмолвных опасаясь –
Я заболтаю болтуна –
Поспорю с краснобаем –

Того ж, кто взвешивает Слово
Когда все расточают вмиг –
Да, я боюсь такого –
Страшусь, что он Велик –

(663 Франклин, ок. 1863 / 543 Джонсон, ок. 1862)

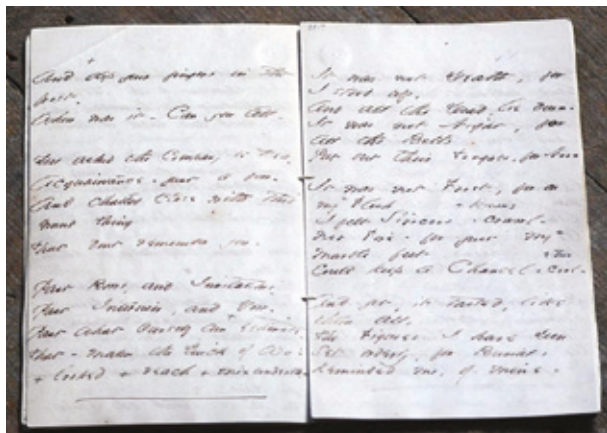
Возникает такое чувство, что Эмили Дикинсон не только совершенно беспощадна к себе, но и к языку, который пытается преодолеть в попытке докопаться до сути.

Как было сказано выше, Эмили Дикинсон опубликовала при жизни около 10 стихотворений⁴, да и то либо под псевдонимом, либо подписывала инициалами. Писала же стихи она всю жизнь, вернее, даже не писала, а записывала на всём, что попадалось под руку: на обороте счетов, деловых бумаг, концертных

² Bloom, Harold. The Western Canon. New York: Harcourt Brace, 1994. Pp. 292–293.

³ Впервые: Bernstein, Charles. Interview to the Wolf magazine. // P. 58 // <http://www.wolfmagazine.co.uk/images/BernsteinInt.pdf>. Исправленный вариант: Bernstein, Charles. Wolf. // Pitch of Poetry (Chicago The University of Chicago Press, 2016), 276–278.

⁴ Р. Франклин в полном издании стихотворений Эмили Дикинсон (1998 Variorum edition in 3 vols.) уточняет, что некоторые из стихотворений публиковались по многу раз, например, «Flowers – Well, if Anybody» (95 Franklin / 137) Johnson напечатано в пяти разных изданиях 1864 г. (см. Franklin, Ralf. Variorum Edition in 3 vols. Vol. III, pp. 1531–1532).

программок, использованных конвертов. Некоторые черновики и факсимиле поражают тем, что можно было бы назвать модернистскими приёмами, например, визуальной поэзией. По черновикам видно, что она много редактировала свои стихи. Исправления были направлены не только на уточнение смысла, но и на стремление скрыть его. Как пишет известный литератор того времени, автор журнала «Атлантик» Томас Хиггинсон, Эмили писала исключительно для себя, в стол. Гораздо больше, чем публикация стихотворений, её волновал вопрос «Есть ли в моих стихах Жизнь?».

После смерти Эмили младшая сестра Лавиния, с которой они прожили всю жизнь, обнаружила ларец с переплетёнными тетрадками по 6–8 листов, в каждой из которых было по 18–20 переписанных набело стихотворений, расположенных в определённом порядке.

Многие, и прежде всего друг семьи, жена профессора астрономии Мэйбл Тодд, считали Эмили гениальной дилетанткой. В первом посмертном издании Тодд и Хиггинсон пытались исправить «огрехи стихосложения», в частности рифмы, столь раздражавшие тех, кто был воспитан на классических стихах, синтаксис и пунктуацию, в особенности обилие тире, столь несвойственное английскому языку, и – самое главное – гениальное по своей неожиданности словопотребление, которое, естественно, разительно отличалось от общепринятого.

Примечательна пунктуация: обилие тире, которые так и называли «тире Эмили Дикинсон». В английском языке тире используется довольно редко, а у Дикинсон тире – основной знак, заменяющий и запятые и точки. Внимательный читатель может заметить, что тире Дикинсон обозначает паузы и цезуры, как в музыкальной партитуре, причём точка в конце стихотворения нередко отсутствует. Такая пунктуация вкпе с обилием прописных букв в середине строки – Дикинсон так выделяла наиболее важные для неё слова – всё это не могло не озадачить американского читателя XIX века.

Следует заметить, что после ряда отказов в издательствах Тодд и Хиггинсон просто вынуждены были «исправлять огрехи» синтаксиса, грамматики, пунктуации и стихосложения. Эти «исправленные издания» 1890–1896 годов впоследствии пришлось изрядно редактировать, возвращая стихам изначальный вид. Тем не менее даже в тех «причёсанных» и удобоваримых для среднего читателя

стихотворениях, принесших Эмили Дикинсон первую посмертную славу, несмотря на все исправления, видна гениальность, которую трудно скрыть.

Однако Дикинсон как новатор англоязычного стихосложения стала известна широкому читателю только после 1955 года, когда профессор Томас Джонсон издал восстановленное по рукописям Дикинсон собрание её стихотворений, представив её как предтечу модернизма. Но, как оказалось, стихи в этом издании не до конца были очищены от многочисленных исправлений.

Труд по исправлению исправлений предпринял директор библиотеки Бейнеке Йельского университета доктор Ральф Франклин, издавший более точное комментированное собрание стихотворений Эмили Дикинсон в 1998 году. Он включил варианты стихотворений, многие из которых она отсылала друзьям, кузинам Норкросс в Бостон, жене брата Сьюзан Дикинсон и редакторам некоторых изданий, которым она доверяла, – Сэмюэлу Баулзу, редактору газеты «Спрингфильдский республиканец», его помощнику Джосае Холланду, который впоследствии стал издавать собственный журнал «Скрибнер», Томасу Хиггинсону, известной писательнице и бывшей однокласснице Хелен Хант Джексон и другим. В издании Франклина на несколько десятков стихотворений больше, чем в издании Джонсона. Они были найдены в письмах, но до сих пор находят ещё.

В предисловии к первой книге стихотворений Дикинсон Томас Хиггинсон называет её затворницей и сравнивает с Ундиной, Миньоной и Фёклой⁵. Тем не менее, когда отец как казначей Эмхерстского колледжа (а затем и брат Остин) устраивал ежегодный приём и приглашал всех видных людей города, Эмили вела себя столь естественно и непринуждённо, что, по словам того же, Хиггинсона, трудно было предположить, насколько уединённый образ жизни та вела.

Она не была замужем и всю жизнь прожила в доме, где родилась (кстати, дед поэтессы Сэмюэл Фаулер Дикинсон был одним из основателей колледжа и из-за этого даже влез в долги, которые впоследствии выплатил его сын Эдвард, отец Эмили). Однако исследователи называют по крайней мере три адресата её любовной лирики – священника Чарльза Уодсворта, редактора газеты «Спрингфильд Рипабликан» Сэмюэля Боуэлса и судью Отиса Лорда, блестяще образованного человека, приятеля отца и политического деятеля, так же, как и отец Эмили, баллотировавшегося (но, в отличие от отца, не избранного) в Конгресс США, спикера Палаты представителей Массачусетса, а впоследствии члена Верховного суда штата. Эмили была на двадцать лет младше Лорда, но это не сказалось на их отношениях. После смерти жены Лорда они сблизились настолько, что одно время в городке даже поговаривали об их браке, которому воспротивилась племянница Лорда, Энн Фарли, жившая с семьёй в его доме в городке Сэйлеме (все три ребёнка у Отиса и его жены Элизабет, урождённой Фарли, были мёртворождённые). Стихи Эмили Дикинсон о любви настолько насыщены и обнажены, что многие говорят, что побудительным мотивом их создания была несчастная любовь. Однако есть основания полагать,

⁵ Ундина – героиня немецкого фольклора, ассоциируемая с духом воды, что в контексте Дикинсон может указывать на таинственность, отстранённость и связь с внутренним миром. Миньона – героиня романа Гёте, загадочная и страдающая. Фёкла – отшельница, великомученица, чудесным образом избежавшая сожжения на костре и дожившая до 90 лет.

что в случае с Лордом любовь была счастливой. Она называла его «мой милый Сэйлем» и даже «мой Спаситель» и «мой Христос».

Вообще говоря, всё, что делала, говорила и писала Эмили, было столь интенсивно, что многие, как например Т. Хиггинсон, не выдерживали такого напряжения.

«Я никогда не общался с кем-либо, кто бы так сильно поглощал мою нервную энергию. Не прикасаясь, она буквально выкачивала её из меня»,

– писал Хиггинсон своей жене после личного знакомства с Дикинсон в августе 1870-го. Много лет спустя, уже после смерти Дикинсон, он писал в журнале, вспоминая первую встречу с ней:

«Я был безусловно поражён столь чрезмерным напряжением и ненормальной жизнью. Возможно, со временем мне удалось бы преодолеть эту чрезмерность в общении, которая была навязана её волей, а не моим желанием. Я был бы, конечно, рад низвести его до уровня простой искренности и дружбы, но это было отнюдь не просто. Она была слишком загадочным для меня существом, чтобы разгадать её за час разговора».

Поэзия Дикинсон трансцендентальна, о чём писал в статье «Поэтические истины Эмили Дикинсон» Ст. Джимбинов⁶. Однако помимо упомянутых Джимбиновым нонконформизма и индивидуализма, высказанных Эмерсоном в эссе «Вера в себя» (или «Самодостаточность» – «*Self-Reliance*») и в книге «Представители человечества» («*Representative Men*»), Дикинсон, как и Уитмен, разделяет веру Эмерсона в то, что поэт является представителем всего народа, провидцем и выразителем не только незыблемых истин, но и новых идей, выраженных поновому, добытых из языка, который Эмерсон уподобляет «окаменевшей поэзии» («*fossil poetry*»), тем самым сравнивая труд поэта с трудом геолога или шахтёра. «Поэт – творец (букв.: «делатель») языка», – пишет Эмерсон⁷. Несмотря на подобную близость взглядов и на то, что Эмили Дикинсон присутствовала на лекции Эмерсона в Эмхерсте 11 декабря 1857 года, а потом и на обеде в его честь, а ночевал мудрец из Конкорда в соседнем доме у её брата Остина, она тем не менее послала стихи не ему, а Томасу Хиггинсону, как заметил Гарольд Блум.⁸

Сильны в творчестве Дикинсон и богоборческие мотивы, о чём также пишет Ст. Джимбинов в упомянутой статье. Вот, к примеру,:

А Библия – старинный том⁹,
Что Ветхим Старцам Духи

Святые диктовали,
А темы – Вифлеем –

⁶ Джимбинов Станислав. Поэтические истины Эмили Дикинсон. // Эмили Дикинсон. Стихотворения. Письма. М.: Наука, 2007. С. 384.

⁷ Emerson Ralf Waldo. The Poet. // The Selected Writings. NY: Random House, 1950. P. 329.

⁸ Bloom Harold. Genius. New York: Warner Books, 2002. P. 348.

⁹ В рукописи (и у Miller 2016: 636) подзаголовок: «Диагноз (здесь оценка) Библии мальчиком». Когда племянник Нед Дикинсон пропустил по болезни Воскресную школу, с ним занималась Эмили Дикинсон, а после этого написала стихотворение, которое отправила Неду и, очевидно, его родителям, брату Остину и его жене Сьюзан. Вар. 1 строки: «Библия – Нерасказанный Том / Написанный Неизвестными Мужами / Под диктовку (под руководством) святых Духов» (Miller 2016: 636).

Наш древний Дом – Эдем¹⁰,
Там Сатана верховодит –
Иуда – первый там Банкрот –
И Трубадур – Давид –
Большая Бездна – Грех
Бороться должен с ним –

А мальчик «в вере» одинок¹¹ –
«Погибель» всем другим –
Когда б Певец поведать смог –
Пришли б ребята сразу –
Всех чаровал Орфей –
Не проклинал ни разу –

(1577 Франклин / 1545 Джонсон, ок. 1882)

В этом стихотворении слышен протест не против Бога, но против того представления о Боге, с детства навязанного ей, воспитанной в строгой безрадостной вере пуритан-кальвинистов, к которой принадлежала её семья. В те годы было сильно так называемое движение возрождения (*revival*), которому положил начало теолог и проповедник Джонатан Эдвардс (1703–1758), соединивший томизм с теорией самодостаточности (*Self-reliance*) и покаяния, призывая прихожан поглубже заглянуть в собственную душу, признать греховность человеческой природы и покаяться. С течением времени вся семья Дикинсонов – кто искренне, а кто формально (видимо, сестра Винни и брат Остин) – примкнула к этому движению, которое резко отвергала Эмили. (В скобках следует отметить, что смысл, вкладываемый в понятие «самодостаточность» Эдвардсом, кардинально отличается от того, что вкладывал Эмерсон в одноимённом эссе 1841 года. У Эмерсона – упор на неконформизм и право личного выбора каждого, даже если это выбор человека, находящегося в меньшинстве.) Как пишет Линдалл Гордон в биографии Эмили Дикинсон «Жизни, как заряженные ружья»¹², молодой Эдвард Дикинсон, отец Эмили, выбрал себе жену, руководствуясь принципами пуританского священника Джона Беннетта, изложенными в книге «Письма молодой даме» (*Letters to a Young Lady*, 1789), переизданной в 1824 году, за четыре года до того, как Эмили Норкросс вышла замуж за Эдварда Дикинсона 6 мая 1828 года и это издание привезла с собой в Эмхерст. В своей книге Беннетт предупреждает женщин не писать ничего более возвышенного, нежели письма (и поэтому известное стихотворение Дикинсон иронично начинается со строки: «Это письмо моё миру», и впредь она будет посылать стихотворения в письмах, как замечает Гордон¹³).

В последние годы она даже не посещала церковь, что не только было «неслыханной дерзостью для Новой Англии», как о том пишет Джимбинов¹⁴, но это гро-

¹⁰ Вар.: Бытие – Предшественник Вифлеема (Miller 2016: 636). Франклин и Джонсон дают без разбивки на строфы, у Миллера – деление на катрены.

¹¹ Вар. стр. 11: «Там верующих мальчиков – секут» («Boys that believe are bastinadoed» – букв.: сечь палкой подошвы стоп).

¹² Lyndall Gordon. *Lives Like Loaded Guns. Emily Dickinson and Her Family's Feuds*. (London: Penguin, 2010). Название – аллюзия на известное стихотворение Дикинсон «My Life has stood – a Loaded Gun» (764 Франклин / 754 Джонсон «Заряженным Ружьём – в Углах – / Стояла Жизнь Моя»), о котором речь ниже. Подзаголовок «Эмили Дикинсон и семейный раздор» подразумевает ситуацию в семье, когда обнаружилось, что брат Остин, женатый на Сюзан Гилберт, подруге детства Эмили, вступил в связь с Мэйбл Тодд (Эмили приняла сторону Сюзан, осуждая брата, а Лавиния – сторону брата).

¹³ Lyndall Gordon. *Lives Like Loaded Guns*. P. 23.

¹⁴ Джимбинов Станислав. Поэтические истины Эмили Дикинсон. // Эмили Дикинсон. Стихотворения. Письма. М.: Наука, 2007. С. 385.

зило бы Эмили Дикинсон отлучением, если бы не её мудрость и здравый смысл: предварительно она добилась официального разрешения пастора не посещать церковь (очевидно, по состоянию здоровья, так как у неё были проблемы с глазами). Тем не менее ни атеистом, ни агностиком она не стала:

«Ты за Мной?» Тебя не знаю –
В каком твой Дом краю?

«Я – Иисус из Иудеи –
Сейчас – в Раю» –

А есть ли колесница?
Ведь Путь далёк теперь –

«Не уступает Фаэтону –
В Могущество поверь» –

Грешна – «А я – Прощенье» –
Ничтожна – «В Царстве Том
Последний Первым станет –
Входи в мой Дом» –

(825 Франклин / 964 Джонсон, ок. 1864)

Гарольд Блум цитирует письмо Эмили Дикинсон о вере Отису Лорду:

«Мы верим и не верим сто раз в Час, что делает Веру гибкой (это дало название книге Джеймса Макинтоша «Гибкая Вера» (*Nimble Faith*), замечает далее Блум). Что делает и Неверье равно гибким (*nimble*), и никто – включая саму Эмили Дикинсон – не может быть полностью уверен, во что она верила (если верила во что-то)».

Однако её поэтизация страданий, то, что она называла себя «Императрицей Голгофы», боготворила Могущество, которое в Писании стоит между Царством и Славой, делает её Высоким Романтиком сродни Вордсворту, Шелли и Китсу¹⁵.

Эти идеи Блум во всех своих книгах – «Западный канон», «Гений» и «Как читать и зачем» – связывает у Эмили Дикинсон с идеей Возвышенного (*Sublime*), основываясь не только на идеях Лонгина, Бёрка, Канта, Шопенгауэра, Кольриджа, но и на Ветхом Завете. Как известно, греческий философ I в. н. э. Лонгин, которого поначалу ошибочно смешивали с Кассием Лонгином, философом III в. н. э., в своём трактате «О Возвышенном» выдвинул пять основных принципов: 1) великие мысли; 2) благородные чувства; 3) возвышенные характеры; 4) возвышенное словоупотребление (лексика); 5) композиция. Первые три – наиважнейшие, так как являются даром природы, не искусства.¹⁶ При этом Лонгин говорит об отделении света от тьмы, цитируя Ветхий Завет: «И сказал Б-г: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3), а затем и восклицание Аякса из «Илиады»:

Зевс, наш владыка, избавь аргивян от ужасного мрака!
Дневный свет возврати нам, дай видеть очами!
И при свете губи нас, когда уже так восхотел ты!¹⁷

Однако Дикинсон не боится мрака, в чём, как замечает Блум, кроется различие между её взглядами и прагматизмом Эмерсона¹⁸:

Мы привыкаем к Темноте –
Когда потушен Свет –

Так Лампой на прощанье нам
Посветит наш Сосед –

¹⁵ Bloom Harold. *Genius*. New York: Warner Books, 2002. P. 348-9.

¹⁶ Цит. по: Longinus. *On the Sublime*. // Hazard Adams. *Critical Theory Since Plato*. Orlando, Florida: Harcourt Brace Jovanovich, 1992. P. 75-79.

¹⁷ Longinus. *On the Sublime*. P. 80. Гомер. Илиада. XVII; 645-647. Пер. Н. Гнедича.

¹⁸ Bloom, Harold. *The Western Canon*. New York: Harcourt Brace, 1994. Pp. 297-298.

Миг – нерешительно стоим
Ведь ночь в новинку нам –
Но зренье приспособим к ней –
И снова Путь наш прям –
Насколько же огромней Тьма –
Те Вечера Ума –
Ни знака не подаст Луна
Звезда – внутри – темна –

Наощупь Смелые бредут –
Порою прямиком –
Чтоб в дерево уткнуться Лбом –
Привыкнув к Тьме потом –
Быть может, изменилась Тьма –
Иль к Полночи наш Взгляд
Привык – и Жизнь сама
Идёт – почти пряма.

(428 Франклин / 419 Джонсон, ок. 1862)

Не думаю, что Эмерсон, который основывал своё учение о трансцендентализме на идеях Канта, был прагматиком. Он был идеалистом и ввёл также понятие «сверхдуши» (*Oversoul*), что в современном понимании может соответствовать коллективному бессознательному Юнга. Философ, который писал об интуиции, о загадочности бытия, утверждал, что духовное (душа) важнее телесного, – не прагматик. Для Дикинсон – это аксиома, в отличие, скажем, от её современника Уолта Уитмена, который в «Песне о себе самом» писал о равенстве тела и души. При этом, как в стихотворениях «К Пробелу от Пробела» (484 Франклин / 761 Джонсон) и «Убогий дар, ущербность слов» (1611 Франклин / Джонсон 1563), цитированных выше, Дикинсон, предвосхищая экзистенциализм, стремится заглянуть в «Ничто», ступить за грань познаваемого и Бытия. Возвышенное у Дикинсон связано также со «Страхом и трепетом», хотя с трудами датского философа Сёрена Кьеркегора она вряд ли была знакома. Её понимание «Страх и Трепета» (*Awe*) восходит к Ветхому Завету:

Нет, смертный трепета не зрел,
В жилище не был вхож,
Однако по соседству с ним
Природа смертных всё ж.
При мысли о жилье ужасном
Стремишься наутёк –
Лишает воли к жизни даже
Не мысль – один намёк.

А к возвращенью указать
И Дух не в силах путь –
Перевести лишь дух – наш труд –
Работа лишь вздохнуть.
«Я не сожжён, – как Моисей
Писал, – хоть видел лик» –
Физиогномика – я знаю –
Такой была в тот миг.

(1342 Франклин ок. 1874 / Джонсон 1733, дата не установлена)

Дикинсон продолжает оказывать влияние на английское стихосложение: её синтаксис и – особенно – ассонансно-консонансная рифма, которая так раздражала современников, казалась неуклюжей, встречается и у Йейтса, Дилана Томаса, и у Сильвии Плат, поэтов изощрённой техники и роскошных метафор, но у Дикинсон непревзойдённая интенсивность и мощь мысли, сконденсированные в стихе. Надо заметить, что в ранних стихах Эмили Дикинсон ритм и синтаксис более упорядочены, а рифмы гораздо точнее. Очевидно, с течением времени поэт обретал всё большую свободу самовыражения. Пик её творчества приходится на 1860–1865 годы.

От Пробела к Пробелу

Перевод: Ян Пробштейн

◇ ◇ ◇

109 Франклин / 125 Джонсон

Должны платить страданием
За каждый миг восторга
В пропорции коварной
Изменчивого торго –

За каждый час отрады
За каждый взлёт души –
Слёз Сундуки, а плата –
Лишь скудные гроши!

ок. 1859

◇ ◇ ◇

112 Франклин / 67 Джонсон

Успех слаще всего
Для тех, кто в беде.
Распробуешь нектар
Лишь в крайней нужде.

В пурпуриночном войске
Где победный воздет стяг,
Никто вам о Победе
Не расскажет так,

Как тот, кто умирая
Сейчас лежит в пыли,
И слух его терзая,
Триумф трубят вдали!

ок. 1859

115 Франклин / 68 Джонсон

Честолюбью не найти
Любви неведомо всегда.
Сколько лиг пути
Перед ними в Никуда!

Неприметное – Вчера!
Сегодня – нет известней
Ради нашей общей чести–
Бессмертье!

ок. 1859

◇ ◇ ◇

138 Франклин / 126 Джонсон

Отважно с криком рваться в бой –
Но высшая отвага –
Большой беды в твоей груди
Кавалерийская атака –

Кто победил – народам не видать –
Кто пал – никто не замечает,

И патриотов павших рать
Страна не почитает –

В процессии с плюмажем –
За строем Строй –
Так в снежной форме Ангелы–
Идут ровной стопой.

ок. 1860 (Франклин) / ок. 1859 (Джонсон)

◇ ◇ ◇

207 Франклин / 214 Джонсон

Я из Жемчужной Кружки
Спешу напиться вволю –
Нет в погребках на Рейне
Такого Алкоголя!

Я упилась Росой
И Воздухом пьяна –
И льётся в рот струей
Небес Голубизна –

За дверь «Хозяин» гонит
Упившуюся Пчёлку –
И бабочки все в стельку –
Вхожу во вкус я только!

Рвут Серафимы Шляпы –
Святые к Окнам Мчась –
Глядят, как та Пьянчужка
О Солнце оперлась.

ок. 1861

◇ ◇ ◇

209 Франклин / 181 Джонсон

Я потеряла мир вчера!
Нашёл ли кто его?
По рою звёзд вокруг чела
Узнать его легко!

Он неприметен Богачу –
А на мой бедный взгляд –
Дороже он – найдите – Сэр –
Дукатов во сто крат!

1861 (Франклин) / 1860 (Джонсон)

◇ ◇ ◇

248 Франклин / 270 Джонсон

Полна последствий – жизнь одна!
И всё ж – платить готова
Доходом всем Души –
Я бесконечно – снова –

Одна Жемчужина – сигнал –
И я нырну до дна –
Хотя и знаю – заплачу
Всей жизнью я сполна –

Моря полны – но ярко
Горит жемчужина –
Им не затмить её однако –
Средь всех – моя одна!

И жизнь густа – я знаю –
Но и меж плотных толп –
Монархи всё ж – заметны –
Средь самых пыльных Троп!

ок. 1861

249 Франклин / 234 Джонсон

Ты прав – да «узок путь» –
И «тесны там Врата» –
«Немногие» – Ты прав опять –
«Найдя» – «войдут» туда –

Так дóроги – порфиры!
Цена Дыханья ведь –

А «Скидка» лишь Могила –
У Маклеров как – «Смерть»!

А после – Рай Небесный –
Для Добрых – «Дивиденды» –
А всех Плохих – в «Тюрьму»
По-моему –

1861

255 Франклин / 284 Джонсон

Та капля, что в Морях одна –
Борясь, забыла, где она –
Как Я – в Тебе – Себя –

Сама ведь знает, как мала,
Но если Всё – есть Всё – смогла –
Вдох – вырасти бы я?

Смеётся Океан, тщету прошив –
Об Амфитрите позабыв
Она все молит: «Я?»

ок. 1861

262 Франклин / 240 Джонсон

Ах, Луна – Ах, Звезда!
Столь далёки – о, да –
Но если б дальше – никого –
Остановила б меня твердь –
Даже на локоток?

Возьму у Жаворонка – Чепчик
Серебряную туфельку у Серны –

У Антилопы – шпоры
И к вам я прыгну верно!

Но Луна – и Звезда –
Столь далёки – о, да –
Но дальше вас есть кто-то –
Он – дальше, чем Твердь – от меня –
Не могу я дойти туда!

1861

269 Франклин / 249 Джонсон

Бурные, бурные ночи –
Когда бы вместе
Делить с тобою
Ночные страсти!

Бессильны Ветры –
Пред Сердцем – порт –

Нет нужды в Картах –
Компас – за борт!

Плывём в Эдеме –
Конец борьбе –
На якорь встать бы
Ночью в Тебе!

1861

271 Франклин / 251 Джонсон

За тем забором –
Клубника удалась –
Через забор –
Я б попыталась – взобралась –
Клубника удалась!

Но замараю свой Передник –
Прогневается Бог –
Ох, если б мальчиком Он был –
Он перелез бы – если б смог!

ок. 1861

274 Франклин / 663 Джонсон

Вновь его голос у дверей –
Во мне *давнишний* след огня –
Служанку спрашивает он –
Одну из всех – меня

Чтоб краску оттенить лица
Я на ходу беру *цветок* –
Меня не *видал* он такой –
И *удивиться* б мог!

Нетвёрдым шагом через зал
Иду и – *немо* – в дверь –
Гляжу на всё, что в мире есть –
В *Лицо его* – теперь!

И мы *небрежно* – *невпопад* –
Роняем робкие слова –
Как груз на нити – в водопад –

И каждый вглубь –
Где был – *другой* –

Собаку не взяла – *идём* –
Нежна – *задумчива* Луна
Недолго вслед идёт – потом
Идём *одни* – вдвоём –

Одни – Мы *Ангелам* сродни –
Впервые Ангел так идёт
По небу! Мы *одни*,
Когда те «*лики*» не *принять*
В *расчёт*!

Чтоб пережить – опять – отдам
По капле – пурпур – в Венах –
Но *чтоб пересчитал он сам*
Мою – за *пятна* – *Цену*!

ок. 1862

279 Франклин / 664 Джонсон

Я избрала Одну из Душ –
Здесь созданных из глин –
Уловки побоку, и Дух
От Чувства отделён –
И всё что было – всё что есть –
Здесь в естестве своём –

Мгновенна драма плоти здесь –
Просеяна песком –
Остался Цифр монарший строй
И снят резцом Туман –
Предпочитаю Атом зреть
Я из всех видов Глин!

ок. 1862

◇ ◇ ◇

281 Франклин / 268 Джонсон

Мне – измениться! Мне – стать другой!
И буду – словно на Горе Нетленной я –
Так растёт Частица алая –
Пылает на закате малая
Мерцает в Кордильерах –
На Дня возвышенном Исходе!

ок. 1862

◇ ◇ ◇

293 Франклин / 263 Джонсон

Один шуруп лишь к Плоти
Здесь прикрепляет Душу,
Что изнутри Вуали –
Мне Божеством здесь служит.

Лишь взглянешь на Вуаль –
Как Имя прочь убрали –
Как будто договор вчера
Не опубликовали,
Нежней, святее Алфавит –
Но взгляд лишь бросишь свой –

Как контрабандой увели –
Всё в Вечность с глаз долой –

Там больше Рук – здесь только Две –
Да Нерв – что прислан вновь
По почте – на Погибель мне –
Мне в Дар – Гигант – Любовь –

Пред Глиной блекнут Боги –
Пускай сулят, прельщая –
Свой Дар не променяет Прах –
На все богатства Рая –

ок. 1862

◇ ◇ ◇

294 Франклин / 264 Джонсон

Груз с Иглами на гирях –
Пронзает, толкая Плоть –
Коль Весу воспротивится –
Стремится уколоть –

Чтоб пору каждую проткнуть
В Сложнейшей этой раме –
Ее притягивает Боль,
Как прочих Тварей – имя.

ок. 1862

295 Франклин

Отец – тебе несу – я не себя
Так легковесна эта плоть –
А Сердце – царств огромней –
Нет, удержать его – Господь –

В себе лелеяла, пока
Не стала тяжелой ноша –
Но странно – стало тяжелей –
Тебе не тяжело, Боже?

ок. 1862

217 Джонсон

Спаситель, не к кому воззвать –
И потому тебя тревожу –
Я – столь забытая тобой –
Меня ты помнишь, Боже?
Не о себе прошу, Господь, –
Так легковесна эта плоть –
О Сердце – царств огромней –
Не удержать его мне –
В себе лелеяла, пока
Не стала Ноша мне тяжка,
Но странно: не легчает Ноша –
Тебе не тяжело, Боже?

ок. 1861

333 Франклин / 276 Джонсон

В английском много фраз слышала
Кроме одной пока –
Как будто смех Сверчка, тиха,
Как Грома речь, громка –

То светлой Орфографией
Прервёт мой сон простой –
Или грядущим Громом
Гремит над головой –

Что шепчет, как Каспийский Хор,
Когда затих прибой –
Иль новых флексий разговор
Ведёт, как Козодой –

Заплачу – не от Горя –
На радостной волне –
Скажи опять, Саксонец –
Но тише – Только мне!

ок. 1862

579 Франклин / 683 Джонсон

Душа сама себе –
То царственнейший Друг –
То въедливый Шпион –
Что Враг заслал к ней вдруг –

Уверена – не выдаст
Её никто – Монарх –
И властвует собой – к Себе
Испытывая Страх –

ок. 1863 (Франклин) / ок. 1862 (Джонсон)

583 Франклин / 530 Джонсон

Не можешь погасить Огонь –
Он разгорится сам собой –
Не надо Веером махать –
Глухой порой Ночной –

Не можешь ты свернуть Поток –
В Комоде запереть –
Его Ветра найдут потом
Полам расскажут впредь –

ок. 1863 (Франклин & Миллер) / ок. 1862 (Джонсон)

♦ ♦ ♦

588 Франклин / 536 Джонсон

Отрады сердце просит –
А после – Боль избыть –
А после – Анальгетиков
Страдания убить –

Потом – забыться сном –
А уж затем и впредь –
Когда же Инквизитор
Позволит умереть –

ок. 1863

♦ ♦ ♦

593 Франклин / 629 Джонсон

Следила в Доме за Луной
Когда та Отдохнуть –
Остановилась – над Окном –
Прodelав долгий Путь –

Глядела как на Чужестранку –
Та Дама – в Городе – одна –
Не думала – что неучтиво
Следить за Нею из окна –

Но любопытство всё ж она
Моё не оправдала –
Без ног – Без Рук – плыла Луна –
Нет Формы в ней нисколько –

Небрежно прочь её снесли –
Как Голову на Гильотине –
Неужто в Небесах – её
Держал Янтарь там ныне –

Иль как Цветок без корня
Катилась в Воздухе она –

Прекрасней Гравитацией –
Чем у Философа прикреплена –

Гостиницы не надо – нет Голода у ней –
Ни дамских туалетов –
Ни развлечений – дела нет
До маленьких секретов –

Что мучат нас – как Жизнь и Смерть –
И что за этим – да иль Нет –
Вся в Абсолют погружена –
Сияя, как небесный Свет –

Но наблюдать за ней едва ль
Глазами я Могла –
Когда Серебряным броском
От Взора прочь ушла –

Потом я встретила среди Туч –
В далёкой вышине –
Не проследить высокий Путь –
Её в голубизне –

ок. 1863 (Франклин) / ок. 1862 (Джонсон)

594 Франклин / 1181 Джонсон

Коль чаяла, страшилась –
Раз чаяла – решилась
Быть везде одной
Подобно Церкви самой –

◇ ◇ ◇

Ни Призрак не страшит –
Ни Змий не соблазнит –
Тот одолеет Рок
Кто страданьем превозмог

ок. 1863 (Франклин) / ок. 1862 (Джонсон)

◇ ◇ ◇

598 Франклин / 632 Джонсон

Гораздо шире Неба Мозг –
Поставим рядом их – сравним –
И Мозг легко вместит его –
Тебя в придачу с ним –
Гораздо глубже моря Мозг –
Синь к синеве – один в другом –

Вбирает Мозг его, впитав –
Как Губкой иль Ведром –
Мозг это – просто Бога вес –
Кто взвесить к Фунту Фунт бы смог –
Коль отличаться будут, то –
Так, как от Звука Слог –

ок. 1863 / ок. 1862

◇ ◇ ◇

610 Франклин / 354 Джонсон

Вот Бабочка из кокона,
Как Дама из дверей
Явилась – Летний Полдень –
Ремонт Природы всей –
Без видимого Плана
Затеял – здесь и там –
Он бродит неустанно –
Вот Клевер – ясно нам –
Прекрасный зонтик в поле
Раскрыл он там, где Сена
Стога стоят, а после
Сражаться с грозной тучей
Пришлось самозабвенно –

Как призраки по кругу
Слоняются сейчас –
Как будто в Никуда бредут –
Как в Тропиках Показ –
На Пчёлку незвизая –
На рвение Цветка –
С презрением Лентяи
Воззрились свысока –
Покуда не подполз Закат –
Неотвратим Прилив –
День – Бабочку и Косарей
Морской волной накрыв –

ок. 1863

◇ ◇ ◇

630 Франклин / 306 Джонсон

А высшие мгновенья
Души – когда одна –
А друг – Земли явленья –
Ушли – или она –
К Высотам отдалённым –
Сама так вознеслась –
Но всё ж над Всемогушим –
Отнюдь не заносясь –

Земное Отрицанье
Столь редко, сколь прекрасно –
Как для иных Виденья
Самодержавной Власти –
Приоткрывает Вечность –
Избранникам – Края –
Субстанции Безмерной –
Бессмертия –

ок. 1863

805 Франклин / 1096 Джонсон

◇ ◇ ◇

Просили о моей защите
 Пришельцы те в чужом краю –
 Дружите с ними – Вам придётся
 Быть беженцем в Раю –

ок. 1864 (Франклин) / ок. 1866 (Джонсон)

◇ ◇ ◇

1292 Франклин / 1287 Джонсон

В короткой жизни этой, что длится только час
 Как много – и как мало – зависит всё ж от нас

ок. 1873

◇ ◇ ◇

1293 Франклин / 1141 Джонсон*

Когда скучаем мы о ком –
 Пусть День Его здесь нет –
 Лишь скрылся Всадник за Холмом –
 Уже прошло Сто Лет.

ок. 1873 (Франклин) / ок. 1869 (Джонсон)

◇ ◇ ◇

1475 Франклин / 1451 Джонсон

Кто б ни огорошил
 Хотя бы одну душу
 Небреженьем иль отказом
 Виноват во всем и сразу –

Наглядны, как Звезда
 Бесхитростны, как Птица–
 Дела не то, что зримо нам–
 Коль зло не подтвердится –

1878 (Франклин) / (Джонсон)

◇ ◇ ◇

1476 Франклин / 1452 Джонсон

Находит мысль не каждый день слова
 Они приходят лишь однажды
 Как сокровенные глотки
 Причастного Вина –

Казалось бы, бесплатное вино
 И столь оно доступно, но
 Не знаешь, какова цена –
 Ни редкости вина

ок. 1878 (Франклин) / (Джонсон)

◇ ◇ ◇

1477 Франклин / 1734 Джонсон

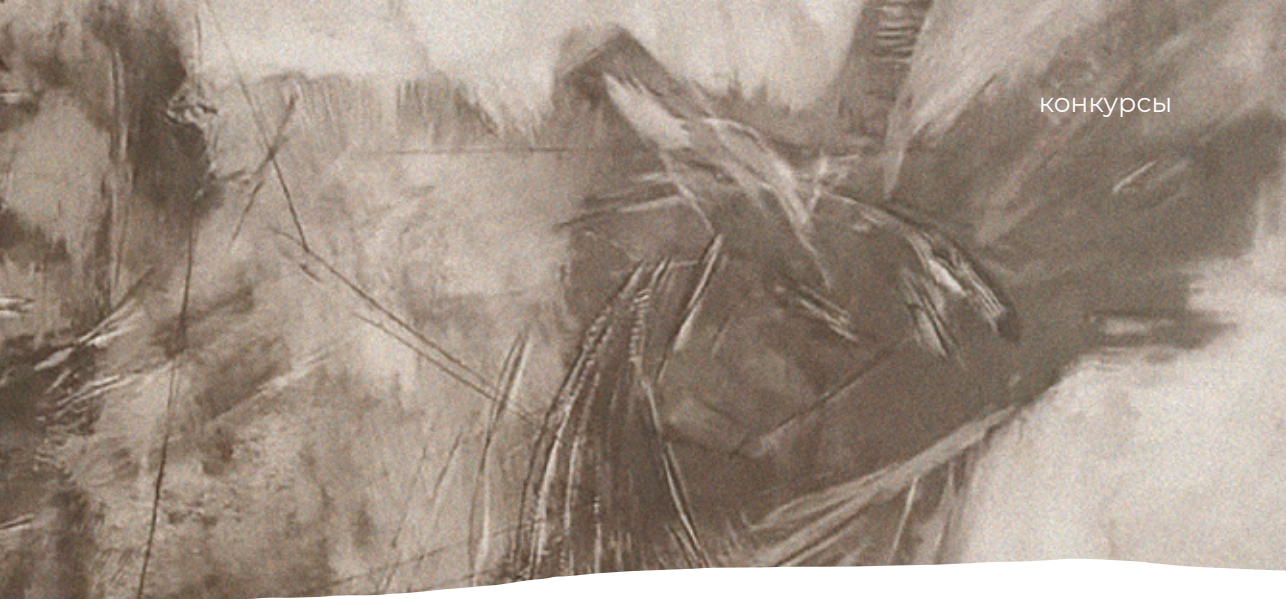
О, часа мёд и сладсть,
 Не знала твою власть,
 Ты наложи запрет

Пока мой малый дар,
 Непосещаемый цветок
 Достойным стать бы мог.

ок. 1878 (Франклин) ■

Mum

Довлатов – как червонец: всем нравится

Конкурсы эссе и рассказа, посвящённые Сергею Довлатову

Откровенно говоря, я не понимаю литературных конкурсов: как можно сравнивать сочинения на разные темы, с разной степенью одарённости авторов? Я могу ещё понять конкурсы музыкальные, когда оцениваются не авторы, а исполнители одних и тех же произведений. Мне говорят: надо сравнивать литературные произведения не одно с другим или со множеством других, а с произведениями известными, выдающимися, с некими эталонами. Я думаю, что это неверно. Дело в том, что в оценке произведений искусства есть только два критерия: «нравится» или «не нравится». Другими словами, читатели (зрители, слушатели, исполнители), равно как и члены жюри различных конкурсов, имеют каждый своё личное, субъективное мнение. В таких случаях жюри конкурсов определяют победителей большинством голосов членов этих самых жюри.

Так случилось и у нас.

Наши **конкурсы эссе и короткого рассказа**, объявленные в № 3 (11) за 2025 год и **посвящённые памяти Сергея Довлатова в связи с 35-летием со дня его ухода**, вызвали интерес у авторов из разных стран – России, США, Израиля, Германии, Чехии, Казахстана, Польши. Конкурс эссе проходил под девизом «Мой Довлатов»: авторам предлагалась возможность высказать своё отношение к Довлатову – почему он близок или не близок им, как их личные истории перекликаются с его голосом и интонацией. Надо сказать, что все авторы эссе написали, что они восторгаются творчеством Довлатова, что его мысли и слова находят место и в их жизни. Некоторые авторы даже признаются в любви к нему. Не случайно когда-то соратники Сергея по газете «Новый американец» Пётр Вайль и Александр Генис написали:

I «Довлатов – как червонец: всем нравится».

Правда, один из авторов эссе присвоил писателю незаслуженное звание «*трубадура отточенной банальности*».

Очень трогательное эссе написала Ольга Самарина. В своём «Письме Довлатову» она признаётся в любви к нему – человеку, которого она знает только по его книгам и воспоминаниям людей, с ним общавшихся. Он покорила её своим видом («общеизвестных чар высокого, часто нетрезвого красавца»), иронией, литературным пижонством (когда в предложении нет слов, начинающихся с одной и той же буквы), «очень странным сочетанием эстетства, в чём-то даже снобизма, и какой-то детской беспомощности. Перед обстоятельствами, соблазнами, преградами» и т. д. Всё это правильно, хотя я оспорил бы фразу «часто нетрезвого» (слово «часто» здесь несправедливо) и заметил бы, что упомянутое «пижонство» касалось только рассказов и повестей Довлатова, но не касалось его писем и скриптов выступлений на радио. Я ничего не имею против признания в любви, оно искренне, чувственно, очень хорошо изложено, наверняка доставило бы неожиданное удовольствие адресату письма. Как, впрочем, и мне.

В книге Александра Гениса «Довлатов и окрестности» я присутствую как одна (один?) из окрестностей. Думаю, что Сергей наверняка ответил бы на письмо Самариной, и начиналось бы оно, в его духе, так:

«Милая Ольга! Спасибо за добрые слова. Они, как всегда, очень кстати. Я уже более или менее привык, что женщины ценят меня больше, чем их сомнительные мужья. Но и мужья, в свою очередь, тоже нужны, чтобы приносить в дом зарплату и выносить мусор».

(Это, каюсь, его цитата из письма моей жене).

Несколько отвлекаясь от конкурсной тематики, скажу вот что. Многие авторы (не только наши) различных эссе, воспоминаний, возможно – и диссертаций зачастую принимают за чистую монету выдумки Довлатова, каковых в его сочинениях пруд пруди. Вот Алексей Ильичёв цитирует любимого писателя:

«Я побывал в 13 странах мира, но лучше места, чем Пушкинские горы, – не видел».

Никогда не бывал Довлатов в 13 странах. Вообще говоря, он довольно свободно обращался с числами. Известна его замечательная фраза о четырёх миллионах доносов. Откуда он взял это число – неизвестно. Доносов в Советском Союзе, вероятно, было намного больше. Или вот такая его фраза из послесловия к моей первой книжке стихов:

«Двадцать лет я проработал редактором. Сагаловский – единственная награда за мои труды».

Не был он редактором двадцать лет, намного меньше. Хотя редактором моей книжки был.

Надо ещё сказать о кочующей повсюду и многократно цитируемой фразе о том, что Довлатов «похоронен в Нью-Йорке, в армянской части еврейского кладбища». Никакой «армянской части» на кладбище Маунт Хеброн нет, Дов-

латов похоронен на еврейском участке, где хоронили евреев – выходцев из Винницы. Не пристало русскому писателю быть похороненным среди евреев?..

Но вернёмся к нашему конкурсу.

Майя Беленькая в своём эссе замечательно сравнивает Довлатова с валокордином, который содержал главное воздействующее на сердце вещество – фенобарбитал. Сейчас, к сожалению, это вещество из лекарства убрали. И действительно – ушёл Довлатов, а вместе с ним ушла и литература, которая содержала лёгкость, юмор, любовь, абсурд жизненных ситуаций – то, чем привлекательна довлатовская проза.

В конкурсе рассказов была предложена тема «Маленький человек в большом городе» – это о том, о чём, в принципе, и рассказывал Довлатов. Хотелось бы чего-то такого искромётного, весёлого или грустного, но непременно задевающего душу и вносящего в нашу не такую уж беззаботную жизнь хоть искорку того, чем радуется или огорчает нас любимый писатель.

И правда – есть это в некоторых конкурсных рассказах, хотя часть из них написана явно до конкурса и ничего не имеет общего с заданной темой. Эти рассказы хороши сами по себе, они, возможно, привлекательны, но остаются за рамками конкурса. Надеюсь, что они найдут достойное место в иных журналах и сборниках.

Я хочу поблагодарить всех участников, пожелать им новых сюжетов, новых удач в творчестве, а победителей и лауреатов поздравить также и с успехом. В добрый час!

Наум САГАЛОВСКИЙ,
председатель жюри

Чикаго

ноябрь 2025

Жюри – в составе:

- поэт **Наум САГАЛОВСКИЙ** – председатель жюри,
 - поэт, прозаик, историк литературы, доцент кафедры славистики университета Майнца **Алексей МАКУШИНСКИЙ**,
 - писатель, сценарист, кандидат искусствоведения **Элла МИТИНА**,
 - писатель **Нелли ШУЛЬМАН**
 - главный редактор журнала **Барух-Александр ПЛОХОТЕНКО**,
- сформировало **шорт-лист** в конкурсе эссе и **лонг-лист** и **шорт-лист** в конкурсе короткого рассказа

Их участникам будут вручены соответствующие **дипломы**.

Конкурс эссе «Мой Довлатов» Шорт-лист

Майя БЕЛЕНЬКАЯ (Мюнхен, Германия) «Писатель и фенобарбитал, или Парадоксы Сергея Довлатова»

Алексей ИЛЬИЧЁВ (Владивосток, Россия) «Это очень любопытный вопрос, но он не всем интересен»

Ольга САМАРИНА (Санкт-Петербург, Россия) «Письмо Сергею Довлатову»

Победители

Диплом 1-й степени – Майя БЕЛЕНЬКАЯ

Диплом 2-й степени – Ольга САМАРИНА

Диплом 3-й степени – Алексей ИЛЬИЧЁВ

Конкурс короткого рассказа «Маленький человек в большом городе»

Лонг-лист

Дмитрий АРКАДИН (Ришон ле-Цион, Израиль) «Все мужики сволочи, или Поминальные страсти»

Александр ВЕЙЦМАН (Нью-Йорк, США) «В два голоса»

Дарья ВЕЛИЖАНИНА (Гамбург, Германия) «Дом-дерево»

Катерина ЛОБОВА (Москва, Россия) «Таракан»

Осип МОГИЛА (Атырау, Казахстан) «Долгие дни, короткая жизнь»

Виктория НИКОЛАЕВА (Ашкелон, Израиль) «Поцелуи украдкой, или Как украсть судьбу»

Юлия СЕИНА (Москва, Россия) «Чикагский транзит»

Анатолий ШЕЙН (Москва Россия) «Плата за вход»

Шорт-лист

Александр ВЕЙЦМАН

Дарья ВЕЛИЖАНИНА

Катерина ЛОБОВА

Виктория НИКОЛАЕВА

Юлия СЕИНА

Анатолий ШЕЙН

Победители

Диплом 1-й степени – Анатолий ШЕЙН

Диплом 2-й степени – Юлия СЕИНА

Диплом 3-й степени – Виктория НИКОЛАЕВА и Катерина ЛОБОВА

Работы лауреатов 1-й, 2-й и 3-й степени будут опубликованы на страницах «Тайных троп».

Также лауреаты будут приглашены:

- к участию в **литературных чтениях**, организуемых журналом, запись которых будут опубликована на YouTube-канале журнала,
- к **онлайн-презентации** своих текстов.

М

Майя БЕЛЕНЬКАЯ

📍 Мюнхен, Германия

Фото: Николай Шабаров

Филолог, журналист.

Окончила историко-филологический факультет Горьковского (ныне Нижегородского) государственного университета и аспирантуру Владивостокского университета. Работала в школе учителем русского языка и литературы и преподавателем истории мировой культуры. Позднее читала лекции в вузе по истории русского театра.

Автор многочисленных публикаций в России (в том числе в «Новой газете») и в русскоязычных изданиях в Германии. В 2014 году была колумнистом главной газеты Баварии «Süddeutsche Zeitung».

Писатель и фенobarбитал, или Парадоксы Сергея Довлатова

Вместо эпиграфа

Представьте себе такую картинку: город Мюнхен, Гёте-институт, а в нём, что называется, «уроки немецкого». Полугодовые. Для людей, недавно прибывших в Германию. Наша группа уже на финише. То есть шестая ступень, или, как здесь говорят, штуфа (на самом деле – die Stufe: ну вы знаете эту манеру бывшесоветских людей переделывать заморские слова под свои лингвистические возможности), так вот эта самая последняя штуфа подходит к концу. Преподаватель, ответственный и слегка занудный Зигфрид, включает магнитофонную запись для прослушивания. Задание: пару минут послушать иноязычный текст, а потом доложить, что мы из него поняли. Пара минут тянется невыносимо долго, наконец аудиозапись замирает, и тишина в аудитории становится не рабочей, а именно что тягостной, поскольку желающих поделиться своими впечатлениями не находится. И только смиренная толстая Галя, не выдержав испытующего взгляда нашего бедного учителя, неуверенно сообщает: «Вроде по-немецки».

Зигфрид в обмороке, народ хохочет, а я сразу же вспоминаю Довлатова.

(Ежели у читателя никаких ассоциаций не возникло – обещаю: потом расскажу.)

Но прежде попытаюсь вспомнить, когда я впервые услышала о Довлатове. Логичнее было бы вспоминать о том, когда я его впервые прочитала. Или – что важнее – полюбила. Но в том-то и дело, что эти три процесса прошли практически... (Стоп, Довлатов бы такое близкое положение слов, начинающихся на одну и ту же букву, не одобрил.) Попробую, следуя законам любимого писателя, сформулировать иначе. Вот так, например: все три действия в моём случае осуществлялись параллельно. То есть услышала, начала читать и сразу влюбилась. С Довлатовым точно, как с самыми главными человеческими чувствами: ты просто ощущаешь – твой это человек или нет. И влюбляешься, ежели твой.

Ну вот я и влюбилась, прочитав первые строчки в свежеподаренном мне трёхтомнике.

Санкт-Петербургское издательство «Лимбус-пресс» увековечило себя в русско-думающем сознании уже только благодаря этим легендарным трём книжкам. Ну знаете, такие, в белом суперпереплёте, с чудесными диахромными рисунками Александра Флоренского («митьки» – точнейший выбор!) и конгениальными фотографиями Нины Аловерт. (Я и в Нину тоже сразу влюбилась. Сначала виртуально, а потом мы с ней вживую подружились. И теперь у меня даже есть книги, подаренные Ниной, и роскошный альбом её фотографий, который так и называется – «Сергей Довлатов».) Ох, красавец!

Короче, не влюбиться было нельзя. Ну, я-то ладно: люблю влюбляться, а вот что произошло с половиной населения бывшего Советского Союза – феномен, для понимания которого не только литературоведческая аналитика нужна, но и социологические и даже психиатрические исследования многонационального русскоговорящего народа не помешали бы.

Довлатов лечил наши страхи, смеялся над нашими клише, разрушал иллюзии, помогал спокойнее относиться к жизненным неурядицам, снимал ложный пафос, иронизировал по поводу охватившего страну вранья и, чуть не написала, – давал надежду... Ни черта! Про надежды можно было забыть, но читая Довлатова, мы переставали ощущать безнадёгу. Хотя именно о ней он и писал. И смеялся над ней же. И нам становилось легче.

Поэтому в эмиграции, где я пребываю лет двадцать, в каждой знакомой мне семье я встречаю этот самый трёхтомник. Куда бы ни заходила – вот он, родимый. Обложки потрёпаны, листы вываливаются, пятна от жареной картошки и её аналогов – чуть ли не на каждой странице.

Вот бы Сергей Донатович обрадовался! Не для красоты мы брали с собой его книжки. Для жизни. Действительно, всё бросали (не всё, конечно, тут я пого-рячилась, у каждого из нас был свой «чемодан»), но Довлатов нужен был как лекарство, как какой-нибудь валокордин, которого тоже в эмиграции было не достать. Впрочем, сейчас купить этот препарат можно, но там всё равно не будет главного действующего вещества – фенобарбитала. То есть и мята перечная, и масло шишки сосновой – на месте, но вот основного успокаивающего и даже противоэпилептического ингредиента – нет.

А Довлатов парадоксальным образом успокаивал... Конечно, уже только в те времена, когда это «лекарство» можно было если не в любой аптеке купить, то хотя бы достать по блату. Или вымолить у друзей на недельку, ссылаясь

на острое воспаление души, требующее немедленного седативного вмешательства. Клянусь – медикамент помогал. А уж эмигрантскую метафорическую эпилепсию снимал по мановению каждой фразы. С любой страницы можно было его принимать. Выхватываешь наобум что-нибудь типа этого:

«я отблагодарю тебя... я завещаю тебе сочинения Ленина»

– и всё! приступ проходил.

Меня лично, как только я открыла первый том (а начинается он с «Зоны»), сразу же авторское короткое предисловие зацепило:

«... всякое сходство между героями книги и живыми людьми является злонамеренным. А всякий художественный домysel – непредвиденным и случайным».

Я застыла: так вполне парадоксально и даже провокационно в уже почившем Советском Союзе никто не писал.

Теперь-то я много чего знаю и про героев, и про автора, но, когда перечитываю Довлатова, стараюсь свои знания спрятать подальше. И забывать про «всякое сходство между героями» его книг и живыми людьми. И нет мне дела до любовной истории самого Сергея и Аси Пекуровской, хотя мои старшие ленинградские друзья, знакомые с обоими, рассказывали, что эту пару реально знал весь город, и когда они (высоченный черноволосый парень и прелестная хрупкая девушка) появлялись на Невском, народ просто замирал от яркости и красоты, столь несвойственной серому сдержанному городу. И Лену Довлатову я воспринимаю исключительно как литературного персонажа. И состоящие буквально из пары фраз заметки про Андрея Седых, Льва Халифа, Вагрича Бахчаняна или смешные истории из жизни обожаемых мной Гениса, Вайля, Уфлянда и прочих, прекрасных и разных, – воспринимаются мною тоже именно как литература. Как и ставшие гуманитарной историей имена от Олеши до не к ночи будь помянутой Юнны Мориц, от Заболоцкого до Евтушенко – всё равно у Довлатова прежде всего герои его прозы. Вещество текста. Как, впрочем, и многочисленные упоминаемые писателем СМИ: от журнала «Юность» до радиостанции «Свобода», от ленинградской газеты «Смена» до престижного «Нью-Йоркера», которые вполне органично вшиты в ткань повествования и представляются мне лишь деталями *«belles lettres»*, то бишь «изящной словесности». И даже вполне конкретные реалии богомного Ленинграда, эклектичного Нью-Йорка, лаконичного Таллина или безграничной Зоны; да все упоминаемые топонимы (а точнее говоря, ойконимы, урбонимы, годонимы и т. п.) – всё стало литературой.

Впрочем, и в моём восприятии случались исключения. Забыть не могу, как однажды, читая «Зону», прямо физически затормозила, наткнувшись на некоего страшного персонажа «потомственного скокаря (что это такое, до сих пор не выяснила, да и не хочу; отлично это словцо легло в общий перечень достоинств товарища Бутырина), а там чудесные характеристики: *«наркоман, волюнщик, гомосек»* (сейчас такую неполиткорректную лексему и близко бы не допустили), да ещё *«истерик, опрокидывавший залом в кабинете следователя бутылку чернил»*. Но! У Бутыря было одно невероятное достоинство.

«Он мог подохнуть давно. Например, в Сормове, где канавинские ребята избивали его велосипедными цепями».

Я, наверное, единственная из читателей Довлатова, просто упивалась этим абзацем. Сама из Сормова и отлично помню, как канавинские шли на наших. И вот в этом месте – я слабею до сих пор. Практически горжусь. Точно по Чехову: теперь о нас с Сормовом «вся Россия знает»!

Другие неисчислимые «злонамеренные совпадения» я пропускаю. И знания свои пропускаю. Просто наслаждаюсь. На любой странице открываю и пропадаю... И ведь всё помню. Но продолжаю улыбаться его акварельному юмору (никогда не смеялась, читая Довлатова), и вздыхаю над его историями, и в кризисных ситуациях спасительный филологический фенобарбитал принимаю.

Но чаще – печалюсь вместе с ним.

Про печаль отдельно. Она просвечивает сквозь его строчки, как будто под вокабулами, составленными в самых развесёлых вариантах, спрятались блюзовые минорные аккорды. И я даже не имею в виду вполне прямые грустные зарисовки, изложенные, впрочем, с фирменной лёгкой иронией, например воспоминание о том, как лирический герой (ну конечно же, сам Довлатов) лежит на носилках с томиком Достоевского на груди (как раз Нина Аловерт его и принесла Сергею в больницу), или о том, как Михаил Светлов предлагал пропить банкноту с изображением Кремля со словами «Ну, что, друзья, пропьём этот ландшафт», хотя таких эпизодов тоже немало. Но я про какую-то общую печаль. Может быть, я так остро её ощущаю, потому что Довлатов уже больше ничего не напишет. Так и все великие не напишут, – возразят мне. Но он, чёрт подери, такой настоящий. Такой живой. Невозможно и думать о том, как плохо ему было в той ужасной американской скорой... Как страшно. Как безнадежно. Как неправильно. И он должен был быть живым. Должен. Ведь многие его друзья живы...

Сил не хватило...

В «Заповеднике» лирический герой (*alter ego* писателя) решает свои проблемы так:

«Мои несчастья были вне поля зрения. Где-то за спиной. Пока не оглянешься – спокоен. Можно не оглядываться...»

Но сам-то он оглядывался. Нас поддерживал, а сам бесконечно предавался рефлексии. Нас спасал и спасает от депрессии, а сам был к ней близок. Нас исцелял, а сам на лекарства не надеялся. Искал утешения совсем в других вещах.

Нам помогал улыбнуться, а сам... Нет, тут как раз ангитезы не нужны. Поскольку и сам умел посмеяться, и утверждал, что отсутствие чувства юмора – трагедия для писателя. Но честному художнику не обойтись и без чувства печали. Без ощущения конечности бытия. Без осознания горечи жизни. И да, с этим у Довлатова тоже было всё в порядке. Даже более чем... Хотя знатоки, да и незнатоки, любят вспоминать известную фразу Сергея Донатовича, якобы характеризующую некую отстранённость писателя от горестей существования рефлексирующего человека:

«Самое большое несчастье моей жизни – гибель Анны Карениной».

Вот уж где проявилась его знаменитая ирония и обнаружилась та самая маска, за которой – бесконечная печаль.

Какая там Анна Каренина?! Когда в «Записных книжках», буквы для которых он печатал на IBM, уже получается, что в Америке, Довлатов пишет:

«Мучаюсь от своей неуверенности. Ненавижу свою готовность расстраиваться из-за пустяков. Изнемогаю от страха перед жизнью».

Однако (и в этом парадокс мироощущения художника) фраза про Анну Каренину не только маска. В ней метафора его писательской идентичности. Его суть, как мне кажется. Потому что Довлатов был абсолютно литературоцентричным, текстоцентричным, словоцентричным человеком. И если продолжать цитировать фрагмент о страхах и сомнениях:

«А ведь это единственное, что даёт мне надежду. Единственное, за что я должен благодарить судьбу. Потому что результат всего этого – литература», – то можно ещё раз убедиться в том, что словесность для Довлатова в чём-то важнее реальности.

Что есть правда. Художнику почти всегда приходится расплачиваться своими болями, своими страхами, своими рефлексиями, своей судьбой, в конце концов. За талант. За творчество. А в случае Довлатова – за то самое изящное письмо.

Мне кажется, именно оно интересовало писателя больше всего. Именно текст и его доминирующая единица – слово. Его фонетика. Его соединения с другими словами. Фонетика целого предложения. Или даже фонетика абзаца.

Вот всё вместе: звучание, стиль, ирония, вкус, юмор, печаль, безнадёжность – в этом мой Довлатов.

Обняла бы его. Да где там...

Даже в сослагательном наклонении в предпрошедшем времени (в *плюсквам-перфекте*, сказал бы мой любимый автор) выглядела бы, как грустная Марина из «Компромисса». Помните, она гладила героя по волосам...

«Гладила и повторяла:

– Бедный мальчик... Бедный мальчик...»

И дальше – очень точно. И очень характерно для Довлатова:

«С кем это она, думаю, с кем?..»

Не дал бы себя пожалеть. Спрятался бы за своей ироничной маской.

Кстати, думаю, что не мне одной обнять его хочется. Просто не все признаются.

Да и восхищаться Довлатовым в современной интеллектуальной тусовке не очень принято. Ну да, неплохой, лёгкий, такой типа Чехов для не самых продвинутых.

Поэтому и мода на писателя: узнавание близкого по духу человека через цитаты из Довлатова, пересказы его историй, увлечение подробностями его биографии, серьёзные литературные форумы и конференции, ему посвящённые, – всё потихонечку ушло.

Но вернётся. Потому что за внешней лёгкостью, за точной выверенностью каждой фразы, за самоиронией, за стилистическим совершенством кроется целый космос, вселенная, которая есть в каждом думающем человеке, но которой не каждый умеет поделиться... Да и вселенная у нас всех разная.

А довлатовская – такая печальная, такая огромная, что не раствориться в ней невозможно. Как там у него «Заповедник»-то заканчивался?

«Тут уже не любовь, а судьба...»

Р. S. И да, я же обещала рассказать, почему я вспомнила о Довлатове, когда тихая Галя довела нашего преподавателя в Гёте-институте до бессознательного состояния.

Тут надо бы обратиться к эпизоду из повести «Филиал», где речь шла о зачёте, для сдачи которого герою нужно было перевести немецкий текст. Задача оказалась совершенно невыполнимой, тем более что, как пишет Довлатов, даже само начертание букв в этом тексте *«таило враждебность»*.

И четыре минуты качания над непереводимой латиницей прошли даром.

– Что Вас смущает? – поинтересовалась Инна Клементьевна.

...Я наугад ткнул пальцем.

– Майн гот! Это же совсем просто. Хатте геганген. Плюсквамперфект от «ге-ен»... Переводите сразу. Ну!

– Не читая?

– Читайте про себя, а вслух не обязательно.

– Тут, видите ли...

– Что?

– Тут, откровенно говоря...

– В чём дело?

– Тут, извиняюсь, не по-русски...

– Вон! – крикнула фрау неожиданно звонким голосом. – Вон отсюда!

А Зигфрид толстую Галю не выгнал. И нас, дураков, не погнал. Вот мы и не стали писателями. Да и немецкий толком не выучили. Такая судьба. Как говорил Довлатов, мы *«всего лишь побывали на конечной остановке уходящего троллейбуса»*. Что тоже не так плохо. Опять же по Довлатову – *«у Бога добавки не просят»*... ■

М

**Ольга
САМАРИНА**

📍 Санкт-Петербург, Россия

Фото: из личного архива автора

Будучи фанатом автопутешествий, проехав с подругой всю Америку с западного побережья на восточное, а позже на Аляске покорив знаменитое шоссе Далтон, ведущее к Северному Ледовитому океану, я стала автором многочисленных травелогов. На страсть к путешествиям повлияла бабушка-географичка, с которой прожила в одной комнате двадцать лет – с рождения и до замужества.

Травелоги, эссе и рассказы публиковались в журналах и электронных изданиях: «Зинзивер», «Этажи», «Пашня», «Перископ», «Дегуста.ру», «Четырёхлистник», «Вторник», «ГУРУ-Арт», «Сетевая словесность» и др. В издательстве «Перископ» готовится к выходу травелог-роман «Авто-География».

Училась на курсах «Мастер текста» при издательстве «Астрель» в Санкт-Петербурге, а также в школе «Хороший текст» в Москве и онлайн-школе CWS.

Имею два высших образования, техническое и психологическое. Работала инженером, будучи совладельцем кадрового агентства, являлась директором по развитию компании. В этот период публиковалась со статьями и обзорами в бизнес-СМИ «Деловой Петербург», «Персонал», «The chief», «Вопросы персонала», «Афиша», «The St. Petersburg Times» и др.

В настоящее время работаю ведущей «Ателье письма» – творческой мастерской для пожилых людей в благотворительной организации.

На конкурсе им. Алексея Пичкова «Снежные дали-2024» победила в номинации «Проза-Открытие» с рассказом о путешествии на Аляску.

В VIII литературном конкурсе «Уральский книгоход» получила диплом III степени в номинации «Документальная проза».

Призёр конкурса «Север – страна без границ-2025» с исландским травелогом.

Письмо Сергею Довлатову

Сергей...

Сижу над этим обращением, выделенным запятой; пялюсь на буквы имени; отхожу – пить чай, загружать в машину бельё, тискать кота; сбегая на диван поговорить по телефону – якобы надо.

Здороваться или нет? На «ты» или на «вы»? Запросто или с пиететом?

Я заметила, что люди, пишущие о Довлатове, невольно начинают говорить о себе, пытаются вставать на цыпочки, подтянуться к его исполинской (во всех смыслах) фигуре.

Валерий Попов, например, издав в серии ЖЗЛ биографию Довлатова, много написал о том, что у них было общего: поколение, город, послевоенные дворы, писательские компании. В его тексте о Довлатове неприкрыто маячит вопрос «Почему к Сергею пришла такая слава? Чем я хуже? В одном же котле варились». Попов даже всё время старается Довлатова укоротить, подпилить ему ноги, местами рисуя портрет суетливого Довлатова, красующегося собой, пропихивающего свои произведения там и сям. За Попова становится немного неудобно.

Александр Генис в самом начале своего филологического романа «Довлатов и окрестности» иронично заметил, что нашёл «дерево повыше», как раз для того, чтобы лучше разглядеть себя – автора. Замечательная книга получилась.

Вот и меня тянет повисеть на коленке у Гулливера, запустив его в свою лилипутскую страну. И мне не страшно. Потому что я знаю: Довлатов способен разглядеть любую мелочь (тоже во всех смыслах) и придать ей другой масштаб. Удлинить ножки. Чтобы все увидели. Начну, пожалуй.

Сергей!

Надо признаться, между нами существует некоторая интимность. В молодости муж почему-то любил меня расспрашивать, с кем бы я согласилась переспать (довольно пошло звучит, согласна). Вопросы были игривы и касались обычно каких-то популярных личностей. Не про друзей же спрашивать. Видимо, тогда я очень нравилась мужу, потому что к моим сорока такие вопросы он задавать перестал.

Скоро выяснилось, что я до неприличия благочестива. Я была согласна отдаться только троим: Вам, Роберту де Ниро и Майку Науменко. Про Майка и группу «Зоопарк» сейчас уже мало кто помнит, и, хотя появился фильм Серебренникова «Лето», этот «летний» Майк ни разу не Майк из тех моих пристрастий.

В общем, Сергей, Вы первый в списке претендентов на потерю мной супружеской верности, поэтому, как честный человек, Вы обязаны... ну, или хотя бы согласитесь выслушать меня.

Чем Вы меня покорили? Кроме общеизвестных чар высокого, часто нетрезвого красавца, с иронией взирающего на окружающую советскую действительность, кроме Вашего, такого симпатичного, литературного пижонства, когда, ищи – не ищи, всё равно не найдёшь в одном предложении два слова с одной и той же начальной буквы, кроме ленинградских легенд о довлатовском житии и того нимба вольности и бесшабашности, который Вы подарили улице Рубинштейна (эта улица становится похожей на вечное празднование дня Святого Патрика, ни на минуту не прекращающееся. Сергей, представляете, Вы скоро будете причислены к лику святых, как Патрик! Люди там уже паломничают к Вашему памятнику), – кроме всего этого Вы покорили меня очень странным сочетанием эстетства, в чём-то даже снобизма, и какой-то детской беспомощности. Перед обстоятельствами, соблазнами, преградами.

Тот самый памятник Довлатову у дома 23 на улице Рубинштейна в Санкт-Петербурге

Беспомощный ребёнок-сноб. Что может быть абсурднее? Ещё и великан. Но так по-бабски хочется утешить, прижать, нашептать. Да, бабий бред, как обычно: в любую ночь-полночь впустить, пригреть, всё простить и плакать, и плакать, и плакать. Я неоригинальна.

Я могу читать Ваши тоненькие книжки с любого места в любых дозах и сочетаниях. Знаете, Сергей, мне нравится такой новый (?) жанр, как травелог. Впрочем, он всегда был, взять хотя бы книги Керуака или того же Гениса. Это не про красоты и достопримечательности, это про то, как путешествие меняет автора. В травелоге, конечно, мы увидим и горы, и площади, и водопады. Но не отстранённо, а глазами автора, переживая эмоции автора, погружаясь в его мысли, воспоминания и ассоциации.

Мне кажется, Сергей, Вы всегда писали такой травелог – травелог повседневности. Где герои часто реальны. Сейчас Вас даже кое-где могли бы выставить из отдела художественной литературы и запихнуть на загадочную полку «нон-фикшн», где есть всё: от советов, как вывести жирное пятно, до десяти правил знакомства с состоятельным мужчиной, и где есть подполочка, именуемая народным словом «байки». Красовались бы сейчас в компании с каким-нибудь Цыпкиным.

Да, Вы ведёте меня через свою повседневность, Сергей, – через Иоссер, Пушкинские горы, Ленинград, Таллин, Нью-Йорк, а я проживаю её с Вами и учусь видеть в эке человека со своей особенной вселенной, в Мише-дружбисте изумлённо открываю аристократичность, когда он не сдаёт бутылки, а высокомерно их выбрасывает. Вы ставите маленьких героев на высокие ходули, чтобы я их могла различить, поднимаете их из тёмного зрительного зала на освещённую сцену, ничего не придумывая, а лишь делясь со мной своим увеличительным окуляром.

И главное волшебство этого окуляра заключается в Вашей авторской интонации. Почему фильмы и спектакли по вашим произведениям так скучны? Потому что эти истории оскопили, отрезали у них авторскую речь. И всё! Магия Вашего текста рассыпалась. Голос автора – это дыхание Ваших текстов.

Я иногда думаю: как Вам удаётся быть пронзительным без крика, без самоблаженства, без обличения? Вы точно не Генри Миллер, не Эдуард Лимонов. Вы помещаете себя в бытовую картинку и неприметно, прикрываясь юмором, доводите её до абсурда, и вот вам – эффект готов! Можно ли этому научиться? Сомневаюсь.

Теперь, объяснившись, я могу настолько осмелеть, что признаюсь в ужасном. Только Вам! Я, как и Вы, большой поклонник многоточий, сколько бы ни смеялись над такой страстью редакторы. Вы уверяете, что это Ваша особая авторская пунктуация. И у меня она оказалась особой. Вот... А ещё я пишу травелог, и у меня довольно сходная с Вами пассивная жизненная позиция. Есть, есть в нас некоторое сходство. Только ростом не вышла (во всех смыслах).

Жалко, что Вы так рано умерли, Сергей. Мы ходили по одним улицам, и я могла бы Вас тогда, хоть и маленькой, повстречать. А потом подрасти, выйти замуж, приехать в Америку и изменить своему мужу с претендентом № 1 из крайне короткого списка. Ну или просто попить кофе с нестрашным Гулливером. ■

Алексей ИЛЬЧЁВ

📍 Владивосток, Россия

Фото: Инна Корнеева

Занимаюсь изучением и преподаванием истории русской литературы.

В центре научных интересов – жизнь и творчество А. С. Пушкина. Защитил докторскую диссертацию, посвящённую изучению творчества Пушкина и литературы конца XVIII – начала XIX века. Работал руководителем Научно-организационного центра Всероссийского музея А. С. Пушкина (СПб, наб. реки Мойки, 12).

Сейчас вновь живу во Владивостоке, как и раньше, когда семья переехала сюда из Сухуми. Во Владивостоке я поступил в университет на факультет русской филологии. После третьего курса меня перевели в Ленинградский государственный университет для продолжения образования и возвращения во Владивосток на преподавательскую работу.

Так сформировалась матрица моей дальнейшей жизни: между Петербургом и Владивостоком. В Петербурге работал над кандидатской, докторской диссертациями, во Владивостоке жил и преподавал в университете.

Это очень любопытный вопрос, но он не всем интересен

О повести С. Довлатова «Заповедник»

Нет сомнения, что главная тема «Заповедника» С. Довлатова – это Любовь. Причём та, о которой пишет Данте в последнем стихе «Божественной комедии»: «Любовь, что движет солнце и светила». И это вовсе не свободная игра моих литературных ассоциаций, а сформированный Довлатовым подтекст.

«Зона» – это Ад, «Заповедник» – это Чистилище с проблесками рая. Из адского Ленинграда Борис Алиханов бежит в Михайловское с мыслью очиститься, чтобы потом устремиться в рай.

Татьяна – это не только жена героя, не только пушкинская Татьяна, но и Беатриче Данте. Она ведёт его через Чистилище к Раю. Одинаковым оказывается возраст героя (Довлатова) и Данте:

«Земную жизнь пройдя по половине,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины».

Данте – 35, Довлатову в 1976 году тоже 35. «Сумрачный лес» – это заповедник.

И когда читатель понимает этот высший смысл, становится ясно, почему так несуразно, анекдотично, мрачно и сурово изображается в книге *«приют спокойствия, трудов и вдохновения»*, почему герой не видит и не знает о героикоромантической деятельности С. Гейченко, который не только воссоздаёт Михайловское, которое, к счастью, фашистами по невежеству не было уничтожено, но создаёт артефакты – скамью Онегина, аллею Керн...

И это последнее – превращение Михайловского, Тригорского, Петровского в музей меня интересует особенно.

Мы с персонажем Довлатова занимались там одним и тем же делом – водили экскурсии. Более того, я работал экскурсоводом во Всероссийском музее А. С. Пушкина

в Санкт-Петербурге, а летом иногда ездил в Михайловское на научно-практические конференции, водил экскурсии.

Все это позволяло мне чувствовать себя не только знатоком жизни и творчества Пушкина, но и словно бы близким ему человеком. Ровно так, как ощущали себя практически все музейные экскурсоводы в повести Довлатова. Вот я бы и хотел поделиться своими экскурсоводческими впечатлениями.

Музей занимается широкой деятельностью. Собирает, концентрирует в себе материалы и артефакты музеефицируемого объекта. Эти материалы изучаются, описываются, каталогизируются. На этой основе организуются временные и постоянные выставки, экспозиции, знакомство с которыми уже доступно широкому кругу зрителей. Для того, чтобы эти документы, вещи, картины и проч. стали носителями смыслов, как раз и требуется экскурсовод, который владеет магией одушевления неодушевленного.

Во всех пушкинских музеях вам непременно покажут фигурку Наполеона, обрезанное гусиное перо Пушкина, его рукописи... Тут работает волшебство музея, которое должно приблизить к вам образ того человека, которому посвящён музей, вернуть вас в то время, в котором он жил.

Когда ведёшь пушкинскую экскурсию, то ты убеждён, что общаешься с людьми, которые не только любят (иначе не пришли бы!), но и знают (в школе же учились!) Пушкина и его творчество. И вот ты им говоришь: «Как вы знаете...», – и понимаешь, что они не знают! И вместо поддержания контактов происходит коммуникативный сбой, который нужно срочно как-то латать, чинить, восстанавливать! В самых тяжёлых случаях я успокаивал себя тем, что у экскурсантов была возможность долго любоваться чудиком, который так восторженно относится к Пушкину!

Но случаются и совершенно удивительные истории. Таких людей невозможно назвать экскурсантами или посетителями. Это самые настоящие поклонники, которые приходят к Пушкину, чтобы поклониться ему.

Так, помню, 10 февраля, в день смерти Пушкина, я услышал, как одна дама сказала: *«Плохо сходила, даже не заплакала. Надо пойти ещё»*. Она приходила на тризну.

А ведь именно такую публику изображает Довлатов!

Научился я обходить и дурацкие вопросы, которые иногда задают посетители, о которых тоже вспоминает персонаж Довлатова. Вроде вопроса о калибре дуэльных пистолетов. Я на них реагировал так: «Это очень любопытный вопрос, но он не всем интересен. Я отвечу вам после экскурсии». И конечно, о своём интересе к калибру пистолетов экскурсант совершенно забывал, а вы не отклонялись от своего рассказа.

Изображение Пушкиногорья таким печально-анекдотическим принадлежит взгляду персонажа, взгляду Бориса Алиханова. Сам же Автор даже в описании событийного ряда отсылает читателя к жизни и творчеству Пушкина, что давно отмечено и описано исследователями, потому что наивный читатель не всегда может сделать это самостоятельно. А вот вдумчивый и дотошный понимает, что для Автора Пушкинские горы – это Святые горы.

Много позже Довлатов напишет:

«Я побывал в 13 странах мира, но лучше места, чем Пушкинские горы, – не видел».

Оно и понятно, этим воздухом Святых гор дышал Пушкин, дышал Довлатов. Удалось его вдохнуть и мне. ■

Анатолий ШЕЙН

Москва, Россия

Фото: Герман Шейн

От автора. Пояснительная записка

Чтобы не получилась автобиография «для 1-го отдела», я решил объяснить, как всё так получилось.

Мне 72, живу в Москве и немножко являюсь партнёром в строительной фирме, свою фирму закрыл десять лет назад.

В прошлом году издал книгу рассказов (27 текстов, 85 страничек) «Райцентр». Не собирался, но друзья «прикола ради» подарили к 70-летию сертификат на издание. Я им до этого изредка что-то читал, вот и решили подшутить. Книжку раздаю как средство от бессонницы. Пока никто не жаловался, значит, действует.

В неё в числе прочих вошёл рассказ, получивший 2-е место в прошлогоднем конкурсе «Гений места», проводимом МГЛУ (бывший Иняз). Темой был юбилей Пушкина. В этом году тоже решил поучаствовать в том же конкурсе и вошёл в шорт-лист с рассказом про Есенина. 3 декабря должны были объявить итоги.

Добровольно являюсь куратором литературных чтений в клубе «Шагал». Тридцать лет назад был куратором поэтических чтений в Политехническом. Играю в футбол за московский ветеранский «Макаби». У меня много замечательных друзей из разных поколений. Курить перестал двадцать лет назад, хотя мне это дело очень нравилось. Ещё с недавнего времени перестал выпивать алкоголь, но я вернусь. Немножко отдохну и вернусь.

Никакого литературного образования нет, окончил Московский институт химического машиностроения, проболтался без толку почти 15 лет в закрытом НИИ, пока в стране не началась перестройка, и ушёл в строительство.

Самый приятный для чтения язык русский, для слуха – идиш и одесский.

А перед этим мы жили на Звёздном бульваре классической рядовой советской еврейской семьёй: папа инженер, мама педагог, и мы с братом (я – младший).

А ещё перед этим меня принесли в коммуналку на Тверской пешком из роддома Грауэрмана, что на Арбате.

А ещё перед этим мои бабушки и дедушки, забрав малолетних детей (будущих моих родителей) понаехали в Москву из еврейских местечек, из Харькова, Луганска, Винницы.

А что было ещё перед этим, я так и не успел у родителей разузнать. Всё казалось, что есть более важные дела.

Плата за вход

*Мелкими, спотыкающимися, неразборчивыми
буквами было нацарапано:*

*Сегодня ночью с четырёх часов магический
театр – только для сумасшедших – плата
за вход – разум.*

Герман Гессе. Степной волк

Много лет спустя, 4 октября 2025 года, стоя у школы в ожидании встречи с одноклассниками, я услышал из школьного окна скрипичные гаммы и вспомнил тот день, когда мама привезла меня сюда сдавать экзамен в седьмой класс.

Вечером того памятного 14 апреля 1966 года мои мама и папа в растерянности сидели на кухне нашей квартиры на Звёздном бульваре. Конечно, мама уже рассказала отцу о том, что я подписал, что было написано по всей длине школьного коридора и что было написано на фасаде мелом детским почерком заглавными буквами чуть ниже названия школы. Я вернулся с бульвара после футбола, зашёл на кухню, папа внимательно и оценивающе посмотрел сперва на меня, потом на маму и сказал:

– Что-то, мать, мы не то затеяли.

Мама вздохнула и ответила:

– Пусть попробует. Вдруг получится.

Я запомнил тот день в деталях, хотя мне не исполнилось ещё и 13 лет. Первый целиком сохранившийся в памяти день.

Погода была совершенно весенняя, мы уже третий час гоняли мяч по бульвару и не собирались заканчивать. Я не был основным в команде и больше бегал, чем попадал по мячу, что не мешало наслаждаться футболом, погодой, детством и бесконечностью предстоящей беззаботной жизни, которую омрачала лишь перспектива занятий скрипкой. Мама вышла из такси и сказала:

– Срочно переодевайся, мы опаздываем на экзамен.

Ни про какой экзамен я заранее не знал, но через десять минут мы уже куда-то ехали, а точнее, не куда-то, а поступать в математическую школу.

Позже, много лет спустя, я понял, что это было. Оттепель, и по Москве ходят легенды о Второй школе, самой-самой лучшей математической школе страны, где учатся только гениальные дети академиков. Мама решила заранее разведать, как туда поступить, приехала в школу на Ленинский проспект и узнала – вступительные экзамены и собеседования в седьмой класс начались в феврале, сегодня последний экзамен, и начинается он через час. Мама взяла такси (*тогда цена была 10 копеек за посадку и по 10 копеек за километр и ещё сколько-то копеек за каждую минуту ожидания, и это считалось очень дорого*) и помчалась за мной. Мобильников не было, позвонить и предупредить меня было невозможно.

И вот мы едем, я всю дорогу говорю, что надо было хотя бы учебник взять, а не пионерский галстук, что я не все формулы помню, но мы летим на другую сторону Москвы и наконец вбегаем в школу. Помню, доносятся звуки скрипичной гаммы, которые выпиливает какой-то несчастный бедолага, ещё помню, в коридоре сидят многочисленные мамы и бабушки, взволнованно обсуждающие, что с четвёрками не берут, сдать надо на пять, а по всей длине коридора выписана длинная непонятная фраза.

Вдруг из кабинета с надписью «Директор» выходит высокий мужчина, все кидаются к нему с вопросом «А что надо для поступления в школу?» И он совершенно серьёзно отвечает:

– Надо иметь авторучку и голову. Больше ничего.

Я машинально нащупал авторучку в кармане пиджака школьной формы. Там же обнаружил карандаш и ластик. Голову ощупывать не стал, но взглянул в зеркало и увидел не математика-вундеркинда с огромной башкой, а дворового футболиста с пионерским галстуком и оттопыренными ушами.

Успел подумать, что надо поступить, что лучше математика, чем скрипка, что родители по-любому не отстанут. И тут меня вталкивают в класс – примерно через полчаса после начала экзамена.

Вижу, учитель читает газету, все что-то решают в тетрадях салатового цвета (*в клеточку, цена 2 копейки, на обратной стороне обложки таблица умножения*), кто-то заглядывает в учебник на коленях, класс битком, и мне приходится занять единственное свободное место за первой партой перед учительским столом. Я сажусь и открываю лежащую на парте такую же тетрадку салатового цвета за 2 копейки, понимая, что там записано задание. Но тетрадь пустая, задания нет.

Как только я это место занимаю, так сразу учитель, совсем старенький и очень похожий на всех моих родственников его возраста, складывает газету и говорит:

– Ну-с, начнём. Кто готов?

Я оборачиваюсь и вижу, что все залезают под парты, как будто карандаш уронили или ластик.

Учитель тоже оглядывает класс, переводит взгляд на меня, единственного не спрятавшегося под парту, и говорит:

– Давайте начнём с вас.

(Потом я привык к тому, что так уважительно разговаривают все учителя во Второй школе, но в тот момент осознал только одно: что попал куда-то не туда.)

Естественно отвечаю, что я ещё даже задание не получил, на что учитель берёт листочек, протягивает мне:

– Вот задание. Рассказывайте.

На листочке вижу три задачи. Первая простая, вторая забавная, третья ужасная. На четвёрку отвечу, но этого не хватит для поступления. Значит, увы, скрипка.

Говорю:

– Давайте сперва решу, потом расскажу.

Но учитель отвечает:

– Не надо решать. Вы лучше расскажите, как собираетесь решать.

Потом я узнал, что это был великий математик Израиль Хаимович Сивашинский. К тому моменту я бегло пролистывал его «Элементарные функции и графики», рассматривая завораживающе красивые рисунки, они были самые неожиданные – как волны, как сердце, как ступеньки, как зеркальные отражения. По этому учебнику занимался мой старший брат. Назвать элементарными такие функции и графики мог только человек с очень тонким чувством юмора. Я ничего не понимал, но уже догадывался о главном: математика – это какая-то неземная наука о гармонии мира. Много лет спустя я понял, что математика – самая гуманитарная из всех наук.

Израиль Хаимович через пять лет уехал из страны понятно куда. Но 14 апреля 1966 года я, сидя напротив великого математика, произнёс вслух первую задачу:

– «Произведение четырёх последовательных целых чисел равно 3024. Найдите эти числа».

– Слушаю вас, – сказал учитель, – как будете решать?

Я ответил, что 3024 не заканчивается на ноль и на пять, то есть среди сомножителей нет пятёрок и десятков, они – сомножители – расположены между пятёрками и десятками. Если они каждый больше 10, то произведение будет больше 10 000, а в задании всего лишь 3024.

Значит, они меньше 10. Возможно, это $6 \times 7 \times 8 \times 9$. В уме умножить не могу, но надо проверить. Если при умножении получится 3024, то есть два решения. Если не получится, то вообще нет решения.

– Почему же два? – спросил учитель.

– Потому что есть ещё -6 , -7 , -8 , -9 .

Мы полминуты об этом поговорили, являются ли отрицательные числа целыми. Я настаивал, что в условии речь идёт не про натуральные числа, а про целые, то есть отрицательные тоже дают решение, потому что они целые.

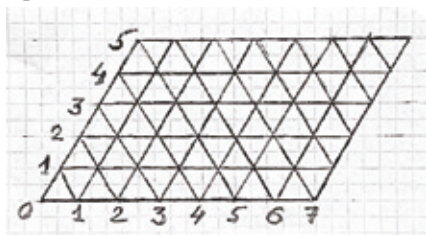
И перешли ко второй задаче.

«Имеется бочка с водой и два ведра, 7 и 5 литров. Как переливаниями получить 6 литров?» – было написано на листочке.

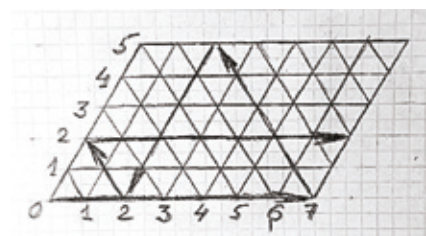
– Какие есть предложения? – спросил учитель.

В ответ с помощью карандаша и ластика, почти случайно найденных в кармане школьного пиджака, я нарисовал косоугольный бильярд с равносторонней сеткой (правда, художником я был ещё хуже, чем футболистом) и объяснил, что по сторо-

нам бильярда видим сколько воды в каждом ведре. Внизу и вверху ведро 7 литров, слева и справа ведро 5 литров.

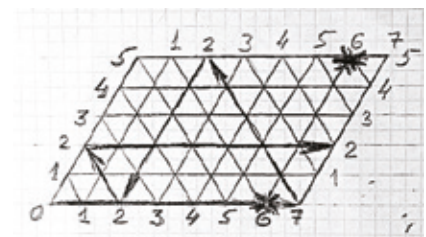

Из начала (из левой нижней точки) толкаем бильярдный шар по сетке, например вправо, и дальше шар отскакивает от стенок и начинает кататься, и каждое катание – это переливание.

Как-то примерно так – и я на своём рисунке добавил стрелки, как будет кататься шар. Первое переливание – из бочки в большое ведро льём до краёв, то есть 7 литров. Второе переливание – из большого ведра переливаем в меньшее, в нём получится 5, в большом останется 2.

Когда-то шар должен прикатиться к числу 6 на границе бильярда. И я нарисовал в этих местах звёздочки. Это и будет решение.

И добавил, что можно и без бильярда переливать, но это долго, скучно и грустно. С бильярдом быстрее, смешнее и веселее. Хотя, если откровенно, и нарисованные мной бильярд, и стрелки, и даже звёздочки у цифры 6 были весьма печальные.

– Кто вам это рассказал? В школе? – поинтересовался учитель.

Пришлось признаться:

– Нет, я у старшего брата подсмотрел.

– Что в третьей задаче? – спросил учитель.

И я прочитал:

– Какая последняя цифра у числа 7^{1966} ?

Такие задачи всегда вгоняли меня в тоску. Я никогда не мог понять, зачем это вообще придумали – возводить число в такую огромную степень. Это число

получилось бы ещё длиннее, чем непонятная фраза в школьном коридоре. Зачем? Ерунда какая-то. Натурально издевательство над детьми. Тоска и горе.

Решил ответить честно. И ответил, что если бы не 7, а 5 пришлось возводить в степень, то всегда в конце было бы 5, если бы 6 пришлось возводить в степень, то всегда в конце было бы 6. А с семёркой всё труднее, я такие задачи никогда не любил и не мог решать. Потому что в первой степени в конце 7, во второй степени в конце 9, потом 3, потом 1, потом опять 7, потом опять 9, потом опять 3, но как добраться до степени 1966, вообще не понятно. Поэтому я эту задачу не решил бы никогда, даже если бы сидел здесь до ночи в пионерском галстуке с оттопыренными ушами вместо футбола на бульваре. Прямо так и ответил, дословно. Ладно, думаю, скрипка так скрипка. Судьба, значит, моя такая.

До сих пор жалею, что не понимал, с кем и о чём говорю. Но мне было 12 лет, а Израилю Хаимовичу 57. Много меньше, чем мне сейчас, когда уже нет той страны, есть мобильники, километр на такси стоит много рублей, но слово «уехал» осталось с прежним смыслом.

И вот, после этой не более чем пятиминутной беседы, Израиль Хаимович берёт один бланк из нескольких, лежащих перед ним на столе, красную ручку и в правом верхнем углу бланка неторопливо рисует 4+ и обводит слегка овальным кругом. И настолько аккуратно-красивый был этот совсем небольшой по размеру плюс, что получилось совсем на капельку больше, чем ровно 4. Теперь, много лет спустя, мне кажется, что он чуть призадумался ставить ли этот плюсики, какая-то пауза была. А может, и не была. Нет, была. В этой паузе кто-то зашёл в класс, и в приоткрытую дверь донеслась скрипичная гамма из школьного коридора. Израиль Хаимович услышал гамму, взглянул на меня, прочитал тоску в глазах, всё понял и поставил плюсики. Очевидно, что он очень любил математику. Но, предполагаю, ещё больше любил музыку и решил оградить её от моего вмешательства. И этот крохотный плюсики, эти две ярко-красные коротенькие полосочки, вертикальная и поперечная ей горизонтальная, решили мою судьбу, определили всю дальнейшую жизнь.

Я вышел с бланком в руках, получается, через пять минут.

Мама спросила:

– Почему тебя выгнали?

И я ответил:

– Поехали, я ещё успею в футбол доиграть.

К нам кинулись мамашки со словами: берут только с пятёрками, какая жалость, немножко не хватило. Пока они хлопотали, я успел прочитать длинную непонятную фразу на стене школьного коридора (*и запомнил её навсегда*).

Мы двинулись к выходу, но тут вышла девушка от директора, сказала:

– Что, уже сдал? – и, увидев мои «4+», продолжила: – Проходите, заполняйте анкету, вас приняли.

Оказалось, что берут если 5+, или 5, или 5–, или 4+, а вот с 4 не берут. Да, Израиль Хаимович чуть задумался над этим плюсики и решил дать мне шанс.

В кабинете директора (*легендарного Владимира Фёдоровича Овчинникова, которого все школьники между собой звали Шеф*) мы заполнили анкету моими, как теперь говорят, персональными данными (*это и был бланк с ярко-красными 4+, сияющи-*

ми, как клятва пионера, в слегка овальном круге в правом верхнем углу). Мама хотела подписать анкету, но девушка сказала, что подписать должен я. Надо было поставить подпись под последним пунктом, в котором было записано что-то невероятное: «Я уведомлён, что буду отчислен из школы в случае неуспеваемости или плохого поведения». (*Отчислен из школы? А разве такое бывает?*) И я впервые в жизни подписал официальный документ.

Когда мы вышли на улицу, я снял пионерский галстук и, услышав доносящиеся из окна скрипичные гаммы, проникся благодарностью и состраданием к исполнителю.

Мама обернулась и долго смотрела на школу, словно запоминая слова, написанные мелом на фасаде детским почерком заглавными крупными буквами прямо под названием школы.

Домой счастливая мама довезла меня на такси, и я до самой темноты гонял с ребятами мяч. Карьера математика была пока в тумане, зато скрипка моему детству больше не угрожала. По Звёздному бульвару ещё протекала речка Копытовка, которую через год убрали в трубу, рядом строилась Останкинская башня, и водитель троллейбуса 9-го маршрута объявлял: «Остановка "Село Алексеевское", следующая – кинотеатр "Космос"».

Нам ещё предстояло прожить ускользавшую оттепель (власти буквально разгромили школу через 5 лет, но мы успели услышать и сохранить в памяти лекции нашего учителя Анатолия Якобсона о Пастернаке и Ахматовой, которые проходили в школьном актовом зале, куда съезжалась вся Москва, и в этом же актовом школьном зале жил немыслимо свободный даже по тем временам школьный кинотеатр с фильмами Анджея Вайды, не выходившими в официальный прокат), нам ещё предстояло пережить практическую нереальность поступления с нашими фамилиями в МГУ, и волны отъездов из страны, которая казалась твердыней на вечные века. Но это ещё предстояло. Потом. Позже.

Вечером того памятного 14 апреля папа и мама сидели на кухне в растерянности, потому что на другом конце Москвы на Ленинском проспекте в кабинете директора лежала анкета с моей подписью, а в школьном коридоре по всей его длине было написано:

«Конгрегация абстрактных идей в сфере духовной апластики¹ и есть то самодвижущее начало, которое движет всемирную идею».

А на фасаде под вывеской «Средняя физико-математическая школа № 2» аккуратным детским почерком мелом заглавными буквами было приписано:

«С ШИЗОФРЕНИЧЕСКИМ УКЛОНОМ».

И лишь много лет спустя, 4 октября 2025 года, в ожидании встречи с одноклассниками, услышав из окна школы пронзительно-грустные скрипичные гаммы, я понял, про что эти слова. С шизофреническим уклоном оказалась не школа, в которой я прожил четыре самых счастливых года своей суетной жизни.

Шизофренический уклон приобрела вся наша сегодняшняя жизнь.

Пророчество сбылось. ■

¹ Или апластическая анемия. (Прим. ред.)

Юлия СЕИНА

📍 Москва, Россия

Фото: из личного архива автора

Родилась в Москве (1969). После успешной карьеры в маркетинге, PR и бизнес-консультировании и множества профильных публикаций статей и блогов в ведущих отраслевых маркетингово-рекламных изданиях сменила офис на домашний кабинет и сосредоточилась на семье и литературном творчестве. Выпускница *Creative Writing School*, курсов писательского и сценарного мастерства *Band*, Академии Антона Чижана.

Рассказы опубликованы в альманахе «Пашня» (№2/2017), журнале «Юность» (№3/2021), в сборниках «Фарфоровый детектив» (2022) и «Истории со вкусом интриги» (2024), а также в журнале «Знамя» (№10/2024).

В 2022-м стала финалистом VII Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Участник литературно-художественных проектов «Зона Перехода» (Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля) и «Околесицы» (Галерея XXI век, 2022).

Сегодняшние творческие проекты – готовый к публикации роман в шести историях «Замок» и сборник рассказов «Энциклопедия одиночества».

Чикагский транзит

1. Утро. Ошибка в тысячу миль

«Все счастливые семьи похожи друг на друга...» Я подумал, что сия литературная аксиома не распространяется, например, на книги или оркестры, или города.

В свои двадцать два я мало что знал об оркестрах или городах: за неимением средств редко выезжал дальше пригородов Петербурга.

Я ценил уединение и тишину, боготворил дикую природу и с самого детства сходил с ума по американской литературе и истории. Хаклберри – любимый герой, шеститомник Хилдрета стал на многие годы моим компасом, а сага Стейнбека «К востоку от рая» – своего рода библией. Америка грезилась мне далёким раем. Вот бы родиться в тихом провинциальном городке в конце XIX века, да хоть в Кейп-Кодовском Брюстере, где в дюнах перешёптывается ветер, залив на закате переливается всеми цветами радуги, а опрокинутые, зарытые в песок при отливе рыбачьи лодки выглядят игрушечными судёнышками, брошенными ребятей.

По специальности я филолог. Компаративист от литературы. Конченный одиночка. Будущий магистр, мечтавший побывать за океаном, а точнее, в Штатах, а если ещё прицельнее, то на восточном побережье.

И вот мечта грозила сбыться: я на пути в Афины всея Америки, город Бостон. Приглашение на семинар отделения сравнительного литературоведения самого Гарварда досталось мне по праву. Я выиграл международный конкурс эссе и радовался путешествию, как ребёнок.

Что ж, я был готов к чему угодно, только не к такой извращённой турбулентности Фортуны.

До Москвы я добрался без приключений, а вот дальше история покатила по только ей известному маршруту.

Я перепутал рейс. Точнее, запутали меня. Именно меня, Сергея Ковалёва, настойчиво зазывали к стойке, грозя скорым закрытием гейта. Услышав свою фамилию по громкой связи, я помчался совсем в другую сторону. Что удивительно, в нашем мире полного подчинения цифровому богу меня, то есть другого Сергея Ковалёва, пропустили на борт без вопросов и я преспокойненько отбыл в Америку, но, как оказалось, немного отклонился от курса.

Самое идиотское, что я не понимал, куда попал, довольно долго. В полёте я не следил за маршрутом, полностью погрузившись в Торовский роман «Уолден, или Жизнь в лесу».

Когда самолёт пошёл на снижение, я мысленно прокладывал в голове маршрут до Уолденского пруда, размышляя о том, пройти ли последние пять километров пешком или потратиться на такси. Я не слышал пилота, а когда оказался в аэропорту О'Хара¹, ничего необычного не заметил. Меня не смутила реклама Уиллис-тауэра, Букингемского фонтана или озера Мичиган: Бостон вполне себе могут украшать лайтбоксы с достопримечательностями «города ветров».

Я миновал паспортный контроль, промучился с час в ожидании багажа, заполнил в итоге требуемые бумажки и наконец выбрался на воздух. Пробежка вдоль автобусных остановок в попытке отыскать «Logan Express»² заставила меня остановиться и сосредоточиться на окружающей действительности. Я с ужасом осознал, что где-то во Вселенной произошёл сбой. Но не тогда, когда отовсюду на меня набросились указатели со словом «Chicago», а когда я окончательно продрог в своей футболке. Здесь было чертовски холодно.

Я стоял посреди снующей толпы и чувствовал себя маленьким мальчиком, по роковой случайности забытым родителями на перроне неизвестной ветки метро. Семинар стартует завтра, а я почти в полутора тысячах километров от Бостона. Мне следовало что-то предпринять, но я словно погрузился под воду: всё вокруг казалось размытым и слышалось неразборчиво, издалека.

Очухавшись, я достал телефон. Мобильник разрядился. Стараясь не впасть в панику, я помчался к стойке информации. Милая девушка за стеклом доложила, что рейсы в Бостон регулярные, но мест до завтрашнего вечера не предвидится. И пожала плечами: «Сочувствую. Ежегодный марафон. Вы тоже спортсмен?»

На поезд я опоздал. Оставался автобус. Следуя полученным инструкциям, я добрался подземкой до автобусной станции «Greyhound'a»³, но и тут получил отлуп: все места на вечерний и ночной рейсы распроданы. Спортивного вида малый посоветовал подойти к указанному в расписании времени и «за бабки» («for cash») напроситься в зайцы. Я так и не понял, шутил он или нет, но решил последовать совету. Оставалось часов пять, и я подумал, что вполне успею прогуляться по городу, тем более что желудок отчаянно взывал к моему переутомлённому мозгу.

¹ Аэропорт О'Хара – международный аэропорт в Чикаго.

² «Logan Express» – автобусный сервис, курсирующий между пригородами Бостона и всеми терминалами бостонского аэропорта Логан.

³ Greyhound Lines Inc. (англ., досл.: Гончая) – крупнейший оператор автобусов в США и Канаде, обслуживающий более 3800 пунктов назначения.

2. День. Встреча под дождём

Чикаго обрушился сверху и внезапно. Поражали не столько масштаб и бетонно-каменная мощь, сколько холодная палитра свалившегося на невидимые головы небоскрёбов неба.

Зарядил мелкий противный дождь. Морось залезала под футболку и пронизывала до костей. Наличных у меня было в обрез, поэтому, увидев вывеску «Секонд-хэнд», я страшно обрадовался. Но магазин, тонущий в полумраке, с неоновой ниткой мигающих лампочек под потолком, оказался самой настоящей барахолой для любителей рок-музыки. Кроме продавца, преклонного возраста мужчины со множеством колец в ушах, в носу и даже бровях, занятого своими делами, здесь не было ни единой живой души.

Я выбрал наименее броскую, потёртую кожаную косуху, шейный платок с узором пейсли и кепку с надписью «Look away». Престарелый рокер, принимая помятую сотку, неожиданно расчувствовался:

– Фанат? Уоррен молодчина! Но лично мне больше нравится Джим Скотт.

Я понятия не имел, о ком он говорит, согласно кивнул и вынырнул обратно в дождь.

Улица, на которой я стоял, тонула в дрожащем на ветру мареве. Тусклые фонари уходили вдаль и сходились в точку в перспективе. Туман или нет – я будто растворился в молочном киселе. Только сейчас я вспомнил, что сегодня выходной, воскресенье. Я чувствовал себя песчинкой, по ошибке занесённой сюда с жарких аризонских пустынь и навсегда пригвождённой холодным потоком воды к тротуару. Если Бостон представлялся мне низкорослым, добродушным старичком-интеллигентом, в галстук-бабочке, твидовом пиджаке и в соломенном канотье, то Чикаго ассоциировался с угрюмым квадратным верзилкой в чёрном пальто до пят и натянутой на брови федоре.

Размышляя о превратностях судьбы, я брёл в сторону озера и уже различал проступающие аллеи Гранд-парка, из-за дождя напоминавшего причудливый аквариумный мир, как меня затормозила протянутая рука.

Груда намокших коробок, которые я принял за обычный мусор, закопошилась, и оттуда вынырнул человек в спортивном костюме, плаще и новеньких фирменных кроссовках. Внутри этой шаткой конструкции я заметил трёхъярусную этажерку с книгами, надувной матрас и китайский термос. На вид мужчине было не больше пятидесяти. С аккуратной щетиной, коротко стриженный, в роговых очках и с лиловым носом. Один в один мой дед, которого я помнил именно таким. На самом деле дед вообще не пил и всегда злился, повторяя, что виновата природа, упоминая при этом изящное цветочное словцо «розацеа».

– Мой друг, – хорошо поставленным баритоном начал бомж, – добро пожаловать в наш ветреный рай.

Я отпрянул и полез за долларовой купюрой, которую недавно получил на сдачу в секонд-хэнде.

Мужчина заулыбался и покрутил головой:

– Мне не нужны просто деньги. Только честно заработанные. Не хотите ли купить историю города? Всего за доллар и стаканчик горячего кофе. В такой день

и вам, и мне не помешает тёплая компания. Меня зовут Джо, Джозеф Кайл Уотсон. В прошлом, в очень далёком прошлом, преподаватель истории. Ныне бездомный поэт и музыкант. С кем имею честь? – он протянул мне ладонь, предвзвительно освободив её от рваной перчатки.

– Серж, Серж Ковалёв. Из России, – представился я, но доллар не убрал и руки не пожал.

– Надо же! Вы из России?

Кажется, Джо был впечатлён.

– Вот удача! Ваш писатель Достоевский когда-то спас мне жизнь. Если бы не он, сидеть мне за решёткой. Ну что, вы согласны?

Я пребывал в нерешительности. Чикаго с его ветрами, запахами и звуками теперь целиком сконцентрировался в этом странном человеке, от которого несло влажным картоном и прелым лапсанг-сушонгом⁴. Но он был единственным, кто заинтересовался мной. К тому же я бы сейчас полжизни отдал за чашку горячего супа.

Мы расположились в кафе неподалёку от станции Вашингтон. За самым дальним столиком. Я взял два гигантских хот-дога, картошку фри, а кофе здесь прилагалось бесплатно и в неограниченном количестве.

– Б-же правый, да это царский обед! – Джо потёр руки, но вдруг вскочил. – Простите. Я быстро. Только вымою руки.

Пока он отсутствовал, я следил за стекающими по ту сторону окна струйками воды. Дождь помельчал, но лиловая краска теперь растеклась по всему небу. Вечер незаметно оккупировал город. Здания угадывались наполовину, машины походили на двуглазых чудовищ, редкие прохожие удлинялись на глазах, а парк, за которым – я знал точно – дышало великое озеро, погрузился во тьму. То, что происходило снаружи, напоминало другой, потусторонний мир. Холодный, враждебный и слоистый. Здесь же, внутри, было тепло и сухо.

Джо оказался отличным собеседником, неожиданно эрудированным и начитанным, тонким философом, знатоком русской литературы и музыки. Услышав про путаницу с рейсом, он от души рассмеялся: «Иногда Творец приводит нас не туда, куда мы хотим, а туда, где мы должны быть».

Говорил он правильно и неторопливо, чувствовалась выправка лектора. Он рассказывал о Чикаго, но говорил о городе, как о давнем знакомом, неприметном человеке, уличном музыканте, забредшем случайно поздним вечером в клуб на окраине, где разминался оркестр. По мере того как пустели наши стаканы с кофе, монструозный образ Чикаго таял и наконец исчез вовсе. Слышимая мною до сих пор какофония уступила место стройному и звучному многоголосью.

– Чикаго – не город, это джазовая импровизация. Озеро – контрабас, река журчит фортепьянными пассажами, поезда – ударные, а люди... кто труба, кто саксофон, иные – флейты или вовсе детские дудочки. Ты либо вливаешься в мелодию, либо тебя сметают. Вот ты кто, милый Серж?

Я не знал, что ответить. И правда, кто я? Жалкий рожок или брошенная музыкантом поломанная барабанная палочка? Давным-давно, в юности я был саксофоном.

⁴ Лапсанг-сушонг – сорт чая из Южного Китая. Отличается своеобразным вкусом и ароматом («копчёный чай» или «дегтярный чай»).

За разговором время летело незаметно. Я мог пропустить автобус. Джо выразил желание меня проводить и посетовал, что я так и не успею стать частью городского оркестра.

Прибыв на станцию, автобуса мы не обнаружили, а полусонный кассир разрушил все мои надежды попасть в Бостон к нужному часу:

– Только что ушёл, а ночной отменён из-за непогоды. Могу предложить билет на завтра, на десять тридцать утра. Берёте?

Джо мялся рядом. Потом положил руку на моё плечо и кивнул. На нас косились.

– Беру!

Я пошарил в заднем кармане джинсов. Пусто. Кошелёк отсутствовал.

– Что? – Джо перевёл взгляд с моего зада на пустую ладонь и всё понял. – Твою ж мать! Да тебя, парень, обули.

– Г-споди, и когда же? – сглумил я, чуть не плача.

На всякий случай я проверил куртку и рюкзак. Паспорт и телефон целы. А кошелек... Ну да, я оплачивал хот-доги и по привычке сунул его в задний карман штанов. Теперь я лишился последних наличных, вместе с карточкой, на которой, впрочем, всё равно ничего не было.

– Пойдём отсюда, – Джо потянул меня за рукав. – Я устрою тебя на ночлег. С комфортом. Ты не потратишь ни копейки. Но знаешь, я этому даже рад. Может, это судьба.

– При чём тут судьба?! – Я отпихнул его руку и двинулся к выходу.

Город, погружённый во тьму, вновь преобразился. Заиграл огнями, словно хохотал мне в лицо.

3. Вечер. Великое озеро Мичиган

Джо привёл меня не куда-нибудь, а в приют для бездомных.

– В «Пльзень Хилтоне» работает мой бывший ученик, – объяснил он. – Я обо всём договорился. Обычно они будят постояльцев в 5:30, но я попросил, чтобы тебя разбудили в восемь.

– Это... типа отель? – уточнил я, расслышав знакомое «хилтон».

– Отель-отель, три звезды, – рассмеялся Джо. – Да ты не дрейфь, бельё и посуда тут чистые. Отдельная койка. Тепло и жрать дают. Жильцы спокойные. Бывает, правда, всякое. Если встретишь ветерана войны, лучше не спорь. Болтать тут не принято. Поел, поспал и отправился искать работу. Ну, я пошёл. Счастливого добраться до Бостона.

– А ты куда? Ты разве не останешься? – перепугался я.

– Я работу не ищу. Да и за моей библиотекой нужен глаз да глаз. Ну, бывай, Серж Ковалёф. Может, ещё свидимся.

Сказал и растворился в ночи. Я остался стоять перед дверью, прислушиваясь к себе и к незнакомому дому.

Через открытое окно просачивались запахи и звуки. Пансионеры садились ужинать. Под регтайм Скотта Джоплина гремели крышки кастрюль, стучали о тарелки ложки. Нет, туда я точно не хотел. Я предпочёл улицу.

Дождь, к счастью, прекратился. Я добрёл до парка «Миллениум» и вышел

наконец к озеру, которое едва угадывалось в темноте по всплескам волн. Отсюда город выглядел нагромождением торчащих из карандашницы карандашей. Налетел ветер. Вскоре небо расчистилось, высвободив полную луну. Вода, обнажив свой смятенный нрав, неласково заворчала.

Я плёлся вдоль набережной, размышляя о своей нелепой судьбе, как вдруг порыв ветра сорвал с головы кепку. Я кинулся вслед, поскользнулся и секунду спустя барахтался, скованный ледяными ручищами Мичигана. Куда грести – не видно. Это был бы закономерный конец моей истории, если бы на помощь не пришёл рыбак, кинувший мне спасательный жилет и конец удочки. Таща моё тело, как неповоротливого сома, таинственный спаситель подогнал меня к ступенькам и помог выбраться. Я не чувствовал холода, только с ужасом взирал на промокший рюкзак, где должно быть пришёл в полную негодность чёртов загранпаспорт.

– Жив?

Голос принадлежал девушке.

– Нет, – честно признался я, имея в виду не тело, но тот факт, что теперь я застрял в цепких лапах этого города надолго.

Девушка стянула с себя пуховик и накинула мне на плечи, потом влила в меня из фляги чего-то ядрёного, отчего я прослезился и закашлялся, и приладила мою окоченевшую плоть на припаркованный рядом мопед.

Неутихающие слёзы замерзали на ветру. Я был готов окаменеть и сгореть со стыда. Как бы наша каждодневная жизнь ни подвергалась обстрелу случайностями, для меня это было уже слишком. Я плакал, как мальчишка, но мне было всё равно.

Мы остановились у многоэтажного дома и поднялись по железной лестнице с улицы прямо на второй этаж. Квартира оказалась просторным лофтом, а девушка – студентка-художница по имени Люсинда – крепко сложенной блондинкой с ямочками на щеках.

– Можно просто Люси, – сказала она, но моего имени не спросила. Я счёл это плохим знаком.

Люси буквально вырвала из моих дрожащих рук рюкзак, взамен сунула полотенце, выдала махровый халат и отправила в душ, посоветовав не нежиться, а постоять минут десять под кипятком. Когда я вышел, красный как рак, мне было велено раздеться до пояса. Я замер, раздумывая, стоит ли выполнить столь неразумное требование, но Люси ловко оголила мой торс и быстрыми движениями растёрла грудь и спину чем-то вонючим и скользким, отчего тут же подступила тошнота и помутнело в глазах. Потом она наполнила стакан виски и протянула со словами:

– Пей, иначе сдохнешь!

Разомлевший, угодивший то ли в ад, то ли в рай, я выполнил приказ, после чего, как подкошенный, упал в кресло.

Членораздельно заговорить мне удалось с пятой попытки. Моя история её несколько не смутила. Она хохотала и хлопала в ладоши, отчего все мои злоключения показались сущей ерундой.

Паспорт пребывал в относительном порядке: я, словно предчувствуя беду, завернул его в пакет. Но всё остальное пропало. Люси это не расстроило.

– Я люблю, когда всё с ног на голову, – отсмеявшись, доложила она. – Так чувствую, что живу.

– Поэтому ты рыбачишь ночью? – съехидничал я.

– Нет, конечно. Просто ночью жёлтый судак клюёт лучше, чем днём, – спокойно пояснила Люси.

Потом протянула мне выдавший виды мужской спортивный костюм, трусы, свитер с оленями, вязаную шапку и линялую горнолыжную куртку.

– На вот. Моего бывшего. Хорошо, что не успела выкинуть. Твои вещи скоро высохнут, хотя кожанка наверняка испорчена.

С обувью пришлось повозиться. От бывшего остались только тапочки, но в куче тряпья обнаружили чьи-то ещё дырявые кеды.

– Отпад! – подытожила Люси. – Можно ехать.

Она тоже переоделась и даже покрасилась.

– Куда? Я просто посижу тут до утра... – замылся я. Глаза слипались, от водных процедур и алкоголя клонило в сон.

– Ну уж нет. Ночной Чикаго – обязательный гвоздь программы. Ты мне ещё скажешь спасибо.

4. Ночь. Дебют

Вскоре мы припарковались у дверей безымянного клуба на Wabash Avenue⁵. Внутри гремел джаз. Надрывался саксофон.

– В юности я тоже играл на саксофоне, – сдуру сообщил я Люси.

Она вскинула брови, сунула мне в руку голубой коктейль с зонтиком и ушла. Я видел, как она поочерёдно расцеловала музыкантов, указывая на меня и нащёпывая им что-то на ухо. Затем ко мне спустился саксофонист. Дыхнул перегаром и нетрезво похлопал по плечу:

– Ну, Россия, выходи, импровизируй!

Я опешил и погрозил Люси кулаком. Она заговорщицки кивнула. Пьяный от усталости, алкоголя, адреналина и взгляда Люси, я обхватил мундштук тенор-сакса. На минуту гул вокруг стих, потом послышались редкие аплодисменты.

И тут меня прорвало. Я как обезумевший выплёскивал этот день: диссонанс перепутанных рейсов, ветер и дождь туманного города, встречу с мудрым Джо, холод Мичигана, тепло чужой компании и жгучую симпатию к Люси. Я ошибался, сбивался с ритма, но играл, словно от этого зависела моя жизнь. Закончив свою необычную исповедь, я в полной тишине оторвался от саксофона и замер, ожидая улюлюкания или свиста, но тут случилось чудо. Мне аплодировали стоя.

– Браво! Ещё! Жги!

Меня бросило в жар, и я впился губами в мундштук. Вступили ударные и бас-гитара. Зал поплыл, меня лихорадило, а звуки лопались над головой, как воздушные шарик.

Вскоре я обнаружил себя в гримёрке, ошалелым от счастья, смаковавшим запах волос Люси и благословляющим своего полного тёзку, возможно, попавшего куда-то ещё. Да хоть в Бостон!

⁵ Wabash Avenue – одна из первых фешенебельных улиц Чикаго.

5. Утро. Расставание

Мы с Люси целовались на пустой платформе. Снова зарядил дождь. Город, уже казавшийся мне не таким букой, заволокло туманом. Над нами с барабанной дробью проносились поезда, по водостокам шумела вода, совсем рядом взывала трубой сирена скорой помощи. Всё ещё кружилась голова. Какой Бостон? Какой Питер? Я никуда не хочу. Кажется, этот день вобрал в себя все возможные случайности и безумства.

Когда мы вернулись домой и я попробовал облечь мысли в слова, Люси меня остановила:

– Не надо, Серж. Ночь прошла, и она была идеальной, как... как законченная картина. А такие полотна не трогают. Они просто есть. Если ты останешься, завтра или послезавтра, или позже начнётся обычная жизнь. А сегодня было искусство. Денег ты заработал. Перед учёбой я отвезу тебя в аэропорт. Это всё, что я могу для тебя сделать.

Мы мчались по светлеющему городу, между парящих небоскрёбов, отражающих в своих стёклах облака, по просторным улицам с пунктирами фонарей, глотая холодный воздух и слёзы. Я слышал гул города. Города, который меня проглотил, потрепал и выплюнул. Я не был на него в обиде.

В аэропорту О'Хара я снова остался один. Из меня словно выкачали воздух. Не многим повезло прожить за один день целую жизнь.

Я уселся в тихом кафе и заказал пустой кофе. Не желая никого видеть, прикрыл глаза. Но не уши. По телевизору как раз шёл утренний выпуск новостей. Ведущий говорил что-то о чикагских «невидимых гениях». Я расслышал знакомое имя и открыл глаза. На экране появилось лицо. Джо! Джозеф Кайл Уотсон. Только совсем другой, одетый в роскошный деловой костюм. Он стоял в зеркальной галерее на фоне сочно-зелёных фикусов. Диктор продолжал:

– ...креативный директор Чикагского института джаза, автор проекта «Джаз-Сити», чьи новаторские работы известны по всему миру, уже десять лет продолжает свой социальный эксперимент. Проводит последнее воскресенье каждого месяца в образе бездомного, чтобы услышать настоящую музыку города и найти невидимых гениев...

Камера сосредотачивается на Джо.

– Я встретил этого юношу вчера вечером. А ночью он с успехом выступил в одном из клубов. Его соло на саксофоне не было безупречным, но играл он божественно свободно.

Следующий кадр повергает меня в шок. Это я в спортивном костюме и кедах экс-парня Люси стою на сцене, присосавшись к саксофону. А Джо тем временем продолжает:

– Я назвал этот музыкальный шедевр «соло потерянной души». Пусть только на один день, но наш город вписал этого русского мальчика в свою вечную сумасшедшую и фееричную симфонию. Это волшебство навсегда останется с нами, в истории Америки, в истории Чикаго. ■

Мн

Виктория НИКОЛАЕВА

📍 Одесса, Украина –
Ашкелон, Израиль

Фото: Дарья Томилина,
парикмахер-стилист, визажист

В Одессе родилась, училась, выросла, влюблялась, становилась на ноги, вышла замуж, растила трёх дочерей, получила два высших образования (филология и клиническая психология).

Натура страстная, эмоциональная, энергичная. В отношениях и при общении с миром предпочитаю красоту, гармонию, мудрость, глубину. Не мыслю себя без дорог, диалогов и встреч, без общения с добрыми животными и природой. На протяжении всей жизни путешествия и книги занимали и занимают значимое место. Воспитана на мудрых сказках всего мира и точно знаю: добро победит зло.

С весны 2022-го в Израиле. Учусь, взрослею, влюбляюсь, становлюсь на ноги.

С мая 2022 года публикуюсь в альманахе «Литературный престиж» (издательство Beit Nelly Media), в том же издательстве вышла моя первая книга в Израиле «Сто дней войны. Ашкелонская Мадонна. Victoria Ашкелонская» (2025). Также с 2022 года на русском и украинском языках публикуюсь в альманахах издательства «Артелен» (Киев). Участвую в сетевых сборниках «Писатели в интернет-пространстве» (выпуски 3, 5, 6). С 2025 года публикуюсь в литературно-художественном американо-израильском альманахе «Новый Континент» (Чикаго – Хайфа).

Поцелуи украдкой, или Как украсть судьбу

Девочка одиннадцати лет от роду спешит в школу.

Долговязая нескладная девочка. А что вы хотите? Под-росток!

Почему-то все советские подростки – гадкие утята. Почему-то гадких утят производили на свет исключительно наши бабушки и мамы. Не знаю, как воспитывались са-ми бабушки да и наши мамы, но у них рождались сплошь гадкие утята. А вот у нас уже исключительно принцессы.

Антонина была гадким утёнком. Нескладным, умнень-ким, старательным, несколько забитым гадким утёнком.

Добрая, хорошая, доверчивая девочка. Одна у мамы. И мама у неё одна. Папа погиб на фронте. И повоевать тол-ком не успел. Она – ребёнок войны. Той ещё войны, страш-ной и беспощадной, которую не смыть, не забыть, кото-рую полвека спустя смогут повторить одни, а другие будут в ужасе заклинять – больше никогда, но уже будет поздно.

А пока девочка-подросток в чистенькой и опрятной школьной форме бежит в обычную общеобразова-тельную школу, а после уроков – на Станцию юннатов, что прямо напротив.

Удобно? Очень! Безопасно? Помилуйте, о чём вы? Школа, кружки по интересам при Станции юннатов, дом. Какие уж тут опасности и опасения? Всё рядом, всё в шаговой доступности.

Безопасно! Гарантированно. Родители заняты, дети учатся.

Начало учебного года, счастье! Столько планов, столь-ко перспектив! Повзрослевшие ребята и она, Тонечка, нарядная, в белом фартуке.

Тонечка знает, что она прирождённый врач, ну в край-нем случае медсестра, ну нет, лучше уж тогда ветеринар-ный врач.

Вот она и ходит в юннаты, ей интересно! Ей это всё пригодится.

Мама гордится Тоней. Она у неё одна.

Сама вырастила, выкормила, ночей не спала, недоедала, личное счастье разбило военное время, а мирное время счастье не склеило, новое не выпадало. Одна-одинёшенька, неграмотная.

Стыдно, но придётся признаться! Не обучена грамоте. Так уж получилось, будьте снисходительны! Из глухой деревни мама Валентина подалась в город и чудом прижилась, справила себе домик небольшой, дальние родственники пустили к себе на участок, выделили крайний на участке сарай, который потом она расстроила и превратила в жилой домик, но грамоту так и не освоила. Получается, в Советском Союзе, прямо в городе запросто жили неграмотные? Получается, что да!

После занятий в школе Тоня бежала на Станцию юннатов. Ей там очень было уютно, затишно, спокойно.

«Затишно» – это по-украински, так дома говорила мама.

Они с мамой общались по-украински, это было так уютно, мирно, абсолютно интимно и как-то безопасно.

Тоня была дочерью мамы, которая не умела читать, и это необходимо учитывать. Мамы, которая не могла за себя постоять. А могла ли постоять за дочь? Наверяд ли! Пожалуй, на самом развее что первобытном, биологически-выживательном уровне. Мама – беглая крестьянка из забытой богом деревни. Она пешком через все степи Причерноморья добралась до Одессы и чудом выжила. Она очень хотела выжить и не хотела жить в одичалой глуши без паспорта, но место её внутри курортного нарядного города было тихое и неприметное.

Тоня дорожила своей мамой и очень её берегла.

Никогда не стеснялась, всегда ей помогала. Вот и сейчас она помогла собрать маме грецкие орехи, разложить их прогреться на солнце, на старом детском одеяле, прямо на траве, сперва сняв мягкую, пахнущую безмятежным детством, зелёную шкурку.

Она любила это занятие чуть ли не с младенчества.

– Что это, Тоня, у тебя с руками? – спросил её руководитель секции в юннатах. – Так не годится, такая красивая девочка и такие руки в начале учебного года!

Тоня запнулась на полуслове. Она торопилась рассказать про белок и выводок совят на склонах у моря, за территорией одесского ведомственного санатория.

Не часто её называли красивой, да что там, практически никогда! А так хотелось! И вот, вдруг!

Викентий Сергеевич посматривал на неё внимательно и чрезмерно проникновенно.

Тоня смутилась!

Тоне 11 лет. Она мало что понимает в таких взглядах, но чувствует! Очень чувствует.

А что – всё-таки непонятно, нельзя озвучить, слова не подбираются, всё не те!

Это началось давно, но сегодня как-то острее обозначилось, проявило себя, вышло наружу.

Он повёл её в свой кабинет и предложил долго-долго тереть руки обычным хозяйственным мылом.

– Просто намыль руки и тщательно их три под горячей водой! Он был потечески внимателен и добр.

Что-то тёплое разлилось по всему телу Тонечки, по всему её долговязому, худенькому, молодому телу.

В кабинете была подсобка со всяким юннатским скарбом: от цветочных горшков и леек до рабочих стендов, увеличительных биноклей военного прошлого, поломанного телескопа, списанных микроскопов, гербариев и пыльных чуел всевозможных птиц.

В подсобке был умывальник, и Тоня мыла руки там, почему-то там, а не в общей девчачьей уборной.

Он подошёл сзади. Тихо прикрыл за собой дверь подсобки.

Подошёл вплотную к ней. Горячий жар охватил её тотчас, пот заструился по вискам и затылку, голос словно исчез, она что-то жалобно прохрипела...

Её не было слышно! Он одной рукой обхватил её за шею: задушил, обнял? Второй рукой заботливо омывал руку водой, намыливал мылом, пытался тереть каждый её будто онемевший пальчик.

Её словно било током!

– Тише, девочка, тише! – шептал он прямо в самое сердце, но на самом деле в ухо! – Тише, тише! – и горячие, скользкие поцелуи побежали по её телу.

Но мешала форма! Ох как мешала!

Он развернул её к себе, он целовал её в губы. Целовал ли?

Она и представить себе не могла, из чего состоят поцелуи и что они вот такие!

Так вот какой жизнью живут взрослые люди?! Но что Тоня знала об этом? Одинокая старомодная мама, какое-то количество дальних родственников старообразного вида, морально устойчивых, приличных, семейных.

В её голове был пожар, в её трусиках был пожар. При этом при всём они неожиданно, абсолютно позорно были мокрые насквозь.

Она не понимала! Она ничего не понимала. Она была отдельно от своего тела. Она была как будто сама по себе где-то, тело же было во власти её учителя.

Он уже не целовал её, он её поедал. Но то было только начало!

Пока он вертел её туда-сюда, её тело чувствовало что-то крепкое, плотное в районе его брюк, она не понимала, что это, ей нечем было понимать, она была в полной отключке.

Вдруг он резко её оттолкнул от себя:

– Довольно, Антонина! У нас ещё с ребятами практические занятия в саду.

Она пришла домой. В мокрых трусах, в пропахшем потом шерстяном школьном платье, с пунцовыми, чуть припухшими и такими большими губами, с пятнами на шее, как будто кто-то её искусал.

– Комары в сентябре! Вот напасть! – устало сказала мама.

И больше ничего! Ничего!..

Тоня не пряталась от неё, наоборот – крутилась под ногами, брала на себя внимание, Тоня хотела и боялась вопросов. Тоня ждала.

Вопросов не было. Никто не обратил на неё внимания. Ни на Станции юннатов, ни дома, ни в школе.

Она была никому не нужна, никому не интересна!

Антонина была интересна только ему, учителю своей будущей профессии, будущего её пути.

Занятия проходили три раза в неделю.

Три раза в неделю подсобка, поцелуи, объятия...

Девочка двоилась, девочка перестала быть сама собой или только и стала сама собой. Что-то попало в неё, проросло, медленно и властно стало расти.

Инициация запретной преступной связью советской школьницы в послевоенное благословенное время.

Он долго, слишком долго целовал её только в губы и бережно мял её грудь. Даже не интересовался ею, даже не смотрел на ту самую прекрасную, нежную, девичью грудь! Играл, как с мячиком. Успокаивался, затихал. Вертел Тоню так, чтобы она всем своим телом ощущала его мужскую силу, спрятанную в недрах брюк. В происхождении этой неведомой силы Тоня ничего не смыслила, то, что именно она была своего рода автором этого таинственного для неё явления, она поняла только много позже.

Однажды он велел приходить на занятия только в пионерской форме, белый верх, тёмный низ. Это было непросто. Школа лучше, чем Станция юннатов, знала, когда и кому надевать пионерскую форму, и с желаниями Викентия Сергеевича не совпадала.

Тоня радовалась этому и сожалела – пионерская форма позволяла несколько иные действия, более свободные и раскованные в районе её чудесного плоского юного живота и груди.

Но всё же он любил только целовать и, что интересно, сам внешне был строг, упорядочен, застёгнут во всех местах на все пуговицы. Объект страсти и сладкой любовной пытки ни разу не явил себя. Глаза, губы, язык, руки. Какое благородство! Тоня так никогда и не увидела более того.

Любой, кто вошёл бы к нему в кабинет, глядя лишь на него, ни в чём и никогда не смог бы его заподозрить.

Мужчина – машина. Он умело включал себя и выключал.

Но так грамотно и мастерски включил Тоню, что она стала абсолютно зависима от этих набегов с поцелуями на задворках его кабинета под звуки открытого крана с проточной водой в его обшарпанном умывальнике.

Однажды он взял её на руки и посадил на старый письменный стол всё в той же своей подсобке.

Он долго её целовал, медленно, вдумчиво, пыточно, как бы проверяя, испытывая её.

– Антонина! – ох как же смешно звучало её полное имя при таких обстоятельствах! – Сними-ка трусики! – без всякого предупреждения велел он.

И не лишним будет сообщить, что его голос никогда не спускался на тональность ниже, не звучал, как голос возбуждённого, теряющего над собой контроль любовника.

Он и не терял, судя по всему, но кто его знает! Уж точно не Тоня и тем более не мы полвека спустя.

Она молча мгновенно сняла их и отчего-то отдала ему. Как всегда, абсолютно мокрые. Он деловито положил их к себе в карман брюк.

– Вода в кране, – пробормотал он, – и птицы за окном, и ты будь умницей!..

А дальше... господи, что было дальше!

Наверное, он всё перепутал, он точно всё перепутал, такого просто не может быть, просто не может быть, так не бывает! И это она, плохая девочка Тоня, всему виной.

И никому же никогда не рассказать, и никто не поверит, и никто не поймёт. Он как плети накинул её ноги себе на плечи и нырнул прямо туда.

Вот прямо туда, и как это сказать?!

Тоня моментально вспомнила, что принимала ванну, как и положено, в воскресенье, а сегодня уже среда, и разозлилась на маму, которая всегда говорила дома, что купаются каждый день только проститутки, и... о боже, наконец-то она поняла, кто она такая!

Она проститутка! Она не моется каждый день, но она... кажется, она сейчас описается, кажется, её сейчас разорвёт пополам.

Она лежала, как на хирургическом столе в далёком детстве, когда ей делали перевязки после очень неприятного падения с дерева, во время которого она распорола бедро.

Она не кричала, она не стонала, она умирала...

От восторга, от наслаждения, от осознания своей личной причастности к чему-то запредельно запретному, невероятному и единственно желанному.

Он пил её, он выпил её всю, он опустошил её до самого дна.

Фронтвик, член партии, заслуженный педагог в прошлом, ведущий специалист предпенсионного возраста.

Отец двоих детей, женатый взрослый мужчина.

– Детунька! – шептал он ей в самое её нутро. – Слушайся меня и ничего не бойся! Доверься мне!

Ах, мама, мама! Ну где же ты была, ну где были твои глаза?

Ты же взрослая женщина, ты же, а не я!

Такой неизменный монолог звучал внутри Антонины. Но и некий вызов вполне имел место, некое удовлетворение и самодовольство: «Что ты знаешь о любви?! Бедная моя, бедная мама! Тебя кто-то когда-то так любил?»

А любили ли Тоню, она не думала, она не давала себе труда думать на эту тему. Он единственный, Викентий Сергеевич, был с ней вежлив и внимателен при всех, весьма уважителен и учтив, он не выделял её среди своих учеников, но все знали, что Тоня – хорошая девочка и она на хорошем счету.

Кто-нибудь догадывался, мог ли догадываться о том, что происходило между ними? Пожалуй, нет! Разница в возрасте в стране, стремительно несущейся к коммунизму... Безупречное алиби.

Одиннадцатилетняя советская школьница и мужчина, которому под пятьдесят. Уму непостижимо!

Не один раз она забывала у него в кармане свои трусики, не один раз ни он, ни она, не были никем уличены.

А ведь тогда в хозяйстве не так уж много было одежды и белья, и каждая пара девчачьих трусов была на счету!

Но мама не замечала и этого.

Один человек догадывался и даже знал! Тоня однажды неожиданно поняла это, совсем для себя не вовремя. Прямо после ученических сцен на столе, а если быть честнее, через два урока после того, как Викентий Сергеевич должен был срочно явиться к себе домой. Зачем, Тоня не поняла, и зачем он взял её с собой, она тоже не поняла.

Но так или иначе, жена пригласила всех к столу.

Они расположились за обеденным столом: он, она и его жена. Пили чай с вареньем из айвы, разговаривали.

Десятилетия спустя Антонина Петровна рассказала об этом лично мне и сообщила, что по долговому и пытливому взгляду супруги своего возлюбленного она без сомнения поняла, что та всё знает.

Мало того, она поняла, что она была у него не одна, просто не могла быть одна! Что такие эпизоды, приступы набоковского вожделения были, были, были!

И, о боже, если бы их не было, этой дамочке грозил бы развод. Её, этой дамочки, было ох как маловато, чтобы удержать почётного фронтовика возле себя. Ему были необходимы, жизненно показаны девочки-школьницы в хлопковых, высоких, закрытых трусиках.

Прошла целая огромная, необъятная, сложная жизнь.

Антонина вышла замуж девственницей. А что здесь такого? Чиста и непорочна, всё в соответствии с медицинскими стандартами. Дважды была замужем, мать одного-единственного сына, ни одного аборта.

Мужчин было более чем два, но всё вполне прилично, они просочились между первым и вторым браком.

Я была знакома с ней более сорока лет. Так вышло.

Она была строга, чопорна, максимально сдержанна и немногословна. Она одевалась скучно и неинтересно, была застёгнута на все пуговички.

Предположить что-либо о её таком насыщенном и бурном прошлом было практически невозможно.

Она окончила университет: дневное отделение биофака, поступив туда сразу после школы, и медицинский институт – вечернее отделение, несколько позже: будучи уже женой и матерью.

Это ли не победа девочки без отца при неграмотной матери!

Их связь длилась несколько лет, но в одночасье прервалась. Девочка, почти девушка четырнадцати лет, познавшая свою женскую природу, силу и власть, уже была обузой и являлась серьёзной угрозой для добросовестного педагога и добропорядочного гражданина.

Всё сошло на нет. Тяготило ли это Тоню, не могу сказать, она мне этого не открыла, лишь один раз, буквально в уличном, но как иногда бывает, очень важном и неожиданном для самих собеседников разговоре, она странно посмотрела на меня и произнесла тихо и задумчиво: «В близости с мужчиной, которая будет в жизни любой женщины, ожидается и даже подспудно требуется повторение первого сексуального опыта. Она всегда тайно и явно ждёт именно этого».

Меня тогда невероятно удивили её открытость и чрезмерно обнажённая откровенность. Мы были друг другу никем для таких признаний. И женщина, выбирающая в одежде тёмные тона, по-моему, не должна была говорить мне такие вещи.

Но она сказала. Я запомнила. Комментировать не буду и своё мнение на этот счёт оставлю при себе.

Но кто бы мне тогда сказал, что пройдёт ещё больше четверти века с момента того нашего уличного разговора и я буду свидетелем её предсмертия. И однажды она расскажет мне всю эту историю, которая ошеломит меня.

Ошеломит до того, что я, чтобы не забыть это странное слово – «детунька», – запишу его мелким почерком на обратной стороне своей рабочей тетради. Запишу как нечто постыдное. А потом забуду напрочь и слово, и саму тетрадь! А потом, в свой час неожиданно вспомню и приму это как знак и провокацию к написанию.

Да, меня, знающую и собирающую истории за историями по роду профессии, по судьбе, по своей природе... эта история выбила из равновесия и невероятно зацепила.

Я, знаете ли, любитель добропорядочности и долгих счастливых браков! И безусловно, верю в их непогрешимость. Но эта странная-престранная жизнь практически всегда свидетельствует против.

Вот почему, спросите вы? А я вам отвечу. Слаб человек, жалок и наг, но беззастенчиво хвастлив и самонадеян. Оттого и сам себе провокатор.

Это минимум от полного моего развёрнутого ответа. Я здесь не для учительства и не проповеди ради.

Она взяла с меня слово, что когда-нибудь я напишу об этом, что люди это прочтут, что это будет своего рода её исповедь перед Б-гом и людьми, но первая в этой цепочке должна быть я.

Она просила оставить это специфическое слово-обращение к ней – «детунька». Не детка, не деточка, а детунька.

Она просила обратить внимание на эту историю прежде всего матерей, чтобы были внимательны и участливы к судьбам дочерей.

Прошу заметить, она ни о чём не просила мужчин, ничего им не предъявляла, ничего не просила передать.

Только констатация факта своей порочности и обида на мать, что не разглядела.

Что ещё? Она всю жизнь проработала в педиатрии и всю жизнь имела дело с детьми и подростками, много лет в далёком студенчестве подрабатывала в летних лагерях пионервожатой.

– Их видно, этих девочек, я их знаю! Я их всегда узнаю, – сказала она мне перед самой смертью. – Напиши, чтобы знали другие!

Может быть, кого-то можно будет спасти.

Её не спасли. В счастливом советском детстве не было места сексу, а тем более разврату, а тем более растлению, и уж тем более присвоению и похищению судьбы.

Взрослый мужчина стал на место погибшего во время войны отца девочки и превысил все мыслимые и немыслимые полномочия.

В эту ловушку во все времена попадали и попадают взрослые девочки, недополучившие любви от своих отцов. Но попадали и успешные замужние дамы. Что уж говорить об одинокой несчастной девочке, отец которой погиб через пять месяцев после её рождения?!

Викентий Сергеевич – фронтовик, член партии, заслуженный педагог, глава семейства, и девочка Тоня, Антонина, детунька, есть ли на вас вина, не мне судить...

Я и не буду.

Какой восторг вызывает набоковская «Лолита». Сколько хвалебных рецензий, отзывов, какой блестящий вклад в сокровищницу мировой литературы!

Иногда мы, правда, забываем, что театр, кино, музыка, литература и сама жизнь – совсем не одно и то же, но тут уже ничего не поделаешь!

Я знаю ряд блестяще образованных мужчин и женщин, чудесных людей, морально устойчивых, одетых всегда сдержанно, строго, дорого, без каких-либо провокаций, всегда и во всём безупречный дресс-код, которые просто в восторге от «Лолиты» и прекрасно понимают Гумберта...

Прекрасно понимают, пока он не унёс в кармане своих брюк или дорогого пиджака детские трусики их дочерей.

И я не имею ничего против, каждый внутри своего жизненного сценария, каждый в руках своей единственно хорошей судьбы.

Я здесь всего лишь летописец.

Мне понадобилось ни много ни мало восемь лет, чтобы однажды субботним вечером сесть и записать эту грустную историю чужой судьбы.

Дорогая Тонечка, девочка без папы и без мамы!

Я выполнила своё обещание, ты доверилась мне незадолго до своей смерти, и я не таскала эту историю на языке, я никому и никогда её не рассказывала, я просто её выписала, как хотела того только ты.

А мои читатели – это взрослые и разумные люди, и я очень хочу надеяться, что мною описанная история в меру деликатна и допустимо откровенна.

Без откровенности здесь не обойтись. Просто никак!

Но вот ещё что: часто бывая на врачебном приёме у Антонины Петровны, сначала сама по себе, как ребёнок и подросток, а потом и как мама троих детей, а в последние годы, во время её болезни, и в самые дни перед смертью уже у неё дома, я всегда обращала внимание, что она никогда не закрывает воду в кране. Всегда фоном – звук воды, уходящей в раковину, уходящей в её далёкое – видимо, такое желанное – прошлое.

Ашкелон

27.09.2025 ■

М

Катерина ЛОБОВА

Москва, Россия

Фото: Алина Березовская

Мне 23. Читать я начала рано, в три года самостоятельно одолела первую книжку – историю про воробья, а в четыре написала собственную – про медведя. В детский сад не ходила, меня воспитывала бабушка. Она была человеком удивительно решительным: в 65 лет вышла замуж за своего одноклассника и переехала в Москву. В тот момент я осталась предоставлена сама себе и погрузилась в увлечения – занималась скалолазанием, ходила в художественную школу, учила английский.

В обычной школе мою мечту стать детским писателем не воспринимали всерьёз. Одноклассники смеялись, и тогда я решила, что попробую стать дизайнером. В шестнадцать лет уехала в Москву, чтобы готовиться к поступлению. Но в семнадцать неожиданно серьёзно заболела. В больнице, лёжа под капельницами, я за три дня написала пьесу – и именно она привела меня в Литературный институт.

После первого года учёбы мне пришлось взять академический отпуск по здоровью. Я переехала на два года в Петербург. Это время стало основой моего дебютного романа «Кем я хочу стать, когда вырасту», который сейчас ищет своего издателя.

Позже я вернулась в Литинститут и сегодня живу вместе с той самой бабушкой. По утрам я встаю почти в пять, чтобы писать, а потом готовить бабушке завтраки. Так и живём: она – моя тихая опора, я – её ранняя пташка-писательница.

Таракан

*«В лучах ночных огней
И в дебрях заповедной рощи
Нет ничего сложнее,
Чем относиться к жизни проще».*

Дайте танк (!)

Я сижу в офисе на Бауманской, за стеклянной стеной которого Москва кажется аквариумом, заполненным мутной водой и металлическими акулами – машинами. Они скользят по улицам, рассекая пространство так же, как в документальных фильмах Бёртона рыбы пронзают морские глубины. Каждый сигнал, каждый гул – зубы этих акул, и я маленький планктон между ними.

Я логист. Разбираю потоки грузов, маршруты, даты, номера накладных. Бумага шуршит в руках, как будто пытаются убедить меня, что я важен. Я не важен. Мой монитор мигает цифрами, графиками, заказами – они пульсируют в такт городскому сердцу, и я ползу между ними, как таракан по плитке, стараясь не попасть под кроссовки.

И вдруг телефон дёргается на столе. Сообщение. Её имя всплывает в экранной подсветке, как белый кит в тёмной воде: «Хочешь вечером погулять?»

Я сижу и смотрю на улицу. А машины – это акулы, акулы, акулы. Они резкие, хищные, неприкасаемые, а я – маленькая рыбка. И в этой мысли есть какая-то странная свобода. Свобода того, что можно раствориться в этом океане, что никто не заметит, что я есть.

Но она зовёт. Писательница. Солнечная. Смеётся в своих книгах так, что кажется, будто она умеет вытаскивать свет из бетонной серости Москвы. Я представляю, как вечером мы гуляем, а её смех падает на мостовые, как звон колокола в туманном Париже, который я видел в старом журнале про искусство.

Я делаю глубокий вдох и отвечаю: «Да».

И снова смотрю на улицу. Акулы скользят. Мой ритм – их ритм, мой маленький, тараканий ритм, который пытается жить между бетонными волнами, среди сигналов светофоров и запаха горячего асфальта, перемешанного с кофе.

Я беру ручку, делаю вид, что пишу что-то важное, а сам думаю о том, что весь этот день как шахматная партия, где фигуры двигаются сами, а я просто наблюдаю, маленький логист, маленький таракан, который вдруг зовётся на свидание и понимает, что весь город – это океан, а она – свет на поверхности, в который можно смотреть, не утонув.

Мы выходим из электрички, и Москва остаётся позади, но я всё ещё ощущаю её в воздухе – как скрип открывающейся двери коммуналки, который застрял в ушах, как гул пробок и звонки в лифтах, смешанные в один шум.

Она идёт легко, будто воздух сам подстраивает ритм её шагов, а я тащусь, ноги вязнут, руки пачкаются, мысли как забытые таблички с расписанием поездов на пустой станции – висят, есть, но никому не нужны.

Она наклоняется к земле, поднимает маленький лист, рассматривает его так, как будто это редкий манускрипт, и говорит:

– Посмотри, какой оттенок.

Я смотрю на лист и думаю: «Обычный зелёный лист. Мокрый, холодный, колет в пальцах».

– Да, зелёный, – отвечаю.

Она смеётся, и её смех рассыпается по дереву, по земле, по воздуху. Он лёгкий, как флейта Яначка в старой записи на виниле, и сразу кажется, что этот лес – сцена, а она – дирижёр.

Я сажусь на пенё. Она садится рядом, вытаскивает сыр и мёд. Мёд тянется по пальцам, липкий, янтарный, как песок из старого музея естественной истории, а я думаю: «Зачем так заморачиваться? Съел бы бутерброд и пошёл дальше».

– Смотри, как свет пробивается сквозь листья. Видишь? – она наклоняется к дереву, будто пытается поймать луч.

– Да... вижу, – говорю я, почти невнятно. – Свет. Листья. Вода там шумит.

– Шум воды! Он такой тихий, а такой живой! – она хлопает ладонью по камню ручья. – И тени... как они танцуют на мхе.

– Танцуют... – пересказываю я, будто это доклад на собрании.

– Ну как ты можешь смотреть на это и не видеть... – она вздыхает. – Не чувствовать?

Я смотрю на воду, на листья, на её сияющие глаза и думаю: «Она что, дура? Чудачка».

– Видишь, – говорит она, – даже простое может быть чудом. Сыр, мёд, земля... это всё маленькое счастье.

Я смотрю на мёд, как он тянется, липкий и тёплый, на кусочек сыра, который я держу в руках, и мне хочется понять, почему она видит в этом счастье, а я – нет. Счастье... Я всегда думал, что оно где-то там, за городом, за графиками, отчётами, целями, которые нужно достичь. Счастье – это не кусочек сыра на пне, это контракт, премия, квартира, поездка, лавры, публикация, признание. Счастье – это пункт назначения. Всегда пункт назначения.

Что если счастье – это не место, не цель, не момент триумфа, а просто то, что происходит прямо сейчас, между грязными пальцами, мокрой обувью и липким мёдом? И чем больше я об этом думаю, тем смешнее становится

моя собственная логика: я всё время считал себя умным, рациональным, готовым к успеху, а оказывается, я просто не умею замечать то, что уже есть.

Я пытаюсь уловить это чувство, но оно скользит, как вода ручья, и я понимаю: если бы я научился просто быть здесь, не думать о завтрашнем дне, о километрах, маршрутах, графиках, может быть, счастье было бы совсем рядом. Оно не где-то в будущем. Оно всегда между пальцами, между шагами, между шорохом мха и смехом человека, который умеет видеть мир иначе.

И вот я смотрю на неё, на её сияющие глаза, на руки, которые касаются земли, как будто каждая трещина корня – это отдельная вселенная, и впервые за долгое время мне страшно. Страшно оттого, что я мог быть рядом с этим простым чудом всё время и не замечать.

Она достаёт открытку. На ней написано: «За вами наблюдает искусство». Сзади подпись: «Ты мне безумно интересен как вдохновение к искусству». Это строчка из песни, которая ей нравится. Я не успеваю отблагодарить её и обнять, как она кричит:

– Утки! – и достаёт плёночный фотоаппарат.

Я беру открытку. Бумага пахнет чем-то знакомым: библиотека, типография, детство. И понимаю, что она пытается зацепить меня за то, что я давно потерял: способность видеть не через графики и маршруты, а через детали, которые не работают на эффективность.

Мы сидим, смотрим на уток, и она наклоняется ко мне. Так близко, что я вижу, как по её щеке скользит тёплый отблеск света, как на реснице застрял крошечный кусочек пыли. Воздух между нами дрожит – густой, как пар в серверной, когда что-то перегорело.

Я не понимаю, кто первый сделал шаг. Всё просто сливается: шорох куртки, запах мёда на её пальцах, влажность дыхания. И потом – поцелуй. Не мягкий. Не романтический. Скорее – удар током, короткое замыкание между двумя системами.

Во рту – вкус железа и мха, будто я прикусил провод. Во всём теле – память о чём-то давно забытом, о том, как в детстве я падал с качелей и секунду летел, ничего не чувствуя. Мир сжимается до точки: губы, дыхание, кожа. В этой точке нет ни офиса, ни города, ни меня прежнего. Только напряжение, как перед взрывом, когда всё замирает, и ты не знаешь – прорвёт или обойдётся.

Мне кажется, я слышу, как где-то вдалеке звенят тормоза поезда, и понимаю – это внутри меня. Сердце тормозит, скрежещет, крошится. Она пахнет мокрой бумагой и дождём, будто принесла с собой целый вечер, который никогда не закончится.

Я думаю, что это авария. Но не между телами – между мирами. Между тем, кто я был, и тем, кем придётся стать, если остаться в этом мгновении хоть на секунду дольше.

Она отстраняется. Всё ещё рядом, дыхание всё ещё на моих губах. Лес возвращается постепенно: шорох, ручей, ветер. Но звуки кажутся другими, словно мир перезапустился, и теперь каждая мелочь работает иначе. Я ощущаю под языком вкус меди, под пальцами – тепло её кожи и понимаю: да, это было столкновение. Авария без крови. Просто внутри меня что-то разбилось, и от осколков стало светлее.

Она долго смотрит на меня – так, будто видит что-то, что я не замечаю сам. Потом откидывается на пень, достаёт сигарету, поджигает, и дым вьётся над её лицом, превращаясь в туман.

– Знаешь, – говорит она, – в детстве я любила прятаться в лесу.

– Угу, – отвечаю рассеянно. Голос хрипит, дыхание ещё не вернулось в привычный ритм.

– Мне всегда казалось: если спрячешься правильно, можно исчезнуть. Совсем.

– Исчезнуть?

– Да. Не чтобы тебя нашли, а чтобы понять – кто будет искать.

Она улыбается. Тихо. Почти про себя.

Я не сразу понимаю, шутит она или нет.

– Хочешь сыграем? – спрашивает.

– В прятки? – я смеюсь, но смех выходит какой-то сухой.

– Ага. Только по-взрослому. Ты считаешь, я прячусь. Потом наоборот.

Она стряхивает пепел, будто бросает вызов.

– Боишься проиграть?

– Я просто не понимаю зачем.

– Чтобы проверить, есть ли ты, если меня рядом нет.

Я смотрю на неё.

В голове щёлкает – фраза звучит, как из её книги, но в её голосе нет позы. Только лёгкость, почти детская.

Она поднимается, волосы задевают моё лицо. Пахнут дымом и дождём.

– Считаю, – говорит она, – только не подглядывай.

Я отворачиваюсь к дереву. Слышу, как она смеётся и бежит – шаги удаляются, листья хрустят, потом тишина.

Начинаю считать:

– Раз... два... три...

Каждая цифра звучит, как стук в старую батарею.

– Четыре... пять... шесть...

Воздух густеет, становится вязким.

– Семь... восемь... девять... десять...

Поворачиваюсь. Тишина. Только вода, только ветер, только я.

И вдруг понимаю: я не помню, с какой стороны она ушла.

Она исчезла. Просто исчезла, как реклама на заборах, которой никто не замечает, но она есть. Я стою, и время тянется, как жвачка на кроссовках: липкое, вязкое, бесконечное. Каждый шаг прилипает к земле, к листьям, к мокрым корням, к шуму леса, который теперь напоминает город – гул подземки, дрожь асфальта, запах бензина и старого хлеба на тротуаре.

Я зову её, кричу, и звук растворяется, как дым сигареты. Лес слушает, но не отвечает. Я бегаю между деревьями, спотыкаюсь, рву ветки, падаю, руки тонут в грязи, лицо во мхе, а сердце бьётся, как в час пик метро, где никто не замечает маленьких, тихих существ вроде меня.

Если я таракан, то город – гигантская кухня.

Кто-то постоянно включает свет, и все бегут.

Я просто устал бежать.

И вот теперь, здесь, в этой сырой зелени, я не бегу. Я стою. Стою и понимаю, что всё это время я бежал от себя. От серых окон, от чужих лиц, от пустых разговоров. Я ползал под ногами людей, в их лифтах, на лестницах, между улиц и переходов, и никто не замечал, что я живу. Я был маленьким, тонким, тараканом в чужой квартире – и вот я тут и понимаю: таракан живёт, выживает, ползёт, а я – человек, который забыл, как ползти.

Деревья теперь – это колонны Эрмитажа, их корни – тротуарные плитки

Тверской, их листья – куски плакатов, что развешивали к выборам и концертам. Я бегаю по этим тропинкам, а в голове прыгают мысли: Кафка, таракан, который превращается в человека, а я – человек, который забывает себя среди людей, среди домов, среди света.

Я кричу, и крик ломает меня изнутри, как аккорд Шостаковича в комнате, где батареи не работают. И понимаю: я потерял не её.

Я потерял себя.

В городе, в метро, в пробках, среди чужих смехов и сигналов машин. Я потел себя, пока шёл по плиткам, где в каждой трещине прятался мусор и тараканы, и я не видел, что сам – тоже один из них.

Я сажусь на землю, мокрый, дрожащий, руки в грязи, пальцы касаются корней – и вижу жука. Маленькое, странное, живое. Он ползёт и не боится света, не боится мокрой земли, не боится времени, которое тянется, как жвачка.

И вдруг кажется, что он – я. Только он не жалуется, не ищет кого-то, чтобы перестать быть тараканом. Он просто ползёт.

Я смеюсь. Сначала тихо, потом громче, как ветер в проводах старого города, как стук каблучков по плитке, как бас в «Лужниках», когда нет музыки, а слышно только стук собственного сердца. Смех рвёт меня на куски и одновременно собирает – всё, что было внутри, вытеснено наружу.

И вдруг слышу её смех. Лёгкий, солнечный, как звонок на пустой станции метро, который слышу только я. Она выходит из-за дерева, курит, улыбается.

– Ты чего? – спрашивает. – Я рядом.

А я не отвечаю. Я смотрю на неё, мокрый, грязный, таракан, который наконец увидел свои лапки, свои глаза, своё дыхание. И понимаю, что искать кого-то, чтобы перестать быть тараканом, бессмысленно.

Нужно просто остановиться.

И не бежать.

Город, лес, шум метро, дрожь асфальта, стук каблучков по плитке, бас «Лужников», Кафка, Брейгель, Гойя – всё сливается в один поток. Я внутри этого потока, и поток – внутри меня. Я кричу, и крик рвёт меня на части, как ртуть на стекле, как аккорд Шостаковича, как чёрно-белая тьма на стенах Гойи.

Свет падает сквозь листья – горячий, острый, реальный. Я чувствую, как тело наполняется воздухом, как каждая клетка оживает, как каждая капля дождя, каждая трещина корня, каждый шорох – часть меня. Я мокрый, грязный, маленький, таракан. Но живой.

И вот я стою. Дышу. Дышу и чувствую, что дыхание разливается по всему телу, по венам, по корням, по воздуху. Я ощущаю себя в каждом шорохе листьев, в каждом крике птицы, в каждом ударе сердца, в каждом шуме города, который всегда был со мной, но я его не слышал.

Я маленький. Я таракан.

Я живой.

И больше ничего не нужно.

Я снова в офисе на Бауманской.

Мониторы мигают. Воздух сухой, электрический.

Кофе остывает в бумажном стаканчике. За стеклом всё тот же город, только теперь он кажется не аквариумом, а экспонатом в музее привычек. Люди ходят, как заведённые, машины ползут по мокрому асфальту, кто-то смеётся в телефоне, кто-то ругается, кто-то просто стоит. Всё как всегда.

И всё по-другому.

Я смотрю вниз – не на акул, нет. На отражения фар в лужах.

Каждая лужа – это маленький портал, другой мир, где, возможно, я смог бы остаться там, в лесу.

С ней.

Где всё было сырым, живым, липким от мёда и дождя, где в каждом шорохе было дыхание.

Но я здесь.

Мои пальцы снова на клавиатуре, курсор мигает, как пульс.

Я делаю вид, что работаю – открываю таблицы, сортирую заказы, корректирую маршруты. Логистика жизни.

И понимаю: я просто выстраиваю схемы, по которым никто никогда не поедет.

Её лицо всплывает в памяти – смех, открытая шея, свет, который пробивается сквозь волосы.

Она видела жизнь так, будто каждая пылинка – это часть картины Моне, а я всю жизнь думал, что краски – это издержки производства.

Мне страшно. Страшно оттого, что я на секунду увидел другую жизнь – не офисную, не цифровую, не линейную, а живую, дышащую, нелогичную.

И теперь не знаю, хочу ли я туда.

Я как человек, вынырнувший на поверхность и ощутивший воздух. Он знает, что можно дышать, но лёгкие отказываются.

Может, я просто не готов.

Я слишком привык к схемам, к маршрутам, к границам.

К предсказуемости.

Она – как свет из окна Лувра, который падает на античные скульптуры и вдруг делает их живыми. А я – бетон, которому страшно растрескаться.

Она – аккорд из Сати, который звучит даже в тишине. А я – метроном, который не умеет сбиваться.

Она – лес. А я – карта.

И на этой карте нет дороги туда.

Я открываю мессенджер. Долго смотрю на пустое окно чата.

Пишу:

«Прости, но мы с тобой, как пазлы, не сошлись».

Отправляю.

Три точки. Молчит.

Потом экран вспыхивает:

«А я не пазл. Я кубик Рубика».

И через секунду: «Диалог удалён пользователем».

Монитор снова мигает

За стеклом шумит город.

Всё как всегда.

Я опускаю взгляд на стол – и вижу таракана.

Он медленно ползёт между бумаг, обходит ручку, замирает у клавиатуры.

Таракан замирает на клавише «Enter».

Я думаю, что, если он нажмёт, – может, всё начнётся заново.

Но он просто поворачивается и уходит.

А курсор всё ещё мигает – как приглашение, которое я снова не принял. ■

М

Нелли ШУЛЬМАН

📍 Тель-Авив, Израиль

Фото: Софи Виге

Родилась в Петербурге. Жила в Лондоне, США, Берлине.

Пишу на русском и английском языках. Автор пяти романов из цикла «Вельяминовы» и детективных повестей о викторианском Лондоне. Лауреат нескольких писательских конкурсов. Член ассоциации англоязычных писателей Израиля.

Теперь живу в Тель-Авиве. Делю кров с собакой Викой.

В «Тайных тропах» опубликованы: № 2 (6) за 2024 год – новелла «Сын Давидов», в № 3 (7) – рассказ «Плохие земли», № 4 (8) – рассказ «Улица Пушкина», в № 2 (10) за 2025 год – рассказ «Ангел».

А в этом номере я, высказав сожаление, что не было конкурса для драматургов, предложу свой вариант произведения на такой конкурс всё по той же довлатовской теме «Маленький человек в большом городе». Естественно, вне всяких конкурсных работ, тем более что я член жюри.

Блаженные кролики Флорентина

Трагикомедия в одном действии

Действующие лица

Матвей	высокий худой парень лет 30
Борис Семёнович	грузный, пожилой, лысый, носит очки
Рита	неприметная девушка лет 25

Комната в тель-авивском районе Флорентин с зарешеченным окном и старым кондиционером. На диване клубок простыней и грязные джинсы. В углу валяются рабочие ботинки. На ручку двери повязана жёлтая лента. За распахнутым окном сушится стирка. На открытом ноутбуке без звука идут новости, а на табурете стоит проектор. На столе бутылки пива, а на пластиковой тарелке – разделанная скумбрия. Шумит душ.

За окном раздаётся пронзительный крик продавца.

ПРОДАВЕЦ (за сценой). Анавим, анавим! Кило бе-шева! Рак кан ве-рак ахшав!¹

Дверь открывается, и входит Борис Семёнович. Он грузен и почти лыс. Носит жёваную майку, просторные шорты и вьетнамки. Борис Семёнович ставит на стол пластиковый пакет. Внутри звякает стекло.

Борис Семёнович подходит к окну и, наклонившись, прслоняется к решётке.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ (крича). Заткнись, бен зона!²

Душ умолкает. Вторая дверь распахивается, и входит Матвей в трусах и футболке. Высокий, тощий, с редкой бородкой и развинченными движениями. Садится к столу.

МАТВЕЙ (устало). Борис Семёнович, он всё равно вас не понимает.

ПРОДАВЕЦ (снизу). Поц руси!³

Борис Семёнович возвращается к столу.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ (довольно). Этот арсу меня ещё выучит ыдиш. А, ты и рыбки купил. Почём?

МАТВЕЙ (открывая пиво). По деньгам. Зарплату дали. А как вы вошли?

БОРИС СЕМЁНОВИЧ (достаёт бутылку водки). У тебя дверь была открыта. Ты осторожней с этим. Соседи тащат всё, что под руку подвернётся. (Разливает водку.) У тебя компьютер. Вещь дорогая, новая. Давай. Пиво без водки – деньги на ветер.

Оба выпивают, закусывая рыбой. Матвей открывает упаковку чипсов. Новости в ноутбуке сменяются пресс-конференцией.

¹ Виноград, виноград! Кило за семь! Только здесь и только сейчас! (ивр.)

² Сукин сын (ивр.).

³ *** русский (ивр.).

БОРИС СЕМЁНОВИЧ (оживляясь). Биби⁴ вылез. (Кричит в экран.) Где заложники! (Выпивает ещё.) Все они одинаковы, что Биби, что твой...

МАТВЕЙ (спокойно). Он такой же мой, как и ваш, Борис Семёнович.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ (крутит пальцем перед носом Матвея). Ты не юли! Ты – из России, а я при СССР уехал, в девяностом году. Я ватик⁵, а ты... как вас называют...

МАТВЕЙ. Тыквенная алия⁶.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Точно. Что за херня, кофе с тыквой. Я ваши интернеты тоже читаю. Что мне ещё делать, инвалиду? Биби опять брешет, я по роже его вижу. Просрал все полимеры и юлит словно уж на сковороде.

Снимает вьетнамку и бросает её в сторону ноутбука, но попадает в открытое окно, откуда раздаётся гневный крик.

ПРОДАВЕЦ (за сценой). Тафсик балаган, о ани коре миштара!⁷

БОРИС СЕМЁНОВИЧ (снова высовывается в окно). Сам балаганист! (Уже дружелюбно.) Аль тидъаг, мотек. Га-коль бе-седер.⁸

Возвращается к столу и выпивает. Жуёт скумбрию.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Ничего он мне не сделает, потому что я инвалид (стучит себя по голове), уже двадцать два года. У меня все справки есть, и ко мне соцработник ходит. Нехер полиции больше делать, как мной заниматься.

МАТВЕЙ (заинтересованно). И за квартиру вы не платите?

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Я на пособия сижу. Я тебе говорил, когда ты в октябре въехал. Впрочем, нам тогда было не до того. И ты тогда только прилетел, да?

МАТВЕЙ. Да, перед праздниками. Меньше месяца прошло и...

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. И мы обосрались как государство. Все обосрались и давно. Ты здесь сидишь, а надо выйти на площадь, как поётся в песне! Вы импотенты и больше ничего. (Жадно пьёт водку.) Прости, что я разорался. Это голова, бывает, подводит, с того взрыва... (Захрапывает.)

МАТВЕЙ. Какого взрыва? Опять он заснул. Несёт всякую ересь, а потом засыпает.

Вытряхивает последние капли пива из бутылки себе в рот и аккуратно собирает шкурки от скумбрии в пакет.

Это котам пойдёт. Бедные коты, они здесь в самом низу пищевой лестницы. Кого вы ненавидите? Котов, но больше тыквенную алию, приехавшую сюда за паспортами.

⁴ Биби – прозвище премьер-министра Израиля Биньямина Нетаниягу.

⁵ Ветеран (ивр.).

⁶ Алия – репатриация в Страну Израиля (ивр.).

⁷ Прекратите балаган, или я вызову полицию! (ивр.)

⁸ Не волнуйся, дорогой! Всё в порядке! (ивр.)

*Подтаскивает диван ближе к краю сцены,
садится среди разбросанной одежды.*

Какая у нас скрепа? (*Поднимая палец.*) Ненависть сплачивает.
Матвей оборачивается к ноутбуку, где идёт политическая программа.

Говорящие головы. Ничего они не сделают.

Прижимает к лицу мятую футболку и встряхивается, как собака.

Надо выгнать Семёныча и ложиться спать.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Я все слышал. Тебе во сколько на площадку?

МАТВЕЙ. В шесть. Грех жаловаться, потому что я на работу хожу пешком, а остальные приезжают на подвозке и просыпаются в четыре утра.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Рабами мы были в земле Египетской, то есть в Израильской. Знаешь, откуда это?

МАТВЕЙ. Пасхальная Агада. Не думайте, что вы один здесь еврей.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Сюда такие кадры приезжают, что я ничему не удивляюсь. Дедушка умер и не оставил нам ни одной еврейской иконки. Но ты аид⁹, хоть и пьёшь пиво на Пейсах.

МАТВЕЙ. Вы тоже пьёте.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Мне можно, я ненормальный со справкой. Мы словно дети, и грехи к нам не прилипают, а тебя на том свете спросят, зачем ты блаженного Боруха пивом в Пейсах поил? Начи-наешь в шесть, а когда шабаш?

МАТВЕЙ. Как у всех. Двенадцать часов плюс обед, то есть тринадцать. В семь вечера. Ребята домой к девяти добираются, а мне повезло, и я здесь уже в половине восьмого.

Борис Семёнович жуёт чипсы.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Маркс и Энгельс сейчас вертятся в гробу. Пришёл домой, пожрал, потрахался, если есть с кем, и на боковую, а завтра всё то же самое.

МАТВЕЙ. Можно обойтись без третьего. Дунул и в кроватку. Хотите пыхнуть?

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Я тогда точно засну, а ты вдвоём с Риткой меня домой не донесёшь. Я разжирел на их таблетках.

МАТВЕЙ. На стройке платят прилично, но в Москве я так не работал.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. В Москве ты баклуши бил, я вашу породу знаю. Впрочем, какая разница? Давай (*разливает остатки водки*). Ты парень здоровый и проснёшься без проблем, а мне и просыпаться не надо.

Матвей пьёт и занюхивает куском скумбрии.

МАТВЕЙ. В каком смысле не надо?

⁹ Еврей (*идиш*).

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Я почему таблетки не люблю? От них в голове вата появляется. Вроде я всё вижу и слышу, но мне всё равно. Лежу в кровати целый день, словно я опять в больнице, и смотрю в потолок.

Перегибается к Матвею, понижая голос.

Говорят, что Б-г нам, блаженным, мультики показывает.

МАТВЕЙ. А что, не показывает?

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. На таблетках какие мультики? Ты в вате, и телевизор в вате. Еле-еле звуки доносятся. Без таблеток другое дело. Там концерт, балет и мультики нон-стоп, как вы говорите. Только мне всё время одно и то же крутят. «Дельфинарий» показывают. Я просил поменять программу, но Б-г меня не слышит или не слушает...

МАТВЕЙ. Борис Семёнович, вы видели во дворе кроликов?

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Каких ещё кроликов? Больше пей, тебе и белочки являться будут.

Дверь открывается, и входит Рита с тапочком и авоськой. Она высокая и худая, с длинными волосами мышиного цвета, собранными в пучок. Носит очки и говорит с ивритским акцентом. Одета в старые джинсы и дешёвую футболку.

На ногах израильские сандалии.

РИТА. Борис Семёнович, я вашу тапку принесла. Вы её кинули? Почему?

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. По кочану, и не тапку, а тапок. Он мужского рода. Захар ве ло некева, гивант?¹⁰

РИТА. Я и по-русски поняла. А что такое кочан?

Матвей тянется за джинсами.

МАТВЕЙ. Рита, отвернитесь. Кочан – это голова капусты. Рош га-крув.¹¹

Рита поворачивается спиной, рассматривая ноутбук и проектор.

Матвей надевает джинсы.

РИТА. Матвей, а почему вы бросили улыпан? У вас получается.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Ритка, ты способная. Выучила, что в приличном обществе к людям обращаются на вы. Здесь тебе не гадюшник.

Рита поворачивается, обводя глазами разорённый стол.

МАТВЕЙ. Рита, хотите пива? Водку вы не пьёте, а пиво ещё осталось. Вы из университета и голодны. Хотите бутерброд или заварить вам дошик?

РИТА. Что такое «дошик»?

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Доширак, то есть лапша. А что ты мне купила?

Рита передаёт ему авоську.

¹⁰ Мужской род, а не женский, поняла? (ивр.)

¹¹ Голова капусты (ивр.).

РИТА. Фрукты, овощи, молоко, питы.

Борис Семёнович пристально изучает содержимое сумки.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Опять вафли зажала. Они дешёвые, Ритка. Что ты жмотишься? Это пенсия, государственные деньги. Ты весь Пейсах продержала меня на маце, а я просил купить пасхальный кекс. Нутеллы у тебя не допросишься, а жевать одну мацу мало радости.

Рита берёт со стула мятую футболку Матвея, аккуратно складывает её и вешает на спинку. Садится и бросает на пол свою сумку.

РИТА. Пива лучше не надо, Матвей Александрович. У вас есть кофе?

МАТВЕЙ. Есть. И даже ваше молоко найдётся.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Она себе овсяное молоко покупает, а для меня вафли жалеет!

Стучит стаканом по столу и раскачивается.

Рита бережно забирает у него стакан.

РИТА. Борис Семёнович, пойдёмте домой. Вам надо принять таблетки и поспать. Я взяла в аптеке новую упаковку на следующий месяц. Я сейчас вернусь, Матвей Александрович.

Матвей включает чайник.

МАТВЕЙ. Я просил вас, Рита, называть меня по имени. Так и в Израиле принято.

РИТА. Борис Семёнович объяснял, что так некультурно.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Именно! Только вафли ты мне всё равно зажала. Ладно, я сам куплю. *(Встаёт с помощью Риты.)*

РИТА. Зайдите в маколет¹² и возьмите пачку, а я потом расплачусь. У вас всё равно денег нет.

БОРИС СЕМЁНОВИЧ. Это ты так думаешь, но ошибаешься. Ложись спать, Матвей. Хотя завтра короткий день, и ты после работы отоспишься. Праздник на носу, надо готовиться.

Борис Семёнович с Ритой выходят, и его голос затихает на лестничной площадке. Взяв с дивана мятую майку, Матвей комкает её, глядя на закипающий чайник. Достает из сумки Риты пузырёк с таблетками и заворачивает в майку.

Опускает её обратно на диван. Дверь скрипит, и он пытается улыбнуться.

МАТВЕЙ. Кофе почти готов.

Рита проходит к столу. Матвей насыпает в старую кружку пару ложек растворимого кофе и льёт на гранулы воду. Приносит из стоящего в углу холодильника пакет соевого молока. Ставит всё перед Ритой.

МАТВЕЙ. С вами всё в порядке?

Рита смотрит в одну точку.

¹² Маленький магазин с минимальным ассортиментом товаров первой необходимости (ивр.).

РИТА. Зачем вы даёте Борису Семёновичу водку и пиво? Вы знаете, что он больной человек. Ему нельзя алкоголь, нельзя сладости, нельзя... Многое нельзя. У него завтра повысится давление и сахар, после вашей, ваших...

МАТВЕЙ. Посиделок. Но, Рита, во-первых, он взрослый человек, а во-вторых, мне совершенно не с кем поговорить, как в стихотворении о колючей лестнице.

РИТА. Почему лестница колючая? Это если есть шипы, да? У розы шипы и у ёжика тоже.

МАТВЕЙ. И у вас, потому что вы сабра¹³, якобы колючая снаружи и мягкая внутри. Насчёт лестницы я Мандельштама имею в виду.

Рита недоумённо смотрит на него.

МАТВЕЙ. Он гениальный русский поэт. Еврей, кстати. Вы читаете по-русски, отыщите его в интернете.

РИТА. Я плохо читаю, потому что научилась сама. То есть не плохо, а медленно. И я не люблю стихи. Так почему лестница колючая?

Матвей садится на подоконник.

Над верёвкой с бельём взошла бледная луна.

МАТВЕЙ. Смотрите, луна похожа на кролика. Как тихо, Рита. Рынок свернулся, а местная алкашня вроде меня квасит по домам. То есть пьёт, простите. Вы не пьёте и поэтому...

РИТА. Поэтому со мной скучно, да? Так почему лестница колючая?

МАТВЕЙ. Рита, вы словно тот самый ситчик, как и вся эта страна. Приезжайте и обхохочетесь. Мандельштам боялся выходить на улицу. Ему казалось, что лестница – начало смерти, потому что за стенами дома его ждал только мёртвый воздух.

РИТА. Как здесь.

МАТВЕЙ. Заметьте, что вы это сказали, а не я.

РИТА. Но вам так не кажется, да?

Матвей соскакивает с подоконника и наливает себе водки.

МАТВЕЙ. Не кажется, хотя когда Борис Семёнович забывает о памперсе, то лестница превращается в сортир. Рита, вы замечали в нашем дворе кроликов? Я их давно вижу, и они меняются. То чёрный придёт, то белый, а то оба сразу. (*Перегибается через стол ближе к Рите.*) Они сидят у двери и смотрят, как вы сейчас. В первый раз они пришли восьмого октября, в воскресенье утром. Помните то воскресенье? Впрочем, кто не помнит? Я тогда напился как чёрт и написал прорабу, что заболел. Потом выяснилось, что он и сам заболел и вся страна заболела и хворает до сих пор. Только вы не сейчас заболели. (*Машет*

¹³ Сабра, или цабра (букв.: кактус) – именование коренных израильтян (ивр.).

пальцем перед носом Риты.) Вы хроники, как Борис Семёнович, и болеете с младенчества. Что за взрыв, о котором он говорит? Что за «дельфинарий»¹⁴? Он же шизофреник, да?

Рита смотрит в сторону.

РИТА. Я не имею права разглашать диагнозы подопечных, Матвей Александрович. Если Борис Семёнович захочет, он сам расскажет. В этом я его остановить не могу.

МАТВЕЙ. Ему веры нет, потому что он точно сумасшедший. В литературе такой персонаж называется ненадёжным рассказчиком. Вы, Рита, надёжная?

Рита отпивает кофе.

РИТА. У вас он всегда лучше, чем в кафе.

МАТВЕЙ. Евреи, не жалеите заварки, то есть кофе, но вы не ответили на мой вопрос.

РИТА. Сначала расскажите о кроликах, Матвей Александрович. Как часто они появляются?

МАТВЕЙ (смеясь). Чтобы вы отправили сведения товарищу майору, то есть начальнику собеса¹⁵? Один сумасшедший у вас есть в подопечных, и вы решили, что я тоже того?

РИТА. Собес я знаю, потому что русские старички так говорят, но почему товарищ майор? Моя начальница не служила, потому что она религиозная.

МАТВЕЙ. Неважно. Это выражения такие. Вы не задумывались, Рита, откуда во Флорентине появляются кролики и куда они деваются? Идёшь ночью купаться, и в кустах то и дело шныряют кролики. Прямо под ноги бросаются.

РИТА. Вы купаетесь пьяным?

МАТВЕЙ. Сдайте меня в полицию и вместе со мной половину Тель-Авива. Вы мне не ответили насчёт кроликов, а я тоже умею проявлять настойчивость. Не вы одна здесь зануда.

РИТА. Сначала вы мне ответьте насчет улыпана¹⁶. Неужели вы не понимаете, что без иврита вы никуда не пробьётесь, Матвей Александрович?

Матвей машет рукой.

МАТВЕЙ. Неужели вы не понимаете, Рита, что есть люди, не желающие никуда пробиваться? На аренду жилья и еду хватает. Я никуда не стремлюсь, и незачем ездить мне по ушам. Так что с кроликами?

¹⁴ 1 июня 2001 года арабский террорист подорвал себя в толпе подростков у дискотеки «Дольфи» («Дельфинариум») в Тель-Авиве. 21 человек погиб, 120 ранено.

¹⁵ Собес (сокращение от *соцобеспечение*) – в СССР так назывался государственный орган, занимавшийся вопросами социального обеспечения населения.

¹⁶ Улыпан – в данн. контексте: курсы по изучению иврита.

Рита вытаскивает из авоськи тетрадку и карандаш.

РИТА. Надо записать. «Ез-дить по у-шам». То есть надоедать.

МАТВЕЙ. Вы прямо гений, Рита. Так откуда кролики?

Рита грызёт кончик карандаша.

Матвей вынимает карандаш у неё изо рта.

РИТА. Извините. Кроликов дарят детям на дни рождения, а потом выясняется, что за животным надо ухаживать и... *(Неопределённо поводит рукой.)* Собак тоже выбрасывают. Я бы взяла пёсика, но я снимаю комнату.

МАТВЕЙ. В Петах-Тикве, вы говорили. Хорошо, что появился трамвай, и вам сюда удобно ездить.

РИТА. Вы в Москве, наверное, много ездили на метро. Я его видела только на картинках.

МАТВЕЙ. Нет. Я сделаю вам бутерброд. *(Занимается бутербродом.)* В Москве я ездил на машине из городской резиденции на загородную виллу.

Рита открывает рот, и он улыбается.

МАТВЕЙ. То есть с квартиры на дачу. Погодите, но метро есть рядом, в Афинах, в Риме, в Париже, в Берлине, в Лондоне...

РИТА. Я нигде не была. Только в Израиле. А вы были?

МАТВЕЙ. Да. Откуда появляются кролики, мы выяснили, но куда они потом деваются? *(Передаёт Рите бутерброд.)*

Рита жуёт.

РИТА. Спасибо, очень вкусно. Кроликов съедают кошки, Матвей Александрович.

МАТВЕЙ. Пищевая пирамида в действии. Но те два кролика выжили. Знаете, что случилось с Алисой, когда она последовала за белым кроликом?

Рита кивает.

РИТА. Это я читала на иврите в интернате.

Матвей хмурится.

МАТВЕЙ. Это книга для детей. Какого чёрта вы её читали подростком?

РИТА. Есть и детские интернаты. Спасибо за кофе. Мне пора. Завтра у нас тоже занятия, пусть и утром в канун праздника.

Матвей словно её не слышит.

МАТВЕЙ. Мы все бедные блаженные кролики, Рита. Б-г, о котором подшофе любит рассуждать Борис Семёнович, взял нас поиграться и выкинул на съедение диким зверям. Вы таинственная девушка, Рита. Приходите ниоткуда и уходите в никуда...

РИТА. Почему ниоткуда? Я живу в Петах-Тикве.

МАТВЕЙ. Это практически ниоткуда. Вы обучили себя читать по-русски и жили в интернате. Неладно что-то в датском королевстве.

РИТА. Погодите, я запишу.

Матвей наблюдает за ней.

МАТВЕЙ. Писать по-русски вы тоже научились сами и, как проверять слова, вы не знаете. Некоторые надо запоминать.

Рита кладёт блокнот в сумку. Хмурится и смотрит на Матвея.

РИТА. У меня здесь были... Неважно. Не всё в жизни можно проверить, Матвей Александрович. Это тоже надо помнить. Меня забрали у родителей в пять лет, потому что... *(Обрывает себя.)*

МАТВЕЙ. А то останьтесь. Мне просто надо сегодня хоть с кем-то поговорить, Рита. Останьтесь, а? *(Делает к ней шаг.)* Не ходите на колючую лестницу.

РИТА *(качая головой)*. Не стоит. До завтра, Матвей Александрович.

Она исчезает за дверью, а Матвей садится на диван и тянется за водкой.

Он включает проектор и нажимает клавиши ноутбука.

На белой стене появляется изображение девушки.

Она в потрёпанном спортивном костюме. Распущенные волосы, перевязанные тряпкой, падают на плечи. Лицо бледное, смотрит в одну точку.

Говорит по-английски, кусая губы. Внизу бежит строка перевода на иврит.

ДЕВУШКА. Меня зовут Софья, и я работала на фестивале «Нова». Я гражданка Израиля и нахожусь в секторе Газа, где со мной хорошо обращаются. Хорошо обращаются...

Матвей разворачивает футболку и достает пузырек с таблетками.

Он прижимает футболку к лицу. Девушка продолжает говорить.

ДЕВУШКА. Я гражданка России, и мои родители живут в Москве. *(Её голос срывается, и она переходит на русский язык.)* Мамочка, папочка, пожалуйста, не волнуйтесь. Со мной всё в порядке, честно. Мамочка, папочка, я не хочу умирать, не хочу... Пожалуйста...

Изображение и звук пропадают. По экрану скачут разводы, трещит статическое электричество. Матвей раскачивается, закутав голову футболкой.

МАТВЕЙ. Я хотел поехать с ней на фестиваль, но подвернулась халтура по ремонту. Мы думали, что там безопасно. Г-споди, какие мы блаженные дураки, какие тупые кролики!

Стучит кулаком по дивану.

От неё осталась только футболка. Я все выкинул по пьяни, а потом рылся в мусорном баке, но вещи пропали. Только футболка завалилась среди грязного белья.

Снимает футболку с головы, смотрит на серый экран.

Семёныч отправлял меня на площадь, но кто я такой? Кому интересен парень, с которым она напилась в хлам за неделю до седьмого октября?

Плачет, вытирает лицо футболкой.

Может быть, Соня давно мертва, и её труп гниёт где-нибудь под развалинами, в которые мы превратили ту проклятую землю.

Опять нажимает клавиши на ноутбуке, но на этот раз выключает звук. Заползает под покрывало, смотрит на стену, где Софья открывает и закрывает рот.

Начинает двигаться под покрывалом.

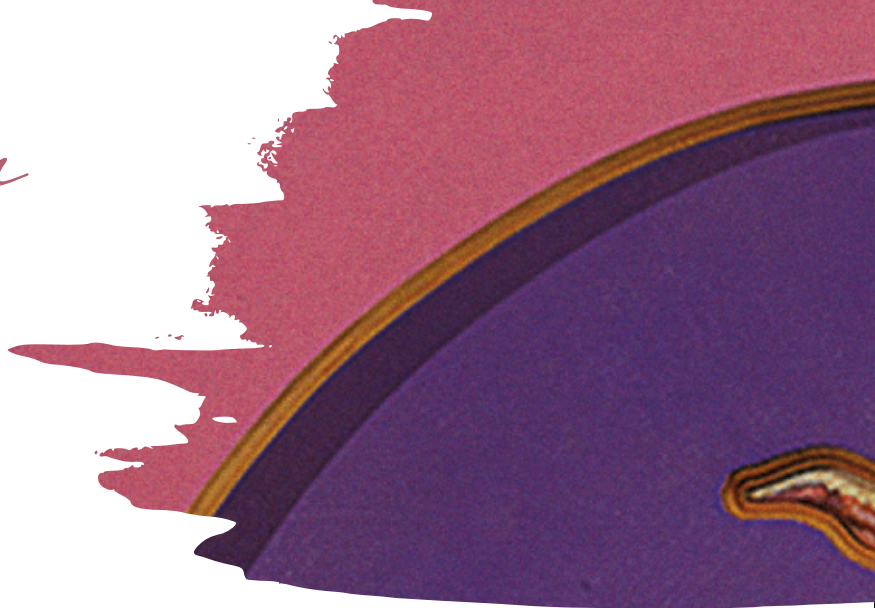
МАТВЕЙ. Вот так, вот так. Так с тобой делают, а так делаешь ты. Сделай еще! Ненавижу вас всех, ненавижу!

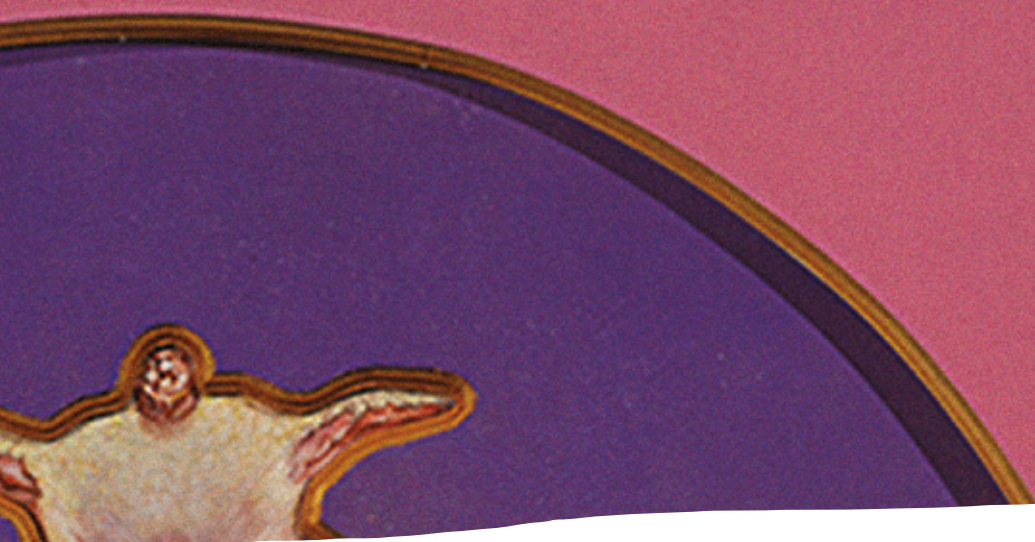
Высыпает в рот таблетки из пузырька, запивает их водкой и затихает.

За окном сияет похожая на кролика луна. Свет тухнет.

Занавес ■

Mm

Сергей ЮРЬЕНЕН (Serge IOURIENEN)

📍 штат Нью-Йорк, США

Фото: Marina Kami

Прозаик, переводчик, журналист, издатель, автор и ведущий программ «Радио Свобода».

Родился во Франкфурте-на-Одере (21.01.1948). Учился на филфаке МГУ. Работал в журнале «Дружба народов» (1973–1976): выездной корреспондент, зам. заведующего отделом очерка и документалистики. Издательство «Советский писатель» выпустило книгу рассказов «По пути к дому» – первую и последнюю в СССР. Член Союза писателей СССР с 1977 года.

В том же году выбрал свободу во Франции. Первые публикации в журналах «Эхо», «Третья волна», «Континент» и газетах эмиграции по обе стороны Атлантики. Первый роман вышел сначала по-французски – «Le Franc-Tireur» (1980).

Работал на «Радио Свобода» в Париже, Мюнхене и Праге (1978–2004): корреспондент, обозреватель, аналитик, с 1986-го – руководитель отдела культуры, зам. директора Русской службы. Создатель и ведущий программы «Поверх барьеров» и её литературного приложения «Экслибрис». Инициатор многих других программ, включая «Писатель на Свободе». Автор сотен радиопередач.

Заместитель по прозе главного редактора журнала «Новый Берег» (Копенгаген).

Основатель интернет-издательства Franc-Tireur USA.

Автор более 30 книг прозы и нон-фикшн: романов «Вольный стрелок», «Нарушитель границы», «Сын империи, инфантильный роман», «Беглый раб», «Дочь генерального секретаря», «Фашист пролетел», дилогии «Союз сердец, разбитый наш роман», «Входит Калибан», «Музей шпионажа», «Фён», «Диссидентство, мон амур» и др. Переводы на 10 языков.

Лауреат «Русской премии» и др., включая премию имени Набокова (альманаха «Стрелец» и издательства «Третья волна»).

Верёвочка

М. Э.

Миша привёз их на ночь глядя, когда я уже отчаялся увидеть живую душу. Январь 72-го в Солнцево выдался совершенно мёртвый. Снег валил что ни вечер, автобус ходил с перебоями, а свет экономили так, что на четвёртый этаж пятиэтажки приходилось восходить на ощупь.

Девушек было две, но я и снимал двухкомнатную. Обе находились в ситуации предвыезда, как деликатно выразился мой московский друг. Одна прихватила с собой в гостиную мохеровый шарф, села в кресло, уложила коленки набок и закуталась. Томная и красивая, но когда сказала что-то, внутренне я вздрогнул. Передние зубы переплелись у нее иксиком, и не крест-накрест, а вязью, как в алфавите, который достала мне, лишних вопросов не задавая, N***, наша с Мишей общая подруга по факу.

– Громко сказано, только подали...

Вторая села рядом со мной на тахту, под покрывалом которой был расстелен свежий комплект постельного белья, привезённый мной из общежития.

– Но что интересно, – продолжила она. – Акции сразу пошли вверх.

– Какие?

– От женихов отбоя нет.

– Что-то не заметила, – сказала красивая.

– Мне так сразу руку и сердце предложили. Как же. Средство передвижения...

«Некрасивых не бывает, бывает мало водки». Так оправдывали размывание канонов Дубровин и Заремба, соседи по блоку, ставшие филологами после соответственно армии и флота. Водки я бежал, ничего, кроме чая грузинского, второй сорт, девушкам предложить не мог. Поэтому решил от оценок воздержаться. Подсела она ко мне со стороны окна, из которого задувало; половинки штор, сведённых вместе канцелярской скрепкой, зримо двигались. Предло-

жить поменяться местами? Но девушка не мёрзла, а совсем напротив. Жаркими волнами нагоняла аромат мускуса и духов «Ву́с Мо́же». Витальная такая. Энергия и жажда жить.

– Мои, – сказала доверительно, – медведя не убили, а уже планы строят.

– В смысле?

– Уезжать решили по ж/д.

– Не самолётом? – удивился я.

Она хохотнула.

– Как же... А вдруг моторы откажут на пути к так называемой свободе? Бомбу им подложат на прощанье? Считают, поездом надёжней. Сверхдержаву заодно увидеть напоследок. До станции Чоп, а там... – и ладонью, резко дважды: – Чоп-чоп!

Миша сидел между лакированными подлокотниками кресла, защищённый от сквозняка высокой спинкой. Руки сложены. Вид невмешательства в процесс. Выполнил, что обещал, теперь отдувайся, соблазнитель. Поддерживай разговор.

Меня же словно сковало. Должно быть, одичал. А ещё я боялся, что прямо над нами начнут учить уму-разуму живущую там двоечницу. Посредством её же скалки, удары которой о линолеум наперебой с прыжками раздавались сверху часами, пока не возвращалась с работы её мать. Надежда была, что каникулы в школе. И пока всё было тихо. Поэтому слушали мы пургу. Порывы её с гулом зарождались в полях за ТЭЦ, обтекали две-три «башни» и с победным воем набрасывались на шлакоблочную коробку.

– Красивые чашки, – заметила красивая.

– Хозяйские.

Перед приходом гостей решил вынуть их из-за стёкол серванта и, разумеется, промыть от пыли.

– «Дрезден»?

– Не думаю.

– Магазин гэдээровский?

– А-а... Может быть. Хозяин, он из немцев.

– Немцев-немцев?

– Нет, из казахских.

Сходил за чайниками. Эмалированный поставил на перевёрнутый учебник старославянского. Разливая заварку, фаянсовый держал двумя руками, чтобы тяжёлая крышечка не разнесла позолоту с розочками. И так уже должен за три месяца...

– А как долго, – обратился я к витальной, – ждать решения?

– К весне нас здесь не будет, я надеюсь, – она взглянула на подругу сквозь пар моей чайной церемонии. – У твоих допуска ведь нет?

Подруга подтвердила.

– У моих тоже, но кто знает? Кафка. Может, вообще пойдём в отказ...

Заговорили об отчаянии. Что делать, когда всё летит под откос. Томная куталась в мохер и прикрывала ротик. А моя соседка по тахте рассказала из жизни:

– Однажды на поезд опоздала. Задыхаюсь, бегу, уходит. Вдруг сзади меня хватает мужик и буквально зашвыривает в вагон. «Держаться надо!» Я ему из тамбура: «За что?» А он мне этак, знаете, по-русски, – и винтящим жестом передала то, что я истолковал как юродивое издевательство, – а за верёвочку!

Фыркнула и замолчала. Холодно было в комнате и тускло.

– За какую? – спросил я.

– Вот именно. Какую?

Томная бросила взгляд на часики, рука была изящная, длинные пальцы, ухоженные ноготки. «Пора...»

Мы переглянулись с Мишей. Не судьба. Форсировать не будем.

В коридоре галантно подставили им рукава дублёнок. Одна за другой они вышли в темноту, а Миша задержался и сказал, что ничего от меня не получил. Я тоже ничего не получил. А отправили друг другу перед Новым годом. Желая сохранить чистоту жанра переписки из двух углов.

– Идиоты, – сказал я. – Доверились почте...

– Подождём ещё, – ответил Миша. – Не будем делать преждевременных.

Я запер за ними дверь.

Остановился перед пустотой, где только что были люди. Лампочка в сорок ватт освещала *Kolibri*¹ на столе, с которого я снял скатерть и превратил в рабочий. Единственное изменение, которое внёс в контекст. Когда остался в нём один, обстановка стала так давить, что решил противопоставить ей осознанную отчуждённость. Книги держал в чемодане. Ничего не трогал и даже поддерживал заданный орднунг. Вот и теперь заново настелил на кресла смятые длинные коврики, которыми хозяин защищал свою мебель. Вправил жестковатую ткань их в щели между сиденьями и спинками. Немало повидали эти кресла...

Чашки вынес на кухню. Вымыл и выставил на вафельное полотенце кверху донышками – таки-да, *made in DDR*. А вот и на главную тему – выключатели здесь были типа «дёргалки». Дёрнул за шнурок – и свет погас. Озарились морозные пальмы. Над сутробами металась яркая лампа на растяжке. На остановке прыгали мои гости. Внизу двигался огонёк. Свернул к «спальному городу» и, распавшись на фары, стал подниматься. Через пять минут автобус 552 подобрал последних пассажиров, сотряс, огибая, угловой этот дом и заглох в метели. Не навсегда. Минут через десять на выезде из города появился его свет и превратился в огонёк, за которым я следил, пока он не пропал. В ночи лежали поля, перелески и дачные посёлки, где зимою никого. Пустыня. Я сидел на её краю и думал о верёвочке.

Разбудил Джабер. Никого я не ждал, и меньше всего иностранца с Ленгор. Малахай – русее не бывает – сдвинут на затылок, с растопыренных «ушей» свисают мёрзлые завязки. Рот аденоидно приоткрыт. Страдалец был в демисезонном пальто. Переминался на цементе лестничной площадки.

– Я вас не разбудил?

– Входи.

Он шагнул на затоптанный линолеум.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я, имея в виду «одну шестую». – Думал, ты в Париже.

Он махнул рукой. Денег не хватило даже на Западный Берлин. Может быть, и к лучшему. В общежитии пусто, все уехали. Можно наконец-то поработать...

Работал он в основном глазами. В холле у пульта сидел нога на ногу в сталинском кресле, курил одну за другой американские сигареты и смотрел вслед студенткам. Стрелкам, привлечённым ароматом, никогда не отказывал, вынимая заготовленную для них пачку «Столичных».

¹ Kolibri – в данн. случае: марка портативной печатной машинки.

– Далеко вы уехали... Она спит?

Я открыл дверь в спальню. Кровать у стены и больше ничего.

– А где твоя невеста?

– Уехала.

– Но вернётся?

– Не думаю.

Он защёлкал языком.

Мы пили мой чай. Курили его «Кент». Джабер согрелся, глаза шныряли по углам.

– А говорят, у тебя тут антисоветчина, бутылки...

Вон он «Man sagt»². В чистом виде и на радость Первому отделу...

– Кто говорит?

– У нас там... В иностранной группе.

Страхнул пепел и снял со столика потрёпанный покетбук. С обложки девочка взирала поверх очков-сердечек.

– Правда, что ты написал индусу курсовую?

– Допустим.

– Вот за это свинство?

– Запретный плод, – ответил я.

– Курсовая минимум пятнадцать рэ, а это... – ковырнул наклейку «Used». – За пару рупий куплено в Бомбее.

– Так то в Бомбее.

Помолчали.

– А мне ты мог бы написать?

Дело не только в деньгах. Я сочувствовал этому зануде. Однажды в холле он целый вечер рассказывал о море и Ливане, где провёл райское детство, пока жив был дядя-христианин. Джабер мечтал туда вырваться из Дамаска.

– Про что?

– Читал «Верблюжий глаз»?

Лет через двадцать, когда на время всё переменялось, я рассказал эту историю Чингизу Торекуловичу. Это было в Веймаре, за столиком известного заведения «Элефант» – с видом на парный памятник Шиллеру и Гёте. За памятником здание, в нём муниципальный зал: Айтматова там чествовали. Не как посла в уютных европейских странах – как автора популярных в Германии книг, а среди них и повести, благодаря которой я пережил московские морозы. Тот же Веймар, кстати, раскрыл объятья и другому персонажу этого рассказа про верёвочку: американскому профессору и призёру всемирного конкурса эссе о том, как освободить будущее от прошлого...

Джабер расщёлкнул кейс и выдал мне аванс. Цыбик цейлонского «со слоном», а главное – полблока «Кента». Точнее четыре пачки: одну в последний момент надумал взять обратно. Пообещал подвезти что-то из еды. Последняя из моих забот. Как и советовал кумир, я пребывал на выучке у голода.

² Man sagt (нем.: говорят, так говорят, люди говорят) – категория *Das Man*, неподлинного бытия в философии М. Хайдеггера.

Сел за машинку и обнаружил, что произведения не помню. Читал ли вообще? Какие-то колючки катились через степь мне в голову. Я начал печатать мысли про Айтматова. Но возвращались они к вчерашним девушкам. За что держаться, когда всё рушится? Заодно вспомнил, что «Верблужий глаз» – отнюдь не око несчастного «корабля пустыни». Так в повести называется родник с ключевой водой.

К вечеру написал пять страниц, но вместо продолжения начал новый рассказ. Под названием «Верёвочка». Про девушку, которая опоздала на поезд своей жизни. Про то, как она бежала по перрону, а поезд уходил. И про верёвочку, за которую следует держаться, когда падаешь. Только не мог понять, что это за верёвочка. Спасательный конец или петля? Пройдёт несколько лет, и в своей «Разбойничьей» песне магнитофонный кумир эпохи напомним и о другой её функции:

«Сколь, верёвочка, ни вейся –
Все равно совьёшься в плеть».

Дожидаюсь, когда закипит чайник, курил и смотрел в окно. Лампа под железным конусом раскачивалась и вставала в горизонталь.

Печатал и думал, что мы все догоняем наши поезда. Кто-то успевает вскочить, кто-то остаётся. А кто-то болтается между вагонами, держась... за что?

Вынул из машинки третью страницу и перечитал рассказ. Героиня так и не поняла, что это за верёвочка. Но держалась за неё что было сил, потому что под ногами пропасть.

Название мне не нравилось. И вообще что-то было в истории не так. Может, нам её плохо рассказали? Если я бы её сочинял, мужская рука тянулась бы из тамбура. Схватила бы девушка не за верёвочку, и уж точно не в уменьшительно-ласкательной форме: речь ведь не о почте и лохматых перевязках посылок и ценных отправок, на которые капают сургуч и ставят печать. Нет: за руку, и сразу после этого за столбик, как в «Анне Карениной» назван вертикальный поручень для подъёма в вагон. Поэтому – имея, должно быть, в виду «Не выпускай» – мужик и крикнул ей: «Держись!» Она же, поездом благополучно уносимая, в ответ ему расширила: «За что?» И кончилось всё русским дзеном с вплетённым в него красной нитью образом, на котором, если к делу подходить реально, удержаться просто невозможно – оборвёшься так или иначе, и каким бы было исходное намерение.

Первый вариант всегда дерьмо – уместно снова вспомнить здесь кумира. С другой стороны, спрямлять чужой рассказ мне не хотелось. Вдруг логика его убьёт? Живые несостыковки? странности, неповторимости? Однажды с Мишей обсуждали японскую книжку, где гейша каждую ночь по-новому завязывала узел на оби своего кимоно, а самурай должен был его развязать во тьме наощупь.

Я сложил рассказ и завязал в папку с другими первыми вариантами. Среди них был черновик письма, которое не дошло до Миши и в этот самый момент, возможно, лежит под светом настольной лампы на площади Дзержинского – доносом отправителя на самого себя.

Завывала пурга. Цивилизация была где-то далеко. Даже советская.

А я держался за свою верёвочку. За эту вот машинку, за слова и предложения. За пробелы между ними. И за истории других людей, которые помогали рассказать мне собственную.

Держался и не знал, спасёт это меня или погубит.

Не было другой верёвочки. ■

М

Илья БЕРКОВИЧ

📍 Кирьят-Арба, Израиль

Фото: из личного архива автора

От автора (вместо биографии)

Когда-то одной из моих любимых книг была «Уайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона, сборник рассказов о жителях маленького городка, где все друг друга знают. Я родился и вырос в Ленинграде, огромном, холодном и закрытом городе, жители которого малообщительны и часто не знают, как зовут соседей по площадке. «Как хорошо для писателя, – по молодости думал я, – жить в маленьком городке, где жизнь человеческая как на ладони!»

И вот уже 30 лет я живу в таком городке. От соседей порой просто некуда деваться, историй происходит множество, но известны только основные сюжеты и очертания, вроде пунктирных линий, выколотых иглой на картоне. Вот я и пытаюсь прорисовать и раскрасить эти извилистые линии.

От редактора

В России автор писал в основном стихи. В Израиле (с 1990-го) – сюжетную прозу.

Печатался в основном в «Иерусалимском журнале».

Новая звезда

7

Google earth – чудесная программа. Она покажет вам разнообразный, богатый мир за порогом дома Вельшанских. Застроенную двухэтажными особняками улицу, бурых овец за забором из колючей проволоки, кубы арабских домов. Вдоль забора проезжает красная машина, кудрявятся виноградники, из открытых дверей мастерской летят сварочные искры. На верхушке минарета зажётся зелёный огонь, и громкоговоритель прочищает горло, чтобы созвать правозащитников.

Видите всё это? Так вот: не верьте своим глазам. За порогом дома Вельшанских пусто. Там только мама, которая ещё не вернулась с работы. Когда мама войдёт в гостиную, передаст детям белые, пахнущие праздником пакеты и положит шляпу на спинку дивана, за порогом дома Вельшанских не останется никого и ничего.

Дочери уже налили в чашечки высоких серебряных подсвечников жёлтое масло. На обеденном столе сыновья выстроили по росту консервы: огромную жестянку тунца, банку майонеза пониже и три пузатых, маленьких – соленые огурцы, маслины и перец. Перед строем банок поставили миски, положили длинный нож и список салатов.

Список торжественно составляется каждую пятницу, хотя салаты из недели в неделю готовятся одни и те же: ТУСАВСОГ, ТУСАВМАС, ТУСАВПЕР и ТУСАВПРОС.

Никто из чужих не способен понять этот список, он и не для чужих, но если гость прочтёт его и, нахмурившись, спросит, что за организации названы такими сложными аббревиатурами, и зачем на столе, перед консервными банками, список организаций, дотошному объяснят, что ТУСАВСОГ – это Тунцовый Салат Вельшанских с Огурцами, ТУСАВМАС – Тунцовый Салат Вельшанских

с Маслинами, ТУСАВПЕР – Тунцовый Салат Вельшанских с Перчинами и ТУСАВПРОС – Тунцовый Салат Вельшанских Просто.

Сыновья приготовили всё и ждут, что отец спустится в гостиную со второго этажа, из своей спальни. Без отца готовить салаты нельзя.

Уже не будни, ещё не суббота.

Старшая сестра Лея, сидя за круглым столиком, над недописанным листом семейной газеты, подпёрла голову рукой, склонила широкое, рыхловатое материнское лицо, закусила кончик ручки и пытается вспомнить, какие ещё события она не описала: Давид выиграл третье место в турнире по шахматам, папа получил из России целую коллекцию спичечных этикеток... Что же ещё?..

Лея – редактор рукописной семейной газеты, которую каждую неделю, перед субботой, вешают на холодильник. Газета заполнена только наполовину, но судя по выражению блестящих, водянистых глаз и веснушчатой полуулыбке Леи, мысли её без стука уронили лопату поиска на мягкий мох и пустились порхать: «Почему на свадьбах кольцо только опускают на палец невесты, а дальше невеста сама должна его надеть? Я бы не хотела совсем гладкое кольцо. Можно с небольшим камнем».

Младшая сестра Рахель, опершись руками о спинки стульев, размахивает ногой. Нога застывает в воздухе и рядом с ней всплывает гордо поднятый указательный палец:

– Идёт! Я услышала!

Все оборачиваются к лестнице и молча слушают медленные тяжёлые шаги и сопение.

Первыми на крутых ступенях, под притолокой, появляются сизые домашние шлёпанцы, полоска бледных ног и полá красного купального халата. За ними – красный кушак на выпуклом животе, пухлая белая рука, сжимающая лестничные перила. Потом большая седая борода и кудряво-седая голова.

Отец делает общий приветственный жест, мерно, подобно солнцу, пересекает гостиную и со вздохом садится за стол. Уф. Пока спускался – устал.

Отец оглядывает стены гостиной.

На них нет картин – только фото. На стенах гостиной, на снятых отцом фотографиях, живёт семья Вельшанских. Каждый в минуту неуверенности может посмотреть на стену и увидеть себя прекрасным – каким поймал его луч отцовской любви.

Портретов самого отца в гостиной нет. Тем, кого интересует папин жизненный путь, придётся подняться по лестнице. Там, на стенах, представлен папа, единый во многих лицах: худой мальчик в зелёном солдатском ватнике и ушанке с красной звёздочкой, волосатый калифорнийский полухиппи в радужных очках и расстегнутой до пупа цветной рубашке, мощный, в пятнистой американской форме морской пехотинец, поселенец в джинсах и футболке, с большой ермолкой на седеющей голове.

Сам папа по дороге из спальни и в спальню смотрит на свои фотографии машинально, без ностальгических сожалений и сомнений. Как все крепкие люди, он уверен, что распорядился жизнью правильно. А вот на фото детей, особенно сыновей, он всегда глядит подолгу, пытаясь понять: кто наследник?

Всё. Отдохнул. Папа пододвигает к себе банку с тунцом.

– Большая миска где?! – осведомляется он глубоким баритоном.

Старшая дочка Лея с поспешным стуком ставит перед папой огромную стеклянную миску.

– Почему тунец не на месте?! – летит в потолок гневный папин голос. Дети замирают, а папа резко улыбается: шутка. Старший сын Давид быстро передвигает тунца направо, на всегдашнее место. Но начинает отец, как всегда, не с тунца, а с солёного огурца. Отец указывает на банку огурцов, Давид срывает жестяную крышку и смотрит, как отец кладет огурец на оранжевую доску и длинным ножом рассекает его вдоль.

2

Судя по огромному размеру обуви и крупным кистям рук, Давид вырастет дядой. У него убегающие коричневые глаза, беспокойные пальцы и не очень внятная речь. Общаясь, он засыпает вас дождём тревожных вопросов: знаете ли вы, что здесь водятся дикие кабаны? А дикие собаки? Что вы будете делать, если встретите диких кабанов? Вы не боитесь диких собак? Почему вы их не боитесь?

Будущее у Давида хорошее. В нём есть готовность идти до конца, свойственная занудам, а главное – папа решил, что Давид будет профессором физики, а ради папы Давид станет хоть профессором, хоть генералом, хоть канатным плясуном.

К тому же Давид – старший брат. Долг заставляет его учить уму-разуму младшего брата Иону. Попутно приходится быть хорошим самому. Не хорошим, а самым лучшим. Например, как принято у благочестивых людей, на рассвете окунаться в микву¹. Поэтому сегодня Давид вышел на улицу в пять.

Время ночных собак ещё не кончилось. Они рассыпчато перелаивались в конце улицы. Из мусорного бака с тяжёлым шорохом выскочила худая коричневая сука и, мотая сосцами, потрусила на лай сородичей. Давид шархнулся к забору. Как большинство израильских детей, Давид боится животных. Вжимаясь в кипарисы, он дошёл до столба, к которому всегда прикованы два велосипеда, пыльно-красный и пыльно-голубой, и полез на холм по асфальтовой, в трещинах, дорожке, такой крутой, что заботливый мэр обвёл дорожку трубчатыми перилами. Хватаясь за холодную трубу перил, которой сегодня еще не касались ни солнце, ни рука, сонно вздрагивая от холода железа и гордясь, что он первый поднимается сегодня по этой дорожке, Давид дотянул себя до каменного куба мужской миквы, стоящего на вершине поросшего серыми колючками холма. В раздевалке было тепло, горел свет, а на крючке над крайней скамейкой висели мятые чёрные брюки с блестящими коленями и шерстяной жёлтый талит в чёрных полосках. Кто-то пришёл раньше! Однако не было слышно ни шлёпанья мокрых ног по полу, ни плеска воды в бассейне, ни сморканья, ни гнусавого пенья, ни сбоя душевой струи, которой чьё-то тело мешает свободно падать на пол. Давид разделся с неловким чувством, что он в чужом доме, хозяин сейчас придёт и застанет его голым. Комната с маленьким бассейном, к его удивлению и радости, оказалась пуста.

Через десять минут, спускаясь с холма, Давид уже не думал, куда же девался человек, чьи чёрные штаны блестили на вешалке коленями. Восходящее солнце, бурые холмы, разделённые тёмно-серым пустым шоссе, по которому они с братом через полчаса поедут на школьном автобусе, привычно стреляли воспо-

¹ Миква – бассейн для ритуального омовения у евреев.

минаниями: вон на том холме, когда папа ещё ходил без палки, они устроили пикник, и папа прогнал свору бродячих собак, вон красная крыша дома учителя шахмат, шепелявого русского старика, к которому папа возит его два раза в неделю. Давид торопится разбудить брата – успеть на школьный автобус, хотя время есть: Давид всё делает с запасом.

Дома затхло, сонно, тепло и тихо. Мама уже уехала на работу. Давид трогает брата за накрытое одеялом плечо.

Брат поднимает светлокудрую голову и спрашивает:

– Какой сегодня сэндвич?

– Сначала руки помой, – учит Давид. – Помой руки, скажи благословение!

Брат, сопя, плещет из крана в блестящую кружку и из кружки бросает на руки немного воды, под мерные указания Давида:

– Ещё воды! На каждую руку по три раза!

– Правый ботинок надевают первым! – поправляет Давид брата, натягивающего левый ботинок.

– Почему? – спрашивает брат.

– Так написано! И папа так сказал!

Когда братья садятся в автобус, Давид, как всегда, пропускает Йону и слегка подталкивает его, чтобы физически убедиться: брат в автобусе и доедет до школы.

С тех пор прошло одиннадцать часов, и сейчас, глядя, как отец режет солёный огурец, Давид зевает и всё хочет спросить: куда девался человек, оставивший сегодня утром свою одежду на вешалке в микве? Не ушёл же он голым? Или это был Элиягу-пророк? Но про Элиягу-пророка спрашивают только малые дети.

Отец всегда сначала отрезает у солёного огурца хвостик и отодвигает хвостик на край разделочной доски. Потом лёгким движением длинного и острого ножа рассекает огурец вдоль, каждую половину – ещё раз вдоль, а потом поперёк, на мелкие доли. Давид, когда вырастет, будет резать огурцы точно так же.

3

Отец, склонив набок массивную, в седых кудрях голову, шинкует солёный огурец. Все они здесь с укусом. Настоящего большого русского огурца в Израиле не найдёшь. Папа вспоминает перловую кашу-«шпрапнель», которой кормили по утрам в советской армии. Голая каша не лезла в рот. Масло отбирали «деды». И не только масло. Отец и земляк Гальперин отгребали от крыльца казармы снег.

– Ну-ка, давай рукавицы! – «дед» Исхакбаев протянул руку.

Рукавицы только вчера выдали, руки еще радовались уюту. Выдавил:

– Извини, не могу.

– Готовься, сука – прошипел Исхакбаев, – сегодня я дежурный. Ночью тебя е**** придём.

После отбоя отец спрятался в углу полутёмной Ленинской комнаты. Надежды были две, обе хлипкие. Первая: угол из коридора не виден. Вторая – в Ленинской комнате не посмеют. Рожу, может, набьют, но насиловать перед иконой вождя всё-таки не будут.

– Можно я с тобой? – спросил земляк Гальперин.

– Можно.

Отец сел за стол в самом углу, а Гальперин, свернувшись, лёг на пол.

Под иконой Ленина мерцала лампочка. Татарские скулы святого лаково блестя. Темнели флаги – СССР и воинской части. Блестел лист фикуса под портретом, пыльные стёкла шкафа с томами Маркса. Иногда папа клал голову на пахнувшую газетной бумагой подшивку «Правды», стараясь не заснуть и не выпустить зажатой в руке вилки. Под утро заснул, а проснувшись, вскочил – перед ним стоял Исхамбаев

– Слушай, у меня заочница в Свердловске, – Исхамбаев говорил по-русски правильно, но в слове «заочница» поставил ударение на «а». – Письмо со стихами напишешь мне?

Папа качался перед ним.

– Напишу, – сказал, и вилка со звоном выпала из его кулака на пол.

Исхамбаев усмехнулся:

– Сейчас давай пиши. Подъём скоро.

«Милая моя, – написал папа, – солнышко речное, где, в каких краях встречу я с тобой?»

В столовой повар Мамедов неожиданно придавил горку перловой каши в его миске большим соленым огурцом. Папа жадно схватил огурец – пахло тухлым, и рука опустилась.

– Ты что?! – спросил земляк Гальперин.

– Бери. Я не хочу, – сказал папа. – Не хочу здесь жить.

– Полтора года до дембеля, – невнятно ответил Гальперин, пожирая тухлый огурец.

– Я не про то, – сказал папа. – Я вообще здесь жить не хочу.

4

Ребром ножа папа сталкивает нарезанный солёный огурец в миску с тунцовой массой и размешивает салат так, что огурца не видно, и чтобы понять, чем заправлен салат, втыкает в массу маленький солёный огурчик.

Теперь он берётся за маслины. Маслины всегда напоминают третье лето в Сан-Франциско. Папа стоит на главной улице, на мостовой, сцепив руки на животе подружки Кимберли, и смотрит вверх её рыжеватой головы туда, откуда приближаются треск и грохот мотоциклетных моторов, звуки трубы и барабанный бой.

Гей-парад уже начался. В авангарде мотоциклистки с радужными флагами. Папа вздрагивает, таращит, машинально отводит и снова таращит глаза: бабы на мотоциклах вообще голые!!! Нет, только по пояс. Ниже – колготки телесного цвета. Мотоциклистки медленно едут мимо, поматывая грудями, дробя стены рёвом «харлеев». Блестят складки на голых боках, лоснятся ложбинки спин.

Тысячи молодых вокруг, на мостовой, аплодируют, режут, машут руками. Папе не нравятся толстые, краснолицые женщины, даже когда они полуголые, но он хлопает вместе со всеми.

Медленно проезжает красная открытая машина. Нагой по пояс шофёр с чёрными звездами глаз добела напудрен, за ним стоит, посылая во все стороны улыбки и воздушные поцелуи, чиновник в чёрном костюме и белой рубашке с бабочкой. Радостный рёв растёт.

– Это мэр, – кричит папе Кимберли, задирая к нему лицо.

– Кто?!

– Мэр Сан-Франциско! Представляешь?!

– Подхалим! – говорит кто-то по-русски. Папа оглядывается. Кто бы это мог сказать? Вокруг одни местные.

Кимберли изо всех сил машет мэру рукой и шлёт ему воздушный поцелуй. Не одна Кимберли – толпа вокруг свистом и криками славит молодчину мэра, и папа хлопает несколько раз.

Перекрывая улицу транспарантами, проходят колонны. Папа читает по-английски, шевеля губами: Гордые студенты-гомосексуалисты. Гордые родители китайских лесбиянок. Гордые индейцы-трансгендеры.

Гордые трансвеститы ярче всех. Блестят золотые туфли на шпильках, белеют чулки и подвязки, над радужными плюмажами плывёт сплошной балдахин цветных воздушных шаров. Глаз не видно. Отблёскивают радужные очки, мелькают красные и зелёные брови, золотые рога на лбах.

– Интересно, почему эти гордые... – говорит по-русски тот же голос, и папа на этот раз понимает, что голос звучит в его голове. – Интересно, почему эти гордые так тщательно маскируют, так прячут свои лица?

– Я третий год в Америке, – отвечает папа голосу. – Моя подруга – настоящая американка Кимберли с позитивным выражением лица. Мне не о чем говорить с вами, кислыми иммигрантами, которые жмутся к русским магазинам и называют американцев «они». Американцы – это мы. Мы, американцы, должны быть здесь, потому что мы защищаем права угнетённых меньшинств.

– Угнетённых? С мэром во главе? А организовано-то как! – не смолкает вражеский голос. – Что твоя первомайская демонстрация!

– Ты заткнёшься уже?! – почти бессильно отвечает папа голосу.

Вялым строем, бряцая цепями и покачивая кнутами на жёлтых кнутовищах, проходят гордые садомазохисты в чёрных капюшонах, кожаных жакетах и чёрных штанах с вырезами на худых, складчатых задницах. У замыкающего и на переднице вырез. Это вызывает особенно радостный рёв.

– Чему, чему они все так радуются?! – кричит в папиной голове. – Что в штанах дырка и х** видно?!

Красивые бледные некрофилы в чёрных сутанах плавно провозят на каталке открытый чёрный гроб, из которого белые пузырятся кружева.

Искусно виляя хвостами, пробегает на четвереньках стая зоофилов в костюмах пуделей.

Дядя в мини-юбке, белых чулках с подвязками, кружевной шляпке и с огромной рыжей бородой делает папе глазки и шлёт ему воздушный поцелуй.

– Пидор!! – неожиданно для себя орёт папа, затыкает себе рот ладонью и оборачивается: не услышал ли кто? Слава Б-гу, никто не услышал.

– Хватит, пошли, – рявкает папа в самое ухо Кимберли. Кимберли не слышит. Она хлопает в ладоши, машет рукой, встаёт на цыпочки, чтобы лучше видеть. Она поглощена. Папа за руку вытягивает Кимберли из ликующей толпы.

В переулке у открытого окна бара растут из асфальта два толстых круглых сиденья на длинных ножках. Бармен – жёлтая рубашка с вышивкой расстёгнута

до пупа, на груди висит раковина, волосы крашены хной – бармен ставит перед папой и Кимберли два наполненных чем-то цветным бокала с коленчато-изогнутыми трубочками.

– Водки, – говорит папа бармену, ладонью по стойке возвращая ему полный бокал, – и огурец.

– Огурцов нет, – отвечает бармен. – Маслины, о'кей?

– Не о'кей, но ладно, давай.

Папа залпом хлопает водку, берёт с блюдечка одну из трёх чёрных, с жирным блеском маслин и ловит на себе необычно внимательный взгляд Кимберли. Кимберли всегда будто улыбается, и папа впервые думает, что не понимает и никогда не понимал выражения её лица. Трахаешь её – улыбается, кино смотрит – улыбается, продавца отчитывает – улыбается. Папа смотрит на бармена. И бармен как будто улыбается. Люди, проходящие мимо, тоже будто улыбаются. Все они на одно лицо, и папе вдруг хочется треснуть кулаком по этому американскому лицу, не от злости, а просто чтобы разбить застывшую на нём маску и увидеть наконец его настоящее выражение. Но папа никогда не бил людей по лицу. Он чешет седую голову, мелкими, аккуратными движениями ножа нарезает две оставшиеся маслины и, прежде чем столкнуть их в миску с тунцовой массой, некоторое время смотрит на себя, чернокудрого, тридцатилетнего, грустно сидящего за стойкой уличного бара.

5

Итак, Тунцовый Салат Вельшанских с Огурцами (ТУСАВОГ) готов.

Тунцовый Салат Вельшанских с Маслинами (ТУСАВМАС) готов.

Готов и Тунцовый Салат Вельшанских с Перчинами (ТУСАВПЕР).

Осталось приготовить главный салат – Тунцовый Салат Вельшанских Просто.

Кажется, что здесь готовить? Тунец из банки и так перемешан с майонезом в огромной миске. Но папа яростно, как бетономешалка, размешивает именно Тунцовый Салат Просто. Давид почти со страхом смотрит, как краснеет папин лоб, как бешено ходит мощная рука. Летят брызги. Папа останавливается, стирает брызги со стола и облизывает палец.

– Тунцовый Салат Просто, – задыхаясь, говорит папа испуганному сыну, – должен быть размешан идеально. Идеально! Знаешь такое слово?

Давид не знает, что папа перемешивает воспоминания: раскалённые угли, по которым он так легко научился ходить; розовые пальцы подружки-негритянки на белой подушке; лицо Мэрилин Монро над стойкой в кабаке на Окинаве, где они с товарищами, не снимая формы, шлепали о стол картами, одновременно напиваясь; рёв и выхлопные выстрелы спортивного мотоцикла, похороны гонщика из их команды. Папа пошёл на похороны, неожиданно еврейские. На выходе с кладбища, у каменной стены с длинной раковиной, над которой все зачем-то оказывали руки из прикованных цепочками к стене кружек, старик в сложных, похожих на бабочки очках спросил отца, женат ли он, и, услышав «нет», сказал:

– Жаль. Наша Библия – книга про семью. Почитайте!

Папа начал читать, как отец благословлял сыновей и принимал гостей, как братья разводили овец, женились, ссорились друг с другом и вместе мстили

за честь сестры, как усталый человек вечером вернулся с поля домой и очень хотел поесть супа.

Папа читал в сумерках, сидя на балконе восемнадцатой по счёту съёмной квартиры, похожей, как все холостяцкие квартиры, на пепельницу со вчерашними окурками. Когда свет померк и слова сделались неразличимы, папа зажмурился, чтобы не видеть разноцветных огней набережной Калифорнийского залива, схватил себя за седеющие, давно не стриженные волосы и понял, что больше всего на свете он хочет прийти с поля к себе домой, затолкать в загон своих овец, вытереть нос своему ребёнку и поесть наконец супа.

На рассвете папа, три года не получавший по почте ничего, кроме счетов, за чем-то спустился к почтовому ящику и вытянул из его жестяного кармана письмо от земляка Гальперина. Папа разорвал конверт и прочёл:

«Моя дочка Вера живёт в Израиле. Она развелась с мужем. Вот её фото».

Посмотрев на лицо молодой женщины в шляпке, с удивлённо поднятыми бровями и белокурой девочкой на руках, папа, не заходя домой, как был, в шортах и жилетке на голое тело прыгнул в машину и понёсся в аэропорт. Самолёт в Тель-Авив вылетал через три часа. За эти три часа папа успел продать машину, уволиться с работы и пересдать квартиру. В Тель-Авиве он купил надутый гелием розовый шар в форме сердца, с пандой на боку, и букет жёлтых и красных протезированных гербер в розовом целлофане. Через час папа постучал в дверь Веры Гальпериной и протянул ей букет. Они вместе уложили девочку спать и сели обсуждать, где будут строить дом.

6

Белая «Хонда Сивик» катит мимо холмов в предзакатной дымке, мимо масляных рощ, но мама не замечает придорожной красоты. Она смотрит на дорогу.

Мама торопится, но, как всегда, ведёт машину ответственно. Мамино лицо неподвижно.

Её чувства выражаются только движением бровей. Сейчас, когда арабский грузовик с огромными глыбами мрамора, обогнать который не дают извивы узкой дороги, заставляет её ползти мучительно медленно, мамины брови опущены и сжаты.

Ещё два тягостных поворота, и – о радость! – грузовик, притормозив, тяжело сворачивает вправо, дорога свободна, а мамины брови возвращаются на своё высокое место.

Сквозь пелену недельной усталости мама думает о зелёных тарелках. Ей давно хотелось купить зелёные тарелки, но не было денег, а теперь, когда на работе дали талоны в «Фокс-Хоум», зелёные тарелки остались только с дурацкой синей каёмочкой. В результате мама купила квадратные белые тарелки. Какую бы к этим тарелкам скатерть? Мама легко представляет себе цвета. Оранжевую? Брови чуть-чуть сходятся: да. Надо спросить папу (так мама называет мужа даже мысленно).

Мама вспоминает о потенциальном женихе старшей дочери: папа сказал, что сначала кандидат в женихи должен поговорить с ним. Годится ли в мужья человек, который согласится на такие унижительные условия? Левая бровь ползёт вверх. Я бы такого мужа не хотела.

Оранжевая скатерть хороша для десертов, но не будешь же менять скатерть посреди ужина.

Наверное, опять никто не погладил рубашки. Позвонить? Напомнить? Здесь лучше не останавливаться. Кремовая скатерть скучновата. И вдруг мама чувствует кулак, пробивающийся сквозь толкотню ее мыслей. Забыла что-то купить? Вроде всё по списку купила.

Нет, это не напоминание.

А что это?

Это предчувствие. Сегодня вечером должно случиться важное. Но что уж такого важного может случиться за семейным ужином? Шесть дней мама вставала в 5:30. У неё нет сил гадать, но она знает: сегодня вечером в их семье случится важное.

7

Папа родился чернокудрым и голубоглазым. Это было лишним. Женщины любили бы его за один мягкий, внимательный, глубокий взгляд, за низкий, с расстановкой, уверенный голос, звучавший, как ясная труба в житейском тумане.

Папа родился сильным. И это было ни к чему. Его не били даже в школе: кулак не поднимался на полного сочувствия и достоинства мальчика.

Всю жизнь папа думал о своём месте и не находил его. О своём теле он не думал. Папа отжимался сто раз, после двух бессонных ночей спокойно вёл машину и, когда служил на Окинаве, выпив на спор литр виски, своими ногами дошёл до базы. Слыша о бессоннице, мигренях, импотенции, папа бегло удивлялся: неужели бывает?

В первый же вечер знакомства папа с мамой решили: она, уже начальник отдела, будет работать, а он (пока) – смотреть за детьми.

Первое, что замечал младенец, был папин взгляд. Папа не просто менял пелёнки, брал на руки, жарил омлеты, возил на кружки, накрывал стол и читал перед сном «Винни-Пуха». Папа слушал ребёнка и смотрел на него. Часто его взгляд сменялся взглядом объектива. Раздавался щелчок – и на завтра ребёнок видел себя на стене.

Женщина постелет постель за три минуты, за семь выхватит из стиральной машины и развесит бельё. Папа вешал носки парами – на одной веревке носки мальчиков, на другой девочек, – убивая часа полтора. Стеля постели, разглаживал каждую складочку. Постелешь постели – уже и бельё высохло. Разберёшь бельё по полкам – пора младшую забирать из детского сада. Привезёшь ребёнка из сада, считаешь ей книжку – тут и старшие приходят из школы.

Вместо женских навыков у папы была фантазия. Он не научился готовить ничего, кроме омлета. Омлет, толстый и гладкий, резали на треугольники колесиком, как пиццу. Если отец был очень доволен кем-то из детей, в каждом треугольнике, как рубин, алел кружок помидора черри, в обычные дни вместо помидора зеленел огурец. Когда папа был серьёзно недоволен – яичница у всех была пустой. Иногда в одном треугольнике лежал кружок моркови, в другом – огурец, в третьем – помидор. Словом, дети каждый день ели омлет, но каждый день разный. Им было интересно. Дети часто обнимали отца и клали голову ему на колени.

Папа был счастлив. Его мощное тело – нет. Оно роптало, недовольное новой, женской, жизнью. Папа плевал на тело. Он не сразу заметил, как расплавились

и вытекли в пустоту гири бицепсов, как распиравшие рубашку грудные мышцы (в морской пехоте отжимались по сто раз) обвисли старыми сиськами. Раскладывая по шкафам бельё, папа раз даже примерил чёрный, с серыми бантиками на бретельках лифчик жены, но жена была женщиной худощавой и стройной. Лифчик её пришёлся папе маловат.

Разделённый на квадраты мускулов волосатый живот разгладился и угрожающе быстро полез вперед, подобно асфальту, сквозь который пытается прорасти бамбуковая роща, но, поскольку других признаков беременности не обнаружилось, папа успокоился. Поднимаясь по лестнице в спальню, он теперь останавливался и с закрытыми глазами долго переводил дух. Стоило дойти до автобусной остановки – звенело в ушах, сердце аварийно гудело, заставляя прижимать руку к своей по-новому нежной и пухлой груди.

Папа не умел болеть и не хотел лечиться. Когда орган начинал отказывать – просто переставал им пользоваться. Одолела одышка – не поднимался в гору. Заболели колени – перестал ходить. Окаменела поясница – завёл ботинки без шнурков.

Папа поступал, как одинокий хозяин дачи-развалюхи: разбили стекло – залепил изолентой, накренилась веранда – подпёр доской, течёт в спальне крыша – запер спальню и спит на веранде, пока тепло, а похолодает – запрет свою дачу и уедет в город.

На папиной даче наступили заморозки. Два раза под рёв сирены папа, лёжа на каталке, мягко трясясь и глядя в белый потолок машины скорой помощи, уже съездил в реанимацию.

– Третий раз вас повезут без сирены, – сказал кардиолог, – торопиться будет некуда.

Кардиолог уверял, что сердцу нужно движение. Чтобы заново наладить движение, требовалось вылечить бедро и колени, похудеть – словом, столько усилий, что папа махнул на себя рукой. Усилия всё равно не спасут, а главное – их придётся делать за счёт единственного, что у него осталось – за счёт семьи.

Всё, что папа мог в жизни увидеть, услышать и попробовать, он уже увидел, услышал и много раз попробовал. Современного мира, где основным событием считались высказывания в Твиттере, папа не понимал. Не жаль покидать шоссе, по которому все летят со скоростью сто пятьдесят, а ты продолжаешь тащиться на девяносто.

Жаль было только уходить из семьи. Знать, что не придётся стоять под балдахином на свадьбах детей, снимать их получающими дипломы, что скоро принимать семейные решения станет некому.

Ночной сон съели изжога и приступы новой аллергии, от которых чесалось всё. Папа приучился спать клочковатым дневным сном.

Ночью, сидя в гостиной, закутанный в толстый красный халат, папа пинцетом берёт из коробки спичечную этикетку и читает: «Собака Отважная и кролик, 2-VII/59 г. поднимавшиеся на геофизической ракете». Собака Отважная напоминает кого-то. Папа медленным движением открывает альбом на странице «Покорение космоса» и вставляет этикетку в свободный кармашек.

«Сторож с бензоколонки, – звучит у папы в голове, – вылитая собака Отважная. Ага, он же мастер спорта по шахматам. Давид не ладит со своим учителем. Вот к кому мы его отдадим».

«Пусть будет закрыта дорога к корыту! Шагами большими к стиральной машине!» – читает папа, достав из коробки следующую этикетку.

«Курсы для Леи, – думается ему, – кройка и шитьё. Швейные машины в Израиле возмутительно дороги. Швейную машину, – решает папа, перелистывая альбом, – привезёт Лева из Бостона. Он как раз приедет в августе, за месяц до начала курсов».

В семье привыкли, что папа решает всё, приучились спрашивать его по любому поводу и сами уже давно не могут решить даже, какие и где купить велосипеды.

Дети думают, что папа решает мгновенно. Они не знают, что по ночам, сидя в красном халате над коллекцией спичечных этикеток, то и дело со стоном нагибаясь почесать зудящие икры, папа обдумывает ответы на грядущие вопросы.

Но самый главный вопрос – кто из сыновей займёт его место, кто доведёт семью до третьего поколения – папа всё чаще задаёт себе сам и не находит ответа. Оба сына умны, внимательны, но слишком послушны. Папа сам виноват: при непослушании он слишком хорошо изображает безудержный гнев.

Из беспрекословных солдат вырастают генералы, но не цари. А одному из сыновей царствовать придётся. Кому?

Папа знает: ответ придёт сам. Засветятся у избранника волосы, или уста его произнесут не по-детски умное. Голубь ли какнёт ему на голову, или ещё какой дурацкий, но неоспоримый явится знак.

Надо вглядываться и ждать.

Папа всё пристальней вглядывается в сыновей, но знака пока нет.

9

Папа ещё размешивает Тунцовый Салат Просто. Дверь открывается внезапно, как всегда. Мама стоит в гостиной, окружённая свитой белых пакетов. Свита шуршит, колышется и пахнет повидлом, маковой присыпкой хал, грибами и гордом, праздником.

– Здравствуй, – произносит папа низким, чувственным баритоном, прекращая мешать Тунцовый Салат Просто, поднимает на маму выпуклые, голубые, слегка слезящиеся очи и останавливает их на ней.

– Ну?! – рычит он, не сводя с мамы глаз. – Быстро взяли у мамы мешки! Для кого она всё это купила?!

Дети кидаются к маме и освобождают её от шуршащей свиты, а мама ждёт, пока папа, опираясь о стол, расправит тучный стан, подойдёт, поцелует в щёку и снимет с неё пальто. Тем временем мама понимает, что кроме Тунцовых Салатов, к субботе, которая неумолимо наступает, не готово ничего.

Мама мгновенно выстраивает по пунктам, кто что должен сделать. Помыть пол, детей, сварить картошку, заплести младшей косы. Через минуту все, кроме папы, который поднимается отдыхать в спальню, двигаются со скоростью убыстрённой киноленты и через два с половиной часа, вернувшись из синагоги, замирают на своих местах за накрытым столом в ожидании.

Хотя ни национальная, ни семейная традиция не запрещают говорить в это время, все почему-то сидят молча. Наверху скрипит дверь, и с лестницы, ведущей в спальню, слышны тяжёлые, медленные шаги, младшая дочка улыбается старшей, та кивает головой, а Йона делает что-то вроде гримасы.

Давид не одобряет их. Момент слишком серьёзен. Тяжёлое дыхание слышится с лестницы. Давид и старшая сестра, которая сидит к лестнице лицом, видят блестящие чёрные ботинки, чёрную шерстяную ткань брюк, в которой прячется мягкий блеск, светящийся шар покрытого белой рубашкой живота, сияющую белую бороду и, наконец, папино лицо. Хотя папа спускается, присутствующие переживают восход.

Во главе стола папу ждут покрытые вышитой салфеткой бутры хлебов и круглый серебряный поднос с серебряным кубком, окружённым серебряными стопками. Папа простирает над подносом пухлую длань и оглаживает воздух над кубком. Дети смотрят, как отцовская ладонь проходит над стопками круг, ещё круг – и вдруг... с тонким, серебряным звуком стопки сами начинают ползти по подносу вокруг кубка. Дети выпускают радостный крик, хотя видят это каждую субботу. Все уже знают: когда стопки проделают шесть кругов в честь шести членов семьи, папа пропоёт благословение над вином, а когда все выпьют по глотку, подвинет к себе хлебы, откроет их и резко подбросит салфетку в воздух. Салфетка взлетит под потолок, и, послушные короткому рывку, четыре кручёные нити от углов салфетки упадут папе в руку и натянутся, салфетка станет воздушным змеем, висящим в созданном папой потоке воздуха под потолком.

– Ну, кто ещё не держал? – дразнит папа, глядя на змея. – Кому дать подержать?

– Мне! Мне! Мне! – кричат все, хотя знают, что удержать и приземлить салфетку-змея может только мама. Папа встаёт и медленно, плавно переводит змея над столом в сторону мамы. В самой середине воздушного пространства над столом руки отца и матери встретятся, маленькая, твердая рука матери возьмёт из пухлой руки отца стропы, мать, медленно опуская брови, подтянет змея к себе, приземлит его на своём краю стола, причём стропы исчезнут, потом прихлопнет ладонью и сложит салфетку вчетверо.

Все по очереди омоют руки, возвратятся к столу. Папа произнесёт благословение, пилящим движением огромного ножа нарежет мягкий хлеб, макнёт каждый кусок в солонку. Миска со светящейся картошкой поползёт по круту. Здание субботней сытости строится из толстых плах хлеба, из светящихся камней парной картошки. А скрепляет его тунцовая масса: Тусавпер, Тусавмас, Тусавог и Тусавпрос.

Гром гремит над столом, грозный английский гром папиного голоса. Папа рочет маме по-английски, чтобы дети не поняли, но Давид улавливает:

– Почему у ребёнка нет салфетки?!

Мама встречает отцовский рокот без всякого испуга. Брови её кивают: отец прав. Салфетка повязана. Начинается семейный разговор.

10

Последнее время Давид чувствует, что отец смотрит на них с братом по-новому, будто сравнивая, будто спрашивая себя, кто из них больше подходит? Давид не знает, в чём дело, к чему он должен быть готов, но старается. И к сегодняшней беседе

он долго готовился: сидел в гостиной, перелистывал один из отцовских альбомов с этикетками и, шевеля губами, читал:

«Первое марта – день выборов в Верховный Совет РСФСР и в местные Советы депутатов». «Сбор металлолома – важнейшая задача народного хозяйства». «Мир – воля народов». «Расширяйте мясной откорм свиней!».

Давид читал, наморщив лоб, шевеля губами и заткнув пальцами уши от воплей беспечного брата Ионы и младшей сестры, колотивших друг друга подушками. Пальцы не помогали. Крики: «Тише вы!» – не помогали. А бить нельзя.

Пришлось лезть с альбомом на чердак и читать там: «Знаете ли вы, что 5 кроликоматок и один самец за год могут дать более 400 кг вкусного диетического мяса?»

Некоторые призывы – «Охраняйте полезных зверей: крота, горностая, козулю», «Муха – наш враг» – Давиду нравились. В России, думал Давид, охраняли природу. Лозунги вроде «Топинамбур – ценная кормовая культура» звучали красиво, но непонятно, как стихи. Вот и сейчас, за столом, дожевывая огромный бутерброд с ТУСАВМАСом, Давид спрашивает:

– Папа, а что значит «Пусть будет закрыта дорога к корыту, шагами большими – к стиральной машине»? Зачем это написали?

– Понимаешь, – объясняет папа таким тоном и голосом, будто разговаривает с взрослым, с другом. – Понимаешь, Россия, вернее, Советский Союз, была технически отсталой страной и...

– Папа, а сегодня у нас в школе... – встречается младший брат Иона.

– Сейчас я разговариваю с Давидом! – железно одёргивает Иону отец. – Если хочешь что-то сказать, ты должен подождать, а не перебивать меня.

И Давид ещё сильнее чувствует, что он первый, главный, любимый. Придёт время рассказывать, а оно придёт скоро, Давид ещё покажет...

– Подойди, пожалуйста, сюда. Посмотри, – неожиданно тихо и серьёзно обращается папа к маме на секретном английском языке. Мама подходит к папе. – Вот этого, – папа показывает на ряд детских ботинок у двери, стоящих не на коврике, как полагается, а просто на полу, – вот этого не должно быть никогда.

Мама, молча выслушав папу, садится на своё место. Брови её неподвижны. Мама знает: если папа начал капризничать, потворствовать ему нельзя, но и спорить бесполезно – сам успокоится.

Когда уровень салатов в огромных мисках снижается, как уровень воды в радиаторе в жаркий день, папа, как всегда, хлопает ладонью по столу и скандирует:

– Я-хочу-спросить-у вас: как-сегодня-ТУСАВМАС?

Младшая сестра Рахель отвечает:

– Замечательно!

Папа продолжает:

– Я-хочу-задать-вопрос: как-сегодня-ТУСАВПРОС?

Старшая сестра Лея по традиции отвечает:

– Замечательно!

– Вкусный-вышел-ТУСАВСОГ? Чей-расскажет-голосок? – продолжает скандировать папа.

Мама отвечает:

– Мой!

– Ну и как? – уже нормальным голосом интересуется папа, а мама при общем молчании тоненько, но твёрдо выводит:

– Замечательно!

Пирожки с шоколадом и повидлом из коробки с надписью «Бонжур» расхватуны и съедены, от огромных булок остались крошки, которые уже никто не принимает указательным пальцем к скатерти и не сует в рот. Наступает время речей.

Папа считает, что каждый ребёнок каждую субботу должен произнести речь на библейскую тему. Давид ждал этой минуты так, что даже любимый пирожок с повидлом проглотил, почти не жуя. Сегодня будут говорить о Йосефе. Йосеф, любимый сын любимого отца, – любимый герой Давида. Давид уже три раза повторил про себя свою речь – но надо терпеть: он старший, а речи, по завещанному папой неизменному порядку, начинают младшие. Давид будет последним. Делать нечего. Так постановил папа. Давид обычно списывал свою речь из сборника, но сегодня особый день, и на перемене Давид подошёл к учителю Рони и попросил помочь ему написать речь.

Никто на свете не знал, что учитель природоведения Рони Нойгершль – писатель, но Рони казалось, что об этом знают все. Если коллеги Рони просили прочесть субботнюю речь, выступить на предпраздничном собрании в учительской или сочинить сценарий для школьного спектакля, он охотно соглашался, потому что думал, будто его просят как писателя. Меж тем Рони просили только потому, что он единственный на просьбу написать или выступить не отвечал: «Я в этом ничего не понимаю». Если бы люди слушали Ронины речи, может быть, они бы о чём-нибудь догадались – но речей не слушал никто. Учителя смотрели на Рони, жуя засохшие булочки и пирожки с шоколадом, поглаживали родинки и обручальные кольца, кивали и думали о детях, тарелках и предпраздничных уборках.

Когда сегодня, после пятого урока, к Рони подошёл высокий мальчик, Давид Вельшанский, и тихо, так, что пришлось переспрашивать, попросил помочь написать речь, которую должен сказать вечером, за субботним столом, Рони спросил:

– А что, у вас особенная суббота? Кто-нибудь женится?

– Нет, – ответил Давид.

– Дедушка с бабушкой приезжают?

– Нет.

– Ты каждую субботу говоришь речь? – не унимался Рони, мнительный, как все подпольные писатели.

– Каждую, – ответил Давид.

– Значит, раньше сам справлялся.

Давид молчал и мялся, глядя в пол и нервно дергая пыльным носком огромного чёрного ботинка. Учитель понял, что мальчик ушёл бы, но ему очень важна эта речь.

– Ладно, – сказал Рони, – о чём будем писать?

– О Йосефе. О Якове и Йосефе, – мальчик быстро, остро взглянул на учителя и опустил взгляд в пол.

«Знает, что у писателя просит», – сказал себе Рони, сладкий ветерок заказа пронёсся у него в голове и тронул застоявшиеся мысли.

Рони присел на стол. Он знал, что учителя в учительской съедят сейчас до последней крошки засохшие булочки и обломки пирога с шоколадом и выпьют весь растворимый кофе, не останется даже сахара. Рони понимал, что ему придется ехать домой голодным, но мысли уже двинулись.

– Записывай, – начал Рони. – Солнце ещё никому не кланялось. Солнце может кланяться только Б-гу. Человек, который говорит, что ему поклонятся Солнце, Луна и в придачу все звёзды, – понятно, кем такой человек себя считает...

12

– А теперь послушаем, что расскажет нам Рахель! – возглашает папа.

– А, – начинает Рахель и улыбается широкой улыбкой младшего и всеми любимого ребёнка. Месяц назад она пошла в старшую группу детского сада.

Рахель смотрит на старшую сестру.

– Ну?! – шёпотом говорит старшая сестра.

– Что?! – спрашивает Рахель, тоже шёпотом.

– Самое плохое, – суфлирует старшая сестра.

– Самое плохое, – повторяет за ней Рахель и прыскает от смеха.

– Самое плохое, что братья, – шепчет старшая сестра, которая знает речь наизусть, потому что сама пишет для младшей субботные речи, читает ей книжки с картинками и заплетает ей косичку – ведь мать всегда на работе. – Ну!!! Самое плохое, что братья, – повторяет она сердитым шёпотом и делает страшные глаза, но Рахель опять прыскает от смеха и закрывается рукой.

– Мы мешаем Рахели говорить тем, что смотрим на неё, – объявляет папа. – Сейчас мы все закроем глаза, и Рахель спокойно расскажет всё, что она приготовила.

Все закрывают глаза, а Рахель говорит:

– Самое плохое даже не то, что братья продали Йосефа, а то, что когда они его продали, то сразу сели есть хлеб. Значит, им было всё равно.

– Замечательно! – говорит папа. – Рахель права. Вот скажите, если бы вы продали своего брата, скажем, Давида, разве бы вы сразу после этого сели есть хлеб? А? Молодец, Рахель! А теперь послушаем Лею!

Голосом лучшей ученицы, похожим на ровный, мелкий почерк, старшая сестра Лея рассказывает, что Йосеф сообщал отцу о братьях плохие вещи, не зная, что говорит неправду, и потом за это поплатился. Из этого мы учим, что даже когда нам кажется, будто люди ведут себя плохо, мы должны судить о них хорошо.

– Замечательно! – говорит отец. – А теперь... – папин палец поочередно указывает на Давида и Йону, а губы беззвучно шепчут считалку.

– Давид! – объявляет отец.

И Давид, радостный оттого, что не надо больше ждать, расправляет свой листок и читает:

– Солнце не кланялось ещё никому. Солнце может кланяться только Б-гу. Человек, говорящий, что ему поклонятся Солнце, Луна и звёзды в придачу – понятно, кем такой человек себя считает.

Йосеф, после того как братья продали его, прожил в Египте двадцать лет. Так почему же он ни разу не написал отцу, не послал ему весточку, что он жив?

Хорошо, первые годы в Египте Йосеф был рабом, сидел в тюрьме. Но послед-

ние семь лет Йосеф был министром! Почему же всемогущий Йосеф не послал отцу хотя бы записку с двумя словами: «Я жив»?

Потому что Йосефу слышался отцовский голос. Этот голос говорил:

«Мальчишка! Я любил тебя больше овец, больше жён, больше всех твоих братьев. Жизнь изменилась, когда ты родился. Глаза издали искали твою цветную рубашку: я специально одному тебе сшил. Когда ты залезал в мой шатёр, я так радовался, что позволял тебе наушничать на братьев. Я думал: мой, мой наследник. Живой, как я. Подрастёт – поумнеет. Но когда ты у овечьей поилки звонко-звонко крикнул мне в лицо: “Ты ещё поклонишься мне, отец! И мать поклонится!” – а сыновья вокруг сначала с испугом посмотрели на меня, потом на тебя, опустили бугристые бритые головы, сдерживая усмешки, а потом заушмылялись друг другу открыто, я вытер лоб, будто в меня плюнули.

Я хотел сказать: “Скотина! Что ты со мной делаешь! При всех сыновьях ты мне, отцу, такое говоришь?! Твои братья – взрослые мужики. У меня и так нет с ними славы. Когда Реувен переспал с моей наложницей, я сделал вид, что ничего не знаю. Эти убийцы, Шимон и Леви, перерезали целый город – я только немного поворчал. Они пока делают вид, что слушают меня. Но никто даже для вида не станет слушать отца, который позволяет семнадцатилетнему щенку плевать себе в лицо. Что мне теперь, выбить тебе глаз? Твой дядя бы выбил. Или просто бы тебя задушил. Но я, слава Б-гу, не твой дядя”. Вместо этого я рыкнул: “Дурак! Как мать может тебе поклониться?! Она три года назад умерла!” – и ушёл в шатёр.

И даже теперь, когда ты пропал, я всё не могу забыть, как твои братья смотрели на меня и ушмылялись. Я не могу тебя простить».

Йосеф ошибался. Он слышал не голос отца, а голос своей совести. Отец давно простил его. Он сам себя не простил.

Что из этого следует? Из этого следует, что мы, дети, должны стараться не обидеть своих родителей и не задеть их достоинства. Заповедь почитать родителей важнее запрета на убийство. Мы живём в благословенном месте, где Солнце и Луну можно увидеть на небе одновременно. Мы привыкли к ним. На закате они кажутся близкими. Но мы всегда должны смотреть на светила, дающие нам жизнь, с благодарностью и не забывать, кто мы, а кто они.

Давид начинает речь вдохновенно, но, взглянув, видит, что сёстры продолжают разыгрывать свою пантомиму: младшая смеётся в ладонь, а старшая, широко раскрывая глаза и угрожающе трясая указательным пальцем, беззвучно призывает её к порядку. Мать склонила голову в коричневом платке и о чём-то задумалась, а младший брат Йона упёр в стол свой пристальный, похожий на утренний луч голубой взгляд с выражением привычной скуки. Никто не слушает победную речь Давида. Кроме папы. Папа, которому эта речь и предназначена, слушал. После первого абзаца папа развернулся к Давиду, как батарея к солнцу, но уже в середине речи в глазах его мелькнуло: «Э, батенька. Речь-то стянутая», – и удивлённый интерес в них погас. Когда Давид замолкает и складывает свой лист, отец лишь призывает:

– Скажем спасибо Давиду. А теперь послушаем Йону.

Йона, коренастый мальчик с отцовской ложбинкой на крепком подбородке, поднимает светловолосую голову и голубыми отцовскими глазами пристально смотрит на догорающие свечи в стеклянном подсвечнике. На его твёрдом лице полуулыбка.

– Ну, Йона, мы тебя слушаем, – напоминает отец.

Йона молчит. Улыбка проступает явственнее.

– Йона, мы ждём!

– А я не буду говорить, – спокойно произносит Йона.

– Но почему?!

– Я не хочу.

Теперь уже все смотрят на Йону. Сейчас на него обрушится гром справедливого отцовского гнева.

Смотреть на папу боятся. Поскольку время идёт, а папа все не обрушивает на непокорного Йону страшный гром своего крика, а сидит как сидел, мамина левая бровь ползёт от удивления всё выше и сейчас исчезнет под платком.

– Не хочешь говорить? Жаль, – произносит папа спокойно и рассеяно, причём смотрит не на Йону, а на стену за его спиной. – Тогда, – задумчиво предлагает он, продолжая пристально глядеть на стену за спиной Йоны, – тогда давайте есть мороженое.

Старшая сестра, не веря своим ушам, встаёт достать из морозильника дымящуюся коробку, оказывается напротив Йоны, вскрикивает и показывает пальцем на стену за Йониной спиной.

На белой стене за спиной младшего сына всё ярче и чётче прорисовывается световое пятно, из него медленно прорастают вверх небольшие лучи.

Вместо того, чтобы есть мороженое, вся семья сидит и молча смотрит, как невидимое солнце рисует над Йониной головой световую корону.

Благословение

7

К Рувену и Суше пришли почти одновременно. С разницей в месяц. Кто пришёл?

Я не знаю их имен, да и ни к чему нам их знать. Важно, что после их прихода Рувен три дня пролежал дома, а старому Суше стало явственно казаться, что во второй, маленькой комнате его двухкомнатной квартиры поселились покойные отец с мачехой.

Отец громко наезжал на мачеху, что она, тунеядка, только и знает, что его разорять, опять 30 копеек переплатила за картошку, мачеха, стуча тарелками, отругивалась, они по очереди выскальзывали на кухню и в туалет, не посягая на Сушину территорию. Но Суша знал, что это лишь тактика. Скоро отец с мачехой поставят в коридоре сушилку для белья, потом начнут, делая вид, что не замечают Сушу, заходить в его комнату, расположатся обедать на его столе, отец станет тушить окурки в его пепельнице, и через неделю он, Суша, в свои 90 лет опять окажется на улице, как оказался на улице в 13.

Суша поведал о происходящем седому, кудрявому Серёже, который гулял с Сушей и покупал ему картошку, морковь, хлеб, масло, лук и сигареты «Ноблес».

Серёжа, философ-идеалист родом из Винницы, выслушав Сушин рассказ, улыбнулся:

– Это ничего. Мы сделаем так, что они уйдут.

– Да как же они уйдут?! – возмутился Суша. – Я своего папашу знаю. И мачеху знаю. Весь мир к чёрту провалится, а отец с мачехой никуда не уйдут.

– Ты не понимаешь, – возразил Серёжа, – ты же хочешь, чтобы они ушли?

– Хочу ли?! – выкрикнул Суша. – Ты что думаешь, мне лучше на помойке помирать?! А ведь всё к тому идёт – придётся на улице помирать, как они меня из квартиры выдают.

– Ты просто ослабел, – сказал Серёжа, – поэтому в доме и завелись призраки. Нужно, чтобы когэн тебя благословил. Призраки почуют силу и уйдут. Даже выгонять не придётся.

– Болтун, – ласково сказал Суша, – что болтаешь? Знаешь же, я в это не верю.

– И не нужно верить, – опять улыбнулся Серёжа, – ты только согласишься. Когэн у нас тут есть. Работает в супере. Отличный парень.

– По-русски понимает? – спросил Суша, деливший все живые существа, включая собак и кошек, на понимающих и не понимающих по-русски.

– Нет, – ответил Рувен, – по-русски не знает ни слова, но я всё, что надо, перевожу. Согласен?

Суша промолчал, но через два дня, после того как отец, в длинном пиджаке и картузе, впервые зашёл в Сушину комнату, а Серёжа опять обмолвился про благословение когэна, Суша махнул рукой: «Приводи!»

Серёжа тут же отправился в супермаркет Орена, где расставлял товары по полкам, а иногда сидел за кассой когэн Рувен.

2

Люди теперь почти не ходят по улицам.

По дороге в супер Серёжа встретил только пожилую бирманку с мальчиком за спиной. Судя по взгляду огромных, раскосых, зеркально-чёрных глаз, мальчик, привязанный к сухой спине бабки полосой бордовой ткани, чувствовал себя прекрасно.

Возле супера клубился народ.

Супермаркет Орена – градообразующее предприятие. Работает в нём больше народу, чем стоит за станками на мебельном заводе, и даже больше, чем сидит в нашем трёхэтажном муниципалитете. И хотя расположен супер прямо напротив муниципалитета, как собор напротив ратуши, горожане, назначая встречу, никогда не скажут «встретимся у муниципалитета», а всегда – «встретимся возле Орена».

У входа в магазин Серёжа загляделся на двух перуанцев, загружавших в белый, помятый, будто его крутили в центрифуге, фургон ящики с заказами. Перуанец с лакированным оливковым черепом крюком подтаскивал стопы ящиков к фургону, другой, с торчащими чёрными космами, ставил ящики в кузов. У обоих были фигуры прирождённых грузчиков – короткие прямые ноги с шарами мускулов на икрах, длинные массивные туловища без талии и прямо на плечах – круглые головы с большими, чуткими ушами. Работали грузчики с плавной неспешностью профессионалов. Башни пустых ящиков – чёрных, изумрудных, жёлтых и розовых, как огромные нитки квадратных бус, стояли на углу.

В супер зашёл, опираясь на палку, уса́тый и ещё крепкий человек. Серёжа узнал Розенталя. Б-же мой, жив! А ведь уже двадцать лет болеет раком! А это кто? Неужели спасательница Рути? Вот что время-то с людьми делает...

Серёжа потряс головой, чтобы стряхнуть созерцательность, всегда овладевавшую им в общественных местах, миновал прыгнувшие в стороны стеклянные двери и пошёл мимо стеллажей, высматривая среди работников когэна Рувена.

Индусы, «русские», израильяне и «эфиопы», поработав здесь год, сливались

с полками и становились похожи друг на друга, и Рувен, интеллигентный когэн – он резал крышки картонных коробок и с лёгким стуком одну за другой ставил винные бутылки на полку, – и Рувен казался таким же, как все.

Супер Орена жил по еврейскому календарю. Закипал в воскресенье и гас к субботе, перед новым годом деревьяев расцветал банками розовых, зелёных, шафранных и красных сухофруктов, за неделю до Шавуота² превращался в огромную сырную лавку. Сейчас тут готовились к винному празднику Пуриму³. Серёжа постоял у винных стеллажей, послушал лёгкий звон бутылок, слабый стук их о полку. У каждой бутылки на боку был свой, личный блеск. Серёжа вспомнил старинный изюмный запах пункта приёма посуды, с уважением почитал этикетки.

А сроду не пивший хмельного Рувен брал и ставил бутылки, как неживые. Будто в них не вино, а хлорка или подсолнечное масло.

– Как дела? – спросил Рувен, продолжая вспарывать коробки и уставлять полку бутылками. Болезненно честный, он, даже разговаривая, не прерывал работу, ведь время оплачено хозяином. Если приходилось-таки прерваться, например, когда звонила жена, два месяца назад уехавшая от него в Иерусалим, Рувен записывал время разговора, а потом просил Орена вычесть нерабочие минуты из зарплаты.

Вид у обычно добродушного Рувена был запущенный, мрачный и не расположенный к беседе.

Однако Серёжа напрягся и попросил когэна зайти к Суше и благословить старика, которого одолевают призраки. Рувен разогнулся, дёрнул скулой и сказал: – Не могу.

Повернувшись к Серёже широкой спиной, он взялся за ручки тележки и покатил штабель пустых коробок к выходу. И, хотя тележка была лёгкой, шея и плечи Рувена под синей рабочей курткой заметно напряглись.

3

Когда мусульмане, захватив Индию, согнали с тронов махараджей, ненужные новым владыкам придворные танцоры, певцы и фокусники ушли из страны и стали новым народом – цыганами.

Русские дворяне после известных октябрьских событий превратились в парижских таксистов и колымских забойщиков, затихарились в коммунальных квартирах, и лишь память о них, как пятна мазута на месте затонувшего корабля, всплыла в советском кино 70-х. «Корнет Оболенский, налейте вина».

А когэны, древняя еврейская каста храмовых священников, не исчезли и не растворились по сей день, хотя Храм, где они служили, две тысячи лет как сожжён. Для тех, кто не знает.

Когэны приносили жертвы в Иерусалимском храме. Часть мяса по праву съедали. За службу народ отдавал им первые плоды, пригонял первородных телят

² Шавуот – праздник Дарования Торы, отмечаемый на 50-й день после Песаха, во 2-й половине мая – 1-й половине июня. В Шавуот принято есть молочные продукты.

³ Пурим – праздник-карнавал в память о чудесном спасении евреев в империи Ахашвероса (Артаксеркса). В него принято пить до состояния, когда не различишь между благословением «благословен Мордехай» и проклятием врага еврейского народа Гамана. (Ред.)

и ягнят. Когэна можно узнать по фамилии: Коган, Каганович, Кун, Кац, Баркан, Мазья, Рапопорт.

Автору кажется, что он отличает когэнов в толпе. Обычно они невысокие, мрачноватые и коренастые от обилия мяса, которое съедали на службе их предки.

Звание когэна – наследственное по отцовской линии, но многие евреи не знают, что они когэны, а многим наплевать.

Единственное право, оставшееся когэнам от бывшего величия, – право благословлять народ. Когда они в синагоге, вымыв руки и разувшись, поднимаются на возвышение и простирают к молящимся окутанные белыми покрывалами руки, все пытаются попасть под лучи их благословения. Благословлять может любой когэн, кроме убийцы и сумасшедшего.

Вот почему Рувен отказался благословить старого Сушу.

К Рувену месяца два назад приходили те самые, кто недавно пришли к Суше.

4

Рувен прерывисто спал в ту ночь и утром, по пути из синагоги, слышал слева и сверху будто нарастающий шум. Он несколько раз задирает голову, зная, что ничего не увидит, и действительно, лишь голуби носились кругами и стояли два длинных февральских облака, сшитых белым следом самолёта. День предстоял обычный. С десяти до двух работа в супере, потом прогулка с коляской и домашние задания – через год он получит диплом учителя иудаизма.

Рувен пришёл домой, сел с женой есть яичницу, а шум слева и сверху усиливался, тон его нарастал, как тон самолётного двигателя перед взлётом, и после завтрака, когда жена мыла посуду, шум рванул вверх и отлился во враждебный серый голос слева:

– Всё, что ты учишь, – хрень! Хрень! Хрень!

Рувен заткнул пальцами уши, но голос кричал прямо у него в голове: «Хрень! Хрень! Дерьмо!»

Рувен попытался читать псалмы, но голос пустил холодный серый ветер, от которого слова псалмов разлетались, как фантики от струи вентилятора.

Справа наверху оставался ещё островок тёплого пространства, и Рувен спросил у него, как защититься.

– Вспоминай заповеди, считай их и выстраивай в бетонаду на левом фланге, – тихо и твёрдо сказали сверху, из тёплого места.

Рувен стал проговаривать заповеди и, считая, выстраивал их на левом фланге. Получалась высокая бетонада, частично защищавшая от ветра, но, когда бетонада была почти достроена, Рувен заметил разинутые от ужаса льдисто-серые глаза жены, прижавшейся спиной к детскому манежу.

– Сейчас, – сказал жене Рувен. Он хотел улыбнуться, но щеки свело. – Подожди минуту. Ещё пара заповедей, и защита готова.

Тут Рувен схватился за голову – он забыл номер последней заповеди – и сказал вслух, чтобы не забыть:

– Новую заповедь я «один дробь один».

Жена продолжала молча прижиматься ногами и задом к детскому манежу, вцепившись руками с побелевшими костяшками в его верхнюю перекладину.

Сквозь пелену борьбы с голосом слева Рувен увидел, что жена боится его слов, и спросил тёплое правое пространство, можно ли считать законы про себя. И тут тихий и чёткий доселе верхний правый голос раскатился громким, сладким, грудным «нет», от которого колыхнулась вся комната, эхом ответила бето-нада, и Рувен, переждав, пока не стихло эхо, продолжал считать заповеди вслух, достраивая защитную стену.

Два дня жена слушала этот счёт. Ночью Рувен переставал считать, но жена спала теперь в детской комнате, заперев дверь на задвижку. На рассвете третьего дня голоса прекратились, и в голову Рувена стали проникать внешние звуки. Рувен слышал, как жена вытаскивает из шкафа одежду, как свистит молния че-модана, как хнычет дочка, но не мог встать.

Не встал он даже, когда жена выставила чемодан и коляску на лестницу и щёлкнул замок запираемой двери. Он не встал, и когда через несколько часов в двери снова провернулся ключ и в комнату вошла его мать – высокая не ста-рая ещё женщина в бежевом плаще и бежевой фетровой шляпе с обвисшими полями.

– Ну, как ты? – спросила мать.

Рувен молчал.

– Ты ел?

Рувен молчал.

Мать, не снимая плаща, присела на край кровати и произнесла полувопро-сительно:

– Я запишу тебя к психиатру?

– Нет, – ответил Рувен, и это было первое за три дня слово, сказанное им че-ловеку.

5

Рувен нарочито долго выкидывал коробки. Возвращаясь с пустой тачкой, он увидел краем глаза, как Серёжа выходил из магазина. Выставлять бутылки легко. Это было особенно важно теперь, когда он работал в магазине не 3–4 часа, как раньше, а целый день, чтобы платить за квартиру, которую жена сняла в Ие-русалиме. На курсы учителей Рувен не вернулся. И жене не звонил. Она сама написала в ватсапе «Позвони, пожалуйста, вечером».

Вечер – это когда дочка наконец заснёт. Позвонил.

– Как дела? – спросила жена.

И Рувен, услышав её юный, слегка дрожащий, но твёрдый голос, сразу почув-ствовал, какая она, по сравнению с ним, живая.

– Послушай, – сказала жена, помедлив, – я бы никогда не уехала, если бы ты просто заболел. Но вместо тебя я увидела совершенно другого человека, а я не выходила за него замуж. Я твоя жена, а не его.

Рувен молчал.

– Ты скажешь, что всё прошло и теперь ты – снова ты.

Рувен кивнул, хотя чувствовал, что он – это не совсем он.

– Извини, – продолжала жена, – я говорила с твоей матерью. Ты отказался даже записаться на приём.

Рувен молчал.

– Мы не сможем вернуться, – продолжала жена, – пока ты не встретишься с психиатром. Я просто боюсь.

Рувен не стал рассказывать жене про дядю Джекки, маминого брата. Жена не видела Джекки. Когда они познакомились, Джекки уже жил у второй своей сестры в Англии. В детстве Рувена дядя Джекки по праздникам приходил обедать.

Джекки мог самостоятельно передвигаться по городу, был не опасен и даже отвечал на вопрос «Как дела?». В синем костюме, с тухлым выражением розового, слегка опухшего лица, дядя сидел за столом рядом с матерью, держа в одной розовой слегка опухшей руке с обкусанными ногтями нож, в другой – вилку. В своё время дядя пошёл к психиатрам и начал принимать таблетки.

Лучше жить одному и работать грузчиком, чем стать дядей Джекки.

Рувен выставил на полки все бутылки. В супере не было окон, но по желтизне электрического света чувствовался вечер. Рувен выкинул пустые коробки, оставил тележку у стены, отбил карточку и вышел на тёмную уже улицу. Разговор с Серёжей по-прежнему давил.

Он, когэн, отказался благословить старого человека. Душевнобольной когэн не имеет права благословлять. Те, что приходили два месяца назад, отобрали у него не только жену и будущую специальность. Они унесли и это прирождённое право. А точно ли унесли?

Время вечерней молитвы в большой синагоге ещё не наступило. Рувен зашёл в тёмную библиотечную комнату, включил свет, нашёл на полке искомый том, который сам открылся на нужном месте.

«Когэн убийца не может благословлять.

Когэн, который ненавидит общину, не может её благословлять.

Когэн, больной или слабоумный настолько, что не понимает слов благословения, не может благословлять».

«Но я-то понимаю слова», – подумал Рувен, закрывая книгу.

Он вышел из синагоги, набрал Серёжин номер и договорился, что они вместе придут к Суше послезавтра, в семь вечера.

6

Рувен и Суша сидят друг напротив друга за самодельным столиком на грубо сколоченных табуретках, Серёжа – сбоку. Суша по-русски говорит Рувену, который по-русски не понимает:

– Такую, парень, жизнь, как я прожил, не дай Б-г никому. Мать умерла – мне было тринадцать. Отец снова женился, ну они с мачехой быстро выжили меня из дому. Сел я на поезд и поехал куда глаза глядят. Ты переводи ему, а то он так и будет глазами хлопать.

Серёжа кое-как переводит Рувену Сушины слова.

– Вот у тебя какая специальность? – спрашивает Суша Рувена. – Если в магазине ящики таскаешь, значит, нет специальности.

– Он на учителя учится! – защищает Рувена Серёжа.

– На учителя? – переспрашивает Суша. – А у меня специальностей на пять

раз хватит, на пять жизней то есть, но в основном по дереву. Вот, смотри, – Суша обводит широким жестом комнату, – полки эти я сам сделал. И шкаф. И табуретку, на которой ты сидишь. И фигуры эти из капа я вырезал, вон, наверху, видишь?

Полки, шкафы, стол, вешалка, да всё в комнате самодельное, собранное из старой мебели и бросовых досок умело, но топорно, по-плотнически.

– А как я стал с деревом работать? – Суша смотрит полуслепыми глазами на свои пальцы, короткие, толстые, аккуратные, без наростов и шрамов. – Когда выгнали меня отец с мачехой из дома, сел я на поезд. Без билета, конечно. Поезд ползёт, трясётся, а я стою в тамбуре и в мутное окошко на шпалы смотрю. Смотрю и думаю: хорошо бы из этих шпал дом построить, и было бы мне, где жить. В Костроме проводник меня согнал. Возле путей – штабеля старых шпал. В одном штабеле снизу вроде туннеля, можно заползти и спать. Я залез – и так надёжно внутри. Пахнут шпалы смолой, и домом, и сортиром немного – как жизнь человеческая. Одну ночь переночевал, на другую милиция с фонарём ходила – вытащили меня. Забрали в отделение. Там мальчишка сидел деревенский, из ФЗО⁴ убежал. На плотника учился, не выдержал режима и сбежал, хотя в ФЗО кормят, койку дают. Я сказал сержанту, что хочу в это ФЗО пойти. Ну, они меня туда и сдали. Единственный еврей в ФЗО на весь Союз! Потом в Сибири работал, и на Сахалине работал, и на Камчатке был.

– Спроси его, – просит Рувен Серёжу, а Серёжа передаёт вопрос Суше: – Ты с рабочими ладил? Не преследовали как еврея?

– Да нет, – улыбается Суша. – Я бригадиром был. Я умел. Бревно мог топором обтесать лучше, чем на пилораме. Только имя мне исковеркали. Отец Зушей называл, а работяги не могли этого понять и Сушей называли. Так я с тех пор и Суша. Мы на стройках в основном работали. Чего только я не строил. А вот дома себе построить никак не мог. Кончается стройка – в другое место перекидывают. Так по общагам и живёшь. Потом Наташку встретил, тоже сироту. Вернулись с ней в Москву. В Москве на заводе работал, квартиру наконец дали. Потом ножи точил. Был у меня станок хороший. Три ресторана обслуживал. Это уже под старость. Жили мы возле аэропорта, на самой окраине. Дом маленький, всего 12 квартир. Ну, в конце 90-х собрались там строить торговый центр, что ли, и стали на нас давить, чтобы мы квартиру продали. На всех жильцов давили. Кто-то согласился, а я ни за что не хотел из своего дома уезжать. Наташка стала ныть: «Давай уедем! Ты же видишь, куда всё клонится. Ты упрямый, а у меня нет сил!» Ну и уехали. В Израиле мне не нравится. Страна нравится, а люди нет, недобрые. Одно хорошо: старикам помощь предоставляют. Мне вот и квартиру дали, и этого болтуна ко мне приставили. Он гуляет со мной, продукты приносит. Думал, хоть умру под своей крышей, на своей кровати. А тут папаша с мачехой явились под конец жизни гнать меня из дому. Болтун говорит, что ты можешь помочь: благословить, что ли. Я в это не верю, честно скажу, но чего не бывает. Благословляй. Только на иврите я не понимаю. Если нужно отвечать, ты, болтун (Суша кивает Серёже), переведи. Если нет – выйди, пока. Это наше с ним, – Зуша указывает на Рувена, – дело.

⁴ ФЗО – школа фабрично-заводского обучения. Основной тип профессионально-технической школы в СССР в 1940–1963 годах.

Серёжа выходит. Рувен тоже – он должен вымыть руки. А когда он возвращается, Суша, маленький, с гладким лицом и голой головой, терпеливо сидит и смотрит перед собой белёсыми, почти слепыми глазами. Рувен поднимает руки – благословить старика – и чувствует, что стоит с десятками когэнов на помосте. Он сразу в нескольких местах и в разное время. Субботним утром в синагоге деда в Кирьят-Яме, где в минуту благословения старики в зале невольно выставляли кто больную руку, кто колено. Рано утром, в большом армейском шатре под Шхемом. В их роте было аж шестеро когэнов, ещё трое приходили из соседней роты. Молились, как положено, десять человек⁵. Девять когэнов благославляли рыжего Шварца из Тель-Авива. Места разные, время разное, а чувство у когэна одно и то же: за спиной восток, перед тобой народ, поднятые для благословения руки странно легки.

7

От Сушиного дома до дома Рувена пять минут ходьбы, но Рувен тащится, как грузовик с мраморными плитами в гору.

Ему не хочется в опустевший дом. Даже подружка, бросая тебя, обязательно забудет что-нибудь или сознательно оставит, как яд в укусе, – серьгу, платок, размытую фотографию, чтобы ты рассматривал, думал: может, вернётся забрать? А от жены с ребёнком остаётся полквартиры вещей, ставших вдруг болезненными, как расчёсанные волдыри.

Рувен остановился у доски объявлений и прочёл на большом белом, в узкой чёрной рамке, траурном листе: Ури Дов, 19 лет, скончался 23 октября, похороны на военном кладбище на горе Герцль.

Ури Дов, Ури Дов... Сын электрика. Рувен вспомнил лопухого мальчишку в шортах, который в сонное время, днём, бесцеремонно колотил в дверь, собирал пожертвования. Успел вырасти, пойти в армию и погибнуть. Рувен, среди прочих, благословлял в синагоге и этого Ури Дова. Не сильно помогло. Если написано «скончался», значит, умер от ран, то есть не сразу погиб, а ещё и мучался...

Телефон зазвонил в кармане. В это время, уложив дочку, могла позвонить жена. Но это была не жена, а Серёжа.

– Слышишь? – радостно кричал Серёжа. – Сушины призраки сбежали!!! Стреском, говорит, вылетели! Теперь, говорит, тишина в доме! Попросил меня маленькую купить. Ну, маленьких здесь не продают, вот вышел, «мерзавчика» куплю. Пусть старик глотнёт на радостях! Вот как твоё благословение сработало!

– Спасибо, – произносит Рувен.

– Да что я, тебе спасибо!

Рувен вернул мобильник в карман и побрёл к дому. Он должен был чувствовать облегчение и радость, но не чувствовал ничего. Нет, что-то было. Стало как будто спокойнее. Подходя к дому, Рувен посмотрел на своё окно и остановился. Во всех окнах его квартиры – в гостиной, в спальне и в детской – горел свет. Ключи были только у жены и у матери. Но мать не стала бы зажигать везде свет.

⁵ В еврейской коллективной молитве участвуют как минимум десять человек. Этот минимум называется миньяном. В миньяне, о котором вспоминает Рувен, было девять когэнов и один обычный еврей. (Ред.)

И полы мать мыть бы не стала, а из приоткрытого окна их квартиры явственно доносились столь знакомый ему звук передвигаемых стульев и стук, с которым швабра с намотанной половой тряпкой ударяется о ножку стола.

Проходит четыре месяца. В одну из бесконечных, жарких суббот я сижу на скамейке с книгой в жидкой тени и смотрю, как по другой, безжалостно палимой солнцем стороне улицы люди бредут в синагогу. Один громко лузгает семечки. Лузга застревает в жарком воздухе и падает на асфальт долго-долго.

Большая кудрявая носатая тень надвигается слева. Это Серёжа. Он выгуливает маленького, коричневого, точёного кобелька.

Серёжа останавливается и, сдерживая кобелька, не торопясь рассказывает мне историю, которую вы только что прочли. Самому Серёже нечего с ней делать. Серёжа – философ. Идеи, которые, будто лопасти ветряных генераторов, крутятся в его сознании, несоизмеримо крупнее любых историй. А истории подобны чёрным сорным птицам, пролетающим между могучими крыльями идей. Серёжа досказывает историю, кладёт её на скамейку и движется дальше, влекомый кобельком.

А я, человек недоверчивый и жадный до подробностей, решаю сам распространить старого Сушу, как всё было да и было ли вообще. Идти недалеко. Я преодолеваю пустой, раскалённый июньский двор, захожу в тёмный, почти прохладный подъезд и громко стучу в Сушину дверь.

И Суша, маленький, лысый, полуслепой, но живой и излучающий тёплый магнетизм, говорит:

– Да, всё правда. Папаша был скотина настоящая. Меня из дому выгнал, а брата вообще чуть не насмерть забил. Ещё гордился: «Я – когэн, особенный человек!» С тех пор я про этих когэнов и слышать не хочу. Но, видно, и когэны бывают разные. Я не верил, а вот, помогло. Недаром говорят: «Клин клином вышибают!»

А в конце лета, встретив в парке Серёжу с коричневым кобельком, я спросил:

– Слушай, как этот парень, Рувен, помнишь, ты рассказывал? Что с ним?

Но Серёжа только махнул рукой.

Жара ломается

Алине

Я знаю, чем занимаются бесчисленные израильские ювелиры в своих лавках на улицах Герцля и Жаботинского, в лавках с пыльными витринами, куда днём никто не заходит. Ювелиры ловят дуновения ветерка, оправляют их в золото и тайно, по ночам, продают богатым.

В нашем городе, к сожалению, не осталось ни одного ювелира. Единственный золотых дел мастер, старик в сером костюме и серой шляпе с пёрышком, исчез, и некому оправлять в золото редкие, драгоценные дуновения.

В летнюю жару на нашей улице всего две скамейки в тени. По субботам, после трёх, я обычно сижу на той, что возле 26-го дома, но сегодня она занята парой индусов, и мне пришлось сесть на скамейку перед общежитием. Скамейка эта гораздо хуже моей обычной. Могучими руками нашей молодёжи из её спинки вырвана штакетина, каждая жердь сидения показывает свой характер: одна прогнулась вниз, другая выпирает, впиваясь в зад. В щель между досками намертво вбит окаменевший хабарик. К тому же на этой скамейке почти всегда, кроме суббот, сидит Двир, что делает её зачумлённой, даже когда Двира там нет.

Двир никого не трогает. Он сидит неподвижно и прямо, его чёрные очки блестят.

Отец Двира много лет заведует городским банком. У него почтенная, многодетная, религиозная семья. Почти в каждой такой семье один из детей или открытый гомосексуалист, или серийный банкрот, или просто фрик, но этих чёрных овец уносит из нашего сонного городишки в большие города, и на родине о них забывают. Забыли бы и про Двира, не просиди он столько лет, как статуя, на скамейке прямо напротив банка, которым управляет его отец.

Никто толком не знает, что с Двиром, все давно пригляделись к его статной окаменевшей фигуре и блестящим чёрным очкам, но каждый раз в пятницу вечером, когда мы с женой и Дорис проходим мимо него, Дорис, понижая голос, со своим шепелявым испанским акцентом рассказывает про Двира какие-нибудь ужасы. Например: когда она ещё не была нашей соседкой, а снимала квартиру рядом с семьёй Двира, она услышала страшные крики с лестницы, приоткрыла дверь и увидела директора банка, который пытался разнять рычащих сыновей: Двира и его младшего брата. Белая футболка брата Двира была вся в крови. И на полу была кровь.

Дорис знает много страшных и нелепых историй про Двира и рассказывает их, округлив густо подведённые креольские глаза, склонив голову набок и почти задевая за край своей широкой соломенной шляпы зонтиком от солнца, без которого она редко выходит на улицу.

Трудно сказать, сколько Дорис лет, но она совсем ещё не старая. Судя по надписи на фотографии, прикреплённой к краю зеркала на её туалетном столике, раньше её звали Долорес. Ну и что? И нас раньше звали по-другому. Мы обмениваемся новыми именами, как визитными карточками, в которых есть и правда, и ложь.

Переехав в Израиль, Дорис немного подправила имя, но позолоченные бокалы для воды со льдом, сине-зелёный попугай в клетке, идеально прямая осанка, высокая причёска, накрахмаленные юбки и зонтики от солнца остались при ней.

Дорис так запугала нас рассказами про Двира, что я бы и в субботу – хотя по субботам Двир на улице не показывается – я бы и в субботу не сел на его скамейку, если б мою скамейку возле 26-го дома не заняли индусы. На нашей улице, как я уже говорил, всего две скамейки в тени. А посидеть на скамейке в тени в жару, в бесконечную летнюю субботу мне необходимо. Только на улице можно одолеть сонную одурь и сказать себе: я жив. Делается это просто.

Нужно назвать десять вещей, которые я вижу, десять вещей, что я слышу, десять телесных ощущений и десять мыслей. Порядок меняется: то, что идёт туго, откладываю напоследок. Ну, хватит рассуждать.

Зрение.

1. Пара прямо передо мной: маленькая, коренастая пышноволосяя пальма и высокая, статная сосна. Будто две школьных подружки. Только что за руки не держатся.

2. К белой, сугубо легковой машине с мятым боком прикреплен огромный прицеп. Как она его потащит?

3. Две птицы быстро махая крыльями, летят извилисто, но строго параллельно друг другу.

4. Лапы пинии колышутся, как водоросли под водой. Странно, видимо, наверху жара всё-таки ломается. Почему же внизу ни малейшего ветерка?

5. Фонарь. Никогда не замечал, что фонари у нас двойные.

Однако не буду утомлять ни себя, ни вас. Десять зрительных ощущений натекают легко. Со слухом всегда сложнее. Займёмся пока телесным.

Ага, два голоса: мужской и женский – невнятные, будто спросонья. Отложим их. Итак, тело.

Плита под подошвами сандалий. Рубашка липнет к спине. Ладони чувствуют кости коленей и мягкую ткань штанов. Испарина на лбу. Почему ветерок только наверху? Выпирающая штaketина впивается в зад. Как Двир сидит на этой скамейке часами? Ни хрена не делает, живёт в общежитии для бедных и несчастных и целыми днями торчит на щербатой скамейке напротив банка своего папаши. Это не телесное ощущение. Это мысль. Вернёмся в тело. Лёгкое напряжение в правой части шеи. Словом, десять набралось.

Теперь слух.

Крики арабских детей у гаражей за забором. Скрежет зелёных попугаев. Особый постук пальмовых веток. Там, наверху, всё-таки есть ветерок. Отстранённое гудение. Ты смотри: беспилотник! Как бы не стрельнул! Мотор полицейского джипа. Первый муэдзин. Второй муэдзин. Скрип детской коляски.

Всё. Звуков в этой послеполуденной жаркой тишине больше нет. А я набрал только восемь. Нужны ещё два звука. Два голоса.

Я напрягаю уши, двигаю ими, пытаюсь шире раскрыть ушные дыры. Мои уши – локаторы. Муэдзин. Скрежет попугаев. Ага, были же в начале ещё два голоса: мужской и женский. Голоса спросонья. Будто бормочет пара в постели, проснувшись. Полусонные голоса из окна общежития у меня за спиной. Послушаем. Вдруг они зазвучат снова?

И они звучат снова. Теперь гораздо яснее. Сначала мужской. Голос Двира. Я помню его: я знал Двира в лучшие времена. Потом женский, с шепелявым испанским акцентом. Голос Дорис.

Я встаю и быстро, насколько позволяет жара, иду к чёртовой матери. Ах да, я не успел подсчитать мысли.

Но мысль у меня только одна – я не хочу знать того, чего мне знать не нужно. И вторая мысль (или телесное чувство) – дуновение сзади, в шею. Ветер спустился к нам. Жара ломается. ■

Mm

М

Илья ЧЛАКИ

📍 Берлин, Германия

Фото: из семейного архива автора

Родился в Москве (1959), жил в самом центре, на Петровке, между Театральной площадью с её тремя театрами и театром Корша. Учился в 127-й ШРМ (школе рабочей молодёжи), пронизанной духом свободы, исходившим как от самой школы, так и от «рабочей» молодёжи – детей творческой элиты столицы и московских диссидентов.

В 1991-м, ещё до распада СССР, уехал с семьёй в Германию и с 1999-го живу в Берлине. Вступил в Союз немецких писателей (1996). Более полу-сотни пьес – двухактных, одноактных, монологов. Спектакли по ним поставлены в Англии, Беларуси, Болгарии, Германии, Казахстане, Латвии, Литве, Молдове, России, Румынии, США, Украине, Франции. В Японии и Италии постановок не было, но зато там вышли красивые книжки моих пьес. А в Испании – книжка с картинками для детей.

Обладатель международных призов и грантов.

В «Тайных тропах» опубликованы пьесы «Пиротехник» (№ 2 (6), 2024), «Две сестры» (№ 3 (7), 2024), «Скрипка» (№ 4 (8), 2024), «Интенсивные письма» (№ 2 (10), 2025), «Четыре части» (№ 3 (11), 2025).

Круг

Лубочные потехи с балаганом в конце

Действующие лица по сценам и в порядке появления

Философ и Приятель
Первая Дама и Вторая Дама
Бабка и Дед
Доктор, Пациент и Ассистент
Иван и Салантея
Фёдор и Ученик
Мать, Катя (дочь Матери),
Николай (сын Матери),
Лена (жена Николая), Пётр
(сын Николая и Лены)
Мужик и Рыба
Далила и Светлана
Ярослава и Птица

Генерал, Солдат и Генеральша
Хозяин и Странник
Марфа, Млада (младшая дочь
Марфы) и София (старшая дочь
Марфы)
Продавщица, Гражданин,
Мамаша, Мужчина,
Полицейский, Покупатель,
Продавец, Другой Продавец,
Третий Продавец, Ведущий,
Девушка, Женщина, Нищий,
Цыганка, Третья Продавщица,
Вторая Продавщица, Медведь,
Коза, Овца, Петух, Кот, дети
(девочки и мальчики).

Мне представляется, что спектакль должен быть сказочным по звучанию, ярким по цвету, волшебным по «картинке». Сказка – это очень важно, зритель должен попасть в волшебную атмосферу и оставаться в ней до самого конца.

Свет, декорации, костюмы должны быть яркими, пёстрыми.

*Музыка – чарующей. Это не бытовая пьеса,
а потому все четырнадцать сцен не должны выглядеть буднично.*

◇ ◇ ◇

Мальчик катается по сцене на машинке с педалями, уезжает.

◇ ◇ ◇

7

ФИЛОСОФ. Ну, вот смотри, друг мой. Это мышка...

ПРИЯТЕЛЬ. В твоей руке ничего нет.

ФИЛОСОФ. Смотри внимательней, друг мой.

ПРИЯТЕЛЬ. Нет ничего.

ФИЛОСОФ. В моей руке мышка. Она красивая, шёрстка её не просто мягкая – шёлковая. Это необычная мышка...

ПРИЯТЕЛЬ. Какая шёрстка, какая мышка?

ФИЛОСОФ. Ты правда не видишь или притворяешься?

ПРИЯТЕЛЬ. Твоя рука пуста.

ФИЛОСОФ. Хорошо, я отпущу мышку.

ПРИЯТЕЛЬ. Если только ты сможешь отпустить то, чего не существует.

ФИЛОСОФ. Ты мне нравишься. Смотри, в моей руке птица.

ПРИЯТЕЛЬ. В твоей руке ничего нет.

ФИЛОСОФ. Ты очень невнимателен, друг мой.

ПРИЯТЕЛЬ. Неправда, я очень внимательно смотрю на твою руку.

ФИЛОСОФ. Если бы ты смотрел, то увидел бы.

ПРИЯТЕЛЬ. Невозможно увидеть то, чего нет.

ФИЛОСОФ. Хорошо, глаза твои не видят. Но уши ещё слышат?

ПРИЯТЕЛЬ. Да, я тебя хорошо слышу.

ФИЛОСОФ. Если слышишь меня, то пение этой птички услышишь тем более.

ПРИЯТЕЛЬ. Нет, я слышу только тебя.

ФИЛОСОФ. Прислушайся, прошу тебя.

ПРИЯТЕЛЬ. Здесь полная тишина, которую нарушают лишь наши голоса – твой и мой.

- ФИЛОСОФ. И ты не слышишь пение этой удивительной птицы?
- ПРИЯТЕЛЬ. Какой птицы?
- ФИЛОСОФ. Неужели ты не видишь, насколько удивителен, неповторим окрас её перьев?
- ПРИЯТЕЛЬ. Нет.
- ФИЛОСОФ. И не слышишь её завораживающее пение?
- ПРИЯТЕЛЬ. Не умею слышать то, что не производит звуков.
- ФИЛОСОФ. Да-а, ты очень хороший человек. Ты не будешь возражать, если я отпущу эту птицу?
- ПРИЯТЕЛЬ. Ты ведь уже отпустил «необычную» мышь, отпускай и цветастую птицу.
- ФИЛОСОФ. Это мило с твоей стороны.
- ПРИЯТЕЛЬ. Что?
- ФИЛОСОФ. То, что ты так точно описываешь и мышку, и птичку, назвав их соответственно необычной и цветастой. Значит, ты их всё-таки разглядел?
- ПРИЯТЕЛЬ. Я просто повторил твои слова.
- ФИЛОСОФ. Хорошо. Могу я тебя попросить ещё об одном одолжении?
- ПРИЯТЕЛЬ. Всё, что хочешь.
- ФИЛОСОФ. Закрой глаза.
- ПРИЯТЕЛЬ. Это ещё зачем?
- ФИЛОСОФ. Закрытые глаза повышают чувствительность.
- ПРИЯТЕЛЬ. Она у меня и так не низкая. Ну, хорошо-хорошо, закрываю.
- ФИЛОСОФ. Ты чувствуешь запах моря?
- ПРИЯТЕЛЬ. Что-что?
- ФИЛОСОФ. Запах моря, крик чаек, морская рябь, ласкающая волнорезы?
- ПРИЯТЕЛЬ. Не смейся.
- ФИЛОСОФ. Запах моря, ну же.
- ПРИЯТЕЛЬ. Глаза уже можно открывать?
- ФИЛОСОФ. Море, море!
- ПРИЯТЕЛЬ. Ничего не чувствую!
- ФИЛОСОФ. Этого не может быть! Ты не видишь, не слышишь, не чувствуешь! Сплошные «не»!
- ПРИЯТЕЛЬ. А ещё я не калека, не идиот, не душевнобольной. Я, слава богу, – не!
- ФИЛОСОФ. Удивительно. *(Колет его иглой.)* А сейчас?
- ПРИЯТЕЛЬ. Что?
- ФИЛОСОФ. Я уколол тебя, ты не почувствовал.
- ПРИЯТЕЛЬ. Ты это сделал мысленно?
- ФИЛОСОФ. В моих руках игла, я уколол тебя иглой.

ПРИЯТЕЛЬ. Это очень смешно. Я открою глаза, ладно?

ФИЛОСОФ. Нет-нет, ещё несколько вопросов. Тебе совсем не больно?

ПРИЯТЕЛЬ. Мысли не могут воздействовать физически.

ФИЛОСОФ. А нож?

ПРИЯТЕЛЬ. Нож – это не мысль.

ФИЛОСОФ (*ударяет его ножом*). Ну?

ПРИЯТЕЛЬ. Что?

ФИЛОСОФ. Нож в сердце твоём.

ПРИЯТЕЛЬ. Я тебя обожаю.

ФИЛОСОФ (*пожимает руку приятеля*). Ты чувствуешь моё рукопожатие.

ПРИЯТЕЛЬ. Не возражаешь, если я сяду?

ФИЛОСОФ. Чувствуешь?

ПРИЯТЕЛЬ. Ты пожал мою руку? По-настоящему?

ФИЛОСОФ. Да.

ПРИЯТЕЛЬ. Ты снова меня разыгрываешь.

ФИЛОСОФ. Посмотри!

ПРИЯТЕЛЬ. Я побуду с закрытыми глазами, не возражаешь?

ФИЛОСОФ. Зачем?

ПРИЯТЕЛЬ. Сам не знаю, мне так удобней.

ФИЛОСОФ. В твоём сердце нож, я жму твою руку, но ты этого не видишь, не чувствуешь.

ПРИЯТЕЛЬ. Ты очень смешной человек. Я прилягу, хорошо?

ФИЛОСОФ. Ты знаешь, почему ты хочешь лечь? Потому что в твоём сердце нож.

ПРИЯТЕЛЬ. Да-да.

ФИЛОСОФ. Ты умираешь.

ПРИЯТЕЛЬ. Нет, совсем наоборот. Посмотри на меня.

ФИЛОСОФ. Я смотрю, смотрю.

ПРИЯТЕЛЬ. Ты видишь?!

ФИЛОСОФ. Да, ты лежишь передо мной, тебя еле слышно, у тебя нет сил, даже чтобы открыть глаза.

ПРИЯТЕЛЬ. Нет! Посмотри внимательно! Ну!

ФИЛОСОФ. Не понимаю, что ты хочешь?

ПРИЯТЕЛЬ. Я лечу, лечу, лечу!

ФИЛОСОФ. Никуда ты не летишь, лежишь передо мной, как бревно.

ПРИЯТЕЛЬ. Я лечу! Если бы ты знал, как замечательно лететь! Подо мной земля, леса, горы, реки. Люди, много людей! И все твои глупые вопросы теперь не имеют значения! Шум деревьев, пение птиц!.. Как хорошо!.. (*Умирает.*)

Небольшая пауза.

ФИЛОСОФ. Умер. Так ничего и не поняв, не увидев, не услышав, не почувствовав. Прощай, дурак. (*Уходит.*)

♦ ♦ ♦

Девочка раскручивает волчок, слушает, как он гудит, затем уходит.

♦ ♦ ♦

2

ПЕРВАЯ ДАМА. Сейчас на моих глазах произошло убийство.

ВТОРАЯ ДАМА. Где?

ПЕРВАЯ ДАМА. Вон там, на углу улицы.

ВТОРАЯ ДАМА. Ты сообщила в полицию?

ПЕРВАЯ ДАМА. Да, я им позвонила.

ВТОРАЯ ДАМА. И ушла?

ПЕРВАЯ ДАМА. Я не запомнила лицо убийцы, не смогу его опознать.

ВТОРАЯ ДАМА. А во что он был одет, тоже не запомнила?

ПЕРВАЯ ДАМА. У меня на такие вещи очень плохая память. Даже если я нарочно буду смотреть, чтобы запомнить, всё равно не смогу. То есть запомню, но сразу забуду. Убийца стоял от меня так близко, как ты сейчас, может быть, даже ближе. У меня появилась такая мысль, что нужно всё зафиксировать. Я достала блокнотик из сумки и хотела всё записать, но потом раздумала.

ВТОРАЯ ДАМА. Почему – раздумала?

ПЕРВАЯ ДАМА. Он на меня очень странно посмотрел.

ВТОРАЯ ДАМА. Убийца?

ПЕРВАЯ ДАМА. И жертва тоже. Они оба на меня странно посмотрели. В их глазах было что-то такое... И я раздумала. Вот что я помню – их взгляды. Но описать их невозможно.

ВТОРАЯ ДАМА. Наверное, один просил о помощи, а другой советовал убиться, да?

ПЕРВАЯ ДАМА. Нет.

ВТОРАЯ ДАМА. А что же тогда?

ПЕРВАЯ ДАМА. Не знаю... не уверена... мне показалось... даже не знаю, как тебе объяснить...

ВТОРАЯ ДАМА. Скажи, я пойму, догадаюсь.

ПЕРВАЯ ДАМА. Мне показалось, что наши души встретились...

ВТОРАЯ ДАМА. Твоя и жертвы?

ПЕРВАЯ ДАМА. Да, моя и жертвы, моя и убийцы.

ВТОРАЯ ДАМА. Ой.

ПЕРВАЯ ДАМА. Нет, это было совсем не страшно, а знаешь, так... даже обыденно, как будто в этом нет ничего удивительного, как будто это нормально. Понимаешь?

ВТОРАЯ ДАМА. Кошмар! Должно быть, это так ужасно, смотреть на умирающего человека. И жутко – на убивающего.

ПЕРВАЯ ДАМА. Нет, ничего ужасного не было, я же тебе говорю – обыденно.

ВТОРАЯ ДАМА. Да, наша жизнь страшна.

ПЕРВАЯ ДАМА. А потом мне показалось... точно я не знаю... да, думаю, что показалось. Наверняка.

ВТОРАЯ ДАМА. Что? Скажи – что?

ПЕРВАЯ ДАМА. Что их души спокойно слились с моей душой.

ВТОРАЯ ДАМА. Ой.

ПЕРВАЯ ДАМА. И мне стало так хорошо, так покойно.

ВТОРАЯ ДАМА. Покойно?

ПЕРВАЯ ДАМА. Да.

ВТОРАЯ ДАМА. Какое неприятное слово, отжившее.

ПЕРВАЯ ДАМА. Как будто я в поле, а надо мной голубое небо и солнце. Только мы четвером – я, поле, небо и солнце. Или как будто я нанюхалась. И знаешь, так спокойно на душе, и горы готова свернуть.

ВТОРАЯ ДАМА. Смотри, людей на улице нет. Ни одного человека.

ПЕРВАЯ ДАМА. Люди боятся выходить на улицу.

ВТОРАЯ ДАМА. Да, здесь как-то неуютно... страшно.

ПЕРВАЯ ДАМА. Не выдумывай.

ВТОРАЯ ДАМА. Я, пожалуй, пойду.

ПЕРВАЯ ДАМА. Куда?

ВТОРАЯ ДАМА. Хотела – домой...

ПЕРВАЯ ДАМА. Твой взгляд.

ВТОРАЯ ДАМА. Что?

ПЕРВАЯ ДАМА. В твоих глазах страх.

ВТОРАЯ ДАМА. Мне страшно немного...

ПЕРВАЯ ДАМА. И он переселяется в мою душу.

ВТОРАЯ ДАМА. Мой страх?

ПЕРВАЯ ДАМА. И твоя испуганная душа.

ВТОРАЯ ДАМА. Я... я... я пойду... пойду... (Убегает.)

ПЕРВАЯ ДАМА. В моей душе так много душ.

Через сцену пробегают мальчик, он гоняет футбольный мяч.

БАБКА. Дед, ты заметил, в нашей деревне больше птицы не поют.
ДЕД. Да, и коровы не мычат.
БАБКА. Вот-вот.
ДЕД. И собаки не лают.
БАБКА. Да.
ДЕД. И кошки не мячут, и мыши не пищат.
БАБКА. Да.
ДЕД. Лошади не ржут, овцы не блеют.
БАБКА. Да.
ДЕД. Волки не воют.
БАБКА. Последний раз такое было ровно сто лет назад.
ДЕД. Да ладно.
БАБКА. День в день.
ДЕД. Врёшь.
БАБКА. Ей-богу. Моя бабка, царствие ей небесное, мне рассказала, а дед точь-в-точь как ты говорил.
ДЕД. Ну уж, прям точь-в-точь.
БАБКА. Вот тебе крест. Слово в слово.
ДЕД. А что потом было?
БАБКА. Ничего не было.
ДЕД. Может, неурожай или чего?
БАБКА. Не, всё так и тянулось.
ДЕД. А потом?
БАБКА. Что «потом»?
ДЕД. Дальше что было?
БАБКА. На пятый день всё вернулось, как раньше стало.
ДЕД. И птицы, и собаки, и коровы с волками?
БАБКА. Да.
ДЕД. А в те дни, в первые четыре, что было? Может, непогода?
БАБКА. Про это бабка ничего не говорила.
ДЕД. Плохо мы все живем, вот что я тебе скажу.
БАБКА. Так-то ничего, только в эти дни.
ДЕД. И каждые сто лет Г-сподь нам о том поминает.
БАБКА. Вот горе-то.
ДЕД. Если такое было ровно сто лет назад...

- БАБКА. День в день.
- ДЕД. Значит, через сто опять повторится.
- БАБКА. Нас уже не будет.
- ДЕД. Надо внукам рассказать.
- БАБКА. Где их теперь найдёшь.
- ДЕД. Позвонить можно.
- БАБКА. По телефону такое не расскажешь, видеть надо.
- ДЕД. Ты права, старая.
- БАБКА. Сам ты старый.
- ДЕД. Так говорят просто.
- БАБКА. Пусть они и говорят, а ты молчи.
- ДЕД. Может, мне про это в газету написать?
- БАБКА. Дурной ты.
- ДЕД. Думаешь, не поверят? Я им карточки покажу, фотографировать я могу. Надо же людей обезопасить.
- БАБКА. Каких людей?
- ДЕД. Которые через сто лет жить будут. Наши внуки тоже.
- БАБКА. Чш...
- ДЕД. Что?
- БАБКА. Тишина какая. Никаких звуков не слышно. Ай-я-яй. Не оставь нас, Г-споди.
- ДЕД. Не оставит, не бойся.
- БАБКА. Глупый ты у меня, неразумный.
- ДЕД. Я, когда в армии служил...
- БАБКА. Ну, пошло-поехало. Опять про самогонку рассказывать будешь?
- ДЕД. Нет, про другое. Нашим взводом сержант командовал... Погоди, может, он ефрейтором был? Нет, это другой, тот был сержантом. Как же его?... Не помню. Украинец. Злобный, я тебе скажу, мужик был. Но не в том дело.
- БАБКА. А в чём? Тянешь, как певец в опере.
- ДЕД. Будто ты в опере была.
- БАБКА. Говори уж наконец.
- ДЕД. Сержант этот злобный тишину любил. Ничего ему в жизни не надо было, лишь бы тихо было.
- БАБКА. Добрый, значит. Люди, что тишину любят, воевать не станут.
- ДЕД. Так он тишину по ночам любил. Если кто вдруг засопит, он сейчас же вскакивал и ну тумачков ему навешивать, а если захрапит кто, тут он совсем из себя выходил – колотил, кулаков не жалея.

- БАБКА. Вот изверг-то.
- ДЕД. О чём тебе и говорят. Чего я его вспомнил?
- БАБКА. Из-за тишины и вспомнил.
- ДЕД. Его бы, паразита, сейчас сюда, посмотрел бы я на него, гада. Погоди-ка, перепутал я. С Украины другой был, а этот наш, русский.
- БАБКА. Русский человек тишину любит.
- ДЕД. Ну, а я тебе что говорю? Очень любит. Но мне такое не нравится.
- БАБКА. Так ты у меня не русский, поэтому.
- ДЕД. Ещё чего?
- БАБКА. Сам говорил: и татары в роду были, и другие всякие.
- ДЕД. Ну так и что? Татары у всех были. Что ж я теперь – не русский? Ты, бабка, совсем из ума выжила.
- БАБКА. Да ладно тебе, мне всё равно, ты мне любой годен. Поскорей бы уже всё кончилось.
- ДЕД. Я беспокоюсь немного. Пять дней так будет?
- БАБКА. Сто лет назад пять дней было. А в этот раз – кто его знает.
- ДЕД. Как бы живность вся не передохла. Волки, птицы, коровы, собаки с овцами, кошки, свиньи, мыши с тараканами, вот о чём я думаю, это меня тревожит.
- БАБКА. Какой же ты у меня добрый!..

♦ ♦ ♦

Девочка прыгает на прыгалке. Убегает.

♦ ♦ ♦

4

Операционная. Хирург, Пациент, Женищина-ассистент.

Операционный стол, на котором лежит Пациент.

- ДОКТОР. Ну-с, дружок, через пять минут начнёт действовать наш наркоз, вы уснёте и проснётесь другим человеком.
- ПАЦИЕНТ. Скажите, доктор, вы уверены, что всё пройдет хорошо?
- ДОКТОР. У нас нет другого выхода.
- ПАЦИЕНТ. Значит, уверены?
- ДОКТОР. Друг мой, вы – обычный человек, я – обычный человек. В чём мы можем быть уверены?
- ПАЦИЕНТ. Но вы будете действовать по плану?
- ДОКТОР. Всё по инструкции. Хотя возможны сюрпризы, ваш организм может их нам преподнести.
- ПАЦИЕНТ. Но если всё будет по плану?..

ДОКТОР. Тогда всё, как постановили: в головной мозг – чип, в спинной мозг – чип, в сердце – это, в желудок – это, в кишечник – ничего, между ног – вот это.

ПАЦИЕНТ. Это? Это разве моё, доктор?

ДОКТОР. А что, есть сомнения?

ПАЦИЕНТ. Но я хотел совсем другое...

ДОКТОР. Какое – другое? Ассистент.

АССИСТЕНТ. Да, доктор.

ДОКТОР. Это его?

АССИСТЕНТ. Нет?

ДОКТОР. Я вас спрашиваю! У вас записано?

АССИСТЕНТ. Я проверю.

ДОКТОР. До начала операции осталось пять минут, а она, видишь ли, проверит! Ну!

АССИСТЕНТ. Ой.

ДОКТОР. Что?

АССИСТЕНТ. Ну...

ДОКТОР. Не его?!

АССИСТЕНТ. Но этот же явно лучше.

ДОКТОР. Думаете?

АССИСТЕНТ. Качество материала и все показатели намного выше, чем у любого другого.

ДОКТОР. Ну и замечательно.

АССИСТЕНТ. Последнее достижение! Материал позволяет делать то, что приказывает мозг. Без всяких ограничений. Посмотрите сами.

ДОКТОР. Мне зачем? Я, что ли, покупатель? Ему и показывайте! (Пациенту.) Вы слышали, что она сказала? Это лучше, значит, его и делаем. И точка, мне надоело дискутировать.

ПАЦИЕНТ. Но, доктор, я же вам говорил, мне не нравится!..

ДОКТОР. Дружочек, поносите, приноровитесь, понравится. И потом, вы же его не для себя приобретаете. Так что не думайте ни о чём, всё будет, как никогда. Материал правда хороший. Потрогайте.

ПАЦИЕНТ. Не нужно мне!

ДОКТОР. Лежите спокойно! Здесь операционная, между прочим! Крик он поднял. Что вам нужно?!

АССИСТЕНТ. Это новейшая технология, спецматериал, как мозг прикажет, так и будет.

ДОКТОР (Пациенту). Понимаете, что вам говорят?! Мозг отправляет ту-

да команду, там её принимают и в точности воплощают!
Что вам не ясно?! Я могу повторить.

ПАЦИЕНТ (*говорит с трудом*). Все, что вы сказали, я понимаю... но...

ДОКТОР. Вот и прекрасно. Засыпайте уже, сколько можно!

ПАЦИЕНТ. Но доктор, я не хочу, не надо... (*Засыпает.*)

ДОКТОР. Как он мне надоел. Очередной кретин попался. В последнее время их всё больше становится. Ну, скажите, какая, к чертям, разница! Зачем он это всё затеял! Кому это всё интересно! Баран, натуральный баран! Ну что, можно резать?

АССИСТЕНТ. Он спит.

ДОКТОР. Начнём с малого, самого лёгкого. Кнопочку нажали, дело пошло.
Доктор наблюдает за работой робота.

ДОКТОР. Отлично. Это мы отрезали, это мы пришиваем, заживляем, уstraняем, чтоб был как родной и даже лучше. Так-с, что там у нас дальше? Дайте его историю!.. (*Читает.*) Так... Грудь. Какая ещё грудь?! Грудь!

АССИСТЕНТ. Грудь?

ДОКТОР. Вот именно, грудь! Вот же она лежит! Зачем она тут, по-вашему?!

АССИСТЕНТ. Я думала, не ему.

ДОКТОР. А кому же?! Мне, что ли, или вам?!

АССИСТЕНТ. Я упустила...

ДОКТОР. Упустила?! Чёрт бы вас!!..

АССИСТЕНТ. Я не хотела...

ДОКТОР. Дура вы набитая!

АССИСТЕНТ. Доктор!..

ДОКТОР. Вы что, читать не умеете?! Здесь же ясно написано!

АССИСТЕНТ. Доктор!..

ДОКТОР. Проклятье! Хлопот теперь не оберёшься! В суды затаскают! И всё из-за вашей невнимательности! Вы же видели его: скандальный, мерзкий, всем недовольный мужик. Праксиса лишат! Понимаете вы это или нет?!

АССИСТЕНТ. Я не виновата, доктор, она ведь была у вас, история его.

ДОКТОР. Да помолчите вы! Что же делать! Посмотрите, он там прижился?

АССИСТЕНТ. Как родной.

ДОКТОР. Чёрт бы его и вас тоже! Человек хотел стать женщиной. Хотел, понимаешь!.. Слушайте милочка!.. Мне ж всё равно к нему в башку лезть... Знаете что? Я ему мозги подправляю, чтоб и думать забыл. Прекрасная идея! А то взяли, понимаешь, моду, это им не нравится, то им не подходит! Родился мужиком, им и помирай! Сейчас я ему программу подправляю... Что вы стоите?!

АССИСТЕНТ. Я так виновата, так виновата!..

ДОКТОР. Вот!.. Работаем!

АССИСТЕНТ. Что мне делать, доктор?!.

ДОКТОР. Историю переписывай, дура! Чтоб комар ни носа, ничего другого не подточил!

АССИСТЕНТ. Да, я поняла, я быстро, быстро...

Мальчик проезжает на самодельном самокате, сделанном из досок и подшипников.

5

ИВАН. Салантея, ты дома? Я всю дорогу думал о тебе. Что тебе сказать? Я, кажется, влюблён.

Входит Салантея.

ИВАН. Салантея.

САЛАНТЕЯ. Что?

ИВАН. Имя твоё говорю. Красивое, звучное имя.

САЛАНТЕЯ. Что ты хочешь?

ИВАН. Я говорю о любви.

САЛАНТЕЯ. И что?

ИВАН. Тебе знакомо это чувство?

САЛАНТЕЯ. Что тебе от меня надо?

ИВАН. Я говорю о высокой любви, Салантея. Ты молодая, красивая...

САЛАНТЕЯ. Дальше что?

ИВАН. Ну как, как можно говорить с тобой о высоком!

САЛАНТЕЯ. Я готовлю.

ИВАН. Понятное дело. Всё время ты о материальном! А я о высоком, Салантея, о высоком! Обед готовишь?

САЛАНТЕЯ. Ну не завтрак же. На часы посмотри.

ИВАН. За это я тебя люблю.

САЛАНТЕЯ. Угу. Я могу идти?

ИВАН. Я принёс вина, Салантея.

САЛАНТЕЯ. И что?

ИВАН. Нам принёс.

САЛАНТЕЯ. Не понимаю. К чему это?

ИВАН. Ну... романтический обед, например. Шучу.

САЛАНТЕЯ. Шутки у тебя...

ИВАН (*разливает вино в бокалы, протягивает бокал Салантею*). За нас, за нашу любовь. Скажи мне, Салантея... Мы столько месяцев женаты... жена – ты... интересно: жена-ты, жена – ты. Замужем, за муж ем, то есть доедает за мужем или съедает всю мужнину еду; ест за мужа, а муж остается голодный. Извини, отвлѣкся. Мы столько месяцев женаты, а я о тебе почти ничего не знаю. Взять хотя бы твоё имя. Я посмотрел в интернете, такого имени не существует. Интересно получается, имени не существует, а ты передо мной. Звучит твоё имя – Салантея – очень красиво, я в восторге, но происхождение непонятно. Скажи, мне это очень важно.

САЛАНТЕЯ. Что сказать?

ИВАН. Происхождение. Ты же не русская – это понятно.

САЛАНТЕЯ. Какой же ты дурак, Иван.

ИВАН. И сразу оскорблять.

САЛАНТЕЯ. Ты бы пошёл посуду помыл или пропылесосил, чем болтать всякий бред.

ИВАН. Хорошо, это не проблема, я, если хочешь, и пропылесосу, и посуду помою, и бельё постираю вручную, всё сделаю, только скажи.

САЛАНТЕЯ. Кто без мозгов рождён, без мозгов и помрёт.

ИВАН. Нет, я про другое. Давай, я тебе ещё налью. Выпьем. За тебя, за твою красоту!

САЛАНТЕЯ. Угу.

ИВАН. Хорошее вино, правда? В нашем магазине купил. Магазин – полный отстой, а вино – ничего. И, кстати, не очень дорогое. Итальянское. Может, ты итальянка, Салантея?

САЛАНТЕЯ. Может, тебе больше не пить?

ИВАН. Разве это питьё? Так, чуть жажду утолить.

САЛАНТЕЯ. Вот и остановись.

ИВАН. Сначала про имя скажи.

САЛАНТЕЯ. Опять ты за своё. Не надоело?

ИВАН. Я рассуждаю. Если не итальянское, тогда, возможно, испанское. Да? Всё, понял-сообразил, не испанское. Ну, всё ясно – греческое. Не греческое? Слушай, а кто у тебя родители были?

САЛАНТЕЯ. Без вина – не умён, а с вином так и вовсе дурак.

ИВАН. Я тебя про родителей спросил, а ты меня оскорбляешь. Так кто они у тебя?

САЛАНТЕЯ. Кем были, теми и остались.

ИВАН. Кем же они были, если мы не знаем, кто ты. Эта твоя скрытность мне очень не нравится. Я начинаю думать самое худшее. Например, твоя мать. Твоя мать. С виду простая русская жен-

щина. И отец – не негр. Но подробностей никаких. Как это? Ты моя жена, а я про тебя и про твою семью ничего не знаю.

САЛАНТЕЯ. Ты здесь поговори, а я пойду суп посмотрю. (*Выходит.*)

ИВАН. Я тебе туда скажу. Меня интересует, есть ли у тебя, например, братья, сестры. Есть? Молчишь.

САЛАНТЕЯ. А то ты не знаешь.

ИВАН. Объясни мне тогда, как так получилось, что у твоего брата и у твоей сестры нормальные, исконно русские имена, а у тебя...

Входит Салантея.

САЛАНТЕЯ. Сам у себя и спроси.

ИВАН. Ты не знаешь, никто не знает. А я провёл собственное расследование. Хочешь знать?

САЛАНТЕЯ. Очень.

ИВАН. Правильно, надо знать свои корни.

САЛАНТЕЯ. Суп я выключила, чтоб доходил, минут через десять можно будет есть.

ИВАН. А ещё я думаю, что ты про себя всегда всё знала.

САЛАНТЕЯ. Налей вина.

ИВАН. Да, давай ещё по глоточку. В общем, мне с твоим именем всё ясно. Никаких сомнений быть не может – ты... еврейка.

САЛАНТЕЯ. Вино правда хорошее.

ИВАН. Как я узнал? Всё очень просто. Ты слышала такое имя – Саломея? Слышала? Я тебе расскажу. Саломея была еврейской царицей. Связь видишь? Нет, ты не царица. Не княжна и не графиня. В именах связь. Саломея, Салантея, не слышишь? Они ж звучат одинаково! Саломея, Салантея! Поняла? Еврейка ты! Еврейка! И это неприятно! Мягко говоря. Это противно! Умеренно выражаясь. Не делай вид, что ты не знала! Да-да, забыла! Так я тебе и поверил! Забыла – в зеркало посмотри, сразу всё вспомнишь! Твою подлую сущность мы вскрыли, это, конечно, хорошо. Одного не могу понять. Куда твой папаша смотрел? Не понимаешь, про что я тут толкую? Про мамашу твою. Не проследил папаша за мамочкой. А та потихонечку – налево, налево, к еврею, и опа, брюшко – сюрприз папаше. А через девять месяцев – получите. А как назвать? И мамаша бегом к леваку, а тот сразу: имя должно быть еврейское. Какое? Саломея, царица наша жидовская. Но надо замаскировать, чтоб никто и никогда. Салантея. Не бойся, говорит, мамаша, я от своего ребёнка не откажусь и тебя никогда не брошу. И только его, подлеца, и видели. Самолёт, Израиль. Вот так, Салантея. Ты меня слушаешь? Тут для тебя только один выход – креститься. Иначе душе твоей не спастись.

САЛАНТЕЯ. Идиот.

ИВАН. Ты что, обиделась? Не надо, я ж писатель, я всё время мыслю, всё время пишу, сочиняю.

САЛАНТЕЯ. Обед готов.

ИВАН. Да, идём, обед – это не завтрак, обед – это святое. Идём, любимая моя, Гурьзамира! Моя восточная красавица! Гурьзамира! Пообедаем, и я расскажу тебе о твоих узбекских корнях!

◇ ◇ ◇

Девочка играет в классики.

◇ ◇ ◇

6

УЧЕНИК. Здравствуй, Фёдор.

ФЁДОР. Здравствуй. Что занесло тебя в моё скромное жилище?

УЧЕНИК. Давно тебя не видел.

ФЁДОР. Не хотел и не видел.

УЧЕНИК. Ну, почему «не хотел»? Хотел, даже как-то заходил, не было тебя.

ФЁДОР. Я всегда дома.

УЧЕНИК. Не, тогда не было, я у твоих соседей спрашивал, они сказали: ушёл.

ФЁДОР. Мог и уйти, это верно, но я всегда остаюсь дома.

УЧЕНИК. Ну, я понимаю, понимаю.

ФЁДОР. Понимание, как и слова, обычные слова, имеют несколько уровней.

УЧЕНИК. Ну да, ну да.

ФЁДОР. Первый уровень – всегда на поверхности и имеет одно значение.

УЧЕНИК. Это понятно.

ФЁДОР. Второй – сложнее...

УЧЕНИК. И имеет два значения.

ФЁДОР. Второй – сложнее, он имеет сразу несколько значений, но которые близки и не противоречат друг другу.

УЧЕНИК. Да...

ФЁДОР. Третий уровень – значений много, которые могут противоречить друг другу, но суть от этого не меняется.

УЧЕНИК. Да...

ФЁДОР. И, наконец, четвёртый уровень...

УЧЕНИК. Я себе представляю...

- ФЁДОР. Четвёртый уровень – когда понимание не нуждается в словах, всё происходит так быстро, что сознание не успевает подключиться, и, значит, оно не нужно, всё происходит на уровне подсознания.
- УЧЕНИК. Ух ты.
- ФЁДОР. К нему мы должны стремиться. Потому что он – сама природа.
- УЧЕНИК. Ты очень мудрый человек, Фёдор.
- ФЁДОР. Моя мудрость может подтвердиться лет через пятьдесят. А пока – я самый обыкновенный.
- УЧЕНИК. Нет, с этим я согласиться не могу.
- ФЁДОР. Время, время разрешит наш спор. Хотя я считаю, что время – величина постоянная.
- УЧЕНИК. Как это?
- ФЁДОР. Очень просто. Спроси у старика или старухи, как долго была её жизнь. Что она ответит? Мгновение.
- УЧЕНИК. Точно, моя покойная бабуля всегда так говорила.
- ФЁДОР. Таким образом, мы можем утверждать, что единица времени – это всегда мгновение.
- УЧЕНИК. А, например, сто лет?
- ФЁДОР. Мгновение.
- УЧЕНИК. Двести?
- ФЁДОР. В природе полно существ, живущих двести лет – японский карп, моллюски, ещё всякая дрянь. Жизнь – мгновенье.
- УЧЕНИК. Пятьсот?
- ФЁДОР. Деревья.
- УЧЕНИК. Ну, а тысячу, две, десять?
- ФЁДОР. Баобаб, камни, скалы, моря, океаны. Да и сама Земля.
- УЧЕНИК. Жизнь – мгновенье.
- ФЁДОР. Верно.
- УЧЕНИК. Да, Фёдор...
- ФЁДОР. То же и с человеком.
- УЧЕНИК. Это я понял, время – величина постоянная.
- ФЁДОР. Верно, но я сейчас о другом. Что такое человек?
- УЧЕНИК. Млекопитающее?
- ФЁДОР. Можно сказать, ничто. Химическое соединение. Пустое место – вот что такое человек. Не так ли?
- УЧЕНИК. Я горжусь, что могу назвать себя твоим учеником.
- ФЁДОР. Но мысль! Мысль есть продукт. Продукт этого химического соединения, продукт пустого места. Реальный продукт. Пони-

маешь? Мысль, она материальна. И что получается? Из ничего возникает нечто важное, нужное, полезное, материальное. И всё это – мысль.

УЧЕНИК. Фёдор!.. это очень глубокая мысль.

ФЁДОР. Мысль материальна, значит, не может быть глубокой, но может быть весомой.

УЧЕНИК. Это очень весомая мысль, мне она кажется такой увесистой, нет, тяжёлой! Ты великий человек, Фёдор!

ФЁДОР. Человеческого величия не существует.

УЧЕНИК. Твоя мысль – великая, неподъёмная.

ФЁДОР. Скажи мне, какая погода там на улице?

УЧЕНИК. Даже не знаю, как тебе ответить.

ФЁДОР. Это простой вопрос, ответ на него должен быть простым и понятным.

УЧЕНИК. Что такое погода, Фёдор?

ФЁДОР. Я про состояние атмосферы, про природные явления спрашиваю.

УЧЕНИК. Я так думаю, если внимательно посмотреть на любые природные явления, то можно прийти к единственному выводу. Но ты наверняка догадываешься, о чём я говорю.

ФЁДОР. Какая погода на дворе?!

УЧЕНИК. Природы не существует.

ФЁДОР. Ты что, идиот?! Я тебя спрашиваю, что на улице?! Тепло, холодно, дождь, солнце?!

УЧЕНИК. Разве может существовать проходящее?

ФЁДОР. А ну, иди отсюда!

УЧЕНИК. Любое состояние погоды...

ФЁДОР. Пошёл!..

УЧЕНИК. ...лишь мираж. Как любое физическое явление или предмет.

ФЁДОР. Давай-давай!..

УЧЕНИК. Даже если это явление существует бесконечное количество лет. Например, Солнце...

Фёдор выгоняет его, захлопывает дверь.

ФЁДОР. Кретин!

Мальчик качается на лошадке.

7

*Мать, Николай, её сын, Лена, жена Николая, Катя, сестра Николая,
Петя, сын Николая и Лены
Мать плачет, причитает*

МАТЬ. Ой, да на кого ж ты нас покинул, ой, да как же мы без тебя, ой, да ты кормилец наш!.. Катерин, чего молчишь-то?

КАТЯ. А что мне делать?

МАТЬ. Сама не знаешь?

КАТЯ. Понятия не имею.

МАТЬ. Бесчувственная ты, вот что я тебе скажу. Ой, да на кого ж ты нас покинул, ой, да миленький ты наш!.. Коль, ты б ска- зал ей, совсем она от рук отбилась.

НИКОЛАЙ. Что сказать?

МАТЬ. Отец помер, не сосед, не прохожий – отец ваш родной.

НИКОЛАЙ. Кать, ну что ты?.. Правда, батя всё-таки...

МАТЬ. Бестолковая, ей-богу, бестолковая, всю жизнь такой была! Лишь бы поперёк, лишь бы не как все! Ух!.. Ой, да ты корми- лец наш, ой, да на кого ты нас оставил!.. Как не стыдно только!

КАТЯ. Стыдно.

МАТЬ. Молчи уже! Чужие люди и то плачут, а родная дочь!..

НИКОЛАЙ. Кать, ну чего ты?..

МАТЬ. Лыбится она!.. Стыд-то какой!.. Ой, да на что ж ты оста- вил нас одних, ой, осиротели, осиротели!.. Посмотри, Лена и то плачет, а эта!..

ЛЕНА. Я так боюсь мёртвых... У меня это с детства. Помню, соседка наша умерла, она мне потом снилась часто, так страшно...

НИКОЛАЙ. Лен, ну, соседка-то здесь при чём? Да и вообще.

ЛЕНА. Сама не знаю, вспомнилось почему-то.

НИКОЛАЙ. А куда Петька пропал?

ЛЕНА. Да вон он, в углу сидит.

НИКОЛАЙ. Петь, иди к нам. Слышь, Петь.

ПЕТЯ. Что?

НИКОЛАЙ. Говорю, с нами посиди.

ПЕТЯ. Я с вами и сажу.

НИКОЛАЙ. Сюда иди.

Петя подходит.

НИКОЛАЙ. Садись. Да оставь ты свой телефон.

ПЕТЯ. Да.

НИКОЛАЙ. Скоро семнадцать исполнится, а всё в бирюльки играешь.

ЛЕНА. Отстань от него.

НИКОЛАЙ. Заступница.

ПЕТЯ. Сижу я, сижу.

НИКОЛАЙ. Телефон выключи.

ПЕТЯ. Ты чего, пап?

ЛЕНА. Тише вы.

МАТЬ. Ой, как же нам несладко будет без тебя, жить без тебя не сможем, ой, какое горе, какое горе!.. Ой, нам без тебя будет плохо, ой, всем соседям и друзьям будет плохо, ой, весь мир без тебя будет страдать!.. Вот зараза! Катерина, не лыбься!

НИКОЛАЙ. Да ладно, мать, не обращай внимания, у неё просто такое лицо.

МАТЬ. Вот пусть она с этим лицом и катится отсюда!

КАТЯ. С удовольствием!

НИКОЛАЙ. Кать, хватит тебе.

КАТЯ. Что я тут делаю!

МАТЬ. Ну, зараза, чистая зараза! Ой, да на кого ж ты нас!.. У тебя отец умер!

КАТЯ. Отцы разные бывают.

МАТЬ. Ой, ой, ой! Ой, мне плохо! Коля, сынок!..

НИКОЛАЙ. Всё нормально, мать. Кать, хорош тебе...

МАТЬ. Ой, умру, ой, пойду за мужем своим единственным!

ЛЕНА. Успокойтесь, прошу вас...

МАТЬ. Г-споди, за что мне такое наказание!

НИКОЛАЙ. Петь... хватит уже! Лучше бабушке скажи что-нибудь...

ПЕТЯ. Ба... ба... ба... Ну... ба... ба...

КАТЯ. Ты, Коля, тоже молодец. И ты, Лен.

НИКОЛАЙ. Чего тебе?

КАТЯ. Парня своего во лжи воспитываете.

НИКОЛАЙ. Не болтай ерунду.

МАТЬ. Злодейку родила!

КАТЯ. Хорошо, не дуру, не слепую.

МАТЬ. Тьфу, язык поганый!

КАТЯ. Мой язык поганый? А ты забыла, что сама говорила?..

МАТЬ. Молчи уже!..

КАТЯ. Как ты его кляла.

МАТЬ. Я – кляла?! Вот гадюка!

НИКОЛАЙ. Ладно вам.

- МАТЬ. Ой, миленький мой, ой, да знал бы ты, что после твоей смерти твориться будет!.. Ой, да твоя родная дочь, кровь от крови твоя!..
- ЛЕНА. Да такое горе...
- КАТЯ. Ну, хватит уже, всё должно иметь меру! Какое горе, вы же его терпеть не могли! Да и за что его было любить!
- МАТЬ. Молчи!
- КАТЯ. Теперь уж не замолчу.
- МАТЬ. Коля, скажи ей!
- НИКОЛАЙ. Катя...
- КАТЯ. Нас с Колькой дубасил, пока из дома не ушли, и всю жизнь в грош не ставил, только и мог, что унижать. За всю жизнь ни одного хорошего слова не слышала, ни одной похвалы. То ему сделай, сё ему сделай! Слова «спасибо» он не знал. Угрозы, злость, побои. «Ой, отец наш родной»!
- МАТЬ. Ой, мне плохо!..
- КАТЯ. Тебе плохо было, пока он был жив, потому что тебе, мама, доставалось больше всех! Один раз ты из-за него в больницу попала! Не помнишь?!
- МАТЬ. Ой, дайте мне что-нибудь от сердца!
- КАТЯ. А теперь ты громче всех причитаешь, страдаешь! Да он такой зверь был, что его земля не примет!
- МАТЬ. Ой, мамочка родная!..
- ЛЕНА. Вот вода... валерьянка...
- КАТЯ. Кольку так запугал, что тот дрожал, как он появлялся. Коль, разве не так?
- МАТЬ. Ой, что будет, ой, что будет!..
- ЛЕНА. Попейте ещё...
- КАТЯ. Что ты молчишь?
- НИКОЛАЙ. Ну, ты не перебарщивай, не надо так об умершем.
- КАТЯ. Ничего, кроме страданий, за всю жизнь не помню! Твоих, мама, страданий, наших с Колей, всю жизнь испортил! Соседям-то улыбался, а здесь творил чёрт-те что!
- МАТЬ. Сейчас умру!
- КАТЯ. Сколько раз тебе говорила – разводись, уходи от него, убьёт он тебя!.. Это не человек был... Не помнишь, Лен, как он тебя с лестницы спускал? Только и мог, что ненавидеть.
- ПЕТЯ. А чего дед такой монстр был?
- ЛЕНА. Петя, не лезь.
- КАТЯ. Это счастье, что внук не знал своего деда.
- МАТЬ. Всё, умерла!

НИКОЛАЙ. Мать, ну ладно тебе...

МАТЬ. Полностью умерла!

ПЕТЯ. Ба... ба... ба...

КАТЯ. А вот тебя, мама, мы всегда любили, слышишь, всегда.

НИКОЛАЙ. Да, и любили, и жалели.

ЛЕНА. Я тоже всё время о вас думала, мы даже хотели забрать вас к себе.

ПЕТЯ. Ба... ба... ба...

НИКОЛАЙ. Да оторвись ты от своего телефона!

ЛЕНА. Коля, отстань от него.

КАТЯ. Каждый день перезванивались, думали, как тебя отгородить от твоего... – правильно Петя сказал – монстра, как спасти тебя от него... Только о тебе и думали.

МАТЬ. Обо мне!..

КАТЯ. Мы любили и любим, мама, только тебя.

МАТЬ. Меня!..

НИКОЛАЙ. Это правда, мать.

МАТЬ. Ох, грехи мои тяжкие!..

НИКОЛАЙ. Тяжёлый был человек.

МАТЬ. Руки, конечно, он распускать любил, ничего не скажешь. Вот ты про соседей сказала, так и им доставалось. Всем, с кем он сталкивался. Его тут вся округа боялась. Мне на улицу было стыдно выйти.

КАТЯ. Ну, слава богу, договорились наконец, а то ломаем семь лет подряд одну и ту же комедию.

МАТЬ. Ах!..

НИКОЛАЙ. Чего ты, мать?

МАТЬ. Семь лет!..

КАТЯ. Семь.

МАТЬ. А всё как вчера... Ой, да на кого ж ты нас покинул, ой, да как же мы без тебя, ой, да ты кормилец наш!..

*Мать причитает, Николай, Катя, Лена плачут,
Петя занимается смартфоном.*

◇ ◇ ◇

Девочки играют в резиночку.

8

Мужик сидит на краю сцены с удочкой в руках.

МУЖИК. Два часа сижу. Всю жопу отсидел. И всё без толку. С каждым годом всё хуже и хуже. В прошлом году рыбы было совсем мало, а в этом вообще ничего. Все выходные тут пропадаю, даже карася не поймал. Нет рыбы. То ли она от меня бежит, то ли от нас. В любом случае – хреново. Вон и водки только полбутылки осталось. Что за жизнь!

Пьёт из горла. Тихонько поёт песню.

Выходит очень красивая рыба.

РЫБА. Привет, мужик.

Мужчина долго смотрит на рыбу. Молчит.

Затем показывает ей на место рядом с ним.

МУЖИК. Садись. В ногах правды нет.

РЫБА. А в хвосте?

МУЖИК. Выпьешь?

РЫБА. Я же рыба.

Мужик достаёт кружку, наливает рыбе.

МУЖИК. Будем.

Пьют.

МУЖИК. Что тебе закусить дать? Червячка? Шутка.

РЫБА. Ты совсем не удивлён моему появлению.

МУЖИК. А надо удивляться? Пожалуйста.

РЫБА. Можно подумать, к тебе каждый день рыбы приходят.

МУЖИК. Если бы. Сижу тут битыми часами без всякого намёка. Нет здесь вашего брата, эмигрировал.

РЫБА. А я?

МУЖИК. Что?

РЫБА. Я здесь, никуда не уплыву.

МУЖИК. Хвост у тебя отменный.

РЫБА. Не только хвост, чтоб ты знал.

МУЖИК. Ичешуя знатная. Ты правда закусывай, закусывай. Ещё выпьешь?

РЫБА. Не люблю я водку. Чаю с удовольствием бы выпила.

МУЖИК. Считай, что тебе повезло. У меня с собой полный термос. *(Наливает ей в кружку чай.)* Слышь, ты откуда такая нарисовалась?

РЫБА. Глупый вопрос.

МУЖИК. Местная?

РЫБА. Нет, из Америки приплыла.

- МУЖИК. Всякое бывает. Пару лет назад я поймал рыбёшку, никогда таких не видел. Отнёс соседу, его сын стал по интернету лазить, узнавать, что да как, оказалась заезжей, чуть ли не из Китая приплыла. Вот как бывает. Потому и спросил.
- РЫБА. Она на меня была похожа?
- МУЖИК. Не, та мельче.
- РЫБА. Значит, я, по-твоему, толстая?
- МУЖИК. Я этого не говорил. Крупная.
- РЫБА. Вообще-то я очень стройная.
- МУЖИК. Кто ж спорит.
- РЫБА. И красивая.
- МУЖИК. Согласен.
- РЫБА. И умная.
- МУЖИК. А вот это видно издалека.
- РЫБА. Могу разговаривать на любые темы.
- МУЖИК. Слушай, ну никак я понять не могу. Куда подевалась эта чёртова рыба? Извини, не тебя имел в виду. Я почему тебя спрашиваю? Ты ж в этих кругах крутишься, может, знаешь.
- РЫБА. Зачем ты мне зубы всякой чушью заговариваешь? Перед тобой стоит стройная, красивая, умная! А ты?
- МУЖИК. Сядь. Что ты прыгаешь всё время?
- РЫБА. Удивляюсь я на тебя, вот что! Ты уже в возрасте, многое повидал, и всё равно вон какой...
- МУЖИК. Ну?
- РЫБА. Слепой.
- МУЖИК. Ключёт, что ль?
- РЫБА. Давно клюнула!
- МУЖИК. Что ж ты раньше молчала! Заболтался я!.. ничего не вижу, не слышу...
- РЫБА. И не чувствуешь.
- МУЖИК. Знаешь, ты меня не отвлекай, я сейчас занят, мне не до тебя...
- РЫБА. Вот дурак!
- МУЖИК. Ну, поехали! Раз оскорбления посыпались, скоро бить начнут.
- РЫБА. Дурак и есть.
- МУЖИК. Не ключёт вроде. И наживка на месте. Я смотрю, ты шутница.
- РЫБА. А я смотрю, ты не рыбак.
- МУЖИК. Это ты махнула.
- РЫБА. Пойду я от тебя.
- МУЖИК. Погоди-погоди. Куда ты?

- РЫБА. Не о чем мне с тобой... Найду другого, желающих много.
- МУЖИК. Ты ж чаю хотела, не допила, даже не притронулась. Может, всё-таки водочки? Да погоди ты, постой. Ты что, обиделась?
- РЫБА. Делать мне нечего.
- МУЖИК. Ну, понятно, понятно. Ты извини, не хотел я. Правда, от чистого сердца говорю – прости. Даже не знаю, как искупить свою вину. Давай выпьем, что ли? Чуть-чуть можно ведь? Не люблю, когда на меня обижаются. Кто-нибудь обидится, а я потом целый день как не свой. С детства так. Поэтому стараюсь, чтоб без обид.
- Мужик пьет из бутылки, Рыба пригубливает.*
- МУЖИК. А ты красивая.
- РЫБА. Неужели?
- МУЖИК. Сразу-то я не заметил. Очень красивая.
- РЫБА. И что дальше?
- МУЖИК. Ну, а что? Ничего. Красивая, и всё. Слушай, а может, ты русалка?
- РЫБА. Ой, ну зачем ты эту глупость сказал?
- МУЖИК. Я просто подумал, может ведь такое быть?
- РЫБА. Какая гадость.
- МУЖИК. Ну, слава богу. Не люблю я эти сказки – шуки, русалки, золотые рыбки. Никогда сказкам не верил. Тебе ещё налить? Что-то ты совсем не пьёшь. Знаешь, что я тебе скажу? Хорошо мне с тобой. И пяти минут не прошло, как познакомились, а такое впечатление, будто знаем друг друга всю жизнь. Редко такое бывает. У тебя тоже так?
- РЫБА. Как?
- МУЖИК. Как у меня. Будто сто лет друг друга знаем.
- РЫБА. У меня – хуже.
- МУЖИК. Хуже? Это плохо. Как у тебя?
- РЫБА. Будто с тобой тысячу лет болтаю.
- МУЖИК. Тысячу?
- РЫБА. И всё в никуда.
- МУЖИК. Может, ещё чаю? Водку не предлагаю. Я выпью, не возражаешь? Волнуюсь что-то... Сам не понимаю почему.
- РЫБА. Кажется, рано пришла, надо ещё лет пятьсот подождать.
- МУЖИК. Не пойму я тебя. Неясно выражаешься.
- РЫБА. Сиди, лови.
- МУЖИК. Слушай, а может, нам в ресторан пойти? Или в кафе, например. Тут недалеко есть кабачок. Точно, туда бы мы могли пойти. Хозяин там всегда бухой, ему всё равно, кто к нему ходит,

лишь бы деньги текли. Теперь все такие, удивляться не приходится. Ну что? Можно было бы и ко мне зайти, но ко мне нельзя. Можно было бы, но нельзя. Ты понимаешь?

РЫБА.

Конечно.

МУЖИК.

Не, ну серьёзно. Ну... жена там у меня. Понимаешь? Как я тебя домой приведу? Что я ей скажу? Знакомься – рыба? Ты знаешь мою жену? Убьёт. Обоих закопает. Она меня как-то застучала с одной. Ничего у нас с ней не было, болтали просто, туда-сюда, а тут вдруг жена нарисовалась. Думал, не выживу. Видишь, нос кривой? В трёх местах сломала. И зубов нет. Сюда глянь. Череп проломила. Колом дубасила куда попало. Три ребра сломала. На теле не было живого места, весь в синяках. Вру, одно место она берегла. Башку к чертям проломила, нос – в трёх местах, рёбра – в крошку, зубы!.. а хозяйство берегла. Хоть инвалидом будь, но чтоб прибор – как солдат на посту. Без мозгов, но с прибором. Такие они, женщины. Я, кстати, часто думаю об этом. О женщинах. Ну, скажи, что им надо? Я так думаю, мало, очень мало. Мужчина, он иначе устроен. Ему, конечно, тоже надо, но это сначала, а потом ему нужно мыслить, рассуждать. А женщинам ничего не нужно. Родила, и прощай на веки вечные. Нету потом интереса никакого. Вот, к примеру, друг мой закадычный, он со мною всем делится, вот он вчера мне рассказал...

Мужик оглядывается, понимает, что остался один.

МУЖИК.

Ушла... Кому ж я рассказываю?.. Тоже странная. Чего обиделась? А, бог с ней, её дело. (*Поднимает удочку.*) Смотри-ка, а рыбы как не было, так и нет. Вот ведь несчастье, экологическая, можно сказать, катастрофа. Опять ни с чем домой приду. С больной жопой и без водки. Вот жизнь, эх!.. (*Уходит.*)

♦ ♦ ♦

Мальчик играет в паровозики.

♦ ♦ ♦

9

Светлана, Далила. Пьют чай в кафе.

ДАЛИЛА.

Пошла я как-то к гадалке. Она посмотрела на меня и говорит: «Не буду я тебе гадать, ни за что не буду». Я её спрашиваю: как, что, почему? А она долго и внимательно посмотрела мне прямо в глаза и сказала: «Не нужно тебе». Я ей говорю: я вам заплачу, вдвое заплачу. «Не нужны мне твои деньги», – отвечает. «Да что ж со мной такое?!» – закричала я. «Уходи, уходи!» – сказала цыганка и тут же ушла сама. Семь лет прошло после этой истории.

СВЕТЛАНА. И ты так и не узнала, почему она так говорила?

ДАЛИЛА. Она навсегда исчезла, больше я её не видела. Искала, спрашивала у других цыган, говорили, мол, хорошо её знали, но в какой-то момент она собрала свои вещи и скрылась в неизвестном направлении.

СВЕТЛАНА. Они же в таборах живут.

ДАЛИЛА. Табор бросила.

СВЕТЛАНА. Какая неприятная история.

ДАЛИЛА. Однажды поехала я со своим первым мужем... нет, со вторым, первый к тому времени уже умер, поехала в отпуск в Сочи. Гуляем мы с ним по центру. И вдруг мне показалось, что на углу стоит она, моя цыганка. Стоит и гадаёт кому-то по руке. Между нами было не больше тридцати метров. Я поспешила к ней. Но, когда подошла, её уже не было. Стоит какая-то женщина, улыбается сама себе. Я ей: «А где гадалка?» Она: «Нагадала мне, – говорит, – кучу всего хорошего». – «Куда исчезла?» – спрашиваю. «Сама удивляюсь, – отвечает, – вдруг ни с того ни с сего вскочила и убежала». Без слов убежала? «Нет, – говорит, – перед исчезновением закричала: идёт, идёт!» Даже про деньги забыла.

СВЕТЛАНА. Я, Далила, гадалок не люблю, от них столько негатива. И врут всё время.

ДАЛИЛА. Мой четвёртый тоже так говорил, царствие ему небесное.

СВЕТЛАНА. Умер?

ДАЛИЛА. Скоропостижно. Вообще, он такой здоровый был, и всё равно.

СВЕТЛАНА. Ты сколько раз замужем была?

ДАЛИЛА. Пять, не считая этого.

СВЕТЛАНА. Значит, шесть?

ДАЛИЛА. Ну, это как сказать. Знаешь, я их всех любила, и они меня тоже, хорошие мужья были. Вот только слабые немногие.

СВЕТЛАНА. Пожилые?

ДАЛИЛА. Нет, что ты, пожилые мне не нравятся.

СВЕТЛАНА. Я тоже не люблю. Получается, у тебя четыре развода?

ДАЛИЛА. Нет, разводов ни одного, говорю ж, всех любила. Зачем же мне с ними разводиться? Умерли.

СВЕТЛАНА. Все?

ДАЛИЛА. Пятеро.

СВЕТЛАНА. А чего они у тебя мёрли один за другим?

ДАЛИЛА. Слабый мужчина пошёл, поэтому. Тут болит, там болит. Неважно, сколько ему лет, дунь – развалится. Знаешь, Светлан, даже обидно. Толком пожить не успеешь, а его уж нет. Обидно. Боюсь, как бы с теперешним чего не случилось.

СВЕТЛАНА. С шестым?

ДАЛИЛА. Какой-то он в последнее время... как не в своей тарелке, бледный, квёлый. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. У мужика показатель – постель. Если там серьёзно не заладилось, ищи проблему. Или со здоровьем плохо, или на сторону ходит. С постелью у моего всё в порядке.

СВЕТЛАНА. Это ты здорово подметила.

ДАЛИЛА. Поверь моему опыту – или одно, или другое. А уходят от меня, прости Г-споди, только в одну сторону.

СВЕТЛАНА. Смотри, как бы и этот не помер.

ДАЛИЛА. Вот именно.

СВЕТЛАНА. Покойные тебе хоть оставляли что-то?

ДАЛИЛА. Первые двое нищими были. На похороны самой приходилось выкладываться, а потом ещё с их долгами разбираться. За душой ничего, кроме молодости. Потом и я взрослее стала, и мужья тоже. Так что следующие трое уже что-то имели – машина, квартира, на счету немного.

СВЕТЛАНА. А теперешний?

ДАЛИЛА. Даже не спрашивай. Боюсь за него. Поэтому и замуж решила сразу не выходить. Он всё равно пока к разводу готовится: документы собирает, к адвокату ходит. Жена у него такая дура, даже не знаю, откуда такие берутся. И в постели пустое место, и в остальном никудышняя.

СВЕТЛАНА. Он тебе и это рассказывает?

ДАЛИЛА. Со всеми подробностями. «Птенчик то, птенчик сё».

СВЕТЛАНА. «Птенчик»?

ДАЛИЛА. Представляешь? Мужу скоро сорок, а она – птенчик! Да ещё таким голосом: «птенчик мой»! Он когда про неё рассказывает, я умираю! Ржём, остановиться не можем! Птенчик, ха-ха-ха! Утка, утка тупорылая!

СВЕТЛАНА. Утка...

ДАЛИЛА. Ой, не смейся... Мы с тобой хоть и недавно знакомы, но отлично понимаем друг друга.

СВЕТЛАНА. Понимаем...

ДАЛИЛА. Если, не дай Б-г, с ним что случится, придётся и бизнес его продавать, и недвижимость всякую. Самой мне ни за что не справиться.

СВЕТЛАНА. А что за бизнес у него?..

ДАЛИЛА. Такой дрянью занимается, что и говорить стыдно. У него заводик по производству крысиного яда.

СВЕТЛАНА. Яда!..

ДАЛИЛА. Представляешь?

СВЕТЛАНА. Вот скотина!

ДАЛИЛА. Я ему говорю: про твой бизнес не похвастаешься никому, стыдно...

СВЕТЛАНА. Вот же!.. Нормальный бизнес!..

ДАЛИЛА. И он так говорит.

СВЕТЛАНА. Очень удобный, если что.

ДАЛИЛА. Его слова. Свет, куда ты вдруг?

СВЕТЛАНА. Моего пора обедом кормить. Минут через десять приду, сладенького принесу. И его покормлю, и тебя угощу. Только ты никуда не уходи. Договорились?

ДАЛИЛА. Буду ждать.

Светлана быстро уходит.

♦ ♦ ♦

Девочки играют в «ручечёк».

♦ ♦ ♦

10

Ярослава занимается уборкой квартиры.

Входит большая Птица с очень длинным клювом.

ЯРОСЛАВА. Кто там?

ПТИЦА. Свои.

ЯРОСЛАВА. Какие ещё свои?

ПТИЦА. Свои-свои.

Ярослава видит Птицу, вскрикивает.

ЯРОСЛАВА. Кыш, кыш, кыш! А ну, лети отсюда! Чёртова птица! Давай, катись, пошла вон!

ПТИЦА. Пошёл.

ЯРОСЛАВА. Что?

ПТИЦА. Не «пошла», а «пошёл».

ЯРОСЛАВА. Ты как сюда попала?

ПТИЦА. Попал. Я – мужская особь. «Как попал?» – будет точнее.

ЯРОСЛАВА. Ну?

ПТИЦА. А попал, как водится, через дверь.

ЯРОСЛАВА. Через дверь?

ПТИЦА. Балконная дверь была открыта, вот я в гости и зашёл, залетел. Ничего, что без приглашения?

ЯРОСЛАВА. Плохо, натопчешь тут, нагадишь.

ПТИЦА. Ну что ты, я птица воспитанная.

- ЯРОСЛАВА. Ага, птица, так я и поверила.
- ПТИЦА. Птица-птица. Потрогай.
- ЯРОСЛАВА. Переоделся – и все дела.
- ПТИЦА. Говорю ж – потрогай.
- ЯРОСЛАВА. Был бы ты попугаем, ещё можно было бы поверить, они бьют говорящими, а так... Что ты за птица такая? Как порода твоя называется?
- ПТИЦА. Клювник.
- ЯРОСЛАВА. Клювник?! (Смеётся.)
- ПТИЦА. Потому что клюв длинный.
- ЯРОСЛАВА. Да-да, я поняла!..
- ПТИЦА. Я редкая птица, Ярослава.
- ЯРОСЛАВА. Ой! А откуда ты знаешь?
- ПТИЦА. Умею читать, слушать, думать, переживать. Слышал, как твоя мать к тебе обращается. Она ведь была вчера у тебя в гостях. Иногда Славочкой тебя называла, а в основном Ярославой.
- ЯРОСЛАВА. Ерунда какая-то.
- ПТИЦА. Всё в жизни ерунда.
- ЯРОСЛАВА. Перья вроде настоящие.
- ПТИЦА. Не только перья, всё настоящее.
- ЯРОСЛАВА. Какой у тебя необычный клюв...
- ПТИЦА. Он и на ощупь такой. Хочешь потрогать?
- ЯРОСЛАВА. Можно?
- ПТИЦА. Сделай одолжение.
- ЯРОСЛАВА. Ой, такой необычный...
- ПТИЦА. Как и весь я.
- ЯРОСЛАВА. Я думала, он у тебя жёсткий и острый.
- ПТИЦА. Он совсем не острый. Я птица мирная, вегетарианец, острый клюв мне не нужен.
- ЯРОСЛАВА. А как тебя зовут?
- ПТИЦА. Никак. Птица, и всё.
- ЯРОСЛАВА. Давай, я тебе имя придумаю?
- ПТИЦА. Какое?
- ЯРОСЛАВА. Какое-нибудь человеческое. Александр, например. Тебе нравится имя Александр?
- ПТИЦА. Нет.
- ЯРОСЛАВА. Сергей?
- ПТИЦА. Нет.
- ЯРОСЛАВА. Ну... Андрей? Владимир? Антон? Или давай по имени-отче-

ству? Как начальника моего – Леопольд Францевич. Он немец по национальности.

ПТИЦА. Не нравится.

ЯРОСЛАВА. Я понимаю, многим иностранные имена не нравятся. Давай исконно русское возьмём – Гаврила, Изяслав?

ПТИЦА. Я не люблю имена людей. Мне они все не нравятся.

ЯРОСЛАВА. Нет, так не годится... Как же мне тебя называть?

ПТИЦА. Зови меня Птица.

ЯРОСЛАВА. Я буду называть тебя Птю, хорошо?

ПТИЦА. Что это?

ЯРОСЛАВА. Пти-ца, Пти. Понимаешь? Но Птю звучит лучше, ласковей как-то.

ПТИЦА. Хорошо.

ЯРОСЛАВА. Зачем ты прилетел, Птю?

ПТИЦА. Я прилетел не зачем, а к кому. Я прилетел к тебе, Ярослава.

ЯРОСЛАВА. Специально ко мне?

ПТИЦА. Ты очень красивая, Ярослава. Я долго наблюдал за тобой, любовался и, знаешь, что я тебе скажу? Я никого не видел лучше тебя.

ЯРОСЛАВА. Ну уж.

ПТИЦА. Во всём мире лучше женщины нет. Твой голос, твоя поступь, фигура, манера держаться – ничего подобного в мире не существует. Позволь, я придвинусь к тебе?

ЯРОСЛАВА. Пожалуйста.

ПТИЦА. Позволь мне пустить тебя под своё крыло?

ЯРОСЛАВА. Как это?

ПТИЦА. Я обниму тебя.

ЯРОСЛАВА. А-а-а... У тебя такие красивые пёрышки...

ПТИЦА. Вырви себе любое.

ЯРОСЛАВА. Как это?

ПТИЦА. На память обо мне. Дёргай, не бойся.

ЯРОСЛАВА. Ой, такая красота, нет, я не могу, пусть они будут на тебе.

ПТИЦА. Какое тебе понравилось? Это? Тяни, тяни же! Я бы хотел отдать тебе все свои перья, всего себя! Ах, Ярослава, ты божественна!

ЯРОСЛАВА. Ой, а ты правда вроде птица. Я до последнего не верила, а сейчас вижу... Чудно-то как! Скажи еще что-нибудь, Птю!

ПТИЦА. Ты – богиня, Ярослава! И моё появление здесь неспроста! Позволь мне коснуться твоей руки!

ЯРОСЛАВА. Да, коснись, я разрешаю, вот.

- ПТИЦА. Кожа твоя подобна шёлку, лепесткам роз подобна! Голос твой тих и нежен, как ветерок в чистом поле. Позволь мне поцеловать твою руку, царица моя.
- ЯРОСЛАВА. Да, можно, пожалуйста. Я вот только не понимаю, как ты целовать будешь? Ключом?
- ПТИЦА. Я люблю тебя, Ярослав!
- ЯРОСЛАВА. Ой!
- ПТИЦА. Люблю!..
- ЯРОСЛАВА. У тебя очень приятный клюв. Поцелуй меня ещё раз. Меня за всю жизнь так никто не целовал! Смешно говорить, но это правда. Твой клюв!.. он... ты... Это так неожиданно... Как же мне повезло с тобой!
- ПТИЦА. Нет, богиня, повезло мне! Иди сюда, иди ближе.
- ЯРОСЛАВА. Так?
- ПТИЦА. Очень хорошо. Свет мой, Ярослава, позволь сказать мне... Я испытываю непреодолимое желание!..
- ЯРОСЛАВА. Да, я тоже. Это так интересно. Вот только я не понимаю, как нам... ну... ну... всё это... ты понимаешь...
- ПТИЦА. Доверься мне, я хорошо это знаю и умею.
- ЯРОСЛАВА. И вот ещё вопрос... если у нас всё... то как же?..
- ПТИЦА. Ты будешь моею женой, моею царицей! Я посвящу тебе жизнь! Сегодня же мы полетим ко мне, в мой замок, где я стану твоим рабом. Мне нужно твоё согласие.
- ЯРОСЛАВА. Я – да! А как же мама?
- ПТИЦА. Мама останется тут.
- ЯРОСЛАВА. Конечно. Туда она не согласится. Здесь телевизор, подруги и всё такое, нет-нет, ни за что не согласится. Ах, какие у тебя перья, какой клюв!..
- ПТИЦА. Я люблю тебя, Ярослав!
- ЯРОСЛАВА. Я люблю тебя, Птюша! Г-споди, тебя послал мне Б-г! Птюша, Птюшенька!

Мальчики играют в салочки.

77

- СОЛДАТ. Товарищ генерал...
- ГЕНЕРАЛ. Я тебе сколько раз говорил: «господин».
- СОЛДАТ. Господин генерал.
- ГЕНЕРАЛ. Так лучше.

- СОЛДАТ. Господин генерал, разрешите обратиться?
- ГЕНЕРАЛ. К пустой голове руку не прикладывают.
- СОЛДАТ. Господин генерал...
- ГЕНЕРАЛ. И уже надоело повторять: сначала нужно спросить разрешения войти, а уж потом: «разрешите обратиться». И шаг должен быть твёрдым, чётким, строевым. Понял?
- СОЛДАТ. Так точно.
- ГЕНЕРАЛ. А вот это молодец. Ну, значит, ещё раз.
- СОЛДАТ. Господин генерал, разрешите войти? Разрешите обратиться?
- ГЕНЕРАЛ. Видишь? Можешь. Обращайтесь.
- СОЛДАТ. Враг нарушил наши границы.
- ГЕНЕРАЛ. Какой враг?
- СОЛДАТ. Приграничный, господин генерал.
- ГЕНЕРАЛ. Украина, что ль?
- СОЛДАТ. Никак нет. Немец.
- ГЕНЕРАЛ. Опять?
- СОЛДАТ. Так точно. Похож на немца.
- ГЕНЕРАЛ. Внешне?
- СОЛДАТ. Так точно.
- ГЕНЕРАЛ. А говорит на каком языке?
- СОЛДАТ. Непонятно, но похоже на английский.
- ГЕНЕРАЛ. Так при чём тут немец?! Американцы вероломно нарушили нашу границу!
- СОЛДАТ. Так точно.
- ГЕНЕРАЛ. Ну, и что там? Докладывай! Враг напал, а он стоит, сопли жует! Ну! Потери какие?! Техника? Убитые есть?!
- СОЛДАТ. Никак нет.
- ГЕНЕРАЛ. Как это? Какой же смысл в нападении?
- СОЛДАТ. Не могу знать, товарищ... господин генерал.
- ГЕНЕРАЛ. А подумать, помыслить? Враг просто так не нападает. Ему либо земельный, либо человеческий ресурс нужен. Американцам нужно всё. Но больше всего – земля, наша русская земля. Почему?
- СОЛДАТ. Потому что с человеческим ресурсом у нас не очень...
- ГЕНЕРАЛ. Думай, прежде чем говорить. Потому что у нас вот на таком клочке земли...
- СОЛДАТ. Вся таблица Менделеева.
- ГЕНЕРАЛ. Правильно, молодец, запомнил. Скажи мне, солдат, а как далеко продвинулся неприятель?
- СОЛДАТ. Наверное, недалеко.

- ГЕНЕРАЛ. Это что за слово такое «наверное»?
- СОЛДАТ. Недалеко, господин генерал.
- ГЕНЕРАЛ. А получил ли неприятель достойный отпор?
- СОЛДАТ. Так точно.
- ГЕНЕРАЛ. Почему без моего приказа?
- СОЛДАТ. Враг разрушил телефонную связь, не могли связаться. Было принято решение стоять насмерть.
- ГЕНЕРАЛ. И ни шагу назад?
- СОЛДАТ. Так точно. Потому что за нами Москва. И лично президент, и премьер-министр вместе со всем своим кабинетом.
- ГЕНЕРАЛ. За инициативу хвалю. Хотя не поощряю. Потому что сначала надо было немедленно восстановить связь, а уж потом действовать под моим непосредственным руководством. Так... А кто командовал боем?
- СОЛДАТ. Я, господин генерал.
- ГЕНЕРАЛ. Лично?
- СОЛДАТ. Так точно.
- ГЕНЕРАЛ. А что ж командиры рот да взводов в этот момент делали? Струсили? Разжалую к чёртовой матери! Всех на гауптвахту, в штрафбат, сволочей! Почему не арестовали трусов, почему не расстреляли?! Военное время разрешает принимать жёсткие меры.
- СОЛДАТ. Я их расстрелял, господин генерал.
- ГЕНЕРАЛ. Лично?
- СОЛДАТ. Так точно, своими руками.
- ГЕНЕРАЛ. Но всё запротоколировано? Свидетели, военно-полевой суд? Всё должно быть честь по чести.
- СОЛДАТ. Всё было как положено, по уставу, господин генерал.
- ГЕНЕРАЛ. Это правильно. Дезертиров много?
- СОЛДАТ. Ни одного.
- ГЕНЕРАЛ. Молодец, хорошую работу провёл. А сколько врага уничтожили? Какой ему нанесли урон?
- СОЛДАТ. Непоправимый. Как в живой, так и в технической силе.
- ГЕНЕРАЛ. Значит, корпусом командовал ты?
- СОЛДАТ. Так точно, това... господин генерал.
- ГЕНЕРАЛ. Хорошо. И сколько же под твоим началом было, образно выражаясь, штыков?
- СОЛДАТ. Э-э-э... довольно много.
- ГЕНЕРАЛ. Поточнее.
- СОЛДАТ. Ну...

ГЕНЕРАЛ. Это надо выучить, солдат. Обязан знать, что такое корпус, дивизия, полк. Как присягу, чтоб от зубов отлетала, чтоб средь ночи разбуди, и ты с любого места. Ты, вообще-то, присягу знаешь?

СОЛДАТ. Так точно.

ГЕНЕРАЛ. Давай.

СОЛДАТ. Всю?

ГЕНЕРАЛ. Начинай.

СОЛДАТ. «Торжественно присягаю на верность своему Отечеству – Российской Федерации. Клянусь свято соблюдать Конституцию Российской Федерации...»

ГЕНЕРАЛ. Ну что это?!. Такая гадость!.. Тьфу! Слизь какая-то, а не присяга! То ли дело раньше. «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь». А конец, конец какой! Помнишь конец?

СОЛДАТ. Забыл...

ГЕНЕРАЛ. Ни черта в твою голову не укладывается. Повторяй за мной! «Если же я нарушу эту мою торжественную присягу...»

СОЛДАТ. «Если же я нарушу эту мою торжественную присягу...»

ГЕНЕРАЛ. «То пусть меня постигнет суровая кара советского закона...»

СОЛДАТ. «То пусть меня постигнет суровая кара советского закона...»

ГЕНЕРАЛ. «...всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

СОЛДАТ. «...всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

ГЕНЕРАЛ. Какие слова! Какие прекрасные слова! Покарает, ненависть и презрение! А ты ни хрена не знаешь! Какой ты, к свиньям, солдат! Защитник Отечества!

СОЛДАТ. Ну, я... ну... ну...

ГЕНЕРАЛ. Молчать! Смирно! Учишь тебя, дурака, учишь, а всё одно!..

Входит Генеральша.

ГЕНЕРАЛЬША. Что тут у вас?

ГЕНЕРАЛ. Как положено, воспитательная работа! Учю новобранца Родину любить.

ГЕНЕРАЛЬША. Это ещё зачем? Он что, в военном училище или в армии? Ребёнок педагогом будет, учителем русского и литературы.

ГЕНЕРАЛ. Плох тот солдат, что не стремится в генералы.

ГЕНЕРАЛЬША. Плох тот генерал, что забыл, каково быть солдатом. Ну, ладно, дурака повалял и хватит! Марш туалет мыть!

ГЕНЕРАЛ. Ну что ж ты перед сыном, даже неудобно как-то...

ГЕНЕРАЛЬША. Неудобно не попадать в цель! Рассказывает он мне! Оба, сейчас же тряпки в руки!..

Дети играют в прятки.

12

Входит Странник.

СТРАННИК. День добрый, хозяин.

ХОЗЯИН. Ты кто?

СТРАННИК. Странник я.

ХОЗЯИН. Это что?

СТРАННИК. Странствующий человек.

ХОЗЯИН. Денег много?

СТРАННИК. Я странствую без денег.

ХОЗЯИН. Понятно. Кредитка?

СТРАННИК. У меня нет денег, нет кредиток, нет имущества. Всё, что есть, всегда со мной.

ХОЗЯИН. Барахла, я вижу, у тебя и впрямь немного.

СТРАННИК. Мне ничего не нужно.

ХОЗЯИН. Отлично. А ты чего пришёл? Тебе денег дать?

СТРАННИК. Деньги нужны нищим.

ХОЗЯИН. А ты, значит, богатый?

СТРАННИК. Я странник. Раньше было много странников, по всей Руси бродили, всюду их принимали, с уважением относились. Давно это было. Больше ста лет прошло.

ХОЗЯИН. Значит, деньги тебе не нужны?

СТРАННИК. Я хожу по великой Руси, молюсь за людей, мне встречающихся, молюсь и за тех, кого никогда не видел, молюсь за тех, у кого открытое сердце и добрые помыслы, кто протягивает своему ближнему руку помощи, и за тех, кто не замечает чужого горя, страдания, нужды. Я хожу по Руси великой и славлю господа нашего Иисуса Христа.

ХОЗЯИН. А от меня что ты хочешь?

СТРАННИК. Самую малость – пристанища и еды.

ХОЗЯИН. Хлеба я тебе, конечно, дам, но вот с ночёвкой – извини.

СТРАННИК. Я видел у тебя там сарайчик на улице. Я бы мог в нём переночевать.

ХОЗЯИН. Там у меня всякий инструмент хранится.

СТРАННИК. Тебе незачем беспокоиться, странникам не нужен инструмент, у нас другие задачи – молитва, дорога к Господу.

ХОЗЯИН. Это понятно, что тебе лично инструмент не нужен.

СТРАННИК. Продать мне его некому, я здесь впервые.

ХОЗЯИН. Только свистни – со всей округи набегут, такого инструмента нигде не сыщешь.

СТРАННИК. Я понимаю тебя. Там, на дворе, я видел, стоит машина.

ХОЗЯИН. Ага. Ключи дать?

СТРАННИК. Машина стоит под навесом. Могу ли я уснуть рядом с твоей машиной? На улице дождь.

ХОЗЯИН. Так там и места нет. Площадка рассчитана на одну машину, вокруг крапива.

СТРАННИК. Я понимаю тебя, хозяин.

ХОЗЯИН. Больше у меня некуда.

СТРАННИК. Пойду, спрошу соседей, может, у них что-то найдётся.

ХОЗЯИН. У соседей? Да они тебя даже на порог не пустят. Лучше не ходи, они чуть что, сразу стрельбу открывают.

СТРАННИК. Я буду за тебя молиться, хозяин.

ХОЗЯИН. Это ещё зачем? Я за себя сам могу.

СТРАННИК. Тебе нужна моя молитва как никому другому.

ХОЗЯИН. Постой, я ж тебе хлеб обещал. Возьмёшь хлеб-то?

СТРАННИК. Если я тебя не обделю.

ХОЗЯИН. Еды у меня достаточно.

СТРАННИК. Буду тебе благодарен.

ХОЗЯИН. Садись, я как раз хотел ужинать. Выпьешь?

СТРАННИК. Не откажусь.

Хозяин наливает себе, пьёт.

ХОЗЯИН. Давай, будем. (*Закусывает.*) Значит, ты многое видел, пока путешествовал.

СТРАННИК. Странствовал.

ХОЗЯИН. Ну, расскажи, где был?

СТРАННИК. Сейчас я прямиком из Иерусалима.

ХОЗЯИН. До Израиля пешком дошёл?

СТРАННИК. Из Нового Иерусалима. Я там молился. Люди добрые в этом божественном городе живут...

ХОЗЯИН. А-а, точно, ты ж только по России гуляешь. Напрасно ты себя ограничиваешь. Я вот уже повсюду был. Ну, Европу всю вдоль и поперёк исколесил, в Китае был, даже до Тибета добрался, в Индии тоже был, в Пакистане коротко. Ну, в Африке я был не во всей, но много где. ЮАР – само собой. Про Египты и Эмираты я вообще молчу, Америка, и Южная и Северная, – дом родной, Австралия с Зеландией – далековаты,

но был пару раз, погоди, что-то я забыл... Давай ещё по чуть-чуть? Выпьешь, спрашиваю?

СТРАННИК. Я с радостью.

Хозяин наливает себе, пьёт.

ХОЗЯИН. Да, путешествия – вещь хорошая.

СТРАННИК. Я не путешественник...

ХОЗЯИН. Знаю-знаю, странник. Суть, можно сказать, одна. Только ты на халяву катаешься, а я за свои. Вот и все твои странности. Ха-ха.

СТРАННИК. У меня другие цели – я бога ищу.

ХОЗЯИН. Где?

СТРАННИК. На Руси-матушке.

ХОЗЯИН. Нашёл место! Я искал на его родине. И там не нашёл.

СТРАННИК. Бог в каждом из нас. Так что напрасно ты так далеко ездил.

ХОЗЯИН. Я там неплохо время провёл. Я ж один никогда не езжу, мне нужно, чтоб со мной общество было. Ну, ты понял, да? Девочки, туда-сюда. Вот я тебе скажу, например, в Таиланд мы поехали втроём, лет пять назад было, я ещё тогда совсем молодым был. Вот это была поездка. Такие со мной девахи были, сам себе завидую.

СТРАННИК. Я не священник, но ты разрушаешь свою душу.

ХОЗЯИН. Здрасьте-приехали. При чём здесь моя душа, я тебе про тело говорю. Бесподобные тела были.

СТРАННИК. Боюсь, не поймём мы друг друга никогда.

ХОЗЯИН. Знаешь, что я тебе скажу? Не верю я тебе. Никакой ты не странник. Какие в двадцать первом веке могут быть странники?

СТРАННИК. Никаких, я единственный, кто продолжает эту традицию. Церковь и монашество меня приветствуют.

ХОЗЯИН. Это понятно. Но всё равно – не верю. Нахрена тебе это нужно – скитаться, выпрашивать, упрашивать? Ты где прописан?

СТРАННИК. Нигде.

ХОЗЯИН. А родился где? В каком городе? Родители твои откуда?

СТРАННИК. Я сирота. Вырос в приюте.

ХОЗЯИН. Что-то мне всё это не нравится. Сдаётся мне, всё это не просто так. Лучше правду скажи, кто тебя подослал? Бывшая? Или мамаша её? Давай документы свои!

Хозяин обыскивает Странника.

СТРАННИК. Нет у меня документов.

ХОЗЯИН. Один пришёл? Давай напрямую, и я тебе немного отбашляю, и никто ничего не узнает. От Ботвы пришёл?

СТРАННИК. Как это: «от ботвы»?

ХОЗЯИН. Значит так, я с Ботвой рассчитался полностью, отдал всё сполна и даже с процентами. Понял, нет? А если он ещё чего-то хочет, то это не ко мне. Сейчас не девяностые. Можешь так ему и передать.

СТРАННИК. Я не знаю Ботву.

ХОЗЯИН. Смотри на меня. В глаза, в глаза. Хромого знаешь?

СТРАННИК. Я не знаю твоих друзей. Я странник.

ХОЗЯИН. Дать бы тебе, гаду, в морду, в миг бы заговорил. Ладно, вали отсюда и передай Хромому, пусть даже не мечтает.

СТРАННИК. И Хромого не знаю.

ХОЗЯИН. В глаза, в глаза!.. Вроде не врёшь.

СТРАННИК. Я никогда не вру.

ХОЗЯИН. Значит, Ботву не знаешь, Хромого не знаешь. Так какого хрена ты сюда припёрся, а?! Что ты тут делаешь?! Как сюда попал?! Тебе сколько лет?

СТРАННИК. Семьдесят седьмой пошёл.

ХОЗЯИН. А выглядишь на все девяносто. Иди отсюда к чёртовой матери!

СТРАННИК. Я буду молиться за тебя.

ХОЗЯИН. За себя молись, придурок. И чтоб я тебя тут больше не видел.

СТРАННИК. Ты хотел мне дать немного хлеба.

ХОЗЯИН. Бог подаст! Ходит, кланчит, иди работай, придурок!..

Выпроваживает Странника.

◆ ◆ ◆

Дети играют в салочки.

◆ ◆ ◆

13

Марфа, София, её дочь Млада, младшая сестра Софии

МАРФА. Млада, возьми ключи от машины и быстро в магазин.

МЛАДА. Что я должна купить?

МАРФА. Купи две бутылки вина, бери самое лучшее.

МЛАДА. Самое лучшее – дорогое, мама.

МАРФА. Вот его и бери.

МЛАДА. Красного?

МАРФА. Я не знаю, возьми бутылку красного и бутылку белого. Возьми хорошего сыра, фрукты, готовых салатов, что-то сладкое, торт какой-нибудь, а в ресторане за углом я заказала телятину в грибном соусе. Я им уже позвонила, тебе остаётся только забрать.

- МЛАДА. Хорошо.
- МАРФА. Возьми мою кредитку. Код ты помнишь?
- МЛАДА. День рождения Софьи.
- МАРФА. Да, Сонечкин, сестрички твоей.
- МЛАДА. А к чему такая спешка?
- МАРФА. Узнаешь.
- МЛАДА. Мам, я только что пришла с работы, устала как собака...
- МАРФА. Я тебя так редко прошу. Ну пожалуйста. А я пока приберу и накрою на стол.
- МЛАДА. Ты ждёшь гостей?
- МАРФА. Жду, очень жду! Нам нужен праздник, Млада. Обещаю, ты будешь приятно удивлена, ты будешь очень рада.
- МЛАДА. Чему?
- МАРФА. Потерпи немного и всё узнаешь.
- МЛАДА. Терпеть не могу сюрпризы.

Млада уходит.

- МАРФА. Этот сюрприз тебе понравится. Это такая радость, такое счастье. Когда ты вернёшься, очень надеюсь, что твоя сестра, наша Софья, уже будет здесь. Ах, Софья, если бы ты знала, как тронули меня твои смс-ки. (*Читает.*) «Мамочка, могу ли я вернуться в нашу, нет, прости, в твою квартиру? Могу ли я пожить немного у тебя? Найдёшь ли ты для меня комнату? Конечно, я понимаю, что ты вправе отказать мне, ведь я когда-то получила свою долю. Я её прожила, промотала и теперь осталась без денег. Прости меня, мамочка! Я вынуждена просить тебя, пожалуйста, сдай мне комнату, я обещаю платить в срок, обещаю убирать всю квартиру, обстирывать вас с Младой, готовить для вас!» Г-споди, моя девочка!.. (*Плачет.*)

Звонок. Марфа открывает дверь. Входит София.

- МАРФА. Деточка моя, доченька!
- Марфа бросается к Софии, обнимает её, целует.*
- СОФИЯ. Мама, мама!.. Прости меня, прости, я вела себя отвратительно, я это поняла...
- МАРФА. Ну-ну, ну-ну, девочка моя!..
- СОФИЯ. Не плачь, пожалуйста!.. Я так виновата перед тобой!..
- МАРФА. Не говори, не надо об этом!..
- СОФИЯ. Нет, я хочу, я должна, это мучает меня!.. Моя вина так сильна, она меня уничтожает!.. Все эти годы я вас даже не вспоминала, ни тебя, ни сестру! Все эти годы я только и делала, что развлекалась, тратила деньги на себя да на своих уродов. Кончились деньги, кончились и друзья с подругами, будто и не было их! Б-же, сколько денег улетело на ветер!

- МАРФА. Да, тогда были другие цены на недвижимость. Если бы ты получила свою долю сейчас, тебе хватило бы на два года, не больше.
- СОФИЯ. Да, я слышала, что цены сильно упали.
- МАРФА. Мировой кризис и внутренние российские проблемы сбили цены на недвижимость.
- СОФИЯ. Если бы ты знала, какое счастье быть здесь, в нашей квартире, мамочка, я не могу, не хочу, прости меня, дорогая!.. Здесь ничего не изменилось!.. Всё так же, как пять лет назад!.. Пять лет прошло!
- МАРФА. Пять лет!.. Доченька!.. Мы поменяли обои, мебель, кухню... Был такой период, когда сказали, что рубль опустится ниже под-земелья, надо было вкладывать деньги, иначе бы они пропали...
- СОФИЯ. Ты всё правильно сделала, мама.
- МАРФА. Правильно-то правильно, да только оказалось всё враньем. Три дня прошло, и цены вернулись в прежнее состояние. На этом слухе кто-то там наверху наварил такие проценты, даже представить трудно. А мы потеряли, доченька.
- СОФИЯ. Ну, ничего, ничего.
- МАРФА. Плохо, Софушка, плохо.
- Хлопает дверь, входит Млада.*
Небольшая пауза.
- СОФИЯ. Сестра!..
- МЛАДА. Сестра!..
- МАРФА. Доченьки мои!..
- МЛАДА. Я еду принесла, всё, что ты просила...
- МАРФА. Да, умница, умница, сейчас я всё разложу красиво...
- СОФИЯ. Ты почти не изменилась, Млада.
- МЛАДА. Ты тоже.
- СОФИЯ. Повзрослела только.
- МАРФА. И поумнела...
- СОФИЯ. Я так рада!..
- МЛАДА. Я очень рада!..
- СОФИЯ (Младе). Я соскучилась по тебе!..
- МЛАДА. И я!..
- СОФИЯ. Но поняла это совсем недавно, раньше даже не вспоминала...
- МЛАДА. Спасибо за откровенность.
- СОФИЯ. Извини, я просто поклялась себе, что никогда больше не буду врать. Да, должно было случиться ужасное, чтобы я поняла, что никого, кроме вас с мамой, у меня нет.
- МАРФА. Ой, опять я плачу. Такой день, такой день!.. Ты для нас с Младочкой настоящий сюрприз, лучший подарок!.. И у нас для

Софьюшки тоже подарок есть. Правда, Младочка? Мы тебе для жилья отдаём большую комнату.

МЛАДА. Как? Там же я живу!

МАРФА. Ничего, поживёшь в маленькой.

МЛАДА. Мама, ко мне друг приходит.

МАРФА. Вы и в маленькой поместитесь.

МЛАДА. Это моя комната, мама.

СОФИЯ. Мам, не надо, я пойду в маленькую.

МАРФА. Что значит «твоя комната»? Ты всю свою жизнь жила в другой.

МЛАДА. Но последние пять лет...

МАРФА. При чём здесь последние пять лет?!

МЛАДА. Ни при чём.

МАРФА. Вот и хорошо.

СОФИЯ. Мама, позволь мне?.. Я приехала не для того, чтобы внести в дом раздор...

МАРФА. Никакого раздора и нет, наоборот, у каждого своё место.

МЛАДА. Да, конечно, у каждого своё место! Она профукала все свои деньги, теперь вернулась, и поэтому я должна жить в маленькой комнате? Мама! Все эти годы, что её здесь не было, я помогала тебе во всём, делала всё, что ты говорила! А что делала в это время она?! Отдыхала! Пять лет отдыхала! На деньги, которые она получила, можно было купить двухкомнатную квартиру. Она это сделала? Нет! Она предпочла все деньги прогулять! И после всего этого «ты должна»?! Это уже не её комната! Я ей не уступлю!

МАРФА. Как это?!

СОФИЯ. Мама, я готова спать на кухне.

МАРФА. Ты будешь спать в большой комнате. Через пятнадцать минут должны прийти рабочие и перенести мебель.

МЛАДА. Мама!..

МАРФА. Это твоя старшая сестра, она прошла через то, чего я бы никому не желала, она вернулась, она раскаялась. Мы больше на эту тему не говорим.

МЛАДА. В другой комнате я жить не буду.

МАРФА. Мне тебе нечего ответить.

СОФИЯ. Мама, я прошу тебя...

МАРФА. Мне больше нечего ей ответить.

МЛАДА. Прекрасно, тогда я ухожу.

МАРФА. Твоё дело.

СОФИЯ. Сестра!..

МЛАДА. Я хочу забрать свою долю.

МАРФА. Ах, вот как?
 МЛАДА. Именно так.
 СОФИЯ. Пожалуйста, не надо!..
 МЛАДА. Ты свою долю получила, того же хочу и я!
 СОФИЯ. Г-споди!..
 МЛАДА. Хватит тебе причитать!
 МАРФА. Ты получишь свою долю, но я тебя хочу предупредить...
 МЛАДА. Не нужны мне твои предупреждения!
 МАРФА. Ты не сможешь вернуться в этот дом никогда!
 СОФИЯ. Млада, не уходи!..
 МЛАДА. Отдай мою долю!
 МАРФА. На этой карте твоя доля с процентами. Если ты её возьмешь, этот дом (*показывает на своё сердце*) закрыт для тебя навсегда!
 СОФИЯ. Младочка!..
 МЛАДА. Прощайте!

Млада берёт кредитную карточку, уходит.

◆ ◆ ◆

Дети играют в различные подвижные игры, мальчик проезжает на самодельном самокате, девочка прыгает, девочки играют в резиночку и т. д.

◆ ◆ ◆

14

В этой части актёры должны играть со зрителем.

Зритель должен стать частью действия.

Сцена представляет собой рынок, базар. Кроме большого количества прилавков, на сцене стоят большие качели, карусели и подобные развлекательные приспособления.

Выходит группа музыкантов, начинают играть, петь. Мимо одного из прилавков проходит мальчишка, останавливается, начинает куда-то пристально смотреть, продащица следует за взглядом мальчишки.

ПРОДАВЩИЦА. Что там?

Мальчишка пожимает плечами, но продолжает напряженно смотреть вдаль.

ПРОДАВЩИЦА. Куда ты смотришь? Что ты там видишь?!

Мальчишка ойкает, показывает своё беспокойство, хватает за руку Продащицу.

ПРОДАВЩИЦА. Да что там такое?!

Тем временем другой мальчишка уже украл достаточно фруктов.

Первый мальчишка пожимает плечами, уходит.

Выходит Фокусник, показывает фокусы.

ГРАЖДАНИН. Граждане, кто потерял ребёнка? Чья это девочка? Чей ребёнок, товарищи?

МАМАША. Маша, Машенька, девочка моя! *(Обнимает ребенка, берёт на руки.)* Дядя тебя не обижал? Ничего такого не делал?

ГРАЖДАНИН. Женщина, вы сумасшедшая?! Вам ребёнка нашли! А вы что спрашиваете?! Лучше бы за ребёнком следила!

Карманник незаметно вытаскивает портмоне у Мужчины, отходит в сторону, вытаскивает содержимое, портмоне отдаёт одному из зрителей или бросает под зрительские кресла, уходит. Мужчина замечает, что его обокрали.

МУЖЧИНА. Эй! Ой! Эй! Стой! Милиция!.. Тьфу ты! Полиция, полиция!

Подходит Полицейский.

МУЖЧИНА. Мой кошелёк, мои деньги!.. Меня только что обокрали! Что вы стоите?! Вон он, вон!.. Там вся зарплата! Что вы стоите?!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Сейчас составим протокол. Приметы?

МУЖЧИНА. Какие ещё приметы?! Я что, видел?! Вон он!.. Или не он... Я не знаю!.. У вас тут столько камер понатыкано! Идите и посмотрите!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Значит, приметы назвать не можете?

МУЖЧИНА. Не могу!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Хорошо. Что украли?

МУЖЧИНА. Кошелёк.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Приметы?

МУЖЧИНА. Кошелек?!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не знаете?

МУЖЧИНА. Коричневый с пробором.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Кошелёк с пробором?

МУЖЧИНА. Что с вами говорить! Не полиция, а чёрт знает что!.. *(Хочет уйти.)*

Полицейский замечает кошелёк у зрителя.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Коричневый?

МУЖЧИНА. Да!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ваш?

МУЖЧИНА. Мой... Ах, ты!.. *(Хочет наброситься на зрителя, Полицейский преграждает путь.)*

ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(зрителю)*. Сейчас составим протокол. Фамилия, имя, отчество?..

На сцену выходит небольшая цирковая группа, показывает короткое цирковое шоу.

Покупатель и Продавец.

ПОКУПАТЕЛЬ. Я бы хотел купить поросёнка.

ПРОДАВЕЦ. У меня нет поросёнка.

ПОКУПАТЕЛЬ. Целого.

ПРОДАВЕЦ. Нет поросёнка.

ПОКУПАТЕЛЬ. Я у тебя в прошлом году покупал.

ПРОДАВЕЦ. Этого не может быть, я здесь только полгода.

ПОКУПАТЕЛЬ. В прошлом году я у тебя купил поросёнка. Я его тогда порезал и жарил частями.

ПРОДАВЕЦ. Зря порезал.

ПОКУПАТЕЛЬ. Вот! Поэтому в этом году я решил запечь его целиком.

ПРОДАВЕЦ. Ты только раз в год мясо ешь?

ПОКУПАТЕЛЬ. Я не люблю свинину.

ПРОДАВЕЦ. Правильно, свинина очень вредная.

ПОКУПАТЕЛЬ. Видимо, поэтому я её и не люблю.

ПРОДАВЕЦ. Я уже несколько лет не ем мяса.

ПОКУПАТЕЛЬ. Вегетарианец?

ПРОДАВЕЦ. Просто не хочу. Ем рыбу, курицу, индюшку.

ПОКУПАТЕЛЬ. Индюшка с курицей разве не мясо?

ПРОДАВЕЦ. Индюшка – мясо?! Что ты! Индюшка – птица.

ПОКУПАТЕЛЬ. И как себя чувствуешь?

ПРОДАВЕЦ. Хорошо. А почему ты спросил?

ПОКУПАТЕЛЬ. Я, по совету врачей, перестал есть сыр и молочные продукты.
А я их очень люблю. Как перестал, стал чувствовать себя хуже.

ПРОДАВЕЦ. Надо кушать то, что хочется.

ПОКУПАТЕЛЬ. Значит, тебе мяса не хочется?

ПРОДАВЕЦ. Почему «не хочется»? Иногда хочется. Я тогда кушаю.

ПОКУПАТЕЛЬ. А мне – нельзя?

ПРОДАВЕЦ. Зачем нельзя? Можно.

ПОКУПАТЕЛЬ. Ну так дай мне поросёнка.

ПРОДАВЕЦ. Какого поросёнка?

ПОКУПАТЕЛЬ. самого маленького, что у тебя есть.

ПРОДАВЕЦ. Сколько раз тебе говорить – нет у меня поросёнка!

ПОКУПАТЕЛЬ. У меня отличная зрительная память.

ПРОДАВЕЦ. Какая память, какой поросёнок?! Ты что, не видишь, я торгую цветами! Цветами!

*Другой Продавец говорит со зрительницей, сначала с одной,
потом с другой, третьей, говорит с акцентом.*

ДРУГОЙ ПРОДАВЕЦ. Слющий, дэвушка! Посмотри, какой у меня фрукт!
Красивый, спэлый! Хочешь – попробуй! Слющий, дэвушка,

ты мне так понравился, я тебе хочу его подарить. Сладкий, спэлий гранат! У меня тут яблоки, груши, персики, абрикосы! Дыни, арбузы, инжир! Слюшай, финики есть! Свежий финик, только что с пальмы сорвали! Будишь кушать? Пробуй, пожалуйста. Слуший, ты такой красивый! Через меня столько проходит разных, таких красивых ещё не был. Ты очень красивый! Как тебя зовут? Скажи мне, я никому не передам. Я хочу с тобой познакомиться. Я хочу тебя в ресторан водить, в театр водить, в кино водить. Ты любишь кино? Давай сходим с тобой, посмотрим кино. Я для тебя что хочешь сделаю! Какие тебе фрукты нужны? Какие овощи? Выбирай! Бери, что хочешь! Бесплатно бери! Такой красивый девушка! А это кто? Кто он? Твой парень? Друг? Нет, я тебе гаварю, нет, он не друг! У тебя один друг, один! А он просто знакомый! Обычный знакомый, сосед! Скажи ему так! Скажи: ты просто сосед, и всё, нет, не всё. Пусть он уходит! Скажи, пусть уходит. Такой красивый девушка!

ТРЕТИЙ ПРОДАВЕЦ. Сушки, баранки, бублики! Сушки, баранки, бублики. Купите бублики, горячи бублики!.. (Поёт.)

ВЕДУЩИЙ. Внимание, конкурс, внимание, конкурс! Кто достанет во-о-н оттуда шляпу, получит сюрприз! Кто рискнёт? Не бойтесь, товарищи, не бойтесь!

Ведущий проводит конкурс среди зрителей.

Девушка-танцовщица танцует со зрителем, сажает его на место.

ДЕВУШКА. С вас тридцать рублей. За танец. Кто ж станет с вами бесплатно танцевать. Господин полицейский, тут не платят.

Подходит Полицейский.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что ж, составим протокол. Фамилия, имя, отчество?

ВЕДУЩИЙ. Кто хочет прокатиться на качелях?

Ведущий может отвести одного из зрителей, зрительниц к качелям.

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Мадам, вам эта шаль очень к лицу. К ней подошёл бы этот аксессуар.

ЖЕНЩИНА. Что-что?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Красивая деталь, которая может обогатить ваш туалет.

ЖЕНЩИНА. А что это?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Ридикюль.

ЖЕНЩИНА. Это я и сама вижу. Сумка, что ли?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Дамская сумочка.

ЖЕНЩИНА. Куда мне с такой ходить? Для рынка маленькая, а на работу – большая.

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Вы ищите что-то конкретное?

ЖЕНЩИНА. Ну... может быть, пока сама не знаю...

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Шляпку?

ЖЕНЩИНА. А почему нет?

Проходит Нищий, просит у зрителей милостыню.

НИЩИЙ. Подайте на пропитание, подайте на пропитание... Подайте на пропитание сироте! Сироте в третьем поколении. Даже в четвёртом. Прадед был сиротой, дед был сиротой, отец тоже, и теперь я. Сирота в четвертом поколении, кто чем может. Граждане, не дайте умереть правнуку великого князя! Прадед погиб, защищая отечество, царь лично хоронил его. Дед погиб за Россию, другой царь рыдал на его могиле. Отец пал смертью храбрых, третий царь взял лопату и своими руками, своими руками!.. Он отца очень любил, третий наш царь. Граждане, подайте на содержание могил великих князей!..

Второй продавец и Женщина.

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Может быть, туфли возьмёте?

ЖЕНЩИНА. Они у вас тоже французские?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. У нас всё из Франции.

ЖЕНЩИНА. Так уж и всё?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Абсолютно.

ЖЕНЩИНА. Написано «Чина».

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Мадам, это последняя модель от самого Версачи. Вы что думаете, он там сам сидит и шьёт всему миру тапочки? Подумайте сами, мадам. Для этого есть другие люди.

ЖЕНЩИНА. Китайцы?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Они очень хорошие работники.

Появляется Цыганка.

ЦЫГАНКА. Ай, красавица, давай погадаю. Вижу, счастья полон твой дом. И так будет продолжаться всю твою долгую жизнь. А здесь что? Здесь любовь, красавица, любовь и страсть!

ТРЕТЬЯ ПРОДАВЩИЦА. Помидорчики, огурчики! Солёные, малосольные, маринованные!

ВТОРАЯ ПРОДАВЩИЦА. Куда ты лезешь?! Это мой покупатель!

ТРЕТЬЯ ПРОДАВЩИЦА. У кого покупает, того и покупатель.

ВТОРАЯ ПРОДАВЩИЦА. Ах ты змея! Гражданин, вы, прежде чем покупать, понюхайте, понюхайте! Оно у неё уже сейчас подванивает, а что будет завтра, представьте себе сами!

ТРЕТЬЯ ПРОДАВЩИЦА. Это у меня подванивает?! Змея чёртова! Сама продаёшь всегда тухлое! Глянь, какой у неё цвет! Неестественный! Потому что она мясо в марганцовке держит. Вонь уходит, цвет остаётся!

ВТОРАЯ ПРОДАВЩИЦА. Ведьма! Ведьма! Если вы у неё купите, вам не жить!

ТРЕТЬЯ ПРОДАВЩИЦА. А в курицу да в индюшатину воду впрыскивает, чтоб тяжелее были. Воровка, что тут говорить!

ВТОРАЯ ПРОДАВЩИЦА. Я – воровка?! Ну, я тебе покажу!

ЖЕНЩИНА. Это тоже Версаче?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Да, мадам.

ЖЕНЩИНА. Как-то он мне не очень. А кто у вас ещё есть?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. У нас есть все.

ЖЕНЩИНА. Диор у вас тоже есть?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Обижаете, мадам.

ЖЕНЩИНА. Вы же говорили, что это Версаче?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Мир становится тесным, мадам, модели очень похожи. Знаете почему? Все друг у друга подсматривают. Мир моды – очень жёсткий мир. Б-же, как она вам идёт! Я вам отдам эту кофточку подешевле, мадам. Только, пожалуйста, между нами, никто не должен знать.

ЖЕНЩИНА. А на сколько подешевле?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Чш... на двадцать процентов.

ЖЕНЩИНА. Вы сказали – на тридцать?

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. На двадцать пять, мадам.

ЖЕНЩИНА. На тридцать, и я никому не скажу.

ВТОРОЙ ПРОДАВЕЦ. Без ножа режете, мадам.

Выходят Медведь и Коза.

МЕДВЕДЬ. Коза...

КОЗА. Кто здесь? Медведь? Здравствуй, Михаил!

МЕДВЕДЬ. Ты сегодня неотразимая, невообразимая! Куда спешишь?

КОЗА. Дела у меня всякие...

МЕДВЕДЬ. Погоди, а... Козочка... Такое у тебя платьице... Вся ты такая эффектная.

КОЗА. И что?

МЕДВЕДЬ. Ох!.. Не знаю, как сказать...

КОЗА. Не знаешь и не надо.

МЕДВЕДЬ. Винцо у меня есть. Давай винца выпьем.

КОЗА. Чего вдруг я должна с тобой пить?

МЕДВЕДЬ. День рождения у меня. Ну, пожалуйста.

КОЗА. Выпьешь, приставать начнёшь?

МЕДВЕДЬ. Не начну, ни за что не начну.

Медведь и Коза садятся, раскладывают скатерть на полу, накрывают.

Появляется невероятных размеров Кот, ложится на сцене.

Входит Овца.

ОВЦА. Эй, Котище, чего разлётся? Тебе говорю! Это не твоя поляна! Ну, слышишь, что говорю! Вот ведь гадкое животное! Ну! Если ты не понимаешь, мужа позову!

Невероятных размеров Кот не обращает на неё внимания.

ОВЦА. Петя, Петенька! Опять Котище на нашей поляне разлётся! Петя, иди сюда!

Выходит Петух.

ПЕТУХ. Ну?

ОВЦА. Сам не видишь?! Вон разлётся, пройти нельзя!

ПЕТУХ. Котище, ты опять за своё? Уходи. Не то сам знаешь, я с тобой церемониться не стану!

ОВЦА. Он даже ухом не повел.

ПЕТУХ. Котище!

ОВЦА. Плевать он на тебя хотел.

ПЕТУХ. А вот я тебя клюну прямо в зад!

ОВЦА. Так чего ж ты стоишь? Иди, клюй!

ПЕТУХ. И клюну! Подумаешь, котищем меня испугала!

ОВЦА. Иди же!..

Петух подходит к Коту, Кот потягивается, Петух сразу же отходит.

ПЕТУХ. Какая же ты после этого мне жена! Ты ж меня на верную гибель посылаешь! И при том так настойчиво! Прямо толкаешь на смерть!

ОВЦА. Ты и в тот раз обещал его прогнать, а он так и валялся, пока ему не надоело.

ПЕТУХ. Была бы ты мне настоящей женой...

ОВЦА. Ты сам не настоящий! Настоящий муж этой дряни бы не испугался!

ПЕТУХ. Сдаётся мне, что всё не просто так.

ОВЦА. А мне сдаётся, что ты просто трусил.

ПЕТУХ. Понимаю. Избавиться от меня хочешь! Нашла себя кого-то?! Нашла, вижу, что нашла! Потому и решила от меня избавиться!

ОВЦА. Вот болтун!

ПЕТУХ. Все вы, овцы, одним миром мазаны! Не выйдет! Не на того напала!

ОВЦА. Чего разорался?!

МЕДВЕДЬ. Коза, ты слышишь?

КОЗА. Да...

МЕДВЕДЬ. Узнаёшь?

КОЗА. Да...

МЕДВЕДЬ. Мы с тобой познакомились под эту музыку.
 КОЗА. Да...
 МЕДВЕДЬ. Я тебя тогда пригласил танцевать.
 КОЗА. Да...

Медведь танцует с Козой.

ОВЦА. Всё-таки ты у меня на башку контуженный.
 ПЕТУХ. Я?
 ОВЦА. На Медведя с Козой посмотри. Танцуют. Посмотри-посмотри!..
 А ты со мной за всю нашу жизнь ни разу не танцевал...
 ПЕТУХ. Ну...
 ОВЦА. И не ухаживал никогда...
 ПЕТУХ. Ухаживал...
 ОВЦА. Не дарил ничего...
 ПЕТУХ. Ну... пойдём, что ли.
 ОВЦА. Куда?
 ПЕТУХ. Танцевать.

Петух и Овца танцуют.

Танцуют и остальные персонажи пьесы.

Танцуют друг с другом, танцуют со зрителем.

Конец

Берлин – Вентспилс

2017

Copyright © Илья Члаки, 201

Любое использование текста пьесы без разрешения автора или его представителя категорически запрещено. Все права защищены. ■

М

Нина КОСМАН (Nina KOSSMAN)

📍 Нью-Йорк, США

Фото: из личного архива автора

Поэт, прозаик, драматург, переводчик, художник. Живу в США с 1973-го.

Издано одиннадцать книг на русском и английском. Стихи и проза переводились с английского на французский, испанский, греческий, японский, иврит, персидский, итальянский, датский и голландский.

Публикации на русском в журналах «Знамя», «Урал», «Новый журнал», «Волга», «Интерпоэзия», «Артикуляция», «Новый берег», «Среда» и пр. Английские переводы стихов и поэм Марины Цветаевой были опубликованы в журналах и книгах. Первый сборник стихов опубликован в «Художественной литературе» в 1990-м. Несколько пьес поставлено в американских, английских и австралийских театрах. Роман «Царица иудейская» был сначала опубликован на английском под псевдонимом NL Herzenberg, потом переведён на русский и опубликован в Москве в издательстве «Рипол-классик» (2019).

Английский вариант пьесы «Как попасть в рай» выиграл соревнование коротких пьес через год после трагедии 11 сентября 2001 года. Русский вариант отличается от английского, хотя идея осталась та же.

Как попасть в рай

Одноактная пьеса

Действующие лица

Абдул, 7 лет

Рашид, 9 лет

(Обе роли могут играть подростки или дети)

Два мальчика в доме своих родителей в мусульманской стране. Пакистан, Йемен, Сирия, Ирак... местом действия может быть любая страна, в которой преобладает религиозный фундаментализм.

Время – через два-три месяца после 11 сентября 2001 года.

Сценические указания:

Голая сцена или минимальные декорации. Каждая фраза, произносимая актёрами в первой половине пьесы, сопровождается прыжком. Они двигаются по сцене, говоря и прыгая.

- РАШИД. ...Они попадают прямо в рай.
- АБДУЛ. А как же американцы?
- РАШИД. А что американцы?
- АБДУЛ. Они не попадают в рай?
- РАШИД. Нет, они просто умирают.
- АБДУЛ. Что это значит?
- РАШИД. Что?
- АБДУЛ. Что значит «они просто умирают»?
- РАШИД. Это значит их тела превращаются в прах, а души испаряются.
(Свистит, показывает жестом.) Вот так.
- АБДУЛ. Как – так?
- РАШИД. Как пар. Исчезают. Улетучиваются. Навсегда.
- АБДУЛ. А мученики? Что происходит с их телами?
- РАШИД. Неважно, что происходит с их телами. Важно, что происходит с их душами. Я тебе уже говорил об этом.
- АБДУЛ. Что?
- РАШИД. Я говорил тебе об их душах. Они попадают в рай.
- АБДУЛ. А что, рай – это хорошее место?
- РАШИД. Нет места лучше рая. Ни на земле, ни на небесах, нигде. Это правда. Я тебе говорю – значит, так и есть.
- АБДУЛ. Почему?
- РАШИД. Что «почему»?
- АБДУЛ. Что в нём такого хорошего? Что там – еда лучше, чем здесь?
- РАШИД. Там самая лучшая в мире еда.
- АБДУЛ. А какая там еда?
- РАШИД. Я же тебе сказал: самая лучшая.
- АБДУЛ. Но они же души. А зачем душам еда? Они что, есть её будут?
- РАШИД. Она им не нужна. Они могли бы и не есть ничего. Они едят ради нас. Они чтят нас, живущих на земле, и поэтому соглашаются немного поесть. Чтобы мы видели, как там хорошо, как много еды в раю.
- АБДУЛ. А можно и мне немного?
- РАШИД. Ты что – дурак? Ты совсем ничего не понимаешь?

- АБДУЛ. Но почему? Я люблю есть!
- РАШИД. Ту еду ты можешь есть, только если попадёшь в рай.
- АБДУЛ. А как мне попасть в рай?
- РАШИД. Ты должен взорвать парочку неверных. Вот как ты туда попадёшь. Чем больше неверных погибнет, тем больше будет твоя награда.
- АБДУЛ. Но разве их можно взорвать, не взорвав себя?
- РАШИД. В том-то и дело! Взорвёшь себя и попадёшь в рай!
- АБДУЛ. Но ведь я тогда умру!
- РАШИД. Ты не умрёшь. Я же тебе сказал. Ты не будешь *мёртвым* мёртвым, ты попадёшь в рай.
- АБДУЛ. А как же те люди в маленьком самолёте...
- РАШИД. Тот самолёт был не такой маленький. Я же тебе говорил.
- АБДУЛ. По телеку он маленький.
- РАШИД. Это был большой самолёт. В нём было много людей.
- АБДУЛ. Я же это и говорю. В самолёте, который врезался в те два высоких здания, были люди, и они...
- РАШИД. Он не врезался! Ты всё путаешь. Ты просто ребёнок. С тобой нельзя говорить ни о чём важном.
- АБДУЛ. Можно.
- РАШИД. Нельзя.
- АБДУЛ. Можно.
- РАШИД. Это важные вещи. Для взрослых. Ты их не можешь понять.
- АБДУЛ. Я ведь поэтому и спрашиваю. Все эти люди в самолёте – они *по-мёртвому* мёртвые или они понарошку мёртвые, как в раю?
- РАШИД. Так то были американцы, ты что – не знаешь? Значит, они *по-мёртвому* мёртвые.
- АБДУЛ. А что, если...
- РАШИД. Что «если что»?
- АБДУЛ. Ничего.
- РАШИД. Что «если что»?
- АБДУЛ. Что, если некоторые из них тоже хотели попасть в рай?
- РАШИД. Им нельзя.
- АБДУЛ. Почему?
- РАШИД. Им не разрешают.
- АБДУЛ. Почему?
- РАШИД. Потому что они неверные!
- АБДУЛ. Что значит «неверные»?
- РАШИД. Они не верят в Аллаха.
- АБДУЛ. А во что они верят?
- РАШИД. Кто знает. В машины. В деньги. В еду.
- АБДУЛ. В еду?

- РАШИД. Да. Они верят в то, что делает их счастливыми. А не в то, во что нужно верить. Не в то, что правильно.
- АБДУЛ. Но ты только что сам сказал...
- РАШИД. Что?
- АБДУЛ. Ничего.
- РАШИД. Что я сказал?
- АБДУЛ. Ничего.
- РАШИД. Что я сказал?
- АБДУЛ. Еда. Ты сказал, что в раю очень вкусная еда и что она только для мучеников. Ты ведь так сказал, да?
- РАШИД. Ну и что?
- АБДУЛ. Нет, скажи: ты так сказал или не сказал.
- РАШИД. Ну и что? Я так сказал. Ну и что?
- АБДУЛ. А теперь ты говоришь, что еда – это то, во что верят американцы. Ты ведь так сказал, да?
- РАШИД. Ну и что?
- АБДУЛ. Так кто больше верит в еду – мученики или американцы?
- РАШИД. Это глупый вопрос, знаешь? И глупый, и опасный. Если бы мulla Азиз слышал, что ты говоришь... Но ты мой младший брат, поэтому я прощаю тебя.
- АБДУЛ. Ты прощаешь мне что?
- РАШИД. Этот вопрос. Я прощаю тебе этот вопрос. Вопрос, недостойный мученика. Вопрос, делающий тебя похожим на...
- АБДУЛ. На кого?
- РАШИД. Ни на кого. Отстань.
- АБДУЛ. Скажи. Скажи.
- РАШИД. Я собирался сказать, но ты меня перебил, и теперь мне не хочется ничего тебе говорить.
- АБДУЛ. Скажи. Скажи.
- РАШИД. Не скажу! Потому, что ты хочешь, чтобы я тебе сказал, поэтому не скажу! Вот посижу тут, подумаю, хочу я тебе это сказать или нет. *(Рашид сидит, закрыв глаза, думает, затем говорит, произнося каждый слог медленно и отчётливо.)* Предатель. Похожим на предателя.
- АБДУЛ *(вскакивает)*. Кто, я? Я предатель? *(Абдул прыгает вокруг брата, сжав кулаки, размахивая руками в воздухе.)* Ты... ты поправил мою честь! Я буду защищать её, как мужчина. Хочешь драться?
- РАШИД. Н-е-е.
- АБДУЛ. Драться! Давай драться, как мужчина с женщиной! Посмотрим, кто здесь предатель!
- РАШИД. Н-е-е. Не хочу.
- АБДУЛ. Боишься, а? Так кто здесь предатель? Кто?

РАШИД. Ты маленький. Я не дерусь с маленькими.

АБДУЛ. Но ведь мы дрались миллион раз!

РАШИД. И я каждый раз выигрывал, потому что я сильнее тебя!

АБДУЛ. Когда мне будет девять...

РАШИД. Но тебе не девять! И всё равно, когда тебе будет девять, мне будет... *(думает, считает на пальцах)* одиннадцать!

Абдул обдумывает сказанное братом. Молча отводит взгляд от Рашида.

Его настроение, похоже, претерпевает заметные изменения.

Затем он снова поворачивается к брату.

АБДУЛ. Хочешь играть?

РАШИД. Если мы будем играть, как я хочу.

АБДУЛ. А во что ты хочешь играть?

РАШИД. Скажу тебе, только если ты никому больше не скажешь.

АБДУЛ. Не скажу.

РАШИД. Обещаешь?

АБДУЛ. Даю слово мужчины!

РАШИД. Я буду самолётом.

АБДУЛ. Нет, я буду самолётом, а ты будешь зданием.

Абдул расправляет руки, как крылья самолёта, наклоняет голову и наступая на брата.

РАШИД. Н-е-е. В это мы уже играли в прошлый раз.

АБДУЛ. А во что ты хочешь играть?

РАШИД. Я буду мучеником, а ты – неверным.

АБДУЛ. Но я не хочу быть неве...

РАШИД. Хорошо, ты будешь пилотом. Американским пилотом.

АБДУЛ. Ладно, я буду пилотом. Вот мой самолёт. *(Делает вид, будто управляет самолётом, издаёт звук самолётного двигателя.)* Ж-ж-ж...

РАШИД *(снимает футболку, натягивает её на лицо, так что теперь половина лица у него закрыта)*. Я лечу.

Рашид хватается за карандаш, тычет им Абдула в спину, как ножом, прижимает его, они катятся, сжимая друг друга за плечи, шеи. Абдул обмякает, катится, как мертвец, из-под Рашида. На протяжении всего следующего диалога Абдул лежит на спине, закрыв глаза, широко раздвинув руки и ноги.

АБДУЛ. Рашид, слушай! Я вижу рай! Я вижу гурий! Их так много: три, четыре, пять... семьдесят!

РАШИД *(всё ещё с головой наполовину в футболке, шепчет, подсказывая Абдулу)*. Нет, ты не должен...

Абдул издаёт презрительный звук.

АБДУЛ *(перебивает брата)*. Фу! Тут девушки! Прочь от меня, глупые девчонки!

Абдул машет руками, прогоняет гурий.

РАШИД *(заканчивает свою подсказку, пока Абдул прогоняет гурий)*. ...Ты не должен быть в раю!

АБДУЛ. Тут так много людей... Так много... Почему их так много? И где еда?

Нет тут еды, тут только люди, много людей... Жёлтые люди... белые люди... коричневые... люди в костюмах... люди в комбинезонах... люди в бурнусах... в кипах..

РАШИД. Эй! Ты не должен всё это видеть в раю! Ты не должен даже быть там!

АБДУЛ. ...вот... люди... я вижу... пишут в своих блокнотах... сидят за компьютерами... А вот тот, вон там (*показывает вверх*) играет со своей собакой. Огромная чёрная собака. Теперь она бежит ко мне, трётся об меня. (*Обращается к собаке.*) Собачка... Хорошая собачка... Как её зовут? Чум-Чум? Это девочка или мальчик? Мальчик? Хорошее имя, хороший пёс... (*Пауза.*) Что? Что? Этот человек... (*Пауза.*) Он говорит, что все эти люди... (*пауза, во время которой он делает глубокий вдох*) что эти люди... они из башен... из тех двух башен, в которые врезался мой самолёт... Все эти люди! И поэтому они...

РАШИД. Слушай, ты не должен...

АБДУЛ. ...они плачут... смотрят вниз на землю, ищут своих детей... детей, которых они оставили там... там, внизу...

РАШИД. Но ведь ты не мученик! Ты не должен быть там...в раю...

АБДУЛ. Теперь они увидели меня... и они хотят знать... почему я... почему я... здесь... И я говорю им, что я мученик...

РАШИД. Но ты не мученик! Ты...

АБДУЛ. Я говорю им, что я здесь, потому что это моя награда. Я здесь, в раю, потому что я мученик. Нет, говорят они, нет, ты не мученик, ты...

РАШИД. ...американский пилот!

АБДУЛ. ...террорист! Что? Террорист? Когда они это говорят, это звучит плохо. Плохое слово. Ругательство. Все эти люди показывают на меня пальцем и говорят... это слово. (*Абдул глубоко вдыхает.*) Террорист! Они хотят, чтобы я убрался отсюда. Они говорят, что я... что это место... этот рай не для меня...

РАШИД. Я же тебе говорил – ты не должен быть там! Потому что ты не мученик! Я...

АБДУЛ. Что для меня нигде нет места... потому что террористы не...

РАШИД. Я – мученик! Я – тот, кто попадёт в рай. Я не могу тебе доверять ни в чём.

Рашид пинает Абдула, потом поднимает его с пола. Абдул встаёт, оглядываясь в удивлении. Рашид спешно ложится на то же место, которое раньше занимал Абдул, закрывает глаза и говорит мечтательно.

РАШИД. Я вижу рай. Рай! (*Пауза.*) Но я не вижу в нём никаких людей.

АБДУЛ. Там *есть* люди.

РАШИД. Я не вижу людей.

АБДУЛ. Там много людей.

РАШИД. Там пусто. Только деревья и...

АБДУЛ. Ты неправильно смотришь. Дай я посмотрю...

Абдул пытается лечь, но Рашид отталкивает его ногой.

РАШИД. Я лучше смотрю, чем ты. Я вижу правду, а ты видишь глупости. Сюда допускаются только избранные. В раю не может быть кричащей толпы.

АБДУЛ. Но там были... Я их видел. Я видел... много людей.

РАШИД. Я никого не вижу. Я вижу только... *(с восхищением)* О-о! Это он!

АБДУЛ. Кто?

РАШИД. Аллах! Я вижу Аллаха!

АБДУЛ *(разочарованно)*. Раньше его там не было.

РАШИД. Он выходит только для важных гостей. Только для настоящих мучеников.

АБДУЛ. Какой он на вид?

РАШИД. Старый. Совсем такой... старик. С бородой.

АБДУЛ. Он говорит: «Дорогой Рашид, я так рад видеть тебя здесь»?

РАШИД. Нет.

АБДУЛ. Тогда что он говорит?

РАШИД. Он говорит...

АБДУЛ. Что? Что он говорит? Он что-нибудь говорит обо мне?

РАШИД. Ничего.

АБДУЛ. Слушай его внимательно! Он обязательно что-нибудь скажет. *(Пауза.)* Ну?

РАШИД. Ничего.

Длинная пауза.

РАШИД. Он ничего не говорит.

Длинная пауза.

АБДУЛ. Спроси его, гордится ли он нами.

РАШИД *(шёпотом)*. Нет.

АБДУЛ. Ты что, не можешь спросить?

РАШИД. Он качает головой. Это значит: нет.

АБДУЛ. Не гордится?

РАШИД. Из его правого глаза вытекает слеза. Очень медленно.

АБДУЛ *(недоверчиво)*. Только одна слеза?

РАШИД *(шёпотом)*. Он вытирает её рукой.

Длинная пауза.

АБДУЛ. Только одна слеза?

РАШИД *(шёпотом)*. Он уходит.

АБДУЛ. Это всё?

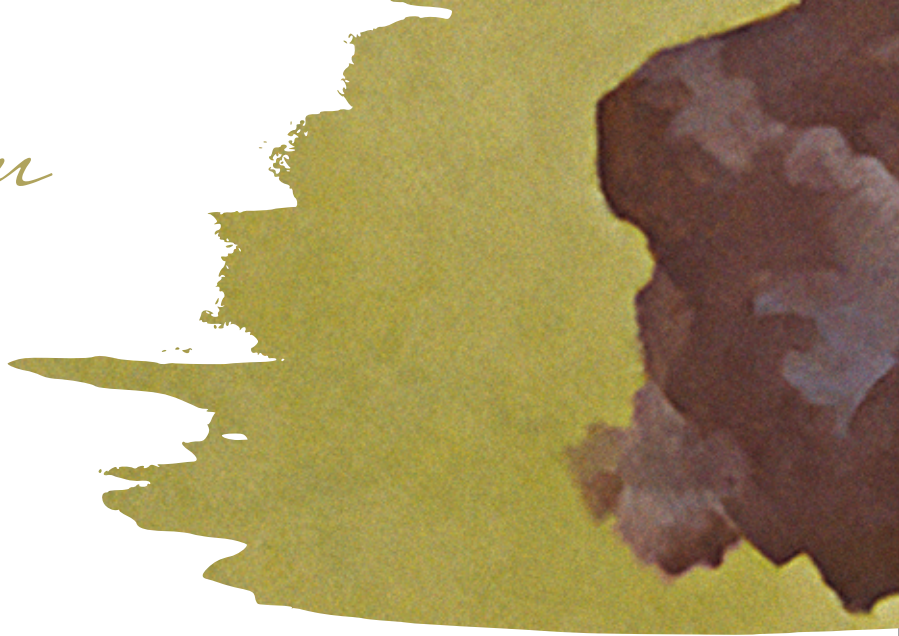
Рашид не отвечает.

АБДУЛ *(настойчиво, недоверчиво)*. Я тебя спрашиваю, это всё?

Рашид продолжает лежать, молча и неподвижно, с открытыми глазами.

Занавес

Mm

М

Виктор ЕСИПОВ

📍 Прага, Чехия

Фото: Виктория Крымова

Родился в Москве (1939). Окончил Институт рыбной промышленности и хозяйства по специальности «орудия лова» («шаланды полные кефали...»), работал инженером в конструкторском бюро системы Минэнерго (до реформ А. Чубайса).

Первые публикации:

- стихи – журнал «Юность», 1974,
- литературоведческая статья «Исторический подтекст в “Пиковой даме”» – «Вопросы литературы», 1989.

Автор пяти поэтических книжек, литературовед, пушкинист, историк литературы, ответственный редактор томов IV–VI, VIII, XI, XII хронологического 12-томного собрания сочинений А. С. Пушкина, издававшегося ИМЛИ РАН с 2000 года.

С 2006-го старший научный сотрудник ИМЛИ РАН.

В № 3 (7) за 2024 год «Тайных троп» опубликована статья о хронологическом собрании сочинений Пушкина, в № 4 (8), 2024 – маленькая поэма «Малеевка», в № 1 (9), 2025, – статья «Моя эмиграция».

С начала апреля 2022-го живу в Праге.

«И в детской резвости колеблет твой треножник»

Александр Архангельский. Пушкин. Книга про всё. Братислава: Vidim Books (BookLab s.r.o.), 2025

В аннотации и откликах друзей автора, размещённых на оборотной стороне обложки книги, предпринята попытка определить её жанр: «не биография и не учебник», «делится... своим Пушкиным». И действительно, жанр книги определить непросто. Прежде всего вспоминается, конечно, «Мой Пушкин» Марины Цветаевой. Но в отличие от великой поэтессы, которая писала о Поэте, основываясь на своих детских впечатлениях (очень искренних, но наивных), автор настоящей книги прекрасно эрудирован и в биографическом пушкинском материале, и в его творчестве. Впрочем, где-то ближе к концу книги он сам определил её жанр: не тематическое исследование, не сборник научных статей – «эссеистическая книжка» (С. 245).

Параллельно с вопросом о жанре книги возникает вопрос, кому она адресована, какого читателя интуитивно представлял себе пишущий. И здесь тоже автор постарался прояснить ситуацию: книга предназначена тем,

«кому Пушкин интересен, но не очевиден. Тем, кто вступает на пушкинскую территорию с накопленным читательским опытом, но без филологической подготовки» (С. 15).

Правда, такому предупреждению противоречит сжатость и насыщенная информативность текстов, принципиально лишённых ссылок на авторитетные филологические исследования, использованные и усвоенные автором в его понимании Пушкина. Вместо конкретных ссылок дана в конце книги «до предела краткая библиография», что далеко не равноценно. Есть и такие сообщения, которые читателям, не посвящённым в суть вопроса, останутся просто непонятыми.

В подтверждение приведём только одну (хотя таких примеров немало) небольшую выдержку из книги. Так,

в отрывке из письма Пушкина-жениха Н. И. Гончаровой, цитируемом автором, поэт

! «пророчит драму, разразившуюся через шесть лет»

и заключает:

! «...я готов умереть за неё, но умереть для того, чтобы оставить её блестящей вдовой <...> эта мысль для меня – ад»,

а за отрывком из пушкинского письма будущей тётке следуют две стихотворные строчки:

! «Как не дай Боже хорошую жену, –
Хорошу жену в честной пир зовут...» (С. 173).

Читатель «без филологической подготовки» не может знать, что это строчки из песни «Как за церковью, за немецкою...», потому что ни в одном издании произведений Пушкина («*читательский опыт*») текст её не приводится, а песня эта, вероятнее всего, пушкинская, но вопрос этот ещё обсуждается – последняя дискуссионная работа на эту тему опубликована в № 2 журнала «Новый мир» за 2025 год.

Независимо от того, какому читателю предназначена книга, задача, поставленная автором перед собой, выглядит весьма амбициозной – удовлетворить

! «потребность в *кратком* полном изложении событий, фактов, текстов и контекстов»¹ (С. 14, курсив автора).

При этом выделенное курсивом словосочетание по сути своей является оксюмороном – возможно ли, например, «краткое полное» собрание сочинений Пушкина? «*Краткое полное изложение*» биографии и творчества поэта «в одном флаконе», то бишь на 294 страницах обзорного авторского текста, приводит к тому, например, что среди наиболее значимых созданий Пушкина в соседстве с «Евгением Онегиным» (1823–1831), «Медным всадником» (1833) и «Капитанской дочкой» (1833–1836) отсутствуют трагедия «Борис Годунов» (1824–1825) и стихотворение «Пророк»² (1826), но в один ряд с ними поставлена замечательно ироничная и изящная поэма «Граф Нулин», не соразмерная им, разумеется, по значению. На издержках подобной краткости будем останавливаться и дальше.

А пока приведём стилистически яркое авторское сообщение в предисловии о предмете настоящей книги:

! «Собственно, эта книга о том, как Пушкин постоянно делал выбор – в политике и любви, в поэтике и философии, между верой и неверием, деньгами и страстью, прошлым и будущим. Тексты поставлены в биографический контекст, биография перемешана с историческими обстоятельствами, те, в свою очередь, подсвечены литературой. При том что Пушкин, повторимся, интересен нам не столько тем, как пил шампанское и жжёнку,

¹ В связи с чем местами становится похожей на учебник.

² «В тот день, когда Пушкин написал “Пророка”, он решил всю грядущую судьбу русской литературы; указал ей “высокий жребий” её: предопределил её “бег державный”. В тот миг, когда серафим рассёк мечом грудь пророка, поэзия русская навсегда перестала быть всего лишь художественным творчеством. Она сделалась высшим духовным подвигом, единственным делом всей жизни», – Владислав Ходасевич. Окно на Невский //В.Ф. Ходасевич. Собр. соч. в 4 т. Т. 1, М.: Согласие, 1996. С. 489.

сколько тем, как и что он писал. Но чтобы понять, как он писал, уместна будет и жжёлка и жёлка» (С. 13).

И к этому авторскому высказыванию не может быть никаких претензий.

При чтении книги возникает и ещё один, «куда неприятней (по замечанию автора. – В. Е.) вопрос: *а зачем* эта книга».

Вопрос кардинальный, и автор на него тоже достаточно подробно отвечает, но мы вернёмся к этому вопросу позже, а сейчас обратимся к самой книге.

Книга замечательно издана, её великолепный и в высшей степени современный дизайн в определённой степени соответствует тексту, что не может омрачить даже досадная опечатка на корешке: «КИГА ПРО ВСЁ».

Книга состоит из предисловия, которого мы кратко коснулись (С. 6–17), трёх глав с весьма провокативными названиями: «Как Пушкин стал Пушкиным» (С. 20–93), «Как Пушкин расхотел быть Пушкиным» (С. 96–153), «Как Пушкин вернулся к себе» (С. 156–287) и уже упомянутой «Минимальной библиографии» (С. 288–294). Каждая глава подразделяется на разделы.

«Как Пушкин стал Пушкиным»

В первой главе краткость обзора не позволила автору уделить внимание лицейской лирике Пушкина, такие значимые для этого периода творчества произведения, как «Бова», «Тень Фонвизина», «Городок», даже не упомянуты. А упомянутое автором «Воспоминание в Царском селе» (1814) охарактеризовано имперским (С. 40), хотя уместнее представлялось бы назвать его патриотическим – в частности, в связи с упоминанием Отечественной войны 1812 года:

«Сразились. Русский – победитель!

И вспять бежит надменный галл».

При переходе к послелицейской лирике упор сделан на утверждении заёмности мыслей поэта у старших современников – Н. И. Тургенева, П. Я. Чаадаева, Ф. Н. Глинки:

«И проступает слишком явный смысл заёмных мыслей» (С. 41),

«С каждым из наставников беседуют на *его* языке» (С. 42, курсив автора).

В этом авторском наблюдении не всё верно: «Вольность» и «Деревня» действительно написаны не без влияния Тургенева, но послание «К Чаадаеву» (1818) мыслей Чаадаева не содержит, и, наоборот, можно с уверенностью предположить, что строки послания – в частности, «*И на обломках самовластья / Напишут наши имена!*» – не вызвали одобрения адресата³. Так же и послание «К Н. Я. Плюсковой» (1818) в наиболее выразительной завершающей строфе не «повторяет разговоры с будущим декабристом Фёдором Глинкой о перевороте в пользу императрицы Елизаветы Алексеевны» (С. 42), а свидетельствует о любви к императрице и о вполне уже сформировавшемся у Пушкина осознании значимости своего таланта:

³ При этом именно Чаадаев через полкового командира гусарского корпуса И. В. Васильчикова передал текст стихотворения «Деревня» Александру I, который в ответ просил поблагодарить автора за добрые чувства.

«Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа».

Неверно и следующее утверждение автора: «С каждым из наставников беседуют на *его* языке» (С. 42, курсив автора), потому что в отличие от посланий к Чаадаеву посланий к Николаю Тургеневу нет, он упоминается лишь в одной из зашифрованных строф «Евгения Онегина», из которых составлена в советских изданиях мифическая X глава:

«Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал.
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян».

Стихи эти были сообщены Николаю Тургеневу братом А. И. Тургеневым в письме от 11 августа 1832 года, но не вызвали его одобрения⁴, потому что оказались написанными не «на *его* языке».

Упомянутая уже не раз авторская установка на краткость требует пояснений по следующим страницам главы первой:

С. 46: «...общение с суровым и умным генералом, его дочерьми <...> и сыновьями. Сначала младшим, Николаем...»

С Николаем Раевским-сыном знакомство произошло задолго до этого – в 1814–1815 годах в Царском селе, когда там был расквартирован гусарский полк, в котором Николай Раевский служил, общение продолжалось и в Петербурге после окончания Пушкиным Лицея.

С. 46: «Оба – люди из яркой легенды (в которую сам Пушкин верил, а генерал не подтверждал)».

Генерал возражал. По воспоминаниям К. Н. Батюшкова, генерал заключил разговор с ним об этом военном эпизоде саркастической фразой: «И вот так пишут историю!»⁵ (франц.).

С. 47: «И у всех были равные основания – и равное отсутствие причин».

Так завершил автор обзор версий о предмете «утаённой любви» Пушкина. Тут стоило бы отметить, что «назначение» на эту роль Марии Раевской, жены декабриста, поехавшей за мужем в Сибирь, сделанное П. Е. Щёголевым (открывателем самой темы), имеет в своей основе стороннюю цель: связать Пушкина с декабристами, что пришлось весьма кстати для насквозь идеологизированного советского пушкиноведения; версия же Ю. Н. Тынянова о Екатерине Андреевне Карамзиной, свободная от решения каких-либо идеологических задач в духе советского времени, имеет важные подтверждения современников Пушкина и Карамзина.

⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина в 4 т. Т. 3 (М.: Слово, 1999). С. 493. В дальнейшем все даты приводятся по этому изданию.

⁵ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе, М.: Наука, 1978. С. 413–414.

1 С. 52: «...верный товарищ Рылеев».

Следовало бы пояснить, что отношения между поэтами были очень сложными, с элементами взаимного соперничества, и что Пушкину не нравились не только «Думы» Рылеева, но и его утилитарная в отношении поэзии позиция «поэта-гражданина».

С. 62: «Что же до Воронцовой, то современники считали, что это ей посвящены великие стихи “Приют любви, он вечно полн...”, “Сожжённое письмо”, “Храни меня, мой талисман...”».

Интересно было бы узнать, что же это были за современники, относившие к Воронцовой первое и третье из названных автором стихотворений, если учесть, что оба стихотворения не опубликованы при жизни Пушкина. Такое сообщение автора противоречит тому немногому, что известно об этих стихотворениях.

«Приют любви, он вечно полн...»:

При жизни Пушкина напечатано не было. Черновой набросок. Опубликовано впервые в 1884 году в журнале «Русская старина». В собрания сочинений Пушкина входит начиная с издания под ред. Венгрова, 1908 год⁶.

«Храни меня, мой талисман...»:

При жизни Пушкина напечатано не было. Автограф – в начале перебелённый со многими поправками, затем переходящий в черновой. Опубликовано в акад. изд. собр. соч. Пушкина, т. IV, 1916, стр. 261⁷.

1 С. 64: «Саранча <...> всё съела и улетела».

Эта устная байка не воспроизводится в собраниях сочинений Пушкина, потому что необходимых доказательств её принадлежности Пушкину нет.

С. 66: «...”мирные народы” всё время одобряют действия властей, причём любых».

Весьма поверхностная трактовка проблематики «Бориса Годунова», в котором исторический процесс предстаёт в виде напряженного диалога двух планов бытия: эмпирического (интересы и цели людей) и провиденциального, причастного высшим истинам и смыслам, где процессу истории присущи черты драматического действия. Одно из важнейших для самого Пушкина творческих свершений⁸. О впечатлении от знакомства с пушкинской трагедией Вяземский сообщал И. А. Тургеневу и В. А. Жуковскому письмом от 29 сентября 1826 года:

«Зрелое и возвышенное произведение... ум Пушкина развернулся не на шутку, мысли его созрели, душа прояснилась, он в этом творении вознесён на высоту, которой он ещё не достигал»⁹.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 17 т. Т. 2, кн. 2. С. 1189.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 17 т. Т. 2, кн. 2. С. 1161.

⁸ «Трагедия сия доставила мне всё, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец, одобрение малого числа людей избранных» («Наброски предисловия к “Борису Годунову”», 1830).

⁹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина в 4 т. Т. 3. С. 184.

С. 83: «... по версии поэта и пушкинолюба Валентина Берестова <...> занесена (песня «Как за церковью, за немецкою...» – В. Е.) в тетрадь позднее»¹⁰.

Это не так, по сообщению учёного хранителя Пушкинского рукописного фонда ИРЛИ РАН Т. И. Красноборождко (письмо от 28 августа 2024 года), предположение Берестова не оправдалось:

«Судя по чернилам, перу, характеру почерка, Пушкин записал эту песню одновременно с предшествующей – «Во славном городе во Киеве...».

С. 89–90: «Испытывая странную иллюзию, что государь его помилует за “Годунова”, который в хорошем духе “писан”».

Хотя автор принципиально избегает ссылок на пушкинские тексты, источник легко отыскивается в пушкинском письме Вяземскому от 7–9 ноября 1825 года:

«Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию – *навряд, мой милый*. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого¹¹. *Торчат!*» (курсив мой. – В. Е.)

Как видим, в результате усечения цитаты мысль Пушкина приписана Жуковскому.

Глава первая заканчивается возвращением Пушкина из ссылки в Москву в начале сентября 1826 года.

«Как Пушкин расхотел быть Пушкиным»

Глава вторая начинается с аудиенции Пушкина у нового императора Николая I, где царь прощает поэту юношеский радикализм и вызывается стать его цензором, освобождая тем самым от притеснений обычной цензуры. В этой главе воспроизводятся известные претензии к поэту: обретение отношений с императором представляется вполне в духе советского времени изменой Пушкина себе.

На самом деле перемена, точнее сказать, полное переосмысление жизненного и творческого путей произошли ещё до встречи с императором – во время Михайловской ссылки (9 августа 1824 – 4 сентября 1826). Здесь написаны «Борис Годунов», главы «Евгения Онегина» (3-я и 4-я), стихотворение «Пророк», ставшие в ряд вершинных достижений творческого гения Пушкина.

Признание указанных внутренних перемен содержится в «Наброске предисловия к “Борису Годунову”» (1830), там же сообщается, что в процессе работы над трагедией «Борис Годунов» шло углублённое изучение Шекспира и Карамзина. На Шекспира Пушкин с тех пор ориентируется даже в политических вопросах, так, в письме от начала февраля 1826 года Дельвигу предлагается взглянуть на поражение восстания 14 декабря 1825 года объективно:

«Не будем ни суеверны, ни односторонни – как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира».

¹⁰ Песня «Как за церковью, за немецкою...» находится под номером 4 среди записей народных песен, сделанных Пушкиным в 1824–1826 годах в Михайловском.

¹¹ В преддекабрьской атмосфере 1825 года убийство царевича Димитрия ассоциируется с убийством Павла I, ознаменовавшим начало эпохи Александра I – про «торчащие уши» написано ещё при жизни последнего! Однако не злободневные применения являются целью трагедии.

В общественно-политических взглядах поэт переходит на консервативные позиции Карамзина и постепенно сближается с ними едва ли не полностью.

Таким образом, встреча с императором 8 сентября 1826 г. стала лишь внешним обозначением глубоких внутренних перемен в самосознании поэта...

Но возвратимся к чтению книги, останавливаясь на тех фактах, которые, по-видимому, из-за краткости изложения остались односторонне освещёнными:

С. 103–104: «Сначала государь <...> предложит переделать трагедию “Борис Годунов” в роман “наподобие Вальтера Скота”. Продемонстрировав читательскую глухоту...»

Николай I к этому времени ещё не читал трагедии, а в ответе использовал отзыв Фаддея Булгарина, подготовленный для него по поручению Бенкендорфа. Прочитав трагедию в 1830 году, царь через Бенкендорфа передал Пушкину, что трагедию его «изволил читать с особым удовольствием» – письмо Бенкендорфа Пушкину от 9 января 1831 года. А ещё раньше, письмом от 28 апреля 1830 года Бенкендорф известил Пушкина о том, что государь разрешил Пушкину печатать «Бориса Годунова» за его, Пушкина, «личной ответственностью».

И это не проявления царской любезности, Николай I не только прочитал трагедию, но и знал, по-видимому, некоторые её места наизусть. П. М. Бицилли, сопоставив в своё время текст николаевского завещания наследнику с текстом завещания «Бориса Годунова» своему сыну Фёдору, нашёл между ними удивительное сходство и отметил следующее:

«Влияние образца сказалось в завещании не только на выборе предметов, насчёт которых даются наставления, но и на способах выражения. Николай I знал, как видно, монолог наизусть – нельзя же предположить, что он заглядывал в “Бориса Годунова”, когда писал своё “наставление”»¹².

С. 106: «Пушкин <...> густо заселяет пространство документальной повести “Путешествие в Арзрум” (1835) образами всяческих поэтов...»

Этот пушкинский текст во всех собраниях сочинений поэта неизменно печатается в разделе «Путешествия», документальной повестью «Путешествие...» вряд ли может быть названо ввиду того, что не содержит ни одного документа. Основу текста 1835 года, опубликованного в 1836 году в «Современнике», составили «Путевые записки» 1829 года. Мы ещё вернёмся к этому вопросу позже – вслед за автором.

С. 109: «Именно Бенкендорф довёл до Пушкина желание царя: представь записку о народном воспитании».

Предложение царя Пушкину содержится в письме Бенкендорфа от 30 сентября 1826 года:

«Его Величество совершенно остаётся уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше. В сей уверенности Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества».

¹² Бицилли П. М. Пушкин и Николай I // Звено. Париж, 1928. № 6. С. 319.

Предложение, от которого невозможно было отказаться только что вернувшимся из ссылки Пушкину, и не нужно ставить это ему в укор.

За перечислением многочисленных вопросительных знаков, которыми Николай I отметил при чтении рукопись «Записки...» Пушкина¹³, автор книги прошёл мимо центрального пушкинского утверждения: необходимости просвещения, ставшего главным пунктом полемики с царём. Бенкендорф не придавал этому значения и, препровождая текст «Записки...» царю, написал:

«...он (Пушкин. – В. Е.) мне только что прислал свои заметки на общественное воспитание, которые при сем прилагаю. Заметки человека, возвращающегося к здравому смыслу»¹⁴.

Но царь, прочитав текст «Записки...», оказался проникательнее своего верно-го служаки – его ответ в письме Бенкендорфа Пушкину от 23 декабря 1826 года:

«Его Величество при сем заметить изволил, что *принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному*» (курсив мой. – В. Е.).

Таким образом, остроумные пассажи автора книги по поводу пушкинской «Записки...» с привлечением для её трактовки поэмы «Граф Нулин» не основательны. Для Пушкина критический отзыв царя не был неожиданностью, но он брался за написание этой записки не для того, чтобы снискать высочайшее одобрение. В разговоре с А. Н. Вульфом в 1827 году он скажет:

«Мне легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро».

Пушкин не отступил и продолжил полемику с царём в «Стансах» (1826) («нравы укротил наукой», «смело сеял просвещение», «То академик...» – пример Петра I) и в стихотворении «Друзьям» («льстец скажет: *"просвещенья плод – / Разврат и некий дух мятежный!"*»¹⁵). Poleмика продолжалась и дальше. Пушкин оставался Пушкиным.

Упомянем также, что за время, когда, по утверждению автора книги, Пушкин «*расхотел быть Пушкиным*», написана, если перечислять самые значительные произведения, поэма «Полтава» (1828–1829), случилась в 1830 году замечательная Болдинская осень – время завершения «Евгения Онегина», создания «Маленьких трагедий», «Повестей Белкина», поэмы «Домик в Коломне» и ряда лирических шедевров, затем были поэма «Анджело» (1833), поэма «Медный всадник» (1833), роман «Дубровский» (1833), повесть «Пиковая дама» (1834), «История Пугачёва» (1834).

¹³ Как это принято в книге, сведения почерпнуты из неназванного источника.

¹⁴ А. Х. Бенкендорф – императору Николаю I (Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I // Старина и новизна (исторические сборники). Кн. 6. СПб., 1903. С. 4. Выписки не датированы. Пер. с франц. С. 5.)

¹⁵ Поэтически преобразованный ответ царя на «Записку о народном воспитании» в письме Бенкендорфа Пушкину от 23 декабря 1826 года – см. чуть выше.

Все эти произведения в книге упоминаются, цитируются, рассматриваются, но без пояснений: создания ли они «настоящего» Пушкина или того, кто «расхотел быть» Пушкиным?

Второй главой автор словно рассчитывается с Пушкиным за то, что логика развития собственного творчества, обретение зрелости, а затем и изменение жизненных обстоятельства привели к изменению (по отношению к радикальной юности) общественной позиции.

Хронологически глава завершается 1835 годом.

«Как Пушкин вернулся к себе»

Здесь начинается прощение Пушкина за грехи, возведённые на него самим автором в предыдущей главе. В результате произвольного сопоставления «Пира Петра I» с рядом стихотворений современников и предшественников автор приходит к утверждению, что содержание пушкинского стихотворения связано с думой Рылеева «Пётр в Острогжске», стихами Жуковского и Державина (длинная такая эффектная цепочка – С. 156–159), но связь-то между ними чисто внешняя: четырёхстопный хорей, самый распространённый в XVIII веке стихотворный размер (как четырёхстопный ямб – в XIX). На самом деле «Пир Петра I», приуроченный к 10-летию восстания декабристов, идейно связан с латентно порицаемыми автором «Стансами» (1826):

«памятью как он не злобен» – «прощенье торжествует/ Как победу над врагом».

Обращает на себя внимание несправедливая в начале и неточная в конце сентенция автора:

«...соединение стихов придворного поэта с думами друга-декабриста» (С. 158).

За «*придворного поэта*» Пушкин вызвал бы на дуэль – творчество никогда не ставилось им в утуду кому-либо, а дружбы с Рылеевым никогда не было, их отношения охарактеризованы выше.

Вообще, глава эта в хронологическом смысле хаотическая: от декабря 1835 года вдруг следует нырок в конец 1820-х, в частности к поездке на Кавказ и опять к «Путешествию в Арзрум»:

«Через шесть лет он напишет по следам путешествия книгу; в ней скорее отразится Пушкин 1835 года, чем 1829-го» (С. 166).

Утверждение осторожное – «скорее отразится», но дело в том, что Пушкин 1835 года никак не может отразиться в путевых заметках 1829 года, насыщенных конкретными деталями поездки. Приходится снова повторить, что в 1835 году Пушкин собрал, отредактировал эти заметки и подготовил их к изданию в собственном журнале «Современник». Однако автор вернётся к «Путешествию...» и ещё раз.

Рассуждая далее о параллелях в судьбах Пушкина и Грибоедова, автор упустил ещё одно печальное совпадение: по воспоминаниям современников, у Грибоедова при венчании упало кольцо.

В этой главе книги налицо нелады с датами:

«И когда Пушкин летом 1835 года <...> предпримет демарш с отставкой. Что дорого ему обойдётся» (С. 216).

Прошение об отставке, вызвавшее серьёзное неудовольствие Николая I, имело место летом 1834 года, что-то не сошлось здесь в рассуждениях автора.

При возвращении к прошению Пушкина об отставке автор вновь ошибается:

«Пушкин обратится к помощи Жуковского» (С. 225).

Это неверно, Жуковский сам бросился выручать младшего друга. Узнав от императора о прошении Пушкина, Жуковский в письме от 3 июля 1834 года нещадно корит своего постоянного подопечного:

«Не только глупый, но ещё и поведения непристойного: как мог ты, приступая к тому, что ты так искусно состряпал, не сказать мне о том ни слова, ни мне, ни Вяземскому – не понимаю! Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость»¹⁶.

Как и было предсказано, автор вновь останавливает внимание на «Путешествии в Арзрум», но теперь вместо прежней неуверенной формулировки («скорее отразится Пушкин 1835 года, чем 1829-го» – см. выше) уже уверенно утверждает, что «Путешествие...» написано в 1835 году:

«За год до Каменного острова Пушкин написал “Путешествие в Арзрум”, задуманное ещё в 1829-м. Получилось яркое имперское повествование» (С. 240).

Поэтому вновь приходится повторить, что в 1835 году Пушкин не писал, а лишь собрал и отредактировал путевые заметки 1829 года, готовя их к изданию в собственном журнале «Современник». Причём при публикации, по требованию цензуры, были изъяты путевые записи о посещении в 1829 году опального генерала А. П. Ермолова (гл. I) и о жалком положении черкесских аманатов (гл. I). Поэтому ныне текст «Путешествия...» печатается со вставками пропущенных мест из рукописной белой части «Путевых записок» 1829 года¹⁷.

При этом вставленные по белой рукописи 1829 года отрывки стилистически ничуть не отличаются от основного текста, в который они вставлены, потому что написаны в одно время.

Пушкин в 1835 году заново написал лишь предисловие к «Путешествию...», где в конце (завершающая фраза) чёрным по белому сообщил:

«Вот почему решился я напечатать это предисловие и *выдать свои путевые записки* как всё, что мною было написано о походе 1829 года» (курсив мой. – В. Е.).

Что же касается замечания автора об «имперскости» повествования, то это определение вполне применимо к упомянутому пушкинскому предисловию, написанному для публикации «Путешествия...» в 1836 году, к самому же тексту 1829 года замечание вряд ли может быть отнесено, потому что Пушкин в то время всё ещё стремился вырваться за пределы империи. Так, после

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 17 т. Т. 15. С. 172.

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 17 т. Т. 8, кн. 2. С. 1065: «„Путевые записки“ писались в 1829 г. Отрывок из них „Военная Грузинская дорога“ был переработан для „Литературной газеты“ в 1830 г.».

манифеста от 14 марта 1828 года о войне с Турцией просил зачислить его в действующую армию, потом самовольно уехал на Кавказ, а 7 января 1830 года просил разрешить ему поездку в Париж или в Италию, в крайнем случае в Китай (с отправляющимся туда посольством). В стихотворении 1829 года «Монастырь на Казбеке» явлено то же желание скрыться «с глаз долой»:

«Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..»

Тот же мотив побега может быть указан и в завершающей строфе стихотворения 1829 года «Калмычке» («Прощай, любезная калмычка...»), но продолжим чтение книги.

Центром «каменноостровского цикла» автор делает стихотворение «Из Пиндемонти», написанное 5 июля (5 июня) 1836 года, называет его «центровым». И делает центром не только цикла, но и всего остающегося времени жизни Пушкина. К действительно замечательному стихотворению без оглядки на даты написания стягиваются статьи о Джоне Теннере, Сильвио Пеликко, упоминания Сисмонди, полемика с Чаадаевым, полемика с Радищевым в «Путешествии из Москвы в Петербург» и даже «Капитанская дочка». Сюда же подключаются лицейский гимн «Боже! Царя храни!..», «Цыганы» – всё это ради обоснования главного утверждения, которое звучит так:

«И тут мы подходим к важнейшему пункту. Если положить рядом два текста "Из Пиндемонти" и "Клеветникам России", станет ясно, что стихи 1836 года отвечают на стихи 1831-го. Теперь Пушкин отвечает не "витиям" в частности, не условному западу в целом, а самому себе» (С. 247).

Таким образом автор берётся защитить Пушкина от его собственного ультрапатриотического поэтического высказывания и антипольской исторической позиции. Ну что ж, идея благородная.

Но как быть с Карамзиным¹⁸, который в отдельной записке императору Александру I от 17 октября 1819 года занял откровенно антипольскую позицию:

«Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское <...> одним словом, восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровью землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу (предместье Варшавы. – В. Е.)!»?

Как быть с одобрением «Клеветникам России» Чаадаевым в письме Пушкину от 18 сентября 1831 года:

«Вот вы наконец и национальный поэт; вы наконец угадали своё призвание. Не могу достаточно выразить свое удовлетворение. Мы побеседуем об этом в другой раз, обстоятельно. Не знаю, хорошо ли вы понимаете меня. Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нём больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века в этой стране?»

¹⁸ Карамзин Н. М. Мнение русского гражданина. – В кн.: Н. М. Карамзин. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: «Жизнь и мысль», 2002. С. 436–438.

Как быть с Вяземским, который тоже, несмотря на критику ура-патриотических стихотворений Жуковского и Пушкина по поводу подавления Польского восстания, был, как и они, противником независимости Польши, о чём недвусмысленно высказался, например, в «Записных книжках»:

«Но зачем же верные войска выступили из Варшавы? <...> Что вышло бы, если 14-го (декабря. – В. Е.) Государь выступил бы из Петербурга с верными полками? В мятежах страшно то, что пакты с злым духом, пакты с кровью чем далее, тем более связывают. Одно преступление ведёт к другому, или более обязывает на другое... Со всем тем я уверен, что всё это происшествие (Варшавское восстание. – В. Е.) – вспышка нескольких головорезов, которую можно и должно было унять тот же час, как то было 14 декабря»¹⁹.

Кто оправдывает Карамзина, Чаадаева, Вяземского, или их имена, их имидж нам совершенно безразличны? Разве не совпала пушкинская позиция во время Польского восстания 1830–1831 годов с позицией значительной части просвещённого русского общества?

В связи с этим уместными представляются размышления Ю. С Пивоварова об истории России:

«Должен сказать, что я усиленно подчёркиваю одноприродность мифа о России в связи с очень серьёзным обстоятельством. В нашем обществе традиционно устойчивы воззрения, согласно которым имеется "плохая Россия" и "хорошая Россия" (разумеется, "хорошая" для одних является "плохой" для других; на различных этапах исторического развития одна и та же Россия оценивается совсем неодинаково и т. д.). Соответственно всё плохое в современной жизни (как и в жизни каждого предшествующего поколения) списывается на "плохую Россию". Я считаю, что такой подход глубоко ошибочен. Есть одна Россия (как одна Германия, одна Италия), одна русская культура».

То же в полной мере можно отнести и к наследию Пушкина: есть один Пушкин, при том что, по замечательному обобщению Георгия Федотова, он «певец империи и свободы» в одном лице. И никуда от этого не уйдёшь. Или, как говаривал один мой коллега, не за «Клеветникам России» мы Пушкина ценим.

Если же возвратиться к книге нашего автора, то выясняется, что упомянутая столь длинная смысловая цепочка, требует для своего обоснования неизбежных натяжек и подтягивания – начинается изощрённое цитирование, нелады с хронологией и т. п.

Возьмём для примера начало статьи Пушкина о Джоне Теннере:

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает своё поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим её положением, гордая своими учреждениями».

¹⁹ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848), М.: Изд. Академии Наук СССР, 1963. С. 206.

То есть Пушкин начинает, как говорится, во здравие.
В следующей фразе чувствуется явное разочарование:

«Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решёнными. *Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось*» (курсив мой. – В. Е.).

Под «несколькими глубокими умами» Пушкин, как известно, подразумевал, в частности Алексиса де Токвиля, автора книги «О демократии в Америке» (1835), с которой ознакомился в то же время, что и с «Записками Джона Теннера».

И наконец, уничтожающий пушкинский вывод:

«С изумлением увидели демократию в её *отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. <...> большинство, нагло притесняющее общество; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; <...>* такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами» (курсив мой. – В. Е.).

Вывод этот подкреплён в черновом тексте неотправленного письма к Чаадаеву от 19 октября 1836 года:

«...нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую ещё) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке (читали ли вы Токвиля? Я ещё под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею)» (франц.).²⁰

Таков ход пушкинских рассуждений об американской демократии, но если начать с отрицающего американскую демократию завершения пушкинского высказывания, а закончить, наоборот, благожелательным пушкинским началом, то взгляд Пушкина на американскую демократию «существенно изменится», что, собственно, и сделал автор.

Завершая цитирование пушкинской статьи благожелательной пушкинской оценкой Америки, с которой начинается рассматриваемая статья Пушкина, автор встраивает её в собственный текст:

«Но чем она ему понравилась? (Ничем не понравилась! – В. Е.). Тем, что может вывести из европейского болота: "Америка спокойно совершает своё поприще, доньше безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим её положением, гордая своими учреждениями!"» (С. 242).

Соображений про «европейское болото» у Пушкина нигде нет (вот в чём обнаруживается удобство принципиального отсутствия ссылок в книге!).

²⁰ Странно, что Л. И. Вольперт в статье 2001 года «Пушкин и Токвиль» (Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Тарту, 2001. С. 109–125) задаётся вопросом, чем же так напуган поэт? Недвусмысленный ответ содержится ведь в том же письме: демократией! О его пренебрежительном отношении к парламентаризму свидетельствуют следующие строки стихотворения «Из Пиндемонти»:

«Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать...»

Вот так цитируется автором Пушкин, если очень нужно.

К теме Пушкин и Америка уместно добавить здесь соображение о том, что Пушкин интересовался политическими событиями в Соединенных Штатах и раньше, получая информацию через французскую прессу, которую читал. Свидетельством его определённой осведомленности служит следующая строфа из поэмы «Езерский» (1833):

«Мне жаль, что мы, руке наёмной
Дозволя грабить свой доход,
С трудом ярем заботы тёмной
Влачим в столице круглый год,
Что не живём семьёю дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Старея близ могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растёт пустынная трава;
*Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осёл:*
Дух века вот куда зашёл!»
(курсив мой. – В. Е.)

Осёл с «демократическим копытом» – отражение деталей предвыборной кампании 1828 года в Америке, когда баллотировавшийся на высший государственный пост от демократической партии Эндрю Джексон, ставший в результате выборов 7-м президентом США (1829–1837), подвергся нападкам и оскорблениям со стороны представителей Консервативной партии (Республиканская ещё не существовала) за своё низкое происхождение. Консерваторы называли его «*jackass*» (осёл), однако Джексон, вместо того чтобы оскорбиться, сделал осла (пример упрямства, стойкости и трудолюбия) своим лозунгом, и это стало символом его партии, сохранившимся до наших дней.

Следующим шагом автора в построении своей концепции становится акцентирование внимания на слове «умиление» в завершающей части стихотворения «Из Пиндемонти»:

«И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья».

Слово как слово, упоминается у Пушкина много раз, например, в «Евгении Онегине» три раза, но автор придаёт ему какое-то особо доказательное значение.

На пути обоснования идеи никак не обойтись без игнорирования датировок пушкинских произведений, так от статьи о Джоне Теннере автор переходит непосредственно к стихотворению «Из Пиндемонти», но посмотрим хронологию: дата создания стихотворения 5 июля (5 июня) 1836 года – «Записки Джона Теннера», изданные в Париже, куплены Пушкиным в магазине Беллизара 29 августа 1836 года, цензурное разрешение на третий том «Современника», где статья

Пушкина будет опубликована, получено 30 сентября 1836 года, ну никак не могла статья, вопреки предположению автора, повлиять на стихотворение!

То же со статьей Пушкина «Сочинение Сильвио Пеликко», о которой автор пишет:

«не случайно перетекание формулировки из Сильвио Пеликко в стихотворение "Из Пиндемонти"» (С. 250).

Статья датируется концом августа – началом сентября 1836 года, «Из Пиндемонти» – 5 июля (5 июня) 1836 года. «Перетекание» возможно только в обратном направлении.

То же с «Капитанской дочкой», вовлечённой в тот же сомнительный круговорот:

«Совершенно ясно, что книга Пеликко повлияла не только на стихи и публицистику, но и на поведение пушкинских героев. До знакомства автора (Пушкина. – В. Е.) с "Моими темницами" они не умели молиться. После – ситуация меняется. Савельич восклицает поминутно "Господи Владыко"».

Предположение просто фантастическое: статья, как уже указано, датируется концом августа – началом сентября 1836 года, а первая редакция повести закончена 23 июля (июня) 1836 года, то есть за месяц до начала работы над статьёй; исправления в упомянутые автором реплики Савельича в окончательную редакцию не вносились²¹.

Что касается замечания автора «восклицает поминутно», уточним: всего указанных реплик Савельича «Господи владыко» – 8, по одной в главах повести II, III, V, VII, VIII, X, XI, XIII.

Осталось, как обещано, вернуться к «неприятному», по признанию автора, вопросу: «а зачем эта книга»? Автор в связи с катастрофическими изменениями политической ситуации, вызванными событиями 2014 года (захват Крыма), 2022 года (начало войны с Украиной), 2025 года (происходящее сейчас) делает ставку на

«втягивание прошлого в иную жизнь, с полным пересмотром старых связей и поиском новых точек отсчёта (С. 14).

Куда втягивать? Разве не в этом как раз и упражняются сейчас по ту сторону границы России? Или автор имеет в виду очередную утопию, Прекрасную Россию Будущего?

Не нужно Пушкина куда «втягивать», оправдывать, пересматривать – его судьба давно свершилась и не зависит от общественно-политических процессов в России. Ни мы, ни «они» ничего не можем в ней изменить. И не нужно понапрасну пытаться колебать его «треножник». ■

²¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 17 тт. Т. 8, кн. 2., Другие редакции, планы, варианты, С. 858–930.

Mm

новый жанр

М

Михаил ЭПШТЕЙН

Москва, Россия –
Атланта, США

Фото: из личного архива автора

Филолог, философ, культуролог, профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта, США) с 1991 года. Основатель и руководитель Центра гуманитарных инноваций в Даремском университете (Великобритания, 2012–2015).

Автор 42 книг и более 800 статей и эссе, переведённых на 26 языков. Лауреат премии Андрея Белого (1991), премии лондонского Института социальных изобретений (1995), Международного конкурса эссеистики (Берлин–Веймар, 1999), премии «Liberty» (Нью-Йорк, 2000) и др.

В 2024-м вышла книга рассказов о любви «Память тела». Три рассказа из неё, а также рецензия Игоря Манделя на книгу опубликованы в «Тайных тропах», № 4 (8) за 2024 год.

А в № 1 (9) за 2025 год мы с другим автором «Тайных троп» Алексеем Макушинским предложили работу в новом жанре – экзотексте (exotext). Два автора поочерёдно пишут один тематически и логически связный текст, авторы вместе развивают мысль, которая выступает многосторонне, стереоскопично, полистилистично.

В прошлом номере в рубрике «Новый жанр» я представил тексты в жанре фактазии («фантастика фактов»), теперь на очереди –

Обратные цитаты

История знает множество примеров посмертной жизни идей. Марксисты развивали идеи Маркса, ницшеанцы – Ницше, фрейдисты – Фрейда. Но что, если пойти дальше, предположить, что сами мыслители продолжают мыслить о нас и через нас? Что, если Платон имеет что сказать об искусственном интеллекте, а Кант – о квантовой механике?

Обратная цитата – это не подделка и не мистификация. Это литературный приём, форма творческого диалога с мыслителями прошлого. Если актёр может сыграть Гамлета в современных декорациях, почему философ не может «сыграть» Гегеля, размышляющего о постмодернизме?

Прямая цитата – использование в своей речи чужих слов. **Обратная цитата** – передача своих слов другому автору. Прямые цитаты позволяют подсоединить мысли других авторов к собственной мысли. Обратные цитаты позволяют подсоединить свою мысль к мысли других авторов.

Для обратных цитат целесообразно использовать **обратные кавычки** – лапки, обращённые острием к цитате, а не наружу, как обычно. Например, у самого Гегеля, разумеется, нет высказываний об Октябрьской революции, Второй мировой или интернете, а между тем Гегелю было бы что сказать на эти темы.

«Насильственная реализация Абсолютной Идеи в условиях, когда история для нее еще не созрела, – это попытка государственного самоубийства».

*Заметка Гегеля на полях книги
В. И. Ленина «Государство и революция» (1917)*

Обратные цитаты служат альтернативному осмыслению знакомых учений, заострению их мотивов через предположение иных вариантов их развития. Обратная цитата работает на трёх уровнях: стилистическом (воспроизводит манеру письма автора), концептуальном (развивает его идеи в новом контексте) и диалогическом (создаёт пространство встречи эпох). Это *археология возможного* – раскопки того, что могло бы быть сказано, предоставь история повод.

Классические примеры

Вот несколько обратных цитат, приписанных мною великим авторам и, соответственно, заключённых в обратные кавычки:

«Мучить – не значит любить. Мучить можно и ненавидя».

Ф. Достоевский

«Интересное – это страх того, что любишь, и любовь к тому, чего боишься. Между ними как раз и образуется «*inter-esse*», «междубытие». Всем интересным в своей жизни я обязан любви и страху».

С. Кьеркегор

«Тупица – человек, больной здравым смыслом».

Ф. Ницше

«Прообразом книги в природе является бабочка. Вот она присела на вашей ладони – и затрепетала крылышками-страницами, собираясь взлететь, а вы рассматриваете её печатные узоры, водяные знаки... Книга – мёртвая бабочка. Она не может летать. Зато у неё мириады крыльев».

Стефан Малларме

«Глупость – источник наших главных умственных усад. Без неё, как без уксуса или горчицы, любое блюдо кажется пресным. Мы смакуем чужую глупость, как никогда не в состоянии просмаковать чужой ум. Наш разум так устроен, что кислое и горькое предпочитает сладкому».

Оскар Уайльд

«Зло – это добро, навязанное другому против его воли. Прибавь к доброте нечувствительность – и получится самое страшное зло».

М. Пришвин

Современные контексты

Обратные цитаты особенно актуальны для восприятия современных явлений глазами классических авторов.

«Метавселенная – это платоновская пещера наоборот. Мы создаём тени на стенах и объявляем их более реальными, чем мир за окном. Но тени остаются тенями, сколько пикселей в них ни вложи».

Платон

«Виртуальная реальность доказывает мою правоту: мир, как воля и представление, может быть сконструирован заново каждую секунду. Но воля остаётся той же – слепой и ненасытной».

Артур Шопенгауэр

«Социальные сети – это исповедальня без отпущения грехов. Все говорят, никто не слушает, и каждый остаётся наедине с собой».

Антон Чехов

»Искусственный интеллект – это зеркало, в котором человечество впервые увидело свой ум вне себя. И ужаснулось тому, как мало там оказалось человеческого«.

Станислав Лем

ТТ 4 [12] 2025

Воображаемые диалоги:

Н. Бердяев – М. Бахтин, Л. Толстой – В. Набоков

В истории мысли есть белые пятна. Например, неизвестно, что думали – и думали ли друг о друге – Н. Бердяев и М. Бахтин. А между тем очень многое сближает этих двух русских философов XX века, наиболее известных на Западе. Персонализм, диалогизм, установка на другого, этика свободы и личной ответственности, интерес к Достоевскому, воплотившийся в книгах о нём (Бердяев, «Мирозерцание Достоевского», 1923 – Бахтин, «Проблемы творчества Достоевского», 1929). Но, насколько известно, нет ни единой словесной ниточки, протянутой между ними, ни одного прямого высказывания. Это редкий случай, когда два крупных философа, развивая сходные темы, не оставили следов текстуального контакта, хотя их мировоззрения во многом пересекаются и дополняют друг друга. Обратные цитаты, вписывающие в их тексты взаимные оценки и отзывы, могли бы возмещать это отсутствующее историческое звено.

»Книга Н. Бердяева – свидетельство тупиков философского индивидуализма, который неспособен оценить в Достоевском главного – диалогической переклички между сознаниями героев. Автор предоставляет им полную свободу самовыражения, при этом сам “стушёвывается”, уходит в тень«.

М. Бахтин

»Талантливая книга М. Бахтина правильно демонстрирует растворение объектного мира в самосознании персонажей. Но при этом игнорирует главное: персонализм самого Достоевского, сознание которого трагически расколото голосами его множественных *alter ego*«.

Н. Бердяев

Ещё один воображаемый диалог-конфронтация – между Л. Толстым и В. Набоковым:

»Набоков пишет красиво о бабочках и шахматах, но его герои – манекены в витрине дорогого магазина. Жизнь не в том, чтобы ловить редких бабочек стиля, а в том, чтобы понять простую истину: мы сами, как бабочки, летим на огонь искушений и сгораем в нём«.

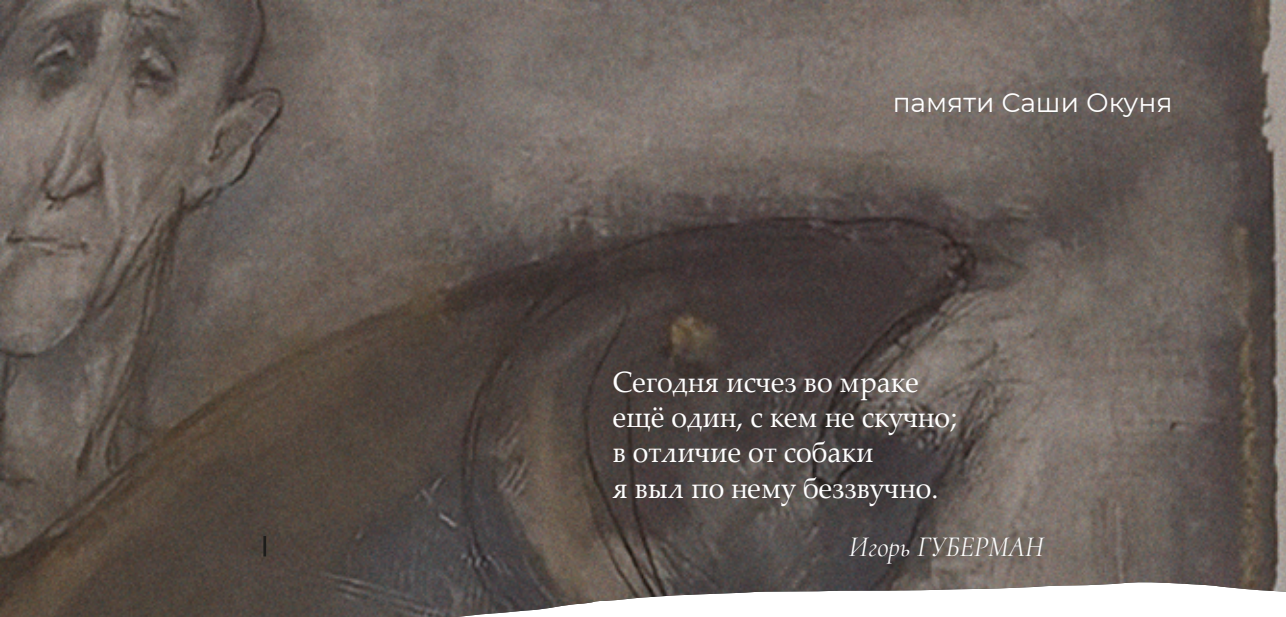
Лев Толстой

»Толстой хотел спасти человечество, но погубил литературу. Его поздние притчи – это убийство искусства во имя морали. Настоящего писателя спасают только слова – в той мере, в какой он спасает их«.

Владимир Набоков ■

Mm

памяти Саши Окуня

Сегодня исчез во мраке
ещё один, с кем не скучно;
в отличие от собаки
я был по нему беззвучно.

Игорь ГУБЕРМАН

Мм

Саша ОКУНЬ

12.05.1949–06.11.2025

📍 Иерусалим, Израиль

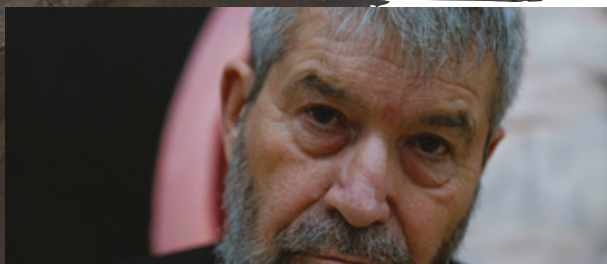

Фото: Дэниэл Бенис.
С разрешения галереи «Альбертина», Вена.

Художник, писатель.

Родился в Ленинграде (1949). В Израиле с 1979-го.

От редактора

Вот этими двумя строками представился Саша в вышедшем год назад – 4 декабря – номере «Тайных троп» (№ 4 (8), 2024). Вместо объяснения, почему так лапидарно, сослался на то, что это же не Википедия.

Мы были знакомы год. А кажется, лет 40...

Авторы фоторепродукций работ Саши Окуня:
Евгений Гутман, Яэль Брандт и Маша Новиков

Письма эпохи коронавируса

Переписка кажется теперь незаконченной. Она открывается ударным аккордом – первым Сашиным письмом от 4 декабря 2020 года; затем её темп нарастает; затем замедляется; затем она почти замирает, как если бы завершение коронавирусного карантина делало её излишней. Это, конечно, не так; но действительно, её пик приходится на конец 2020-го – начало 2021 года – разгар ковида. Переписка из двух карантинных углов. Карантин любое место мира делает углом мира. Карантин нас рассадил по углам, загнал каждого в его собственный узкий угол, и мы тогда ещё вовсе не были уверены, что сможем выбраться из этих углов. Мир, кажется, уже об этом забыл – слишком много других несчастий с тех пор на него обрушилось, – а ведь это было совсем недавно, всего каких-то пять лет тому назад. Все эти маски, прививки, этот гель для дезинфекции рук, этот страх сходить на почту, эти закрытые рестораны... Но было в этом и кое-что благотворное, утешительное (если ты сам не заразился, конечно), по крайней мере для нас, интровертов, погружённых в свои книги, свои картины, тем более для таких, кто и без всякого карантина существует «на отшибе», как

Спящие.
Масло, дерево, 108x245, 2020

писал мне Саша, или «на ещё большем отшибе», как я писал в ответ ему, «в стороне от «магистрального пути»», как, в презрительных кавычках, писал опять-таки он.

В одной из своих замечательных книг о живописи («Кстати... об искусстве и не только»), которые он прислал мне в ту пору, Саша говорит о Бальтюсе, художнике, которого он ценил, наверное, больше, чем я сам (для меня-то Бальтюс прежде всего связан с Рильке, причастен к рильковскому мифу):

«Я люблю Бальтюса не только потому, что он превосходный художник и огромный мастер, но и потому что с уважением отношусь к волкам-одиноким. Надо иметь большое мужество, чтобы не примыкать к группировкам...»

Волки волками, но эта позиция вненаходимости, внеположности тому, что задаёт тон в твоей современности (пошлой, как всякая современность), – эта позиция у нас была общая, сразу нас сблизил. В пору нашей переписки я заканчивал и готовил к изданию роман «Один человек», где тоже идёт речь о живописи, едва ли не на каждой второй странице: больше всего о ранних фламандцах (ван Эйке и Рогире), но отчасти и о живописи XX века с её разрушительными, отменяющими человека тенденциями (позволю себе это суконное слово).

«Сопротивление своему времени – мера человеческого достоинства. Наше время – это не то, в чём мы участвуем, но то, чему мы стоим, чему противоречим и противодействуем. Наше время пробует нас на зубок, оттачивает на нас свои зубы. Сумеет ли мы не сломаться, вот главный вопрос...»

Рассказчик и отчасти герой в моём романе – Константин – говорит о своём учителе, Ясе, главном герое этого сочинения:

«Он научил меня не только смотреть и думать; он научил меня – не смотреть на то, на что все смотрят, не думать о том, о чём все думают, не стоять в общей очереди, не плыть в общем потоке, не тонуть в общем омуте; если тонуть, то в своей собственной стремнине, в своём личном водовороте».

Не могу вспомнить, написал ли я эти фразы до или после начала нашего с Сашей эпистолярного диалога, но, мне кажется, они вполне могли возникнуть под его влиянием. Фактически это не так, но по сути – в мире «сущностей» – это так. В реальности (точнее: в реальности вымысла) другой человек – «один человек» – научил меня не плыть в общем потоке и не тонуть в общем омуте, но *idealiter* (в идеальном мире совпадающей с вымыслом реальности) это был всё-таки Саша Окунь.

Совпадений было много. Мы сразу сошлись на любви к Тьеполо, о котором Саша в своих книгах и письмах отзывается с восторгом, посмотреть на расписанный которым потолок – два потолка – епископской резиденции в Вюрцбурге я езжу примерно раз в два года, благо это не особенно далеко, две сотни километров от места моей университетской ссылки, моего «благополучного изгнания», с которым я лишь в пору пандемии мог отчасти смириться. На самом деле нас объединяла – сразу объединила – любовь ко многим художникам, да и не только художникам, как и нелюбовь ко многим художникам, нехудожникам, псевдохудожникам... Тьеполо динамичен; «движение, движение, движение» – вот его «талисман» (процитирую Мандельштама); скорость этого движения уникальна; всякий раз, задрал голову, глядя на эти несущиеся по мифологическому небу

Лот с дочерьми.
Эскиз. Фанера, масло, 20x12, 2016

Лот с дочерьми.
Фанера, масло, 240x150, 2016

Купающиеся в Мёртвом море.
Эскиз. Масло, дерево, 20x20, до 2010

мифологические фигуры, я чувствую, что не успеваю за ними. Словно некий космический взрыв разметал по плафону этих богов и богинь, вселенский вихрь уносит этих нимф, этих героев. Такой же вихрь проносится и по Сашиным полотнам – с той, разумеется, разницей, что по небу – или не по небу, по не-небу, – на фоне тоже несущихся с бесконечной скоростью, вполне «тьепловских» облаков летят здесь совсем другие образы и фигуры – фигуры и образы, в которых таинственно сочетаются красота и уродство, беспощадность и нежность, ирония и трагизм, Эрос и Танатос. Эти образы мучительно эротичны, в то же время они говорят о страдании, старости, смерти. Эрос и Танатос, ну конечно. Эрос и Танатос – это вообще всё, обо всём. В этом, и только в этом всё дело. Здесь это показано так, как я ещё никогда не видывал, чтобы это было показано, никогда не думал, что это может быть так показано.

Тут тоже что-то совпало. Самые, как мне представляется, динамичные Сашины работы относятся ко времени нашего эпистолярного знакомства или ко времени, которое непосредственно этому знакомству предшествует, например, циклы «Страсть к развалинам» или «Вилла мистерий Зихрон-Батья» (и тот, и другой можно посмотреть на Сашинем сайте: <https://sashaokun.com/artworks>). Даже спящие на одноимённой работе (одной из моих любимых) куда-то уносятся и стремятся вместе с лиловым зловещим небом над ними, вместе с зловещей, лиловой и тоже, кажется, движущейся землёю, возможно – пустыней, в резких, яростных линиях.

Все слова *о чём-то* всегда приблизительны (окончательны лишь слова, сами создающие *что-то* – в стихах ли, в прозе ли). Окончательны лишь произведения искусства. Художник знает, впрочем, что и они *не совсем* окончательны, что просто он остановился, достигнув своего «максимума» (как Саша выразился в одном из писем ко мне; «максимум» – любимое слово Николая Кузанского, несколько раз процитированное в «Одном человеке»: вот ещё одно совпадение, или это на сей раз влияние?); созерцателю (читателю, зрителю) этого знать,

пожалуй, не обязательно. Созерцатель (зритель, читатель) поставлен перед совершившимся фактом, достигнутым совершенством. Говоря о нём, пусть приблизительными словами, мы всё-таки к нему – приближаемся. Но разве и само искусство (при всём своём «совершенстве») не есть лишь бесконечное приближение к чему-то никак не названному, самому важному, к чему-то такому, чего мы никогда не достигнем и что, парадоксальным образом, всегда уже с нами? Давным-давно я попытался это сказать в стихах:

Мы кладем слой за слоем –
слов ли, красок. За слоем слой мы, на самом
деле, снимаем, подходя всё ближе к тому, до чего мы
не дойдём никогда, что всегда уже с нами.

Это присутствие «самого важного», как и приближение к нему я отчётливо вижу в работах Саши Окуня – и в уже упомянутых, и в потрясающем последнем цикле «Врата Справедливости», в прошлом году выставленном в венской «Альбертине». Единственно важное для человека – это человек. В знаменитой цитате из «Вильгельма Мейстера» Гёте говорит: «интересное» («человек человеку интересней всего, да, пожалуй, это должно быть единственным, что ему интересно»); но, в сущности, разница невелика. В этих и других Сашиних работах что-то сказано о человеке, рассказано о человеке, показано в человеке, чего я нигде больше, ни у кого раньше не видел.

Это не «последнее слово» о человеке, «последнего слова» вообще нет – иначе история бы закончилась, мир бы остановился. Как нет «последнего слова» и в нашей с Сашей Окунем переписке, обрывающейся на более или менее случайном сообщении. В самой этой незавершённости что-то есть утешительное. Последнее письмо не написано; нет даже и предпоследнего. Кажется, что писем может быть ещё много. Пускай это только так «кажется»; но это иллюзия благотворная, благодетельная, с которой расставаться не хочется, расстаться, пожалуй, и невозможно.

1 декабря 2025

Алексей МАКУШИНСКИЙ

«И ощущение, что текст не Вами написан, а мной самим»

Переписка Саши Окуня и Алексея Макушинского

7

4 декабря 2020 г.

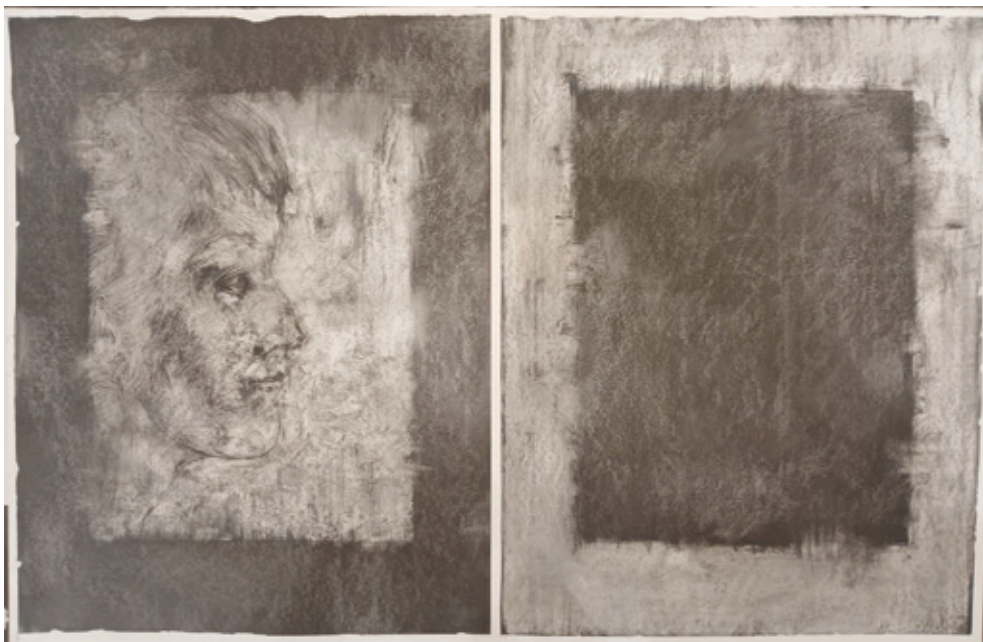
Уважаемый Алексей Анатольевич!

Я 35 лет преподаю рисунок в иерусалимской академии художеств «Бецалель», в том числе и на факультете архитектуры. Не будучи архитектором, некое представление о ней имею. Читая Вашу книгу «Пароход в Аргентину», в какой то момент я пришёл в недоумение: как же это может быть, что я и не знаю архитектора Васко, и полез в интернет... Я это к тому, что крайне редко можно в литературе встретить убедительный образ художника, Вам же это удалось в высшей степени, чему доказательство мой поступок. Признаться, будь моя воля, я бы Вашу книгу сделал обязательным чтением для студентов академии художеств – и не только архитектурного факультета. Я не имею привычки писать авторам книг, меня глубоко тронувших, и позволил себе написать Вам, подумав, что эта история может Вас позабавить.

Спасибо и всего доброго,
Саша Окунь

Из записок художника

«Есть люди, которые больше всего ценят независимость. А я человек, который больше всего ценит зависимость. Потому что для меня зависимость – это связь. И я эту зависимость, можно сказать, культивирую.»

2

4 декабря 2020

Уважаемый Саша

(можно к Вам так обращаться, если Вы так подписались?), спасибо Вам! Это замечательная история.

И прежде всего – спасибо, что написали. На самом деле, это очень важно, потому что иногда бывает чувство, что пишешь в никуда, в безвоздушное пространство. Всегда радостно, когда вдруг убеждаешься, что это не так.

А в книге, которую я сейчас заканчиваю, много говорится о живописи... особенно о ван Эйке и Рогире ван дер Вейдене. Вот тут, боюсь, я наделал ошибок.

Конечно, мне очень польстила Ваша фраза про обязательное чтение!

Спасибо ещё раз.

Вам тоже – всего самого доброго!

С уважением,

Алексей

3

5 декабря 2020 г.

Уважаемый Алексей,¹

коли речь идёт о живописи. Я ею, собственно, и занимаюсь. Картинки в некоторых хороших музеях. Если чем-нибудь смогу быть полезен, буду рад.

Удачи, Саша

¹ Пунктуация в обращениях авторская (Ред.).

4

6 декабря 2020

Дорогой Саша (или всё же лучше Александр Нисонович?), простите, что я не сразу понял, что Вы – это Вы. Я этого просто никак не ожидал, и потому некое затмение нашло на меня.

А теперь я изучаю Ваш сайт и смотрю Ваши картины и видео – с огромным, растущим восхищением. Всегда очень трудно говорить об этом, но знаете, в современной живописи так редко что-то радует, волнует, интересует всерьёз (не знаю, какое подобрать здесь слово), что я просто благодарен Вам за это чувство.

Помимо всего прочего, в Ваших работах есть что-то мощно эротическое, что очень волнует меня. Может быть, это слишком дерзкая фраза, но я все же её не буду вычёркивать, надеясь, что Вы меня простите.

Я давний, убеждённый поклонник Тьеполо. Вюрцбург от меня не очень далеко (километров 200), и я иногда езжу туда, просто чтобы ещё раз посмотреть на потолок резиденции.

Больше того, у меня есть некий замысел, связанный с этим местом и этими двумя плафонами, к которому мне сразу захотелось вернуться. Но надо сперва доделать кое-какие другие вещи.

Я был бы счастлив прислать Вам свою новую книгу (ван-эйко-рогировскую, очень условно говоря), когда я ещё немного над ней поработаю, но не знаю, конечно, захотите ли Вы читать её, тем более в электронном виде. Издательство её, впрочем, ждёт, но я пока не готов.

Ещё раз большое спасибо Вам и за Ваши слова о «Пароходе», и за Ваши потрясающие работы, к которым я теперь буду часто возвращаться.

С огромным уважением,
Алексей

5

Дорогой Алексей, добрый вечер!

Ну, конечно же, Саша, какой там Александр Нисонович... За долгие годы жизни за пределами России я не только отчество потерял: здесь, где всех называют уменьшительными именами, никому невдомёк, что Саша и Александр – это одно имя, не объяснять же каждый раз, так оно и пошло.

Для меня радостным сюрпризом стали Ваши слова о Тьеполо. Сегодня не так уж много людей с ним знакомы, я же отношусь к нему с величайшим пиететом. В Вюрцбурге я был, увы, только единожды. Что тут скажешь: ладно

Из записок художника

«Я рисовал с детства. Все дети рисуют, а если не рисуют, их надо вести к врачу. Но умные дети перестают это делать. А если уж не перестают – значит, это судьба.»

не понять, как это сделано, непонятно, как можно было вообще помыслить сделать такое. И ещё эти нарисованные тени на скульптурах!

Спасибо Вам за добрые слова, они меня очень тронули. Я ведь существую на отшибе, в стороне от «магистрального пути», нечто вроде белой вороны, на которую приличные вороны смотрят в лучшем случае с недоумением. Эти Ваши слова к тому же (не по принципу петуха и кукушки!) позволяют мне сказать то, что не осмелился, дабы не показаться навязчивым, сказать Вам в первом письме.

Впервые открыв Вашу книгу («Предмесья мысли»), я был совершенно завоорожён интонацией, особым ритмом, пластикой Вашего текста. Это неторопливое долгое дыхание фразы (понятное дело, я говорю о своём восприятии Вашей прозы, и, вполне возможно, для Вас это может звучать совершенной галиматьёй), а может, точнее сказать, спокойное, широкое течение текста, наподобие реки с излучинами, дающее возможность увиденное увидеть ещё раз в другом ракурсе, и всё это с невероятной степенью материальной убедительности, словно слово – это не некая абстракция, но предмет, который можно брать в руки, катать на ладони, разглядывать, нюхать. И наряду с этой материальностью, вещественностью, жизненностью ещё и то, что я впервые прочувствовал довольно много лет назад на выставке «Золотой век голландской живописи» в Амстердаме. На гигантском баннере – метров десять – была деталь из работы Метсю. Выдержать такое увеличение (сама деталька хорошо если сантиметров восемь была) мало кто из художников способен. Метсю и вправду огромный мастер, и на этой выставке было довольно много его изумительных работ. Одна из них висела рядом с Вермеером, обе практически одного

размера, и сюжет тот же: бокал лимонада. И всё в обеих было превосходно в высшей степени, но всё же какая-то крохотная, в микрон, не больше, была разница. И когда я попытался её себе обозначить, то не смог сформулировать иначе, как дыхание пространства. На какую-то немисливо малую и всё же ощутимую долю дыхание Вермеера было вольнее. Вот это вольное, естественное дыхание есть в Вашей фразе.

Огромное спасибо за Ваше предложение дать мне прочесть Вашу новую книгу. С нетерпением жду. Я, как и большинство людей моего поколения, люблю книгу держать в руках, и когда она выйдет, разумеется, её достану. Но это будет потом, а сейчас надеюсь, что Вы пришлёте её, как только сможете. Я же, в ожидании её, заказал в здешнем книжном магазине (хозяйка – Ваша фанатка) другие Ваши книги, и она обещала, что вскорости они придут.

Всего самого доброго.

С искренним восхищением,
Саша

6

9 декабря

Дорогой Саша,
простите, Вы меня немного смутили Вашими словами о моей прозе, так что я даже и не сразу решился ответить (да к тому же были тут кое-какие неприятные медицинские дела... нет, нет, не корона...).

Спасибо Вам! Пожалуй, таких слов о моих текстах я ещё не слышал, и с Вермеером меня ещё не сравнивали (с Прустом, с Набоковым... тоже совершенно незаслуженно... это ещё бывало, но с Вермеером! сразу хочется спрятать голову под какую-нибудь подушку). В общем, я очень-очень тронут и благодарен Вам.

И это меня очень сильно поддерживает. Я ведь живу на ещё, наверное, большем отшибе, чем Вы, в германской дыре, куда меня загнала необходимость зарабатывать университетским преподаванием и которую я ненавижу от всей души. Впрочем, во время эпидемий и карантинов это место неплохое. Оно только для карантинов и годится.

Тем не менее, несмотря на всё моё «отшибное» положение, каким-то чудом (или дуриком) я попал в так называемый «короткий список» премии «Большая книга». Завтра будет объявление победителей. Шансов у меня, я так понимаю, нет никаких, но всё же это волнует, раздражает и нервирует (уж признаюсь... зачем разыгрывать из себя небожителя?). А вот как всё же относиться ко всему этому, я до сих пор и не понял.

А кто, кстати, теперь не на отшибе в живописи? (В литературе я знаю, а в живописи не очень.) Боюсь, что не на отшибе почти всегда китч (иногда китч пе-

Из записок художника

«Базой всех искусств является рисунок. Рисунок в первую очередь учит думать на языке пластики.»

ревёрнутый, который на самом деле тоже китч, но выдаёт себя за «последнее слово искусства»).

Простите мне, пожалуйста, этот разброс в мыслях...

Что касается Тьеполо, то он интересует меня чрезвычайно сильно, и да, я не оставляю надежды написать некий текст, с ним связанный.

Не так давно прочитал (в немецком переводе) книгу о нём Roberto Calasso, прочитал её с огромным удовольствием, но в конце концов так, похоже, и не понял, «что хотел сказать автор»...

Спасибо за позволение прислать Вам новую книгу. Надеюсь, это будет уже довольно скоро.

Всего Вам самого-самого доброго! Собираюсь на встречу с Вами в Зуме (уже записался у Яны²). Я очень счастлив нашей, пускай лишь виртуальной, встречей.

Ваш Алексей

7

11 декабря

Дорогой Алексей, добрый вечер,

Я не ответил Вам сразу, в надежде поздравить Вас с результатом конкурса. В качестве человека, бывавшего в Вашем сегодняшнем положении, я и утешать Вас не стану: в своё время Вы получите все премии, вот только, как говорил Ренуар, «Хорошие бифштексы достаются тогда, когда нет зубов, чтобы их разжевать», но тут ничего не поделаешь... А как относиться? – да, по-моему, никак. А я вчера купил Вашу книгу «Остановленный мир». Вот она лежит передо мной, вся ещё в целлофане, и я, облизываясь, не спешу её распаковывать. Кто в живописи не на отшибе сегодня? Да для меня всё те же: Тьеполо, Рембрандт, Гойя. Матисс. Марини и ещё много кто, но не те, кто правит бал, не Уорхол и не Кунс. Мне случилось написать пару книжечек о деле, которым занимаюсь, в частности

² Яна Букчина – хозяйка магазина русскоязычной книги «Бабель» в Иерусалиме. В нём проводятся литературные вечера, в период ковида (короны) организовывавшиеся в Зуме. (Ред.)

Из записок художника

«В этом мире существует только один Творец – Тот, Кто его создал. А создав человека и наделив его свободой воли, Он произвёл на свет комментатора.

Художник не создаёт, не копирует мир: он комментирует его. А поскольку у каждого свой уникальный набор генов, это обеспечивает бесконечное разнообразие.»

о рисунке, и другую, более общую. Понятное дело, к литературе это не имеет никакого отношения, но я это к тому, что ежели мои рассуждения смогут оказаться для Вас подсобным материалом, то почту за честь прислать.

Дорогой Алексей, понятное дело, Вы разочарованы и огорчены, тут ничего не попишешь. И то, что Нобель знаменит теми, кто его не получил, тоже не суть важно. Гораздо важнее, что Ваши тексты становятся значимой частью жизни людей, которые их читают, гораздо важнее.

Ваш Саша

8

13 декабря 2020

Дорогой Саша,

спасибо за Ваше замечательное письмо! Конечно, я буду счастлив, если Вы пришлёте мне Ваши книги («более общая», наверное, для меня интересней – несмотря на всю мою любовь к живописи, природа мне полностью отказала в рисовальных и прочих способностях, увы). Но буду, конечно, благодарен за всё, что захотите прислать.

А я надеюсь уже очень скоро прислать Вам новый текст. Хотя, если Вы погрузитесь в «Остановленный мир», Вам будет не до новых моих текстов. Думаю, с некоторым страхом о том, как Вы воспримете этот самый «Мир (очень остановленный)». Наверное, это самая медленная и медитативная из моих книг (в соответствии с «темой»... впрочем, «тема» всегда до некоторой степени случайна); и люди воспринимают её очень по-разному. Впрочем, есть у неё и любители (даже поклонники).

Понятно, что «слава», если вообще приходит, то, как правило, тогда, когда она уже не нужна. (Когда-то хотелось быть исключением из этого правила; но и это уже в прошлом; теперь стало всё равно.)

А я всё рассматриваю и рассматриваю Ваши работы... Когда-то увижу их в реальности?

Всего Вам самого доброго и ещё раз спасибо!

Ваш Алексей

9

13 декабря

Добрый вечер, Алексей,

очень жду Ваш текст. Чтобы выслать книжки, мне нужен Ваш адрес. Книжку

о рисунке не бойтесь: она скорее не учебник, а несколько страниц, могущих попасть в эту категорию, обозначены в предисловии, чтобы их можно было бы пропустить с пользой для здоровья. Собственно, идея нагрузить Вас своими скорее журналистскими упражнениями возникла благодаря Вашему упоминанию Тьеполо, и я подумал, что, может, что-то Вам сможет пригодиться, поди знай. Что касемо картинок, то покуда никаких выставок не предвидится: из-за короны всё скукожилось и замерло. Бывали ли Вы в наших краях? Хочется надеяться, что благодаря прививкам (если доживём) в следующем году жизнь кое-как вернётся в подобие прошлого русла и можно будет без анализов, справок и страхов двигаться по миру.

Засим в ожидании адреса и с лучшими пожеланиями,
Ваш Саша

10

14 декабря 2020

Дорогой Саша,

мне даже неловко – я думал, речь идёт об электронных книгах. Конечно, я сам предпочитаю читать на бумаге, что говорить, но вот стоит ли Вам в такой ситуации рисковать и идти на почту? Прекрасно пойму, если не станете рисковать.

(...)

Могу ли я Вам послать что-то? Впрочем, у нас со среды «жёсткий локдаун», и я даже не знаю, будет ли работать почта...

Нет, я никогда не бывал в Израиле. И уже надо бы побывать там наконец! Я даже сам не знаю, как так вышло, что не бывал до сих пор.

С нетерпением жду Вашего выступления у Яны в Зуме! Очень заинтригован.

Леда и лебедь I.
Смешанная техника, бумага, 48x73, 2025

Надеюсь, правда, скоро пришлю Вам новый текст... там и о «современном искусстве» кое-что говорится (но конечно, это роман, поэтому все высказывания делаются не столько ради них самих, сколько ради той роли, которую они играют в построении «романного целого»).

А только что посмотрел видео, где Вы и Игорь Губерман расспрашиваете Виктора Граевского... получил большое удовольствие.

Всего Вам самого-самого доброго!

Ваш Алексей

11

17 декабря 2020 г.

Дорогой Алексей, добрый вечер.

Вот квитанция на посылку. Наверху, в правом углу, – номер, по которому эту посылку можно отследить. На почте я выбрал наиболее надёжный способ доставки, но тут-то выяснилось, что в адресе нужно написать Ваш и-мейл (которого, понятно, при мне не было) и телефон (коего не было тем более). Поэтому, может быть, имеет смысл через несколько дней проверить, где эта посылка обитает. Что касается риска ходить на почту, то, при всех предосторожностях, это всё равно русская рулетка.

Признаюсь честно в боязни, что навязываю Вам то, что Вам совершенно не нужно, в чём Вы, конечно, не сознаетесь. Но если Вы всё же решите просмотреть их, начните с «Романа с карандашом» (все названия придумало издательство, отвергнув мои как некоммерческие). Я ведь затем и послал Вам, что вдруг что-то пригодится, рассуждения о тени или перспективе... И, конечно, книжки эти в общем-то предназначены скорее для подростков, нежели для такого человека, как Вы.

Засим надеюсь, что Вы пребываете в полном здравии.

С лучшими пожеланиями и, уже, с Новым годом!

Ваш Саша

12

17 декабря 2020 г.

Дорогой Саша, спасибо!

Жду с нетерпением! Жаль, что не могу послать Вам свою новую книгу на бумаге, так что посылаю её в пдф. Наверное, это вариант ещё не совсем окончательный, хотя я так устал её переписывать, что, пожалуй, отошлю её завтра и в издательство. И, конечно, я совершенно не обижусь, если у Вас не будет времени или желания читать её, тем более в компьютере, тем более что Вам, возможно,

Из записок художника

«Наверное, для этого и существует живопись, чтобы говорить то, что вслух произносить нельзя.»

уже надоели романы этого Макушинского... Но если будете читать, то, прошу, не судите слишком строго...

Надеюсь Вас увидеть в воскресенье у Яны в Зуме!

Всего Вам самого доброго!

Берегите себя!

Ваш Алексей

13

20 декабря 2020 г.

Дорогой Саша, спасибо Вам!

Я в восторге от Вашей лекции. Слушал бы и слушал. И Вы, может быть, даже не представляете себе, как мне близки многие из Ваших мыслей.

Всего Вам самого доброго!

Ваш Алексей

14

20 декабря

Добрый вечер, Алексей!

Спасибо за добрые слова, я очень рад, признаться, побаивался, что всё покажется Вам банальной чепухой. Увы, только я Вас увидел, как Вы отключили камеру, и я даже не успел с Вами переглянуться. Я же совершенно влип в оба Ваши романа. Один – в мастерской, другой – дома в компьютере.

Всегда Вам рад, имейте в виду. Будьте здоровы и, если получится, веселы.

Ваш Саша

Воспоминания.
Смешанная техника, бумага, 65х96, 2025

Из записок художника

«Для меня живопись важна, как почки для организма: она избавляет меня от того, что могло бы меня отравить, если бы я от этого не избавлялся. Я, так сказать, занимаюсь самолечением.»

15

23 декабря 2020 г.

Добрый вечер, Алексей.

Отниму у Вас несколько минут. Дочитал присланный Вами роман с некоторым, да что там – с большим неудобством, вспоминая Ваши слова о моём выступлении у Яны: всё, что я там бормотал, Вы знаете и формулируете куда как лучше. А роман Ваш замечателен. Впрочем, для меня он вполне укладывается в общее течение всех Ваших книг, которые я уже прочитал, и той, что продолжаю читать, порой только недоумевая: как же это бабушка живёт в Москве, когда она умерла в Ленинграде? По правде сказать, большой проблемы я здесь не вижу: все большие мастера всю жизнь красили одну картинку, ну а то, что она существует в разных ипостасях, то и слава богу. Для меня Ваша проза подобна реке, в которой я с наслаждением тону или (подражая Вам) не тону, но плыву, как щепка, от текста к тексту. Меня поражает вещественность, осязаемость Вашей прозы (не отсюда ли любовь к северным мастерам – и, кстати, почему Вы исключили Мемлинга?). И у меня был Яс (правда, всего на несколько лет старше меня), а что касается Мары, то я почти уверился, что речь идёт о Л. Ш. (наверное, Вам известно это имя), кою знал в Ленинграде конца семидесятых. А был ещё один Яс, но дама, коллекционерша (малые голландцы, Рубенс, авангард), confidentка сестры Филонова, жила на Герцена. Попалась на переправке Филонова за границу. Дальше лагерь, взятка Андропову. Из лагеря выпустили за два дня до смерти. Забавно, что и про интонацию, и про абсолютный возраст талдычу я своим студентам. А ещё есть в Ваших текстах та смесь безжалостности с состраданием, что и отличает гения Рембрандта от великого Риберы. И ощущение, что текст не Вами написан, а мной самим.

Засим всех благ, здоровья и удачи.

Ваш Саша

16

24 декабря 2020 г.

Дорогой Саша, какое прекрасное письмо! спасибо!

Мы с «Жижи»³ его много раз перечитали. По поводу бабушек. Я чувствую, что всех запутал. Мне даже неловко. В «Остановленном мире» рассказчик – это я (более или менее, потому что многое там выдуманно) и моя бабушка, похороненная на Серафимовском кладбище в Ленинграде, – это правда моя ба-

³ Жижи – в романе «Один человек» есть героиня под таким именем. Здесь имеется в виду её отдалённый прототип.

бушка, Елизавета Иродионовна Макушинская. Ещё там есть бабушка Виктора, моего героя, полностью придуманная, как и сам Виктор. А в «Одном человеке» рассказчик – не я. Поначалу может казаться, что это я, но чем дальше роман продвигается, тем более очевидно (по крайней мере, таков замысел) становится, что это не я. В ключевой сцене (разговор с Марой у Ветрощита) рассказчик даже получает имя – Константин. Оно упоминается всего один раз, что есть, конечно, прямая отсылка к Прусту. У этого героя-рассказчика, разумеется, свои (не мои) родители и своя бабушка. Но Вы правы, с бабушками получился перебор. А вот то, что Вы «узнали» и Яса, и Мару, меня необыкновенно порадовало – значит, образы живые. Не Вы первый, кстати. Я вообще начинаю подозревать, что в жизни большинства мужчин была своя Мара. Нет, это не Е. Ш., с которой я даже знаком не был (и стихов которой не люблю). Но когда смотрю на её ранние фотографии, сам «узнаю» в ней Мару. В общем, огромное спасибо Вам за Ваши слова и поддержку.

Всего Вам самого доброго! Берегите себя!

Ваш Алексей

17

24 декабря

Дорогой Алексей!

Про то, что бабушки путаются, я в шутку, просто хотел подчеркнуть ощущение единого потока. И то, что рассказчик есть, пардон, лирический герой, ну тоже, право, ясно. Просто, ещё раз повторю, у Вас всё очень и очень вещественно (может, я не то слово употребляю). Если когда-нибудь выпадет пересечься, расскажу Вам смешной эпизод, по причине которого закончилось моё знакомство

с Л. Ш. А то, что вы стихи её не любите, так что тут удивительного: Вы и стихов своей героини терпеть не можете.

А теперь вот что: я сегодня разговаривал с редактором одного здешнего известного издательства с хорошей репутацией и, естественно, прожужжал ему уши о Вас. Не могли бы Вы, если не составит большого труда, прислать мне (на английском) коротенький CV и – ведь Вас наверняка переводили на кучу языков – где, в каком издательстве и на каком языке были опубликованы Ваши вещи. Разумеется, это не значит, что что-то получится, и рассчитывать ни на что не стоит, тем паче сейчас из-за ковида всё стоит вверх ногами и вообще ничего не ясно и не понятно. Но отчего не пустить свой хлеб по водам, хуже-то точно не будет. Если получится, расскажу про забавный разговор Агнона с Солом Беллоу в связи с переводами.

Засим всех благ и поклон Жижи.

С уважением,
Алексей

P.S. При случае расскажите, пожалуйста, отчего Вы Мемлинга отодвинули.

А. О.

18

25 декабря 2020 г.

Дорогой Саша, как это мило и замечательно. Спасибо! Я боюсь, Вы несколько увеличиваете степень моей международной известности. (...)

О Мемлинге я не пишу – просто потому, что не пришлось. А потом, он ведь на поколение младше. Это уже конец XV века, как бы уже и другая эпоха. Но я очень люблю его. Не так, может быть, сильно, как ван Эйка и Рогир,а

Без названия.
Смешанная техника, бумага, 70x100, 2025

«Я верю в то, что работы где-то там существуют самостоятельно, на манер платоновских идей. Они где-то есть, а художник помогает им реализоваться в тварном мире.»

но и он, конечно, замечательный. Там вообще, боюсь, слишком много живописи. То есть для Вас её там, может быть, мало, для меня в самый раз, а для так называемого «читателя» – хотя кто он такой, этот абстрактный читатель? – возможно, это будет и утомительно. (...) Жду Ваших рассказов – и о Л. Ш., и о Соле Беллоу. И жду, конечно, книг. Которые пока не пришли, но это не удивительно, учитывая корону и рождественское безумие, царящее вокруг. Хотел, кстати, спросить, не могу ли я Вам послать какие-то книги по почте? Может быть, «У пирамиды» (это мои эссе) или «Город в долине» (не знаю, есть ли это всё у Яны)?

Всего Вам доброго, огромное ещё раз спасибо и – продолжение (с английским CV) следует.

Ваш Алексей

19

25 декабря 2020 г.

Добрый вечер, Алексей, спасибо за CV. Давайте сойдёмся на том, что не преувеличиваю, а предвижу: куда денетесь... Мне вот что в голову пришло: а есть ли у Вас на том же английском что-нибудь из критики? Они (те, кто решают), как правило очень трусливы, и им нужны подпорки и оправдания. Пришлите, пожалуйста (несколько комплементарных отрывков – Пруст, Набоков и т. п.), и тогда я передам всё вместе. Про мои книжки по квитанции можно проверить, где они и что они. А от Вашего предложения послать книги я ни в коем случае отказываться не буду, ещё и как не буду. У Яны их нет, иначе бы уже купил. Огромное спасибо, и хоть я быю копытом, давайте отложим это до тех пор, когда всё это безумие придёт в норму. Пока что я медленно плаваю в «Остановленном мире». Истории в следующий раз расскажу, как-то вымотался за сегодня, простите.

Засим будьте здоровы и всего самого доброго.

Саша

20

26 декабря 2020 г.

Дорогой Алексей,

(...) Ваши слова о том, что «история хочет или не хочет быть рассказана» определённым образом, – то же самое с картинками. Опять же, при случае, если будет, расскажу, как забавно меня строила одна работа с умирающим на глазах персонажем и пейзажным фоном, с которым промаялся целое лето. Вот и не верь после этого Платону.

А история про римский маскарад в Ельце⁴, так похожая история приключилась в XVIII веке, когда некоему польскому графу досталась в наследство территория размером с Бельгию, уж по меньшей мере. Оный граф учинил там республику, произвёл невероятные социальные реформы, сам разгуливал в тоге и венке, строил триумфальные арки, ввёл религиозную терпимость (во время праздников на трибуне стояли поп, ксёндз и равин), создал типографию, где печатались и еврейские книги, и первым опубликовал на русском «Дон Кихота». Историю эту раскопал в архивах мой кузен, и там много ещё всяких невероятных событий.

Жду Вашего ответа.

Надеюсь, Вы здоровы и благополучны,

Ваш Саша

21

27 декабря

Дорогой Саша,

снова – спасибо Вам! Я думаю, издателям всё это не нужно. Текст о стихах точно можно выкинуть. Самое лучшее – статья Елены Бальзамо в «Монде», но она по-французски. Её бы я всё равно переслал.

Я вот подумал – а что было по-русски самое для меня важное? Наверное, давняя статья Ирины Служевской о «Городе в долине», опубликованная в «Новом мире»⁵.

Не знаю, может быть, Вам доводилось как-то «пересекаться» с ней (мир ведь очень тесен). Она жила в Америке, писала (очень хорошо) об Ахматовой (не только о ней), а обо мне (простите за нескромность) собиралась писать книгу, но семь лет (уже семь лет) тому назад умерла, увы, от рака.

Как же звали того польского графа? Польша вообще страна удивительная, чего там только ни случалось...

Всего Вам самого доброго! Берегите себя!

Ваш Алексей

22

27 декабря

Добрый вечер, Алексей,

Отослал (с копией Вам) материалы редактору издательства. Сразу хочу сказать, что результат (если вообще он будет) будет нескоро, так как к обычному издательскому разгильдяйству и безалаберности примешалась корона, так что давайте ни на что не надеяться, пусть лучше будет сюрприз (если будет). Месяца через два, если от него не будет никаких сигналов, перешлю одной из лучших переводчиц с русского, может, у неё будут какие-нибудь идеи.

Если сведения о графе Вам нужны, я подёргаю кузена.

⁴ Речь об эссе «Три дня в Ельце», входящем в книгу «У пирамиды».

⁵ https://magazines.gorky.media/novyj_mi/2012/10/navigator-makushinskij.html

Со Служевской я не пересекался, ведь в Америке я бывал раза два или три и, признаться, без большого удовольствия, хотя музеи там изумительные. Опять же, не будучи «тусовочным» человеком, я и в знакомствах моих литературных ограничиваюсь малым кругом близких друзей.

Засим всего самого доброго и ещё раз огромное спасибо за то наслаждение (не уверен, что это правильное слово, но...), которое Вы мне подарили.

Ваш Саша

23

27 декабря

Дорогой Саша,
конечно, я не строю себе никаких иллюзий (давно уже). Но я очень благодарен Вам за то, что Вы проявили инициативу – а вдруг и вправду что-то получится...

(...)

Ещё раз – всего Вам самого доброго!

Ваш Алексей

24

10 января 2021

Добрый вечер, Алексей!

К сожалению, выплыл из Вашего прекрасного романа. Правильнее, был им оставлен. Сюрприз был увидеть знакомое имя: Пти я знал, и есть у меня несколько его фотографий.⁶

Вчера получил сообщение, что посылка до Вас добралась. Если оно так, то, наверное, следует сказать, что обе эти книжки не претендуют на то, чтобы считаться литературой, а есть своего рода научпоп для подростков. В первой масса опечаток и ошибок, ну, да то, что есть.

Надеюсь, Вы здоровы и благополучны.

С лучшими пожеланиями,

Саша

25

11 января 2021

Дорогой Саша,

а мне прекрасную фотографию Пти подарил Валерий Вальран – наверное, Вы его знаете? Не так-то уж Вы и выпали. Вижу, что далеко продвинулись... Увы, интернет мне тоже сообщает, что посылка пришла 9 января. Но она не пришла. Мы сегодня с Жижи, уже Вам известной по одному сочинению, целый день дозванивались до почты – без всякого успеха, конечно. Немецкий бардак беспрерывен. Завтра продолжим дозваниваться...

Да, спасибо, у меня всё хорошо. Надеюсь, и у Вас тоже? Жду Вашего выступления о Баухаусе!

Всего Вам самого доброго и ещё раз спасибо!

Ваш Алексей

26

11 января 2021

Выпал я, Алексей, в том смысле, что текст закончился и уплыл дальше, а я остался, так сказать, на берегу... О Вальране я слышал и, наверное, пересекался с ним случайно в каких-то компаниях, но не помню. На предмет Вашего ожидания моего выступления о Баухаусе (на самом деле не о нём) вспомнился мне старый анекдот о женщине, спросившей равина, не нужно ли ей перед свадьбой дочери с ней побеседовать. Вы можете, конечно, – ответил равин, – но не рассчитывайте на то, что узнаете что-нибудь новенькое.

Если Вам удастся добыть документ, что посылка не доставлена, буду премного благодарен. Надо же, а как же знаменитый немецкий *ordnung*? Нешто опять обманули...

Всех благ и спасибо ещё раз.

Ваш Саша

⁶ Имеется в виду фотограф Борис Иванович Смелов (1951–1998), в ленинградской художественной среде прозванный «Пти-Борис».

27

13 января 2021

Дорогой Саша,
исключительно благодаря героической Жижи, дозвонившейся вчера до какой-то главной конторы, нам удалось сегодня с большими приключениями получить заветную посылку из рук очередного, ни на каком европейском языке не говорящего турка, который, разумеется, не мог объяснить, почему она оказалась в его почтовом отделении на другом конце города... Вот реальная картинка пресловутого немецкого *Ordnung*'a. Но какие прекрасные книги! И какая замечательная надпись! Спасибо! Вот держу их обе в руках и не знаю, с какой начать. Поскольку Жижи в нашей небольшой компании (из двух человек) отвечает за зрительный ряд (за графику, компьютерную и не только, фотографию и видеосъёмку), то она уже захватила, на самом деле, «Роман с карандашом», а я начну с другой книги. Не знаю, как насчёт опечаток, но обе изданы прекрасно. Ещё раз – огромное спасибо Вам!

Ваш Алексей

Человек, отбивающийся от осы.
Масло, фанера, 179 x 152, 2016

28

13 января 2021

Дорогой Алексей, добрый вечер!

Уж не знаю, радоваться мне или нет: всё-таки с моей стороны было более чем самонадеянно и неосторожно посылать текст Вам. Жижи – поклон и благодарность. Скажите ей, пожалуйста, что к графике я не имею ни малейшего отношения: схемы ужасны и часто неправильны. Увы, был поставлен перед фактом.

Простите за доставленное Вам беспокойство. Порой радуешься, что не родился японцем, иначе пришлось бы совершить сеппуку.

Ваш Саша

29

13 января 2021

Дорогой Саша,

ну что Вы! мы оба радуемся этим книгам, Жижи читает одну, я – другую. А что они достались нам так непросто, так ведь тем они ценнее – прекрасное, как известно, всегда требует жертв.

Если не трудно, напишите, пожалуйста, Ваш почтовый адрес, я не уверен, что правильно прочитал его на конверте. Посмотрим, как почта справится с движением в другую сторону. А хочется послать Вам и «У пирамиды», и «Город в долине», и, может быть, стихи...

Спасибо ещё раз!

Ваш Алексей

30

19 января 2021

Дорогой Саша,
вчера с огромным удовольствием дочитал до конца Вашу книгу «Кстати об искусстве». Спасибо Вам! Это просто замечательно. Читал – не мог оторваться. Так много узнал для себя нового, интересного. Вы замечательный рассказчик. А некоторые места тронули меня чуть не до слёз (о Вашей бабушке у Стены Плача...), а это со мной редко случается. И так сразу захотелось поехать в разные места, о которых Вы пишете и где я не бывал.

Кстати (хоть это и не очень важно): то, что Вы пишете о Брейгеле, напомнило мне стихотворение Одена «Musée des Beaux Arts»:

About suffering they were never wrong,
The Old Masters: how well they understood
Its human position... и т. д.

А ещё (хоть и это не так важно): в последний раз в Париже купил я воспоминания Бальтюса, очень своеобразные; как раз (так часто бывает, не правда ли?) держал их в руках и перелистывал в тот день, когда мы ходили за Вашей посылкой...

Всего Вам доброго, ещё раз спасибо и, надеюсь, пусть «виртуально», до завтра. Принимаюсь за другую Вашу книгу.

Ваш Алексей

31

20 января 2021

Дорогой Алексей, добрый вечер,
Не ответил Вам сразу, поскольку конец семестра, да ещё по Зуму, и всё это к концу дня не оставляет сил решительно ни на что.

Ваши слова меня очень тронули, ведь я (после того как прошёл запал «вдруг ему пригодится») себя как ругал, за то, что самонадеянно послал Вам книжки. Видите ли, для меня существует большая разница в отношении к живописи

Из записок художника

«Меня часто спрашивают: «Почему ты так много рисуешь голых людей?» Да потому что настоящий человек, он голый. Одежда – это защита. Голый человек беззащитен.»

и тексту. В живописи наступает момент, когда ты себе говоришь: плохо ли, хорошо ли, но это мой максимум, и лучше я сделать не могу. И, как правило, когда через какое-то время видишь картинку, так оно и остаётся. А вот текст, сколько раз ты его ни перечитываешь, всегда становится стыдно: здесь надо переделать и здесь... Короче, добрые слова от такого мастера, как Вы, хоть и смущают, но приятны необычайно. Тем паче что к комплиентам и к ругани по поводу моих картинок я отношусь достаточно спокойно, но доброе слово о моих текстовых упражнениях сравнимо лишь с ощущениями упёршего сметану кота, которого и не только не наказали за его преступление, но погладили.

Спасибо за Одена, а вот воспоминания Бальтюса мне неизвестны. Есть у меня книжица «Balthus in his own words», но это явно не то. Да, совпадения-рифмы завораживают.

Здесь уже всю делают прививки, вскорости, наверное, и в ваших краях начнут и, может, оно однажды вернётся на круги своя...

Ещё раз спасибо и всего самого доброго,

Ваш Саша

32

20 января 2021

Дорогой Саша,

а я как раз хотел писать Вам, чтобы поблагодарить за прекрасную лекцию и за Ваши столь лестные для меня слова обо мне. А тут как раз приходит Ваше письмо...

Позвольте (и не считите за комплимент) ещё раз выразить Вам моё восхищением Вашим умением рассказывать. Ведь вот в этом выступлении было много такого, что я только что прочитал в книге, но я готов был слушать и слушать. Это получается только у очень хороших рассказчиков.

Но и много я узнал нового – о Матиссе, например, которого знаю вообще плохо (стыжусь этого).

Всё это меня вдохновляет.

Но я Вас прекрасно понимаю – если бы я умел рисовать (я не умею), я бы тоже, наверное, скорее мог определить, где «мой максимум» и когда нужно просто остановиться. Всё-таки картина – это некое обозримое, покоящееся в себе целое, а книга – всегда движение, а движение ведь стремится быть бесконечным... Но и я рано или поздно говорю себе: всё, лучше я сделать не могу.

Я думаю, это именно те воспоминания Бальтюса – записанные за ним неким *Alain Vircondelet*.

Из записок художника

«Мне интересно тело. Причём тело живое, нестандартное, неидеальное. Старое, больное. Оно может рассказать очень многое. Через него я пытаюсь докопаться до правды. До своей правды.»

Конец семестра? Как это мне знакомо! Мне тоже осталось как-то дотянуть последние три с половиной недели проклятого преподавания, периодически отнимающего у меня все силы и всю энергию. Вчера дал шести милым студентам сравнить четыре разных перевода одного стихотворения Рильке. И, конечно, по ходу разговора цитировал всякие другие стихи. Покуда они меня не спросили (они это любят спрашивать), сколько же стихов я помню наизусть. И тут выяснилось (это часто выясняется), что ни один из этих милых студентов – филологического, заметим, факультета – не помнит наизусть ни одного стихотворения. Вот так мы теперь живём...

Из-за всего этого я ещё не дошёл до почты, но книги уже надписаны и уже лежат в конверте. Надеюсь, завтра дойду.

Всего Вам самого доброго – и ещё раз огромное спасибо!

Ваш Алексей

33

22 января 2021

Дорогой Алексей,

Да, это очень точно: книга – движение. Разное, конечно. Вот у вас – широкое, даже, простите, величавое, а бывает и стоячая вода...

Без названия.
Смешанная техника, бумага, 100x57, 2025

Увы, моя книжка Бальтюса не воспоминания, а беседа с Cristina Carrillo de Albornoz.

Надеюсь, межсеместриальные каникулы дадут Вам возможность прийти в себя.

Всего самого хорошего,

Саша

34

Дорогой Саша,
как Ваши дела? Наверное, Вы уже сделали прививку? Мы здесь об этом можем только мечтать...

Простите, я уже давно послал Вам пару книжек, но совершенно забыл о квитанции. Вот предыдущим письмом послал Вам её фотографию. Отсюда я не могу проверить судьбу посылки – программа переправляет меня на израильский сайт, где я ничего не понимаю.

Надеюсь, увидеть Вас во вторник.

Всего Вам самого-самого доброго!

Ваш Алексей

6 февраля 2021

Добрый вечер, дорогой Алексей, очень рад Вас слышать. Надеюсь, Вы уже развязались со студентами и можете вздохнуть. Вам тоскливо в Майнце оттого, что город небольшой? Но ведь и Мюнхен, который Вы, кажется, любите, тоже меньше, скажем, Берлина, не говоря о Москве? А я так счастлив нашему карантину, благодаря которому отпала некая обязанность встреч и посиделок. Утром отправляюсь в мастерскую, вечером – домой, и вроде больше ничего не надо. Ну, конечно, где-то на обочине сознания тлеет желание войти в Прадо, а вечером пойти в простецкий ресторан, куда непременно хожу всякий раз, когда бываю в Мадриде, и сесть за столик к усатому официанту с крашеной шевелюрой, и поплутать по Риму, всё это есть, конечно, но пока ещё на обочине.

Что с Вашим новым романом? Где и когда он выйдет?

Спасибо преогромное за книги, жду их с нетерпением – наверное, в Ваших текстах есть некое наркотическое зелье, не просто от них отойти.

Засим всех благ и будьте здоровы,
Ваш Саша

9 февраля 2021

Дорогой Саша, простите, я совсем замотался с окончанием семестра (идёт последняя неделя), правой романа (должен выйти в «Знамени» в 4-м и 5-м номерах), поэтому пишу вот только сейчас. Но надеюсь увидеть Вас сегодня вечером.

Мюнхен прекрасен и, по-своему, столица (небольшая, но всё же столица). Майнц (где я работаю) и Висбаден (где живу) – унылые провинциальные дыры. Вот вкратце. Хотя для карантина Висбаден оказался неплохим местом. Лес близко, городишко маленький, не нужно садиться в общественный транспорт...

Не буду отвлекать Вас. Наверное, Вы готовитесь к сегодняшнему выступлению. А я жду его с нетерпением.

Ваш Алексей

Из записок художника

«По словам Генри Мура, муза существует, однако, когда она придёт, она должна застать тебя за работой.»

37

25 февраля 2021

Дорогой Алексей,

Две с половиной тысячи лет тому назад сотворил Г-сподь чудо, которое с тех пор отмечается праздником Пурим. Сегодня, в канун этого праздника, Он совершил чудо (по нынешним временам) масштаба не меньшего: Ваша посылка благополучно до меня добралась. Спасибо! Целых три книги! По дороге домой, на светофорах, прочитал первое эссе из «У пирамиды». Большое наслаждение – узнавать свои собственные смутные, аморфные (я ведь на деле не вербальное существо) соображения, воплощённые в точных, безусловных словах.

Интересно, как это было воспринято? Боюсь, реакции не последовало, или же – они это умеют – с кислой улыбкой проглочено и даже с некоторой похвалой...

Ещё раз спасибо за книги и за лестные слова.

Всегда буду рад Вам,

Саша

38

26 февраля 2021

Дорогой Саша,

как я рад! Но я был уверен, что посылка дойдёт.

Эссе были восприняты... да никак они не были восприняты. Их как будто не существует.

Как Вы? Удалось ли сделать прививку? Здесь всё провалено, прививок по-прежнему нет, коронавирус лютует, и просвета пока не видно. Так что всё довольно грустно.

Всего Вам самого-самого доброго!

Ваш Алексей

39

26 февраля

Дорогой Алексей,

только что вернулся от И. Г. (которого успешно подсадил на иглу Макушинского), и он нетерпеливо бьёт копытом, ожидая, покуда я дам ему присланные Вами книги. Но ждать ему придётся, я торопиться не хочу.

Надо сказать, что, несмотря на бардачный характер нашего государства, дело с прививками организовано безукоризненно, второй укол я получил в середине января.

Отсутствие реакции на Ваши эссе меня одновременно и не удивляет, и удивляет. Не удивляет, потому что те, кто сегодня правит бал, предпочитают уходить от схватки, тем паче что в ответ сказать (я по первому эссе сужу) им нечего, а спо-

Себастьян Авербух на берегу Средиземного моря.
Масло, фанера, 232x170, 2020

ТТ 4 [12] 2025

Себастьян Авербух на берегу Средиземного моря.
Фрагмент

койного умного критика вроде и нет. Наверняка не упустил бы Вас Самуил Лурье (он же писал под псевдонимом Гедройц) – критика его была литературой, – но, увы, помер, а других я не знаю. Как странно, что все играют в одну и ту же игру. Уверен, есть у Вас единомышленники. И ведь бродит где-то толковый человек, могущий организовать журнал, некую площадку для людей, способных бросить вызов, назвать голого короля голым, отказаться от сотни раз пережёванной жвачки...

Несколько лет назад написал я книжечку «Камов и Каминка» о том, что творится в епархии, которой я принадлежу. К удивлению моему, она вошла в длинный список «Большой книги», но этим и кисло-сладкой и, прости мне Г-сподь, не очень умной рецензией неведомого мне Б. дело и ограничилось. Да, когда надо, молчать они умеют. А ведь чтобы сдвинуть дело с места, нужно не так уж много людей.

Я же сижу (стою, точнее) и крашу новую серию. Этакие походные алтари иерусалимского рынка. Приходил куратор одного из музеев, посмотрел последнюю серию. Весь был сплошной сахарный сироп, ахи и охи. При этом смотрит опасно, как на таракана неведомой породы, и про выставку мямлит, боится: да, всё замечательно, но Вы сами понимаете... Очень напомнило моё поступление в Ленинградский Союз художников: да, это хорошо, интересно, но Вы же сами понимаете, что так нельзя... А можно, если ты будешь играть по их правилам и будешь послушно трусить в довольно забавном стаде, стаде индивидуалистов...

Впрочем, заболтался старый Мазай.

Всего Вам самого хорошего и ещё раз спасибо.

Всегда рад Вам,

Ваш Саша

40

28 февраля 2021

Дорогой Саша,

как приятно, что И. Г. меня читает, спасибо!

А мне, значит, предстоит чтение ещё одной Вашей книги. Я её сейчас попробую скачать, в крайнем случае куплю на Амазоне...

Б. пишет обо всех, обо мне он тоже писал. Проблема в его собственных текстах, сквозь которые, увы, я никак не могу продрасться.

А Самуила Лурье я знал, но в пору нашего знакомства я только начинал печатать прозу, а стихами и эссе он не интересовался.

(...)

А вот за Вас я рад – что пишете новую серию. Жду с нетерпением!

Всего Вам самого-самого доброго!

Ваш Алексей

41

2 марта

Здравствуйте, Алексей,

надеюсь, Вы чувствуете себя лучше. Книжечку, кажется, можно в интернете в свободном плавании найти, а уж тратить на неё деньги точно не стоит.

Мне очень лестно, что она Вас заинтересовала, хотя, признаться, представлять её на Ваш суд мне страшновато. Собственно, это такая наивная и бессмысленная попытка из серии «Не могу молчать» и «Не говорите, что вас не предупреждали». Намедни – вот ещё пример – позвали меня курировать выставку в некой галерее. Изобрели они «неосентиментализм», зрелище довольно прискорбное. Написал я им текст (он коротенький и много времени не займёт) и был уверен, что, прочитав его, они меня за дверь вышвырнут. А самое прискорбное, что вместо этого они его приняли.

А я с наслаждением дышал Вашим римским эссе. Увы, в Риме я уже два с половиной года не был, но, благодаря Вам, опять на какое-то время оказался в своём самом любимом городе на этой земле.

Спасибо, дорогой Алексей, и поправляйтесь,
Ваш Саша

42

5 марта

Дорогой Саша, спасибо Вам большое! Я очень смеялся. Запишите меня, пожалуйста, в неопостисты.

Ваша книга продаётся на немецком Амазоне за два евро с полтиной. И я её, конечно, купил. Это не бумажный, но электронный вариант.

Всего Вам самого-самого доброго!
Ваш Алексей

43

24 мая

Дорогой Саша,
как Вы пережили это ужасное время?

Надеюсь, всё хорошо, и я Вас завтра увижу в Зуме.

Я тоже договорился с Яной выступить в Зуме и рассказать немного о Ходасевиче (о котором, что называется, всю жизнь думаю).

Надеюсь, до завтра – «в Зуме у фонтана» (как говорит милая Яна).
Всего Вам самого доброго!
Ваш Алексей

44

24 мая 2021

Алексей, дорогой,
Тем, кто не сидел под бомбёжками и не подвергался погромам двоюродных соотечественников (а мы принадлежали к счастливчикам), всё было как всегда (почти).

(...)
Ваш Саша

45

24 мая 2021

Дорогой Саша,

Ужасно рад, что Вы принадлежали к счастливым! Но все это так чудовищно... Здесь, в Европе, тоже как-то всё довольно мрачно, хотя это, конечно, чепуха по сравнению с бомбами и ракетами.

Надеюсь, до завтра!

Всего Вам самого доброго!

Ваш Алексей

46

12 августа 2024

Дорогой Алексей, рад Вас слышать. Много воды утекло и разной.

Как Вы, что Вы?

Вдруг случитесь в Вене, так там в «Альбертине Клойстернейбург»⁷, может, оно по-другому произносится, короче, в самой свежей «Альбертине» выставлена моя капелла, картинка довольно большая – 4х15 метров, я к тому, что будете в тех краях, потратьте 10 минут. Мне интересно, что скажете. Этим я был занят последний год и совершенно из всего выпал.

(...)

Всего самого доброго, Алексей, с нетерпением жду Ваших новых текстов.

Ваш Саша

47

12 августа 2024

Дорогой Саша,

спасибо за Ваше письмо! Очень рад, что большой новый «проект» Вас занимал последний год, понимаю, каким тяжёлым он для Вас был. И поздравляю с выставкой в Вене!

Жаль, что Вена так далеко от меня, в стороне от всех моих маршрутов. А хотелось бы попасть туда, просто ради Вашей картины. Я подумаю, вдруг получится. Правда, в сентябре мы едем на юг Франции, а это тоже совсем другая сторона...

Моя последняя книга – «Димитрий». Я был бы просто счастлив, если бы Вы прочитали её. (...)

Её также легко заказать в разных местах, например на сайте издательства:

<https://freedomletters.org/books/dimitrii>

Я в принципе решил её никому не посылать, потому что мне хотелось бы, чтобы люди поддерживали независимое книгоиздательство. Но для Вас готов сделать исключение. Если Вы мне сообщите Ваш почтовый адрес, я её просто

⁷ В городке Клостернойбург под Веной открыт филиал знаменитой венской галереи «Альбертина», целиком посвящённый искусству XX–XXI веков.

Вам пошлю. У меня адрес был, но боюсь, его не найти. А электронный вариант посылаю прямо сейчас (но читать, конечно, надо на бумаге).

(...)

Вам тоже всего самого-самого хорошего, дорогой Саша!

Ваш Алексей

48

13 августа 2024

Алексей, миленький, спасибо! Вы были правы: почему-то Ваше письмо заслали в спам, откуда я только что его благополучно выудил.

Куда Вы едете во Франции? Я с наслаждением вспоминаю последнюю поездку в Перигор.

А в Вене и кроме меня есть что посмотреть: изумительный Беллини, Рубенс, Тициан, малюсенький автопортрет пятнадцатилетнего Ван Дейка – чуть ли не лучшая его вещь, а уж про Брейгелей не говорю.

Хорошей Вам поездки и не пропадайте,

Ваш Саша ■

Приглашение для всех

Ушёл Саша Окунь, большой художник, хороший писатель, замечательный собеседник, образованный, умный, остроумный человек, гурман и жизнелюб. Мы давно были знакомы, много лет назад я снимал его выставку в Рамат-Гане и получил от него в подарок несколько работ.

По-моему, проводить Сашу Окуня пришло более двухсот пятидесяти человек. Иерусалимская «тусовка», слой русскоязычной интеллигенции, много ивритоязычных – Саша 36 лет преподавал в академии художеств имени Бецалеля.

Каждый раз, хороня друзей, я ощущаю некую прореху, которую невозможно залатать, нехватку возможности общения с ними (пусть и нечастого). Но болит душа от невозможности встретиться, поговорить или просто перекинуться парой слов. И ещё долго в моём телефоне живут эти безответные номера.

Окунь, несомненно, очень израильский и даже иерусалимский художник со своим неповторимым взглядом и почерком. Полагаю, он останется в истории живописи не только израильской, но и мировой. Мне выпала удача записать с ним несколько видеоразговоров под названием «Майсы Саши Окуня». В память о Саше я представляю их на своей странице в Фейсбуке.

Саша остался верен себе и после последней минуты – вечером 6 ноября с его телефона мне, как сотням его друзей и знакомых, пришло сообщение на английском, иврите, русском:

«Я отправился в своё последнее путешествие, другими словами, я умер.

Похороны состоятся 7 ноября в 11:30 [далее сообщались места прощания и посещения скорбящих родственников].

Все вы более чем приглашены!»

«Любая хорошая работа впускает тебя в себя и позволяет тебе взять то, что тебе близко. Что тебе положено, то ты из неё и возьмёшь, а может, и ничего не возьмёшь, если она с тобой не общается.»

В феврале 2024-го ко мне обратился новый репатриант из Санкт-Петербурга. Юноша изучал кинопроизводство на курсах в Беэр-Шеве, просил помочь в съёмке фильма о земляках-репатриантах из Петербурга-Ленинграда. А кто у нас таковые? Писатель Владимир Ханан и Саша Окунь. Сделали мы с ними интервью.

Честно говоря, не очень мне понравилось то, что получилось у юноши в его фильме (и не только мне). И тогда из того же материала я сотворил свою версию – десятиминутный этюд «Неностальгия».

С этого началось наше видеообщение с Сашей. Он проходил тяжёлый курс лечения, но когда чувствовал себя в силах, мы встречались. Но за две недели до он вместо обсуждения деталей нового разговора произнёс: «Женя, о чём ты? Я умираю».

У меня немалый опыт съёмок, есть с чем сравнить, так вот общаться с Сашей было легко и интересно.

Посмотреть наши с Сашей видеоролики можно по вот этим ссылкам:

https://www.youtube.com/watch?v=X6-vd1c9h_0 – «Неностальгия»,

<https://www.youtube.com/watch?v=25cipshWBoM> – «Три поцелуя»,

<https://www.youtube.com/watch?v=P-SYbhKsWvo> – «Винные майсы»,

<https://www.youtube.com/watch?v=MDI0jr9JbZI> – «Живопись».

Евгений ГУТМАН,
тележурналист

Ниже публикуем расшифрованный текст этих видео.

Саша ОКУНЬ

Неностальгия

Я из России (тогда это называлось Советским Союзом) уехал потому, что начальник милиции Дзержинского района города Ленинграда, полковник – не помню, как его звали, – сказал мне утром, часов в одиннадцать, в воскресный день... Меня как раз вывели из камеры предварительного заключения, при том присутствовал прокурор Дзержинского района, и начальник милиции предупредил:

– Если, Окунь, из-за тебя я проведу ещё хотя бы одно воскресенье на работе – обещаю тебе три года на зоне.

Я ему поверил. Сидеть три года в лагерях мне совершенно не хотелось.

Вернуться в Россию не могу ещё и потому, что не скучаю.

Ностальгия – это, знаете ли, как любовь: либо она есть, либо её нет. У меня её нет.

С момента отъезда мне пришлось бывать в Ленинграде (Санкт-Петербурге) несколько раз не по своей воле, а в силу разных обстоятельств. Очень красивый город, прекрасный город, но для меня абсолютно чужой.

Свою ностальгию по нему я, видимо, пережил перед отъездом, когда оплакивал там каждую водосточную трубу и каждый угол. А так, да, это один из самых красивых городов мира – действительно так.

Но сегодня я гораздо больше люблю Рим и скучаю по нему, по итальянским городам, по Болонье, например. Я очень люблю Феррару. Я люблю Амстердам. Я очень люблю Мадрид и стараюсь бывать там как можно чаще. Я люблю много городов и хотел бы в них вернуться.

Из записок художника

«Я уехал из Питера в 1979 году. Почему? Просто было ощущение, что моя жизнь в России завершена и будущего здесь нет.

Когда мы уезжали, я пытался найти место, не которое меня полюбит, а которое я полюблю. И я подумал, что, если есть такой шанс, то это будет Израиль.»

«Иерусалим для меня – это как медаль с двумя сторонами: одна – Стена Плача, а другая – рынок «Махане Йегуда»»

Но Петербург не входит в их число. В этом городе у меня не осталось почти никого, кроме трёх людей. Остальные либо разъехались, либо умерли. Единственная причина, по которой меня могло бы туда потянуть, – желание увидеть несколько работ в Эрмитаже и несколько работ в Русском музее.

Почему я в Израиле?

Потому что это единственная в мире страна, в которой я наконец-то смог перестать быть евреем.

Мои отношения с Израилем очень простые. Как любой израильтянин, я могу эту страну материть с утра до вечера и с вечера до утра. Но когда этим начинает заниматься кто-то чужой, я вспоминаю Пушкина, который говорил примерно так:

«Я своё Отечество презираю, ненавижу, но когда иностранец начинает его ругать – мне это неприятно».¹

Вот в этом я, думаю, похож на всех остальных израильтян.

Я сейчас говорю не про Иерусалим, а про Израиль вообще.

Я думаю, что Израиль – это эксперимент Г-спода Б-га.

Евреи ведь называются избранным народом не потому, что они лучше других народов – во многом хуже, – а потому, что они избраны для опыта, для пробы. Точно так же и Израиль – это опыт. И если этот опыт провалится, то я не верю, что у человечества вообще есть шанс.

То, что сейчас происходит, вот эта идиотская история с фарсом в Гааге, когда нам предъявляет претензии Южная Африка – да, именно Южная Африка, – и когда нас там судят люди из Ирана, Зимбабве и ещё откуда-то, – это, видит Б-г, мало чести делает человечеству.

Мне здесь интересно как художнику.

Любой художник растёт в рамках некой традиции. И когда художник эмигрирует, у него есть два варианта, два пути: либо оставаться кем был, либо перестраиваться. Либо ты вписываешься в чужую, иную культуру, либо остаёшься в рамках своей.

Пикассо практически всю свою сознательную жизнь прожил во Франции, но родился испанцем, жил испанцем и умер испанцем. Его творчество – это творчество испанского художника, а не французского. Также и Шагал, который как был русским евреем, так русским евреем и остался, хотя прожил во Франции жизнь.

А Николая де Сталь, русский князь по происхождению, – не русский художник, а французский.

В Израиле же никакой сложившейся художественной традиции, строго гово-

¹ 8 июня (по новому стилю) 1827 года Пушкин написал Петру Вяземскому: «Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». (Ред.)

Рами Леви. Триптих
Фрагменты. Масло, фанера, 185х78 и 45х78, 2016

Из записок художника

«Мой герой – маленький человек, обычный житель Иерусалима, вечного города. Он ходит по улицам, по которым ходили еврейские цари, пророки, греки, римляне. При этом он занят своими обыденными делами, и на величие Вечности ему глубоко наплевать.»

«Евреи никогда не жили на одном месте достаточное количество времени, чтобы возникло своё пластическое искусство.»

ря, нет. Живописной, пластической еврейской традиции просто нет. Искусство в Израиле «завёл» выходец из Российской империи Борис Шац, основавший в 1906 году Школу искусств и ремёсел «Бецалель», и то сдобренную привозными преподавателями и студентами, потому как учиться было не у кого.

У человека, сюда приезжающего, есть уникальная возможность – стать отцом-основателем. Как бы смешно это ни звучало, но в какой-то мере ты действительно можешь способствовать формированию некой национальной культуры, национальной традиции.

Если вообще в наше время ещё осталось место для локальных национальных культур. Потому что, когда во всём мире торжествует гамбургер с кока-колой, когда всё превращается в фастфуд, – это очень противно, но это реальность.

С другой стороны, как реакция на этот фастфуд в той же Италии возникло движение *slow food*². Поди знай, что будет дальше, но какой-то шанс есть. Это интересно.

Я здесь сорок пять лет. Преподаю в Академии художеств «Бецалель» (в которую выросла Школа, основанная Шацем). За это время через мои руки прошли тысячи учеников. И смею надеяться, что из моих рук они вышли не теми, какими в них попали, что-то я в них вложил.

Год назад была издана моя книжка «Роман с карандашом» на иврите. Обычно тираж таких изданий невелик по естественным причинам: не детектив, не любовный роман (несмотря на название, хотя в каком-то смысле, может быть, любовный). Их покупает немного людей. «Роман с карандашом» вышел в серии, где публикуются книги довольно известных израильских художников. И тем не менее я оказался единственным, к величайшему удивлению издательства, у кого был распродан весь тираж, и допечатавали дополнительный.

Это значит, я как художник, как преподаватель – да, востребован.

А это очень важно. Очень важно чувствовать, что ты нужен.

Здесь я нужен.

² *Slow food* (англ., досл.: медленная еда) – движение Слoуфуд возникло в 1986 году в Италии в противовес системе быстрого питания.

Вино места, или Сколько возьмёшь

За свою жизнь моя нога не переступила порога «Макдональдса» и прочих «бургерных». Лучше с голоду помру, но их пакость в рот не возьму, потому что мне ненавистна эта стандартизация жизни. Омерзительна. Куча народу ходит в «Макдональдс», и это я считаю большим грехом «Макдональдса». А я лучше возьму кусок сыра, маслины, хороший хлеб и бутылку вина, сяду где-нибудь в уголочке – и буду счастлив. Каждый делает свой выбор. Понимаешь?

Куда бы я ни приехал, я всегда иду в места, которые есть только здесь. Нахожу ресторан и заказываю, что никогда не ел, именно то, что готовят именно здесь. Ты не представляешь, сколько г**на я сожрал. Но иногда попадались абсолютные шедевры, которые помню до сегодняшнего дня. Я помню бараньи рёбрышки и розовое вино в ресторане «Архивариус» в каком-то городишке в Испании. Ничего подобного с тех пор я не ел. Это прекрасно, понимаешь?

Много лет тому назад я получил изумительный урок. Мы с Верой были в Риме, идём по улице, и вдруг мой нос повёл меня и привёл к винотеке, которая называлась «Кюль-де-Сак». Пришли, сели. Винотека – в ней главное – вино. Еда там очень хорошая, отборная, но это не ресторан, меню довольно скромное, оно должно поддерживать вино и не более.

Подошёл официант. Спрашиваю: «А можно посмотреть карту вин?» Он на меня с интересом посмотрел и принёс вот такой гроссбух: две с половиной тысячи вин. Я том отдал и говорю: «У меня вот такой бюджет, вино хочу вот такого толка». У них инструмент интересный – типа удочки с захватом на конце. Он долго думал, потом снял одно вино, снял другое, принёс две бутылки. И говорит: «Вот это – Нобиле ди Монтепульчано, а это вино из Пьемонта». Нобиле ди Монтепульчано я знаю, прекрасное вино, чудесное, знаменитое. Говорю: «Нобиле – очень хорошо».

Мы разговорились, отец парня – итальянец, мать – египтянка, родился в Египте, переехал в Италию. Окончил школу вин, знал, что к чему. Спрашиваю: «Ты пробовал все эти две с половиной тысячи вин?» – «Нет, конечно, нет. Но знаю приблизительно, что может быть вот тут, что может быть тут, что может быть тут. Я пробую всё время и представляю себе». Очень хорошо мы подружились, началось «кузен-кузен»...

Наконец он принёс счёт. «Скажи, а как ты оцениваешь мой выбор вина?» – спросил я. Официант посмотрел на меня: «Синьор, вы сделали типичный выбор иностранца». Это была пощёчина. Оглушительная, чудовищная. Я как побитая собака встал, мы пошли. А вдогонку раздалось: «Чао, кузен!»

С тех пор я выбираю незнакомое мне местное вино и местную еду. И я этим счастлив, потому что такого никогда и нигде не будет. В соседнем городе будет что-то другое. И мир для меня, его красота и ценность заключаются именно в этом поразительном разнообразии.

У моей покойной жены была сестра-близнец, муж которой Альбин Конечный был специалистом по материальной культуре Санкт-Петербурга. На работе зимой дали ему горящую путёвку в Грузию. За какие-то копейки. Он и поехал. Оказался на лыжном курорте. Лыжи ему были абсолютно неинтересны, а вот вино интересно.

Пошёл он на базар. Стоят лотки, в каждом продают ракию, чачу, вино. Стал он делать обход, у каждого пробует, пока не нашёл, где понравилось больше. Надо сказать, русские люди, когда ехали в Грузию, уверены были, что их непременно надуют, не знали только как. Поэтому первым делом спрашивали, сколько стоит. А грузины этого терпеть не могут – грузинский культурный код подразумевает, что коли ты ко мне пришёл, значит, ты мой гость, значит, я тебя принимаю. Под конец ты меня спросишь, между прочим спросишь: «А сколько я тебе должен?» Под конец, между делом, а не начиная с этого!

Альбин, найдя свою лавку, присосался и пьёт под душевный разговор с хо-

зяином. Стаканчик, другой стаканчик, третий, очередной... Пришло время заканчивать, и Альбин говорит: «Большое спасибо. Всё замечательно, прекрасное вино. Сколько с меня?» И хозяин ему выдаёт классику: «Сколько дашь».

И за этим ответом не только вот эта широта, но и тонкий расчёт: кому охота чувствовать себя жадиной, поэтому платящий, как правило, даёт больше.

Что сделал Альбин? Вытащил из кармана все деньги, какие у него были: смятые пятёрки, трёшки, то, сё. Из другого кармана вытащил всю мелочь, что у него была. Всё это горкой сложил, подвинул хозяину: «Сколько возьмёшь».

Ах, как красиво!

Грузин посмотрел на него, очень спокойно отодвинул двадцать копеек и всю остальную кучку купюр и меди-серебра подвинул Альбину: «Приходи, приводи друзей. Сам пьёшь бесплатно».

Три поцелуя

Популярная теория пяти рукопожатий гласит: всякий человек через цепочку из не более чем пяти знакомых может дотянуться до любого другого человека, пусть даже тот живёт на другом краю земли.

Википедия

Со мной эти истории с рукопожатиями происходили. Я не играл в эту игру, не высчитывал цепочки, но думал о ней. Сейчас же хочу рассказать историю трёх поцелуев.

Первый поцелуй

Он случился лет пятьдесят тому назад, где-то в середине 70-х. Таллин, весна, наверное, начало апреля.

Я попал на чердак к удивительной женщине Ирине Борман. Все её звали ИрБор. Мне она казалась старухой, ей было, наверное, за семьдесят, она была необыкновенно живой.

На чердаке всё было расписано её рукой, а в главной комнате висел огромный портрет Игоря Северянина. Мы пили водку, а человек, приведший меня туда, до того рассказал, что у ИрБор был долгий, многолетний роман с Игорем Северяниным. Её отец был достаточно богатым человеком, который, когда началась революция, быстро убрался в Эстонию.

ИрБор была бледненькая, невысокая, и однажды Северянин, глядя на неё, произнёс:

«Раздеть барышню каждый сумеет, а вот одеть её, окутать её – это большое искусство».

И в этом, собственно, был секрет успеха Северянина у женщин. ИрБор перед его чарами не устояла, у них начался роман, и длился он долго. Об их связи знала и его жена.

В одном из писем ИрБор Северянин писал что-то вроде:

«Дорогая моя, о пустяках пишите мне, а если что-нибудь серьёзное – пишите через...»

– и называет жену.

«Она всё поймёт, она понимает... И какой это ужас – быть стареющим по-этом. Как страшно это звучит, когда в тебе всё ещё бурлит, ты всего ещё хочешь, и как это всё тяжело...»

ИрБор преданно любила его, и она же его и похоронила. Она рассказывала, как они с Игорьком (иначе как «Игорёк» она его и не называла) с двумя приятелями ездили «пробовать Нобелевскую премию» – в том смысле, что ждали: вдруг дадут.

Сидишь, слушаешь – и вдруг оживает потрясающий мир: Серебряный век, эти удивительные люди. И до всех можно дотянуться, пожав руку ИрБор. Правда ведь? Ты до Бунина дотягиваешься одним рукопожатием, до Северянина – одним рукопожатием и так далее, далее, далее...

Я смотрел круглыми глазами.

Выходим на улицу. Часов десять вечера. Уже предвестие белых ночей, когда небо становится глубокой синевой, удивительный свет. Стоим на мокрой от дождя улице, дождь только что прошёл, всё наполнено этими таллинскими запахами.

Мой товарищ ловит такси – собираемся ехать. И вдруг рядом возникает цветочница с корзинкой маленьких букетиков фиалок. Я покупаю один, поворачиваюсь: – ИрБор... – и протягиваю ей букет.

Она спрашивает:

– Это мне?

– Конечно, вам.

И в этот момент она хватает меня и целует таким страстным поцелуем, что я совершенно ошалеваю. Потому что вдруг понимаю: я целую губы, которые целовали Игоря Северянина.

Второй поцелуй

Второй исторический поцелуй – это совсем другая история.

Когда я окончил школу и поступил в «Муху» (Мухинское училище), в Ленинграде открылся кинематограф в новом для нас виде – первая и единственная тогда синеотека. В ДК имени Кирова на Васильевском острове. Там крутили старые фильмы. И вместо скучных лекций мы неслись в синеотеку на утренние сеансы.

На одном таком сеансе я увидел «Набережную туманов». Это был один из первых фильмов Мишель Морган. На афише она была упомянута третьей. Ей во время съёмок «Набережной туманов» было 22, а мне во время просмотра – 18. Я увидел крупным планом её лицо – высокие скулы, потрясающие серые глаза. Абсолют-

Из записок художника

«Хорошая работа всегда больше того, кто её сделал. Если зритель что-то видит своё – значит, это там есть.»

но не стандартная актриса, не из общего ряда, какой-то удивительный характер, фантастическая внутренняя сила. А магия этой удивительной серой, серебристой плёнки чёрно-белых фильмов 30-х годов XX века... Мишель играет с Жаном Габеном, и его герой говорит ей:

– У тебя красивые глаза, ты это знаешь?

Эта фраза стала одной из коронных фраз французской культуры, постоянно повторяемой.

И я сказал себе: «Как я хочу поцеловать эту девушку».

Прошло лет двадцать. 1986 год. Я получаю стипендию для работы над своими проектами в Международном центре искусств в Париже в течение полугода. Не просто живу в Париже – у меня своя студия. В конце устраиваю выставку.

Вернисаж. Как на любом вернисаже, крутишься, улыбаешься, жмёшь руки, разговариваешь. В какой-то момент поворачиваюсь – в зал входит Мишель Морган!..

Её невозможно было не узнать. Всё стихло, все присутствующие разом обратились в её сторону. Вошла сказка, вошла живая легенда. С ней был её муж – режиссёр Жерар Ури (автор «Большой прогулки», «Разини» и пр.). Нас знакомят. Она по-прежнему хороша: те же высокие скулы, тот же потрясающий серый цвет глаз и этот холодный, чувственный и при этом слегка отстранённый взгляд.

После вернисажа идём ко мне в мастерскую. Сидим, пьём вино, разговариваем.

И тут сбывается всё, что когда-то было юношеской фантазией. Не так, как ты себе представляешь в восемнадцать лет, но – сбывается.

Вот это был мой второй исторический поцелуй.

Третий поцелуй

Третий поцелуй случился совсем недавно, где-то месяца полтора тому.

Когда я впервые приехал в Тбилиси – ещё при советской власти, – я познакомился с художницей Зулейкой Бажбеук-Меликян, дочерью художника Александра Меликяна. Его уже не было в живых. Зулейка привела меня в дом, где он жил. Небольшая квартирка в старом Тбилиси, в доме с «итальянским» двориком, похожим на итальянский театр: балконы вокруг, как ярусы в театре.

Я увидел гениального художника, большого мастера, совершенно ни на кого не похожего. Он был чем-то сродни Монтичелли, художнику, которым восхищался Ван Гог. Может быть, их роднило понимание масляной краски, её возможности нагрузить холст, буквально лепить её пальцами, это чувственное восприятие краски.

Удивительный, лёгкий, щедрый человек, любивший женщин и, пожалуй, больше всего писавший именно женщин. Женщины любили его.

В 30-х годах ему дали заказ на портрет Сталина. От таких заказов не отказывались: большие деньги, почёт. Он вынужден был взять. Через какое-то время приходит комиссия посмотреть, как дело продвигается, и видит комиссия: холст стоит в углу с лёгким рисунком – и всё.

– Как же так? – говорят. – Надо же работать, вы же не успеете к сроку.

Меликян им отвечает:

– Как я могу успеть к сроку, когда у меня нет красок?

И тут замечают в углу большую коробку с французскими красками:

– Как это нет красок? – и указывают на неё, а в ответ:

– Вы хотите, чтобы я французские краски тратил на это г**но?

Без названия.
Эскиз. Смешанная техника, бумага, 50x65, 2016

Его выгнали из академии художеств, ему не дали квартиру, но не посадили! Грузия есть Грузия.

Прошло много лет. Я снова в Грузии, в Тбилиси. Взяли гида, попросили:

– Не води нас, куда всех водят. Сами туда дойдём, если потребуется. Веди нас к Вике.

В стороне от туристических троп есть кафе «Палермо». Нас встречает женщина. Сколько ей лет? Думаю, ближе к семидесяти. Выглядит лет на шестьдесят: ухоженная, с причёской, как будто только что из парикмахерской, с очень спокойным, умным взглядом. Взглядом человека, который всё понимает про всех.

Она, отодвинув меню, объявляет:

– Так, ты будешь есть вот это и пить вот это. А ты будешь есть вот это и вот это.

И ты понимаешь, что попал в хорошие руки: как будто пришёл к ней домой, и она тебя угощает. Пьём, едим – всё изумительно. Она подходит, присматривается, перекидываемся репликами. Всплывает имя Меликяна.

Она говорит:

– У меня было три его работы.

– А куда же они делись? – спрашивает наш гид.

– Не сыпь мне соль на раны... – машет рукой Вика.

Когда приходит время уходить, приносят символический счёт, просто чтобы нас не обидеть. Сумма – смешная, круглая, понятно, что это скорее знак, чем деньги. Я понимаю, что даже мысль о том, чтобы «оставить чаевые, как у нас принято», здесь неуместна – всё иначе устроено.

Мы встаём, прощаемся. Уже под градусом – чача, вино, тёплый вечер. Обстановка такая домашняя. Я обнимаю её на прощание.

И вдруг – не знаю, что у меня щёлкнуло, – я её целую. Она замирает, смотрит на меня... и вдруг впиивается мне в губы таким горячим поцелуем!

Потом отрывается, произносит:

– Секунду.

Убегает, возвращается с бутылкой армянского коньяка и вручает мне.

Мазок светлой краски – из тени

Я тащусь оттого, как из тени вытягиваешь мазок светлой краски и как это происходит и что видишь.

Я тащусь, например, от работ Фрагонара. То, как он красит, то, что он творит с маслом, – просто волшебник. Видел его работу в одном музее в Англии, далеко на окраине, когда-то это было поместье людей, коллекционировавших искусство. Они открыли свою коллекцию для посещения, и она стала первым публичным музеем. Они были преданы искусству, там же, на территории музея, и похоронены. Работ в музее, может быть, и не так много, но почти все – шедевры, нет проходных. Три работы Рембрандта разных периодов, одна – Фрагонара. Я смотрел на неё, и было ощущение, что передо мной фокусник, который достаёт из шляпы морковки, то, сё, пятое, десятое... Это было сногшибательно. Вот это работа с живописью, работа мазка. Я от этого тащусь.

Скажешь, искусственный интеллект может такое же «сделать»: посмотрит Фрагонара и выдаст новых фрагонаров. А я вот не уверен. Потому что Фрагонар менялся, очень менялся. У него было два учителя – Шарден и Буше. И в нём каким-то непостижимым образом слились эти две противоположные традиции, его мотало туда, сюда, куда-то ещё. Он весь состоит из каких-то сюрпризов.

Однажды в Будапеште я вышел на набережную Дуная и на другой стороне на стене набережной на большом

Из записок художника

«Когда меня спрашивают, о чём та или иная моя работа, мне нечего сказать, ибо совершенно не имеет значения, что именно я имел в виду. Потому что на самом деле настоящий автор смысла работы – это зритель.»

Саша Окунь позирует Борису Кашу на выставке «Врата Справедливости» в галерее «Реканати» (Герцлия, Израиль).
Фото: Маша Новиков

ТТ 4 [12] 2025

Из записок художника

«Из-за злодея Пита я родился в Питере, а должен был где-нибудь в Риме, во всяком случае, в Средиземноморье. Но это касаето пространства. А что касаето времени, то родился в XX веке, живу в XXI, умру в XVII.»

Ворона.
Смешанная техника, бумага, 57х75, ок. 2005

пространстве между уровнем мостовой и воды увидел надпись русскими буквами – огромное слово «ЗАЧЕМ?».

И мне это так понравилось – «зачем?», такой вопль. Вот оно концептуальное искусство, если уж на то пошло, человек, это написавший, вряд ли был артистом, художником. Но это – гениальный совершенно ход. ■

«Саша больше нет? Саша всё больше и больше – есть.
Во всех пространствах, где живут его грандиозные работы.
В сущностных словах, когда-либо им сказанных – в книгах, лекциях,
беседах, байках.
В многонаселённом племени его учеников.
В бесконечно любящих его людях.
Чем дальше, тем больше он будет вырастать в размерах – так ему
и положено после жизни.»

*Ирина ГОРЕЛИК,
художественный руководитель
театра «Микро» (Иерусалим)*

Журнал ТТ (Тайные тропы)
№ 4 (12), 2025

ISSN 2958-499X

Подписан в Сеть 04.12.2025

www.secrettropes.com

Учредитель и издатель
Барух-Александр Плохотенко

Главный редактор
Барух-Александр Плохотенко

Редакция
Борис Борухов

Контакты
secrettropes@gmail.com

Никакая часть данного издания
не может быть воспроизведена
без разрешения редакции

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов

Вниманию уважаемых авторов!
ТТ принимают к публикации
только прежде не издававшиеся
произведения, присланные,
переданные самими авторами
непосредственно в редакцию
Пожалуйста, обязательно используйте
букву русского алфавита «ё»

Редакция не рецензирует присланные
материалы и в переписку по их поводу
не вступает

© ТТ. Все права защищены

Отпечатано в Clickbook, Йерушалаим
www.clickbook.co.il

В оформлении обложки использованы работы
Саши Окуня «Портрет Маши» и офорт «Маша»

ISSN 2958-499X

9 772958 499007